

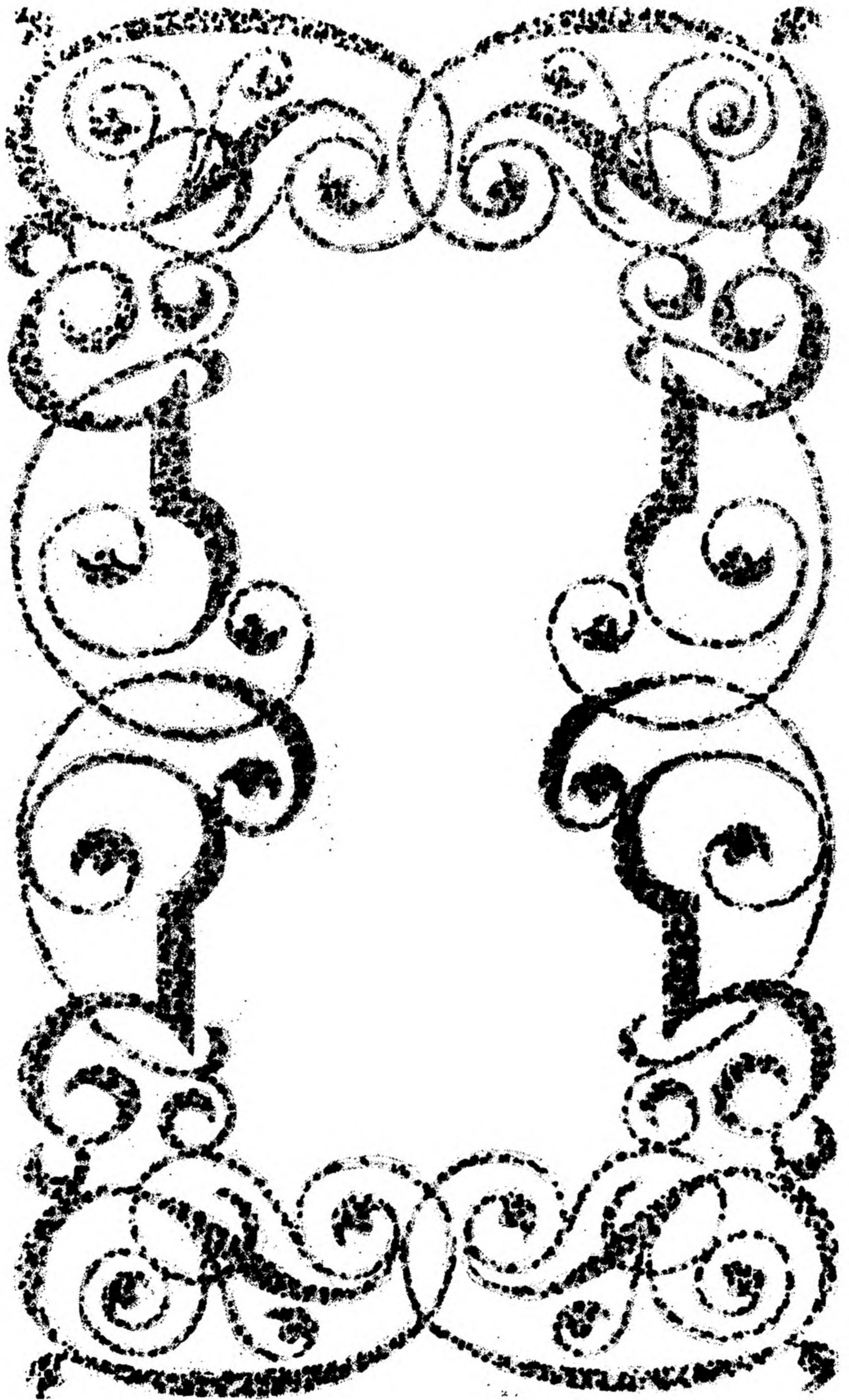
АНДРЕ
МОРҮА

*Собрание сочинений
в шести томах*

3

Том

АНДРЕ МОРҪА

АНДРЕ МОРУА

Собрание сочинений
в шести томах

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРЕССА»

1992

АНДРЕ МОРУА

Собрание сочинений
в том числе

ПРОМЕТЕЙ,
ИЛИ ЖИЗНЬ
БАЛЬЗАКА

ЧАСТИ I-II

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРЕССА»

1992

84.4 Фр
М 79

Перевод с французского

Составление
и общая редакция
Мориса Ваксмахера

М $\frac{4703010100-2708}{080(02)-92}$ 2708-92

ISBN 5-253-00562-5

© Ваксмахер М. Составление. 1992.

ПРОМЕТЕЙ,
ИЛИ ЖИЗНЬ
БАЛЬЗАКА

ЧАСТИ I-II

Посвящается Симоне

Если выбирать между Фаустом и Прометеем, я предпочитаю Прометея.

Бальзак

ВВЕДЕНИЕ

Перед вами — жизнеописание Бальзака. Жизнеописание, а не критическое исследование. Филипп Берто сказал все о взглядах Бальзака на религию; Курциус, Ален, Гаэтан Пикон — о мировоззрении Бальзака; Бернар Гийон, Доннар, Вюрмсер — об отношении Бальзака к жизни социальной; Жан Помье, Морис Бардеш, Пьер Лобрие — о творчестве Бальзака; Пьер Абраам, Фелисьен Марсо, доктор Фернан Лотт — о персонажах Бальзака; Роже Пьерро и Жан А. Дюкурно — о переписке Бальзака. Марсель Бутерон сказал все обо всем. Целая когорта отлично знающих предмет бальзаковедов — от Мари-Жанны Дюрри до Пьера-Жоржа Кастекса, от Пьера Моро до Антуана Адана, от Мориса Регара до Сюзанны Ж. Берар, от Мадлен Фаржо до Мари-Анны Мейнингер и многих других, которых я упомяну в свое время, — занималась его произведениями: они писали предисловия к романам Бальзака или рассматривали до-толе мало изученные стороны его творчества. Ни один писатель, если не считать Шекспира, не вызывал такого поклонения, и ни один писатель не был в такой мере этого достоин. Бальзака изучали и будут исследовать впредь, как изучают и исследуют мир, потому что он и есть целый мир.

Жизнеописания Бальзака, которыми мы располагаем (а среди них есть и весьма примечательные, например книги Андре Бийи и Стефана Цвейга), появились еще до расцвета научного бальзаковедения. Я сделал попытку подвести некий итог. Кое-кто скажет: «Что нам до

жизни Бальзака? Важны только его творения». Этот старый спор мне всегда представляется пустым. Мы знаем, что творчество писателя нельзя объяснить только его жизнью; мы знаем, что самые значительные события в жизни творца — это его произведения. Но жизненный путь великого человека и сам по себе представляет огромный интерес. Бальзак, в основе философии которого лежала идея единства мира, не раз говорил, что «таинственные законы плоти и чувства» управляют творчеством, как и жизнью. Казалось бы, трудно отыскать точки соприкосновения между творцом, порождающим собственный мир, и веселым толстяком, которого забавляют каламбуры. И все же это необходимо сделать. В силу непрестанного взаимопроникновения поступки, мысли, встречи Оноре де Бальзака питали «Человеческую комедию». Мы постараемся рассмотреть некоторые аспекты этой таинственной алхимии.

Бальзак хотел быть секретарем современного ему общества; я здесь выступаю лишь в роли секретаря Бальзака. Вполне понятно, что я не разделяю всех его политических и религиозных взглядов, но разве дело в этом? Установить, был он прав либо неправ в том или ином случае, — дело моралистов. «С великими писателями не спорят, — учил нас Ален, — к ним испытывают признательность за то, что они нам дают». Да и кто отважится судить Прометея? Бальзак был то святым, то каторжником, то честным, а то подкупленным судьей, министром, светским щеголем, куртизанкой, герцогиней и всегда — гением. Мы покажем его в минуты творческого экстаза и в такие минуты, когда, «подобно моряку, вернувшемуся в порт», он предается веселью. «Ткань нашей жизни соткана из перепутанных нитей, добро и зло соседствуют в ней». Это справедливо в отношении Бальзака, как и в отношении любого из нас.

Читатель найдет в конце книги указания на источники, которыми я пользовался. Я выражаю особую признательность Мадлен Фаржо, соблаговолившей прочесть всю мою рукопись и передать мне множество еще не опубликованных документов; я приношу благодарность Андре Шансерелю, Роже Пьерро — за его превосходные биографические заметки и Морису Бардешу, чье великолепное издание сочинений Бальзака, опубликованное «Клуб де л'Оннет Ом», было для меня просто бесцен-

ным; я глубоко благодарен моей жене, которая поддерживала меня все то время, какое я посвятил этому обширному труду, и, конечно же, заслуживает упоминания в ряду ученых-бальзаковедов. Наконец, я хочу здесь воздать должное двум ныне уже покойным людям, без которых никогда бы не возник замысел этой книги: Марселю Бутеронну, ибо он первый приобщил меня к богатствам собрания Шпельбера де Лованжуля, и моему учителю Алену, который некогда, открывая мне глаза на окружающую жизнь, побудил меня броситься очертя голову в мир «Человеческой комедии». Больше я этого мира не покидал. Возраст уже не позволяет мне строить широкие планы и вести долгие научные изыскания. Это моя последняя биографическая книга. И меня радует, что ее героем стал Бальзак.

А. М.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ВОСХОЖДЕНИЕ

Поговорим немного о Бальзаке,
это так благотворно.

Жерар де Нерваль

I

БЕРНАР-ФРАНСУА БАЛЬЗАК,
ИЛИ ТУР В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ БОНАПАРТА

Второй такой семьи, как наша,
во всем свете не сыскать.

Бальзак

В 1799 году, когда родился Оноре Бальзак, Франция словно выздоравливала после опасной болезни. Десять лихорадочных лет породили в стране отвращение, беспокойство и усталость. Участники плебисцита почти единодушно высказались за установление Консульства. Нацию не подвергали насилию; она подчинилась по собственной воле. Католики хотели спокойно отправлять обряды. Разбогатевшие якобинцы приняли, хоть и не без саркастической усмешки, восстановление церковного культа в надежде сохранить свои доходы. В Туре, административном центре провинции, живописно расположенном на берегу красивой реки, замирение было встречено одобрительно. В 1801 году Бонапарт назначил сюда префектом генерала де Помереля: при старом режиме Померель, который впоследствии оказался умелым администратором, был артиллерийским офицером и сотрудничал в Энциклопедии. Первый консул сохранил к нему признательность, ибо тот во время экзаменов в военном училище Бриенна высоко оценил познания юного Наполеона.

Генералу-префекту пришлось приспособливаться к политике правительства в области религии. Он открыл двери кафедрального собора святого Гасьена священникам, которые пожелали отслужить там благодарствен-

ный молебен, затем восстановил в правах архиепископа, монсеньёра де Буажелена, и вручил ему ключи от этого храма, обратившись к церковному сановнику с патриотической речью, посвященной Конкордату. Архиепископ удовольствовался тем, что весьма холодно ответил префекту несколькими словами, не имевшими отношения к столь важному событию.

Оба эти человека впоследствии часто вступали в конфликт. Архиепископ требовал возвращения колоколов кафедрального собора, снятых по решению мэрии; он хотел, чтобы убрали фригийские колпаки с церковных колоколен и заменили их крестами. Префект послал запрос министру, и правительство, более терпимое, чем местные якобинцы, возвратило колокола всем церквям провинции, ибо такие требования поступали отовсюду. Министр юстиции сделал Померелю выговор за то, что префект своей властью запретил какому-то священнику временно отправлять службу: «Поведение священника следовало осудить, однако было бы правильнее и уместнее не прибегать сразу же к административным мерам, а прежде снестись с его высокопреосвященство архиепископом Турским, с каковым вам и надлежит впредь советоваться в подобных случаях, дабы ваши действия оказывали умиротворяющее и благотворное воздействие на общественное мнение».

Такого рода столкновения, должно быть, немало влияли на карьеру Бернара-Франсуа Бальзака (отца Оноре) — друга и фаворита префекта.

Один довольно забавный эпизод проливает свет на образ мыслей генерала де Помереля. Дело касалось Агнессы Сорель, любовницы Карла VII, гробница которой сначала помещалась возле алтаря церкви в Лоше; затем, после смерти короля, гробница была перенесена монахами в боковую капеллу и частично разрушена во время Революции. Префект принял решение реставрировать надгробную статую «дамы из Ботэ» и торжественно водрузить ее в одной из башен замка в Лоше. Он сам лично составил надпись, которую надлежало высечь на саркофаге:

МОНАХИ ЛОША, ОБОГАЩЕННЫЕ ЕЕ ДАРАМИ,
ПРОСИЛИ ЛЮДОВИКА XI
РАЗРЕШИТЬ ИМ ПЕРЕНЕСТИ ГРОБНИЦУ
ПОДАЛЬШЕ ОТ АЛТАРЯ

«Я СОГЛАСЕН,— ОТВЕЧАЛ
 ОН,— НО ВЕРНИТЕ ДАРЫ».
 ГРОВНИЦА ОСТАЛАСЬ НА МЕСТЕ.
 АРХИЕПИСКОП ТУРА,
 ЧЕЛОВЕК МЕНЕЕ СПРАВЕДЛИВЫЙ,
 ПЕРЕНЕС ГРОВНИЦУ В БОКОВУЮ КАПЕЛЛУ,
 ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ
 ОНА БЫЛА РАЗРУШЕНА.
 ЛЮДИ ЧУВСТВИТЕЛЬНЫЕ
 СОБРАЛИ ОСТАНКИ АГНЕССЫ,
 И ГЕНЕРАЛ ПОМЕРЕЛЬ, ПРЕФЕКТ ДЕПАРТАМЕНТА
 ЭНД-И-ЛУАРА, ВОЗДВИГ МАВЗОЛЕЙ
 ЕДИНСТВЕННОЙ ЛЮБОВНИЦЕ
 НАШИХ КОРОЛЕЙ, КОТОРАЯ ВПОЛНЕ
 ЗАСЛУЖИЛА БЛАГОДАРНОСТЬ ОТЕЧЕСТВА,
 ИБО В НАГРАДУ ЗА СВОЮ БЛАГОСКЛОННОСТЬ
 ПОТРЕБОВАЛА ИЗГНАНИЯ АНГЛИЧАН
 ИЗ ФРАНЦИИ.

На тимпане фронтона генерал повелел высечь такие слова:

Я — Агнесса. Да здравствует Франция и Любовь!

Таков был стиль префекта Помереля, бравого вояки, скептика и вольнодумца; такого же стиля, только менее красноречивого, придерживался и его протеже Бернар-Франсуа Бальзак. Будучи раблезианцем, он в отличие от Рабле не был уроженцем Турени. Он происходил из крестьян, жителей деревушки Нугейрье, расположенной в департаменте Тарн, и его настоящая фамилия была Бальса. Корень «Бальс» на лангедокском наречии означает «крутой утес». В Оверни встречаются семьи, носящие фамилии Бальзак, Бальса, Бальзан. Бернар-Франсуа, отнюдь не лишенный тщеславия, кичился тем, что он будто бы вышел из недр побежденного народа — коренных жителей Франции, галлов, которые противостояли нашествиям завоевателей; галлами были и предки весьма знатного рода Бальзаков д'Антраг. Более вероятно, что под натиском варваров крепостные принадлежавшего Бальзакам д'Антраг селения возле Бриуда переселились на берега реки Тарн. Предки Бальзака были несговорчивые крестьяне, как пишет Луи Люме, люди «упорные, с подтянутыми животами; они примитивным плугом распахивали свои поля и засеивали их рожью». Валы войны часто захлестывали их: крестовые походы против альбигойцев, набеги наемных солдат, вторжение англичан — они все испытали. И тем не менее несколько семейств из рода Бальса преуспели — они были обязаны этим своей негибимой воле.

Дед нашего Бальзака, Бернар Бальса (1716—1778), унаследовал от отца небольшой земельный надел в деревне Нугейрье.

У него были луга, виноградники; земли собирали медленно, по клочку. В семье насчитывалось одиннадцать детей, на ночь их укладывали спать вдоль стен на тюфяках, набитых соломой. Старший из сыновей, Бернар-Франсуа, помогал отцу и пас стада. По вечерам в доме говорили о тайнике, где припрятаны деньги; этот секрет знали только члены семьи да друзья — кюре Виалар и нотариус Альбар. Смысленный и честолюбивый, Бернар-Франсуа думал: «А почему бы и мне не сделаться священником или нотариусом?» Виалар научил его читать и писать; юноша начал свою службу рассыльным и младшим клерком в конторе мэтра Альбара в Канзаке, возле Монести. Там он познакомился с общим правом, судебной процедурой и составлением нотариальных актов. «Во всей своей наготе и безжалостной жестокости,— пишет Луи Люме,— ему открылась весьма запутанная и суровая игра переплетающихся интересов». С 1765 года его подпись больше не встречается в бумагах нотариальной конторы. Куда он направился? В Роде? Альби? Тулузу? Совсем молодым он «подался» в Париж; все его имущество составляли только подкованные железом башмаки, крестьянская куртка, цветная безрукавка да три рубахи грубого полотна; но в придачу он был наделен безграничным честолюбием и энергией, которой хватило бы на троих.

Самоучка, интересовавшийся правом и историей, он много читал и повсюду оказывался полезным благодаря познаниям в области судопроизводства. Сам он, понятно, гордился своей карьерой. Сын небогатых крестьян, он пришел в Париж без всяких средств к существованию, с одной лишь котомкой за плечами, и сделался там клерком у прокурора, а затем, быстро поднявшись по ступенькам служебной лестницы, стал подвизаться — правда, на второстепенных ролях — в Королевском совете, где помогал готовить доклады по самым различным вопросам; столь удивительный успех свидетельствует одновременно о природном уме, обширных познаниях и негибкой воле. Путь, проделанный этим человеком, отражал путь целого сословия.

Бернар-Франсуа помогал Жозефу д'Альберу, доклад-

чику Королевского совета, составлять записки и отчеты по всевозможным делам — от ликвидации французской Ост-Индской компании до соглашения о выдаче преступников, заключенного между Францией и немецкими князьями. Мы располагаем документом, который гласит, что «Его величество поручает господину Бальзаку, секретарю Королевского совета, исправлять должность письмоводителя».

Некоторое время он был личным секретарем морского министра Бертрана де Мольвиля. Таким образом, Бернару-Франсуа довелось иметь дело с вельможами, и он на всю жизнь сохранил к знати почтение, смешанное с завистью. Он мечтал присоединить к своей фамилии дворянскую частицу «де», что не помешало ему в 1791 году с высокомерием «полноправного гражданина» обращаться с госпожой д'Альбер, вдовой его прежнего патрона. Позднее, когда новый префект департамента Эндр-и-Луара запросил у Бернара-Франсуа послужной список, тот ответил: «Секретарь бывшего Государственного совета на протяжении шестнадцати лет, комиссар секции в Париже 21 июня 1791 года, в день побега бывшего короля, я затем занимал пост председателя секции, был депутатом городской коммуны, чиновником муниципалитета, комиссаром и наконец председателем суда, который в ту пору один рассматривал все судебные дела, возбуждавшиеся полицией города Парижа». Он ловко следовал крутым поворотам Революции.

Однако во время бегства короля в Варенн лояльность Бернара-Франсуа была, видимо, взята под сомнение. Оппортунист по необходимости, но человек от природы великодушный, он, по слухам, спасал роялистов — своих прежних покровителей и друзей. Один из членов Конвента, интересовавшийся судьбой гражданина Бальзака, посоветовал ему уехать из столицы. И он нашел прибежище в Валансьенне, постаравшись обратить этот вынужденный шаг себе на пользу. Бернар-Франсуа писал:

В ту пору для обеспечения сохранности имущества и для управления службами, снабжавшими армию Севера, нужен был человек весьма надежный... Выбор пал на меня. Мне поручено было ведать одновременно: во-первых, провиантом; во-вторых, фуражом; в-третьих, топливом и свечами; в-четвертых, снабжением провизией города Парижа; в-пятых, снабжением провизией армии... Я один возглавлял все эти пять служб вплоть до победы при Фле-

рюсе... Ни один из моих подчиненных не был ни задержан, ни посажен в тюрьму, настолько велика была моя неусыпная и справедливая бдительность... Я представил пять отчетов о своей деятельности. И располагаю официальными подтверждениями на сей счёт.

Черт побери! Каков мастер на все руки! И как торжественно уверяет он в своей честности. Но остается фактом, что Бернар-Франсуа Бальзак играл определенную роль в полувоенном управлении, снабжавшем армию провиантом: он служил под началом Даниэля Думерка, у которого была «рука во всех ведомствах, занимавшихся поставками».

После битвы при Флерюсе (1794 год) Бернар-Франсуа получил пост в Бресте, а затем в Туре; город этот, по его словам, был «важным пунктом, единственным центром, где имелись запасы, необходимые для ведения войны против шуанов и Вандей». Итак, в 1797 году мы застаем его в Туре, он снабжает армию провиантом; не будучи человеком богатым, он живет в свое удовольствие; этот представительный мужчина щеголяет в красивом синем мундире, расшитом серебром, из-под высоко поднятых кончиков воротника выглядывает белый шейный платок. Ему исполнился пятьдесят один год, но он все еще холост, и его патрон Думерк решает женить Бернара-Франсуа на очень красивой юной девице: ее зовут Лора Саламбье, и она на тридцать два года моложе своего суженого.

Родители невесты были счастливой четой. В молодости Жозеф Саламбье лишился чувств от радости, когда Софи Шове, впоследствии его «столь верная супруга», согласилась выйти за него замуж. Саламбье, секретарь виконта де Бона, бригадного генерала королевской армии, подписавшего брачный контракт своего подчиненного, происходил из почтенной буржуазной семьи суконщиков, которой принадлежала большая фабрика позументов: «Фирма «Золотое руно» на улице Оноре, возле улицы Бурдонне, Саламбье — золотошвей, басонщик и суконщик — изготавливает и продает все необходимое для гражданской и военной форменной одежды». Семейство Саламбье принадлежало к числу весьма уважаемых в квартале Марэ, где жили богатые коммерсанты. Один из членов этого семейства женился в Эльбефе на Марте-Регине Лежен, дочери фабриканта сукон. Другой из рода Саламбье ведал обмундированием и экипиров-

кой войск. Многочисленные связи соединяли эту семью с семьей Маршан; одна из дочерей Маршана вышла замуж за Шарля Седийо. Среди представителей блистательного рода Седийо можно назвать ученых-ориенталистов, хирургов и даже одного астронома, помощника председателя Математического общества при Парижской обсерватории... Из квартала Марэ шли и в Академию.

Госпожа Саламбье, женщина нервическая и энергичная, разработала для воспитания дочери целую систему строгих правил:

Настоятельно советую моей дочери Лоре, когда она садится писать, не горбиться, вытягивать пальцы и старательно держать перо, с тем чтобы выработать красивый почерк... Я не стану напоминать ей о том, что надо быть разумной; она обещала мне относиться предупредительно ко всем окружающим, а главное — к *Своей Матери*...

Прописные буквы принадлежат Софи Саламбье. Затем следовало:

РАСПОРЯДОК ДНЯ МОЕЙ ДОЧЕРИ ЛОРЫ

Понедельник:

В 7 часов — подъем.
С 7 до 8 часов — уход за собой.
С 8 до 9 часов — завтрак и отдых.
С 9 до 10 часов — чистописание.
С 10 до 12 часов — полезные занятия.

Замечания:

Чистить зубы, мыть руки, лицо, прибирать в комнате.

Я понимаю под полезными занятиями: шитье, вязание, плетение кружев, вышивание; наряды для куклы шить в часы отдыха.

И так изо дня в день все было размечено по часам: «В воскресенье после завтрака составляется расписание на следующую неделю». Если ее строгим правилам подчинялись, госпожа Саламбье становилась «обворожительна», но она повинна в том, что ее дочь Лора выросла раздражительной.

Саламбье занимали гораздо более высокую ступеньку на социальной лестнице, чем Бернар-Франсуа Бальзак. Почему же они выдали за этого пятидесятилетнего мужчину свою юную и очаровательную дочь? Быть может, потому, что карьера Бернара-Франсуа походила на карьеру Жозефа Саламбье. Оба принадлежали к «ин-

тендантскому ведомству», оба были франкмасонами. Они чувствовали себя единомышленниками и сообщниками. Лора Саламбье получала в приданое ферму Волайль прихода Газеран, в одном лье от Рамбулье: в брачном контракте ее стоимость была определена в тридцать тысяч франков (чтобы уменьшить сумму налога), но на деле ферма стоила от ста двадцати до ста тридцати тысяч франков. Будущий супруг гарантировал со своей стороны вдовью часть в сумме тысячи восьмисот франков ежегодного дохода. Надо сказать, Бернар-Франсуа располагал более чем скромным состоянием: помимо жалованья, он владел небольшой рентой и участвовал в «тонтине Лафаржа». «Тонтина» представляла собой сообщество людей, внесших определенную сумму, причем каждый при жизни пользовался доходами с этого капитала, а самый капитал переходил в собственность тех, кто проживет дольше остальных. Самые долголетние из членов сообщества должны были получить огромную сумму.

Бернар-Франсуа не сомневался в том, что доживет до ста лет. Он чувствовал, что выкован из великолепного металла! Своими предками он считал галлов, готов и римлян и полагал, что унаследовал лучшие качества этих народов: здоровье, мужество и терпение. Ученик Руссо, он следовал здоровой воздержанности; любил молоко и древесные соки; обожал гулять пешком. Вставал и ложился с петухами. И кичился тем, что в жизни не обращался к врачу, не дал аптекарю заработать даже десяти су. Он шествовал с видом победителя, высоко подняв голову, и любил повторять: «Я прям, как ствол, и силен, как вол».

Франкмасон, принадлежавший к ложе города Тура, он увлекался чтением Библии и прилежно изучал историю папства, церковных расколов, ересей, а также проявлял интерес к китайской цивилизации. В политике он следовал примеру Бонапарта. Он не отрицал Революцию, но порицал крайности и сведение личных счетов, которые ей сопутствовали. Его дочь Лора писала:

Мой отец своими философскими воззрениями, оригинальностью и добротой походил одновременно на Монтеня, Рабле и дядюшку Тоби. Подобно дядюшке Тоби, он был одержим навязчивой идеей. Такой навязчивой идеей у моего отца было здоровье. Он так любил жизнь, что мечтал жить как можно дольше. Отец высчитал, основываясь на том, сколько лет нужно человеку, чтобы

достичь полного физического расцвета, что сам он будет жить до ста лет и более... Он необычайно заботился о себе и неустанно следил за тем, чтобы сохранять, как он выражался, *равновесие жизненных сил*.

Его оригинальность вошла в Туре в поговорку, она проявлялась как в речах, так и в поступках; он ничего не говорил и не делал, как другие; Гофман мог бы превратить его в действующее лицо одного из своих фантастических творений. Отец мой часто потешался над людьми и обвинял их в том, что они будто бы сами причина своих несчастий; встречая обиженного природой человека, он возмущался его родителями, а главное — властями, которые гораздо меньше заботятся об улучшении человеческого рода, нежели об улучшении породы домашних животных. На сей весьма скользкий предмет у него существовали довольно странные теории, из которых он делал не менее странные выводы.

«Но к чему стану я делать свои мысли общим достоянием? — вопрошал он, прохаживаясь по комнате в крытом красновато-коричневым шелком стеганом жилете, кутая шею в толстый платок, который он носил, следуя моде времен Директории.— Меня лишней раз назовут *оригиналом* (слово это выводило его из себя), но при этом не станет меньше ни одним заморышем, ни одним золотушным существом».

Жена Бернара-Франсуа подвергала серьезному испытанию жизненную философию мужа и его терпение. Красавица с правильными, тонкими, даже несколько острыми чертами лица, кокетка, нередко чопорная и холодная, она была женщиной энергичной, но суровой. Госпожа Бальзак получила хорошее воспитание у монахинь обители святого Гервасия в Париже. Подобно матери, она верила в оккультные науки, колдовство и ясновидение.

Семейство Бальзаков жило на широкую ногу. Когда была открыта подписка с целью основать лицей в Туре, гражданин Бальзак пожертвовал 1300 франков, префект — 1000 франков, архиепископ — 600 франков. Помимо ренты и доходов, которые приносила ферма жены, Бернар-Франсуа получал жалованье в нескольких местах. Померель, который хорошо знал его «по трудам и походам», назначил Бальзака помощником мэра в Туре и попечителем богоугодных заведений.

Супруги сперва проживали на улице Итальянской армии, снимая там дом. Двадцатого мая 1798 года, через год и три месяца после свадьбы, Лора Бальзак родила сына, которого она пожелала кормить грудью сама, но младенец прожил всего месяц и три дня. Вот почему, когда 20 мая 1799 года в семействе Бальзаков родился второй ребенок, Оноре, родители поручили его кормилице — жене жандарма в селении Сен-Сир-сюр-

Луар. Еще через год ей же отдали и сестренку Оноре, Лору, появившуюся на свет 29 сентября 1800 года.

Бальзак никогда не мог простить матери, что она удалила его от себя.

Каким физическим или духовным недостатком вызвал я холодность матери? Чему я обязан своим появлением на свет? Чувству ли долга родителей или случаю? Не успел я родиться, как меня отправили в деревню и отдали на воспитание кормилице; семья не вспоминала о моем существовании в течение трех лет; вернувшись же в отчий дом, я был таким несчастным и заброшенным, что вызывал невольное сострадание окружающих¹.

В действительности же госпожа Бальзак, напуганная смертью первого ребенка, которого она сама кормила грудью, на сей раз подчинилась распространенному в те времена обычаю. Правда, надо признать, что, хотя дети ее жили неподалеку, молодая мать редко их навещала.

Кормилица Оноре и Лоры была славная женщина. К несчастью, ее муж выпивал и, захмелев, буянил. Все же Бальзак сохранил на редкость приятные воспоминания о пригорке на берегу Луары, где они жили, и о том, как он с утра до вечера сооружал там «из камешков и прибрежного ила игрушечные замки», а главное — о своей «помощнице в строительных работах», сестренке Лоре, «прелестной, как мадонна Рафаэля». Сдержанность родителей привела к тому, что его братские чувства к ней стали особенно нежными. Лора Сюрвиль вспоминает:

Я была всего двумя годами моложе Оноре², родители относились ко мне так же, как и к нему; мы воспитывались вместе и горячо любили друг друга; с раннего детства я запомнила, как нежно он был ко мне привязан. До сих пор не забыла, с какой быстротой прибежал он всегда на помощь, боясь, что я ушибусь, скатившись с трех неровных высоких ступенек лестницы без перил, которая вела из комнаты нашей кормилицы в сад! Его трогательная опека продолжалась и в отчем доме, там он не раз позволял наказывать себя вместо меня, не выдавая моей вины. Когда я успевала сознаться в совершенном проступке, он требовал: «В другой раз ничего не говори, пусть лучше бранят меня, а не тебя!»

¹ Бальзак. Лилия долины. (Здесь и далее цитаты из произведений Бальзака даются по Собр. соч. в 24-х томах. М., Правда, 1960).

² В действительности Лора была моложе брата на год и четыре месяца (20 мая 1799 года — 29 сентября 1800 года). — Примеч. автора.

Оноре несколько лет прожил в селении, белые домики которого выстроились в ряд вдоль высокого берега Луары, «обсаженного великолепными тополями с негромко шелестевшею листвою». Широкая река катила свои воды между песчаными отмелями и зелеными островками. Мальчик любовался очаровательными пейзажами, где «царит не величавая и могучая, а наивная красота природы». На противоположном берегу убежали вдаль «бархатистые, в белых пятнах» холмы — там уступами располагались замки. «Первые мои взгляды устремлялись к твоему чистому небу, по которому бежали легкие облака». Ландшафтам Турени предстояло на всю жизнь остаться для Бальзака идеалом прекрасного, чудесным обрамлением самой нежной любви.

В четыре года его вернули в Тур, под родительский кров. Мать не сумела вызвать у детей любовь к себе. Оноре, пишет его сестра Лора, был «прелестный ребенок; веселый нрав, хорошо очерченный, всегда улыбающийся рот, темные глаза, блестящие и кроткие, высокий лоб, густые черные волосы — все заставляло прохожих оглядываться на него во время прогулок». Этот милый мальчуган, наивный и ласковый, постоянно встречал «суровый и испепелявший, как пламя, взгляд». Мать Бальзака «не признавала ни ласк, ни поцелуев, всех этих простых радостей жизни, она не умела создать для своих близких счастливый семейный очаг». Пристрастие к роскоши, желание нравиться и не ударить лицом в грязь испортили ее характер.

Вторая сестра Оноре, Лоранса, родилась 18 апреля 1802 года, и по случаю ее крещения Бальзаки прибавили к своей фамилии дворянскую частицу «де», которую они, впрочем, впоследствии то употребляли, то опускали. Бернар-Франсуа быстро достиг довольно высокого положения в обществе. Пользуясь покровительством генерала-префекта, он постепенно становился одним из самых именитых жителей города. Сделавшись помощником мэра, он должен был приобрести недвижимость в Туре. Продав ферму в Газеране, принадлежавшую жене, Бернар-Франсуа приобрел красивый особняк со старинной деревянной обшивкой, с конюшнями и садом; дом этот под номером 29 помещался на улице Эндр-и-Луара: «Улица эта... императоров достойна... улица о двух тротуарах... искусно вымощенная, краси-

во застроенная, отлично прибранная и умытая, гладкая, как зеркало; царица всех улиц... единственная улица в Туре, достойная так называться»¹. Неделю спустя он купил ферму Сен-Лазар — на дороге из Тура в Сент-Авертен. Ферма, принадлежавшая государству, была конфискованным во время Революции церковным владением; это отпугивало святош, и потому покупка оказалась выгодной.

Еще более честолюбивый, чем прежде, убежденный в том, что, пользуясь негласной поддержкой, можно всего добиться, Бернар-Франсуа плел интриги, и у него вовсе не оставалось времени для воспитания детей. Его очень молодая и очень хорошенькая жена с упоением кружилась в вихре светской жизни; она пленяла и простоватых владельцев окрестных замков, и англичан, которые в ту пору не имели права покидать Тур.

Впоследствии, уже в пожилом возрасте, она говорила дочери: «Будучи женой немолодого человека, я вынуждена была соблюдать особую осмотрительность и держать на расстоянии тех, кто находил меня красивой; несколько суровое выражение моего лица приводило к тому, что меня считали скорее неприветливой, нежели любезной». Тщетная предосторожность! Завистливые местные дамы находили «ее наряды слишком изысканными» и намекали, что муж Лоры Бальзак чересчур преуспевает в делах. Своими успехами и победами она восстановила против себя всех добродетельных женщин города. «Твой отец, помня о своем преклонном возрасте, был настолько деликатен, что ничего не говорил мне». Он ничего не сказал и тогда, когда пошли разговоры о связи его жены с господином де Маргонном, владельцем замка в Саше. В глазах Бернара-Франсуа мир в семье был важнейшим условием долголетия.

Семья Маргонн занимала промежуточное положение между буржуазией и мелким дворянством. По общему мнению, члены семьи имели полное право на дворянскую частицу «де», однако Жан де Маргонн подписывался просто «Маргонн», так он и фигурировал в реестрах городской мэрии. Этот красивый молодой человек, родившийся в 1780 году, женился в 1803 году на своей кузине Анне де Савари, молодой девушке невысокого ро-

¹ Б а л ь з а к. Озорные рассказы.

ста, с желтым лицом, горбатой и угрюмой; она принесла ему в приданое земельные угодья в Саше с тремя усадьбами, двумя фермами и шестью мельницами. Мессир Анри-Жозеф де Савари, мелкий дворянин, бывший кавалерийский офицер, приобрел в 1791 году в Вуврэ поместье Кайери с большим виноградником. Он носил парик, содержал любовницу-служанку, и «под его обманчивой простотою скрывалась чисто крестьянская осторожность». Его зять Маргонн — человек элегантный, холодный, слишком «городской» для того, чтобы похоронить себя в деревне, — до 1815 года жил больше в Туре, нежели в Саше. Желая иметь благовидный предлог для того, чтобы оставаться в городе, он стал офицером городской когорты — этого цвета национальной гвардии. По воскресеньям он дефилировал со своими грендерами по городскому бульвару и Королевской улице. Быть может, глядя, как торжественно выступает в своем парадном мундире этот видный собой, самодовольный человек, Лора Бальзак — если иметь в виду семейные предания и законы вероятности — и влюбилась в него. Всякая любовная связь целиком поглощает женщину. Даже после того, как сын и дочь вернулись из Сен-Сир-сюр-Луар домой, мать виделась с ними только по воскресеньям.

Оноре, Лора и Лоранса были доверены попечению грозной гувернантки, мадемуазель Делаэ; они жили в страхе перед пристальным взглядом темно-синих глаз матери и лживыми обвинениями гувернантки, которая утверждала, что Оноре ненавидит родительский дом, что он неглупый, но скрытный ребенок. Она насмеялась над тем, что мальчик мог подолгу, не отрываясь, смотреть на звезды. Совсем еще ребенком он разыгрывал небольшие комические сценки, чтобы позабавить сестер. Его сестра Лора вспоминает:

Часами он пикиал на маленькой красной скрипке, и по его сияющему лицу было ясно видно, что в ушах у него звучат чудесные мелодии. Вот почему он очень удивлялся, когда я умоляла его прекратить этот кошачий концерт. «Неужели ты не слышишь, как это красиво?» — спрашивал он меня.

Оноре обладал счастливым свойством — он жил в воображаемом мире, и в его ушах звучали божественные аккорды, которых никто, кроме него, не слышал.

Самым примечательным событием первых лет его жизни было короткое путешествие в Париж. Дедушка и бабушка Саламбье пожелали познакомиться с внуком. Госпожа Бальзак повезла сына к ним, и старики были просто без ума от хорошенького мальчугана, которого они осыпали поцелуями и подарками. Не привыкший к такому ласковому обращению Оноре, возвратившись к себе, без конца рассказывал сестрам, какой хороший дом у дедушки и бабушки, какой там красивый сад и какой у них чудесный сторожевой пес по имени Муш. Госпожа Саламбье со своей стороны охотно описывала всем следующую забавную сценку, о которой вспоминает Лора Сюрвиль:

Однажды вечером, когда по ее приказу принесли волшебный фонарь для Оноре, мальчик, обнаружив, что среди зрителей нет его приятеля Муша, поднялся и крикнул властным тоном: «Обождите!» (Он знал, что может распорядиться в доме своего деда.) Затем выбежал из гостиной и тотчас же вернулся, таща за собой собаку, которой сказал: «Садись здесь, Муш, и смотри: это тебе ничего не будет стоить, заплатит дедушка!»

Слова детей служат безыскусственным эхом тех речей, которые родители стремятся сохранить в тайне. Родители Бальзака слишком много говорили о деньгах и о наследстве. Увы! Через несколько месяцев после этой поездки дедушка Оноре скончался от апоплексического удара. То было большое горе для мальчика. Немного позднее госпожа Саламбье переехала жить к своей дочери. У нее была рента, приносившая пять тысяч франков в год, но она совершила непростительную ошибку, доверив капитал зятю, который поместил его в рискованное предприятие, представлявшееся ему «блистательным»; в результате почтенная дама потеряла сорок тысяч франков. Госпожа Саламбье охотно баловала бы своих внуков, но этому мешала суровость ее дочери. Оноре буквально трепетал, когда мать говорила, что сама займется его образованием. Зато он любил слушать пышные тирады и забавные остроты отца, хотя и не понимал их. Госпожа Бальзак отдала дочерей в пансион Воке, а сына — в пансион Легэ, где он был «приходящим учеником по классу чтения», за него платили шесть франков в месяц. Катехизису мальчика обучал аббат Лаберж. Госпожа Бальзак, платившая «за стулья» в кафедральном соборе святого Гасьена, водила сына слу-

шать церковную службу. Чем менее добродетельным становилось ее собственное поведение, тем больше благочестия она выказывала.

Когда Оноре исполнилось восемь лет, мать решила определить его пансионером в Вандомский коллеж. Надо сказать, что в это время она ожидала рождения ребенка, отцом которого злые языки называли Жана де Маргонна. Оноре было горько расставаться со своей милой сестренкой, подругой «в невзгодах и печали». Он, видимо, преувеличивал из обостренной чувствительности огорчения, выпадавшие на их долю в детстве. Позднее он заявит: «У меня никогда не было матери». Эти уж слишком горькие слова написаны Бальзаком в минуту гнева. Однако дети тяжело переживают обиды, и какое имеет значение, страдаем мы от действительно-го или мнимого горя, если нам оно представляется настоящим? Некоторые дети, рожденные в законном браке, чувствуют себя отверженными, не признанными своими родителями, хотя и не понимают, чем вызвана такая немилость. Они больше других жаждут успеха и славы, стремясь таким путем вознаградить себя за тоску, которая гложет им душу.

II

РАНО СОЗРЕВШИЙ ФИЛОСОФ

Как ребенок, называя свое имя, говорит о себе в третьем лице, так романист наделяет собственными чертами множество своих персонажей.

Ролан Барт

Вандомский коллеж, куда Бальзак поступил в 1807 году восьмилетним мальчиком, был одним из самых своеобразных учебных заведений Франции. Основали его монахи-ораторианцы, которые по примеру иезуитов посвящали себя воспитанию юношества, но слыли либералами, что должно было нравиться Бернару Франсуа. И в самом деле, два человека, руководившие коллежем в годы, когда там учился Бальзак,— Марешаль и Дессень — принесли во время Революции прися-

гу на верность нации; оба они были женаты. Однако эти вступившие в брак священники сохранили католическую веру и поддерживали в коллеже почти монастырскую дисциплину. Воспитанники покидали коллеж только после окончания полного курса. «Наши ученики никогда не уезжают на вакации, — сообщали директора коллежа ректору Орлеанской академии. — Они не совершают также прогулок по городу. Мы настоятельно просим родителей не забирать детей домой». Внутренний цензор коллежа распечатывал все письма, которые получали или отправляли воспитанники. Семьи подчинялись этим строгим порядкам.

Ораторианцы Вандомского коллежа воспитывали учеников в духе почтения к императору — в противном случае их заведение закрыли бы; однако они противились проникновению воинского духа, господствовавшего во всех лицеях страны в годы Империи.

Удары колокола, а не барабанная дробь возвещали о начале и конце уроков, а также о других занятиях, входивших в распорядок дня. Лицейские правила обычно предписывали громкое чтение какой-либо книги во время трапез. Таким путем стремились предупредить брожение умов. Но наставники-ораторианцы разрешали ученикам разговаривать в столовой. Если им ставили в укор такое послабление, они возражали: «Помилуйте! Ради воспитания добрых нравов, ради поддержания дисциплины, ради сохранения благотворного влияния на учеников в течение всего года мы отказываемся от вакаций, лишая себя отдыха, который они нам сулят, и от экономии средств, которую они дают. А теперь нас упрекают за то, что мы доставляем воспитанникам скромные удовольствия!»

Что ж это были за скромные удовольствия?

Редкие загородные прогулки, которые совершают сорок четыре воспитанника под наблюдением трех педагогов и главного воспитателя. Успевающие ученики отправляются из коллежа в четыре часа утра; мальчики проходят четыре миль пешком, осматривают кузницы, стекольный завод или астрономическую обсерваторию; они скромно завтракают на травке и возвращаются к себе сильно утомленные.

Надо признать, что подобные развлечения воспитывали стойкость и простоту нравов. Жизнь в коллеже была суровая. В библиотеке города Вандома сохранился

рисунок, изображающий урок математики. Несмотря на то что в классе горит печурка, учитель в головном уборе, воротник его сюртука поднят.

Применялись тут и телесные наказания: провинившихся били по пальцам линейкой, обтянутой кожей (*ultima ratio Partum*¹), и это было весьма болезненно; им давали дополнительные задания; непослушных надолго запирали в некое подобие карцера (эту каморку, помещавшуюся под лестницей, воспитанники именовали «альковом») или в «деревянные клетки» — чуланы размером шесть квадратных футов, устроенные для строптивых при каждом дортуаре.

Когда Оноре Бальзак поступил в младший класс Вандомского коллежа, он был толстощекий румяный мальчуган, но молчаливый и грустный. О пребывании в родительском доме у него сохранились самые печальные воспоминания. Впоследствии он не раз будет описывать преступных матерей, которые любят незаконного ребенка и преследуют родного сына. В коллеж он принес с собой тягостную настороженность, держался как затравленный зверек. Он чувствовал свою неуклюжесть и робел.

Если кто хочет вообразить себе уединенность большого коллежа с его монастырскими зданиями в центре маленького города и четыре парка², в которых мы размещались по иерархии, тот ясно представит себе, какой интерес возбуждало в нас появление новичка, нового пассажира, попавшего на корабль³.

Юному Бальзаку трудно было добиться уважения у орды школьников. По милости своей предусмотрительной мамы он почти не имел карманных денег и потому не мог участвовать в общих развлечениях и покупках. Родители других воспитанников приезжали в Вандом в дни раздачи наград за успехи; его родители никогда при этом не присутствовали. За шесть лет — с 1807 по 1813 — мать, по словам Бальзака, только дважды посетила его, видимо не желая отступать от духа, царившего в коллеже. Первое из сохранившихся писем будущего писателя адресовано госпоже Бальзак.

¹ Высший довод святых отцов (лат.).

² Для воспитанников самых младших, младших, средних и старших классов.— *Примеч. автора.*

³ Б а л ь з а к. Луи Ламбер.

Вандом, 1 мая (1807)

Любезная матушка,

Я думаю, папа был огорчен, когда узнал, что меня посадили в «альков». Прошу тебя, успокой его, скажи, что я получил похвальный лист при раздаче наград. Я не забываю протирать зубы носовым платком. Я завел себе толстую тетрадь и переписываю туда начисто все из своих тетрадок, и у меня хорошие отметки, надеюсь, это доставит тебе удовольствие. Обнимаю от всей души тебя и всех родных, а также всех, кого я знаю. Я узнал имена учеников из Тура, которые получили награды:

Буалеконт.

Других не запомнил.

Бальзак Оноре,

твой послушный и любящий сын¹.

Похвальный лист при раздаче наград по устной латыни, который должен был «успокоить» папу, оказался просто скромным томиком в рыжеватом сафьяновом переплете, то была «История короля Швеции Карла XII»; по книге золочеными буквами шла надпись: «Награда Оноре Бальзаку, 1808 год».

Встречал ли он со стороны педагогов то ласковое отношение, в котором ему отказывали родители? Один из преподавателей, отец Лефевр², занял большое место в жизни мальчика. Этот преподаватель, как гласит отзыв о нем, приведенный в книге Филиппа Берто «Бальзак и религия», в годы своего послушничества выказывал «недюжинные способности, ум, обладал хорошей памятью, живым воображением, но его суждения не всегда отличались основательностью; он глубоко верил в чудеса и не отступал от догматов». У него было много общего со странным учеником, который также жаждал чудес. Считая себя изгоем на земле, юный Бальзак ждал чудес от неба. В обязанности отца Лефевра входило приведение в порядок громадной библиотеки коллежа, которая частично была составлена во времена Революции, когда громили окрестные замки. Отец Лефевр давал дополнительные уроки по математике Оноре Бальзаку, ибо Бер-

¹ Переписка Бальзака цитируется по изданию: Balzac. Correspondance. Textes réunis, classés et annotés par Roger Pierrot. Paris, Editions Garnier frères, 1960.

² Иасент-Лоран Лефевр, присягнувший на верность нации священник, наставник пятого класса в Вандомском коллеже.—
Примеч. автора.

нар-Франсуа мечтал, что в один прекрасный день его сын поступит в Политехническое училище; однако добрый священник был скорее поэт, нежели математик, и охотно разрешал своему ученику читать в часы, отведенные для повторения уроков.

Таким образом, между нами был молчаливо заключен договор: я не жаловался на то, что ничему не учусь, а он молчал, по поводу того, что я брал книги ¹.

Мальчик уносил из библиотеки множество книг, а отец Лефевр никогда не проверял, какие именно произведения выбирает юный Бальзак, который на переменах усаживался под деревом и читал, между тем как его товарищи резвились. Часто он намеренно старался попасть в карцер, чтобы там без помехи читать. Постепенно в нем развилась настоящая страсть к чтению; он мало-помалу накапливал обширные, но беспорядочные познания, которые в силу самой этой беспорядочности сообщали его мышлению рано проявившееся своеобразие. «Еще в детстве я решил стать великим человеком и, ударяя себя по лбу, говорил, как Андре Шенье: «Здесь кое-что есть!» Я как будто чувствовал, что во мне зреет мысль, которую стоит выразить, система, достойная быть обоснованной, знания, достойные быть изложенными» ². Впрочем, только сам он верил, что его ждет великое будущее. В глазах наставников и товарищей юный Бальзак оставался весьма заурядным учеником, примечательным разве только тем, что он буквально глотал всякую печатную страницу и отличался самомнением, которое ничем, казалось, нельзя было оправдать.

По примеру Андре Шенье он также пытался писать стихи.

Увлеченный этой несвоевременной страстью, я пренебрегал уроками, сочиняя поэмы, которые, конечно же, не много обещали, если судить по одной знаменитой среди моих товарищей слишком длинной стихотворной строке, которой начиналась эпопея об инках:

О инка! Властелин несчастный, злополучный!

В насмешку над моими опытами я был прозван Поэтом, но такие насмешки не могли меня исправить. Я продолжал рифмовать строчки, несмотря на мудрый совет господина Марешаля, нашего директора, который пытался излечить меня от моей пагубной застарелой болезни, рассказав о несчастьях малиновки, которая вы-

¹ Б а л ь з а к. Луи Ламбер.

² Б а л ь з а к. Шагренева кожа.

пала из гнезда, попытавшись летать раньше, чем у нее выросли крылья. Я продолжал читать и стал самым бездеятельным, самым ленивым, самым задумчивым учеником младшего отделения, и, следовательно, меня наказывали чаще других¹.

Приведенная выше характеристика относится к одному из героев Бальзака, но свидетельства соучеников писателя говорят о том, что персонаж и его создатель походили друг на друга. Тринадцатисложный стих об инке был написан воспитанником Вандомского коллежа Оноре Бальзаком. Однако на самом деле в ту пору призвание толкало его не к поэзии и не к науке, а к поискам наивной, оккультной философии. Когда руки мальчика болели от ударов линейки, а сердце ныло от безответной нежности, «он находил приют в небесах, которые открывались ему силой воображения». Быть может, Бальзак созрел не так рано, как Луи Ламбер, но, подобно своему герою, он еще подростком читал произведения писателей-мистиков, и они, по словам Филиппа Берто, «приучили его к бурным движениям души, причиной и следствием которых служит состояние экстаза».

«Он был бы огорчен, если бы его посчитали слишком благочестивым»: во время вечерней молитвы он «рассказывал сам или выслушивал рассказы товарищей о дневных проказах», а за воскресной мессой подсчитывал в уме свои карманные деньги и с горечью сознавал, как недоступны ему «вожделенные предметы, во множестве выставленные в лавочке при коллеже». Неверие среди воспитанников Вандомского коллежа было не просто распространенным явлением, а неким молодечеством. Сын вольтерьянца Бернара-Франсуа никогда не отличался природной покорностью, присущей тем детям, которые без усилий и рассуждений приобщаются к вере. Он слыл вольнодумцем и вступал в споры со священником коллежа.

Когда я подрос и спросил перед своим первым причастием у доброго старичка, обучавшего нас катехизису, откуда Господь Бог взял мир, он не ответил мне, как отвечают на вопрос, откуда взялись дети,— «под капустой», но привел прекрасные слова из Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога». Никто в мои годы не мог бы понять смысл этой фразы, на которой покоятся все философские доктрины и которая как бы резюмирует их. Подобно всем неверующим, я жаждал *позитивного*, мне нуж-

¹ Б а л ь з а к. Луи Ламбер.

ны были не идеи, а факты. И я спросил его, откуда взялось это «слово». «От Бога»,— ответил он мне. «Но если все сущее от Бога,— возразил я,— то почему в этом мире существует зло?» Добрый священник не был силен в полемике; он понимал религию как чувство и принимал все догматы на веру, будучи не в силах их объяснить. Однако он не был святым; и, не найдя никаких новых доводов, он вышел из себя и засадил меня на два дня в карцер за то, что я прервал его, когда он объяснял нам катехизис.

Но если ортодоксальность юного Бальзака была весьма спорной, если любые догматические оковы тяготили его, он тем не менее в пору своего первого причастия отличался «жаждой божественного». Худой, с красивыми черными блестящими глазами, «он стал на колени и в радостном, восторженном порыве возблагодарил Бога. Он чувствовал себя счастливым, на душе у него было легко, хорошо...» Вечером «ему казалось, что он уподобился ангелам, потому что за целый день не согрешил ни словом, ни делом, ни помышлением»¹. Несмотря на домашнее воспитание, которое благодаря взглядам отца и холодности матери было не слишком религиозным, Бальзак со времен Вандомского коллежа считал себя «предназначенным для тесного общения с ангелами». Им предстояло вскоре занять огромное место в его помыслах.

Директора коллежа отнюдь не были склонны поддерживать в подростковом возрасте такого рода мистицизм, смешанный с гордыней. Жан-Филибер Дессень рассуждал скорее как ученый, чем как церковник. Его правнук Рибемон-Дессень писал о нем:

Человек энциклопедически образованный, он без труда переходил от преподавания риторики и философии к преподаванию естественных наук, физики или химии. Он даже приступил к изучению физиологии, написав небольшой популярный трактат, предназначенный для воспитанников класса философии.

Наблюдатель и исследователь, автор примечательных работ по фосфоресценции, он был склонен искать физиологические объяснения состоянию экстаза; он готовил большой труд, где хотел показать, что чувства и страсти связаны с изменениями, происходящими в организме человека.

Дессень учил, что наблюдения над фактами и их анализ — занятие гораздо более плодотворное, нежели

¹ Б а л ь з а к . Красная гостиница.

разработка любой системы взглядов. Однако воспитанник Бальзак в противоположность своему учителю обладал умом, более склонным к построению различных систем, чем к методическому исследованию явлений, и втайне выработал довольно расплывчатую философскую доктрину. Случалось, что этот слишком юный философ, отбывая наказание в «деревянной клетке» или в каморке под лестницей, старался постичь единство мира, исходя из представления, что мысль и воля — это реальные субстанции, флюиды, аналогичные электричеству. Дессень выдвинул новое и смелое по тем временам положение о том, что все невесомые флюиды — теплота, свет, электричество, магнетизм — всего лишь различные проявления всепроникающей среды, мирового эфира, приводимого в движение различными силами. Беседовал ли он на эту тему с любознательным мальчиком? Развивал ли при нем свои соображения о физиологии мышления? Это возможно (ведь Бальзак, выздоравливая после болезни, некоторое время жил в Лезоньере, в загородном доме директоров коллежа, вместе с которыми он собирал растения для гербария), но маловероятно. Дессень, кабинетный ученый, почти не общался со своими учениками. «Он жил вдали от нас, — пишет Эдуард де Вассон, — и эта удаленность увеличивала его престиж и авторитет».

Вправду ли ученик коллежа Оноре Бальзак написал «Трактат о воле»? Действительно ли отец Огу разорвал рукопись трактата? Вернее всего, Бальзак придумал этот эпизод. Но одно, видимо, бесспорно: в коллеже он много размышлял над природой воли и ее проявлениями. Отбывая в карцере наказание вместе со своим весьма развитым товарищем Огюстом-Илером Баршу де Пенозном, он беседовал с ним на философские темы. Баршу де Пенозн склонялся к скептицизму; Бальзак верил в почти безграничное могущество воли и в то, что мысль оказывает физическое воздействие. Возможно, вспоминая отрочество, писатель преувеличил степень достигнутой им в ту пору духовной зрелости; но несомненно, что уже тогда в сонном с виду подростке таился удивительный ум и ненасытное честолюбие. «Я буду знаменит», — утверждал этот посредственный ученик. Товарищи смеялись над его самонадеянностью, и он вторил им, потому что был незлобив.

С детства чтение превратилось для него в «некую жажду, которую ничто не могло утолить: он глотал подряд все книги, причем его в равной мере занимали произведения, толкующие о религии и об истории, о философии и о физике... Одним взглядом он охватывал сразу семь или восемь строк, а его ум постигал их смысл, не уступая в скорости глазу; часто ему достаточно было одного слова, чтобы уловить суть фразы. Он с одинаковой точностью удерживал в памяти и мысли, почерпнутые из книг, и те, что возникали у него в часы раздумий или во время беседы».

К двенадцати годам его воображение, возбужденное постоянным упражнением всех его способностей, необыкновенно развилось, и это позволяло ему получать такие точные представления о вещах, которые он познавал только через книги, что образ, запечатлевшийся в его душе, не мог бы быть более живым и при непосредственном наблюдении. Он достигал этого, быть может, потому, что пользовался аналогиями, или потому, что был одарен вторым зрением, с помощью которого он охватывал всю природу¹.

Очень рано слово «ясновидец» входит в лексикон Бальзака. Ясновидец мысленно созерцает одновременно прошлое, настоящее и будущее. А почему, собственно, это невозможно? Лежа в постели, я в мечтах путешествую во времени и в пространстве. Стало быть, пространство и время целиком уместаются в моем мозгу. С другой стороны, коль скоро разум способен путешествовать таким образом, коль скоро мысль действует на расстоянии, значит, можно читать в мыслях другого, значит, возможно как бы второе зрение, которое позволяет созерцать в воображении предметы, находящиеся вдалеке. Волю можно собирать в некий сгусток и устремлять ее вовне, что позволяет воздействовать на других; воздействие этой магнетической силы ощущается на расстоянии, и он, Оноре Бальзак, воспитанник Вандомского коллежа, владеет ею.

Помощник директора коллежа Дессеня, Лазар-Франсуа Марешаль, не обладал таким множеством оригинальных идей, как его старший коллега, но зато отличался добротой, которую ученики очень ценили. Марешаль писал эротические и игривые стихи, но следил, чтобы они ненароком не попали на глаза воспитанникам

¹ Б а л ь з а к. Луи Ламбер.

коллежа. Однако мальчики пользовались составленной им латинской грамматикой, где было немало любопытных примеров: «Господин, помоги этой женщине разрешиться от бремени и впредь не грешить» (*Di, facultatem concedite huic pariendi atque non peccandi*); «Девушка скрывалась за кустарником» (*Puella post carectes latebat*); «Босоногая Венера» (*Venus, nuda pedes*). Шатобриан был обязан латинским поэтам первыми своими желаниями; повторяя причудливые примеры из школьной грамматики, Бальзак, наделенный живым воображением, конечно же, мысленно рисовал себе пластические образы языческих богинь. «Разве нельзя допустить, что со страниц скромных латинских книг, которые держал в своих руках воспитанник Оноре Бальзак, вставали первые силуэты его грез?» — спрашивает Филипп Берто.

Так он дошел до предпоследнего класса. Неумеренное чтение, видения, которые оно рождало в его мозгу, дни одиночества в карцере — все это привело к тому, что он впал в какое-то странное состояние полной отрешенности, болезненного оцепенения, и это тем более беспокоило наставников, что они не понимали причин такого состояния. А отрешенность эта была вызвана тем, что мысли его были далеко, что он пребывал в иных мирах, навеянных прочитанным. По мнению ораторианцев из Вандомского коллежа, Оноре Бальзак был нерадивым учеником — занимался он мало, и то, что с ним происходило, не было умственным утомлением. Мальчик исхудал, зачах и походил на лунатика, спящего с открытыми глазами; большей части обращенных к нему вопросов он попросту не слышал, и, когда его неожиданно спрашивали: «О чем вы думаете? Где витают ваши мысли?» — он растерянно молчал.

Это удивительное состояние, которое Оноре осознал гораздо позднее, объяснялось тем, что он не в силах был переварить все мысли и впечатления, теснившиеся у него в голове. В годы созревания, когда избыток физических сил ищет выхода, он жил только духовной жизнью и со стороны казался отупевшим. Добрый Маршалль перепугался, вызвал госпожу Бальзак, и 22 апреля 1813 года, в самый разгар занятий, юный воспитанник коллежа был увезен домой в Тур. Состояние его испугало отца и обеих сестер.

«Вот в каком виде возвращаются к нам из коллежа красивые и здоровые дети, которых мы туда посылаем!» — горестно воскликнула бабушка Оноре, Софи Саламбье.

Заметив, что перемена обстановки, свежий воздух и общение с родными возвращают мальчику живость, свойственную его сверстникам, Бернар-Франсуа вскоре успокоился.

III

ИЗ ТУРА — В МАРЭ

Тот, кто желает хорошо воспитать ребенка, обречен всегда придерживаться справедливых взглядов.

Бальзак

Какое это удивительное и сильное впечатление — вновь вернуться в родную семью после шестилетнего отсутствия! И на людей, и на вещи смотришь новыми глазами. У Бернара-Франсуа Бальзака были серьезные неприятности. Его друг префект, генерал Померель, из-за распрей с архиепископом монсеньёром де Буажеленом и сменившим Буажелена монсеньёром де Барралем был смещен со своего поста. Император не желал допускать несогласие между своими префектами и своими епископами. Порядка ради государственные чиновники должны были присутствовать на богослужениях. Тем не менее Наполеон все еще испытывал благодарность к Померелю, который принимал у него экзамены в Бриенне, и назначил его префектом департамента Нор, а позднее — генеральным директором Библиотеки. Иногда немилость оборачивается продвижением по службе. Бернар-Франсуа и его коллеги, попечители богоугодных заведений, лишились покровителя и вскоре подверглись преследованиям со стороны нового префекта, барона Ламбера, вступившего в сговор с архиепископом монсеньёром де Барралем. Их обвиняли в злоупотреблениях, допущенных при надзоре за больницами; вытащив на свет старую историю с ассигнациями, утверждали, что Бернар-Франсуа Бальзак якобы обманул государство. Хотя ничего не было доказано, обстановка накали-

лась и город распался на два лагеря: в одном были католики, в другом — франкмасоны, которые держались осторожно из боязни навлечь на себя гнев императора.

Префект Ламбер засыпал министерство доносами, направленными против попечителей богоугодных заведений. Те ответили «Нравственным отчетом».

«Генеральный совет и я, — писал префект, — обрисованы в этом своего рода манифесте в самом неблагоприятном свете: нам приписывают, будто мы стремимся уничтожить наиболее полезные для жителей департамента учреждения и, во всяком случае, отказываем без уважительных причин в отпуске необходимых средств». И префект настаивал на том, чтобы министр безотлагательно и полностью обновил состав попечительского совета больниц. Министр, однако, возражал: «Милостивый государь, я отнюдь не разделяю вашего мнения о том, что необходимо полностью обновить состав совета... Считаю своим долгом заметить: для того чтобы здраво судить о поведении лиц, ведающих богоугодными заведениями, надо поставить себя на их место и принять во внимание все обстоятельства, влиявшие на них». Словом, его превосходительство защищал господина Бальзака от врагов в Туре, которые не могли простить Бернару-Франсуа надменность, неверие и показную роскошь, а также элегантные наряды его жены.

Однако Бернар-Франсуа, подобно Панургу, ни при каких обстоятельствах не утрачивал хорошего расположения духа. Втайне он принимал кое-какие меры, чтобы покинуть Тур, а в ожидании много и жадно читал, с утра до вечера разглагольствовал и поставлял книгоиздателю Маму рассчитанные на эффект брошюры.

В 1807 году в своей «Памятной записке о том, как предупредить кражи и убийства» он взял под защиту людей, возвращающихся с каторги и выпущенных из тюрем. Беднягам при освобождении выдавали своего рода «волчий билет», свидетельство их позора. Кто при этих обстоятельствах согласится дать им работу? И вот таким образом их толкают на новые кражи — ведь есть-то надо! Чтобы предупредить повторные преступления, следует учредить особые мастерские для бывших каторжников. Там их будут досыта кормить, хорошо одевать, они будут получать жалованье. Их труд станет приносить доход, и разбой в стране уменьшится.

В 1808 году появляется его же «Памятная записка о постыдном распутстве, причиной коего служат юные девицы, обманутые и брошенные в жестокой нужде». Обещанные девственницы могли некогда рассчитывать на пособие со стороны обольстителя. Кодекс Наполеона запретил разыскивать отца незаконнорожденного ребенка. Однако этот новый закон мало сказался на «инстинкте продолжения рода, который по-прежнему таит в себе непреодолимое очарование», — писал Бернар-Франсуа свойственным ему живописным и претенциозным слогом. Таким образом, забеременев, юная девица нигде не может найти себе места. Вот источник бед! Вот причина разврата! Надо спасти по меньшей мере двадцать тысяч несчастных созданий. Необходимо во всех больницах открыть бесплатные отделения для будущих незамужних матерей. Автор настоящей записки сам с успехом проделал это в больнице города Тура.

В мае 1809 года увидел свет его новый опус — «О величии наций и о том, как могут они сохранить для будущих веков нерушимые свидетельства своего могущества». Цель этого сочинения была менее альтруистической. В жизни Бернара-Франсуа наступил опасный период, и он стремился заручиться благоволением императора. Каким образом можно сохранить для грядущих веков нетленные воспоминания о замечательном правлении, начавшемся в 1789 году? Письменные свидетельства можно оспаривать; одни только монументы не подвластны времени. Великая китайская стена, египетские пирамиды до сих пор красноречиво свидетельствуют о прошлом. Затем следовали многочисленные примеры, доказывавшие, что автор прочел множество самых удивительных книг... Какой же монумент будет достоин государя, который вновь воздвиг алтари, укрепил финансы, выработал ясный и понятный для всех кодекс законов, обновил армию? Надо воздвигнуть в его честь либо колоссальную статую, либо пирамиду, которая была бы выше египетских пирамид, и памятник этот надлежит построить между Тюильри и Лувром, или у заставы Нейи, или на Марсовом поле.

В 1813 году юный Бальзак, мало-помалу выходящий из оцепенения, с удовольствием прислушивался к торжественным речам отца. Они прививали ему вкус к обширным планам, псевдонаучным теориям и раблези-

анским тирадам. Книжные шкафы занимали важное место в доме. У отца были сочинения великих писателей, римских и французских, труды философов, историков, книги уроженцев Турени, иллюстрированные издания, посвященные Китаю; мать собирала еретические произведения иллюминатов и прочих мистиков. Сын, как пишет Вилан, сокращал «долгие часы занятий в классной комнате и старался незаметно проскользнуть в кабинет отца, где можно было погрузиться в чтение Вольтера, Руссо или Шатобриана».

Молчаливый и насмешливый от природы, мальчик внимательно наблюдал за домашними. Бабуля — так внуки называли бабушку Саламбье — была полна жизни, но постоянно жаловалась на недомогание, чаще всего без всякой причины. Она охотно советовалась с «ясновидящими». Бабуля терпеть не могла зятя — из-за его сомнительных спекуляций она потеряла часть состояния. (В 1813 году Бернару-Франсуа и самому пришлось продать свой красивый особняк.) Хотя у госпожи Саламбье были сложившиеся взгляды на воспитание девиц, она не слишком-то преуспела в воспитании собственной дочери. Госпожа Бальзак все еще шокировала турских ханжей. Она чересчур уж снисходительным тоном говорила о своем «стареньком муже». Суровая и надменная, Лора Бальзак была способна на безграничную преданность своим близким, но не проявляла к ним никакой нежности. От родителей она унаследовала склонность к строгим правилам, в частности придерживалась определенного взгляда на то, как именно следует чистить зубы. «Мой папенька был человек особого склада: он все решал и приводил в исполнение гораздо скорее других». Она читала Месмера и проверяла на близких магнетическую силу своего взгляда — еще один способ повелевать ими. Маленькая Лора, которой удалось приручить мать, называла ее «ми-мамочка», по-детски соединяя слова «милая мамочка». Оноре, зная, что мать предпочитает ему брата Анри, рожденного от любимого человека, трепетал перед нею: ему был хорошо знаком пристальный и тяжелый взгляд, который она устремляла на детей, когда они выводили ее из себя.

Лора и Оноре обожали друг друга. В свое время он позволял наказывать себя вместо сестры. Теперь она постепенно становилась любимицей матери. Госпожа

Бальзак даже сделала ее своей наперсницей. Девочку нельзя было назвать красивой, но она пленяла блеском глаз, милым выражением лица, трепетом жизни во всем существе. «Ты у нас хитрая,— говорил Оноре сестренке,— с тобой всегда весело». Лоранса, которую брат и сестра называли Лорансо́, а также толстушкой Лорансо́ или миледи Плумпудинг, на первый взгляд казалась не такой живой, как Лора, «но, узнав Лорансу получше, вы убеждались, что она очень умна, естественна и непосредственна». Вообще дом просто бурлил от забавных историй, бесконечных проектов, иногда — сетований, а то и сплетен. Здесь ценили шутку, острое словцо, были склонны к чудачествам; все гордились тем, что принадлежат к семейству Бальзаков. Дети были дружны между собой, но взаимная привязанность не мешала им посмеиваться друг над другом. С родителями их сближала любовь к чтению и общий семейный лексикон: вместо «болтать» в доме говорили «балаболить» или «тараторить»; вместо «плохое настроение» — «мерехлюндия»; вместо «хвастун» — «бахвал». Всему клану Бальзаков был свойствен дух критицизма; тут никого не щадили, но каждый стоял за другого горой.

Будь Бернар-Франсуа хозяином в собственном доме, он бы еще в 1813 году поместил вернувшегося из Вандома Оноре в коллеж города Тура. Но госпожа Бальзак хотела «нравственных гарантий». Как бы стремясь смягчить в глазах общества неверие своего супруга, она ревностно посещала кафедральный собор, и старший сын всегда ее сопровождал. Он рассматривал старые дома вокруг храма святого Гасьена, великолепные контрфорсы, занимавшие часть тротуара, а порою становился свидетелем ссор между священниками и старыми девами, у которых квартировали служители церкви. В соборе святого Гасьена мальчик «дышал атмосферой неба». Часто он в одиночестве бродил по церковному двору и по улочке Псалетт, «окутанным влажной мглою и глубоким молчанием». В родительском доме Оноре поместили на четвертом этаже, он донашивал все ту же «скромную одежду, в которой приехал из пансиона». Лора Сюрвиль пишет:

Наша матушка считала труд оснвой всякого воспитания и, как никто, дорожила временем; вот почему она следила, чтобы у ее сына ни одна минута не пропадала даром.

Возможно, по ее настоянию мальчика отправили в Париж, где он несколько месяцев был пансионером учебного заведения Безлена и Ганзера; и, возможно, именно она вернула его в Тур в марте 1814 года, опасаясь, что войска союзников войдут в столицу. Во всяком случае, с марта по июль Оноре жил у родителей, он брал частные уроки и сделал заметные успехи в латыни.

В апреле 1814 года побежденный Наполеон был вынужден отречься от престола и отправился в изгнание на остров Эльбу. То был настоящий удар для детей Бернара-Франсуа Бальзака, воспитанных в лучах императорской славы. Их детский мир сразу померк. Вскоре герцог Ангулемский торжественно вступил в Тур, встреченный «бурей восторга». Никогда еще, пожалуй, люди до такой степени не уподоблялись флюгерам. Штаб двадцать второй дивизии (куда был приписан Бернар-Франсуа) дал банкет и бал в честь его королевского высочества. Бывшие аристократы, отсиживавшиеся в своих замках, снова вылезли на свет Божий. Жан де Маргонн, лейтенант национальной гвардии, деятельно участвовал в поддержании порядка. Пятнадцатилетний Оноре, выполняя волю матери, представлял отца, отлучившегося из Тура; мальчик с удовольствием затесался в толпу женщин: его ослепляли и огни люстр, и малиновые драпировки, и сверкающие бриллианты, а главное — белоснежные плечи. Он на всю жизнь запомнил это зрелище и пьянящий аромат, исходивший от женщин.

В июле 1814 года Оноре был зачислен экстерном в Турский коллеж, чтобы заново пройти курс предпоследнего класса. Здесь он получил награду — изображение лилии; она была присуждена Оноре де Бальзаку. Награда эта свидетельствовала не столько о его отличных успехах, сколько о том, что реставрированная, но все еще не уверенная в собственной прочности монархия стремилась привлечь на свою сторону молодежь. В Турском коллеже, как и в Вандомском, мальчик страдал от нелепого скопидомства матери, которая была расточительна в крупных тратах, но расчетлива в мелочах. Его товарищи лакомились чудесной свининой, которую приносили из дому, а юный Оноре грыз сухой хлеб. «Тебе что, есть нечего?» — насмешливо спрашивали товарищи. Даже много времени спустя один из них продол-

жал называть его «бедняга Бальзак». Глубоко задетый и униженный, мальчик давал себе клятву в один прекрасный день ослепить их своею славой. Но на каком поприще? Этого он еще не знал, однако ощущал в себе нечеловеческую силу. Ранняя зрелость его суждений поражала даже мать. «Ты, должно быть, сам не понимаешь того, что говоришь, Оноре!» — ворчала она. А он в ответ лишь улыбался, насмешливо и добродушно. И этот молчаливый протест выводил из себя госпожу Бальзак. Ее раздражало постоянное присутствие проницательного подростка, который слишком многое видел. Сестры только смеялись, когда он заявлял, что «в один прекрасный день бахвал Оноре удивит мир». А пока что он внимательно изучал этот мир.

В его удивительную память накрепко врезались события и образы. Мягкие пейзажи Турени, красота зеленеющих долин, окаймленных тополями, селения, разбросанные по холмам, величавая Луара, по глади которой скользили паруса, готические колокольни собора святого Гасьена, старинные витражи, лица священников, разговоры друзей дома — все запечатлевалось в его мозгу. Он не только отлично помнил предметы и людей, но мог по собственному желанию вызывать их перед своим мысленным взором такими, какими видел, — живыми и красочными. «Он собирал строительные материалы, еще не зная, для какого здания они послужат».

Отец не оставил мысли подготовить его к поступлению в Политехническое училище, и репетиторы занимались с мальчиком математикой и естественными науками, так что в мозгу у него возникла причудливая мешанина из обрывков точных знаний, отцовских парадоксов, суеверий бабули и рассуждений всевозможных «ясновидцев», с которыми носилась его мать. В конце вакаций Жан де Маргонн пригласил Оноре в свое имение, в Саше. Тополя уже теряли листву, и леса одевались в торжественный багряный убор. В доме Маргонна подросток с волнением встретил нескольких молодых женщин, которыми любовался на балу в Туре. Он жаждал всего сразу — и любви, и славы.

Между тем Бернар-Франсуа стремился как можно скорее покинуть Тур. Вскоре после отречения Наполеона он опубликовал брошюру «О конной статуе, которую французы желают воздвигнуть, дабы увековечить па-

мать Генриха IV». Королевская статуя явно должна была служить противовесом пирамиде, которую он в свое время предлагал построить в честь императора. В эпоху столь бурных социальных потрясений приспособленчество не знает границ, а поставщик армии готов, на худой конец, поставлять какие угодно мысли. Но, оставаясь в Туре, вчерашнему бонапартисту, спешно перекрасившемуся в роялиста, трудно было бы доказать искренность своих новых убеждений. По счастью, Огюст Думерк, приятель Бернара-Франсуа (сын его первого патрона), сохранил прежнее влияние и добился для него должности интенданта первой армейской дивизии в Париже. И в ноябре 1814 года вся семья, включая бабулю, поселилась в квартале Марэ, этой колыбели семейства Саламбье, в доме номер сорок по улице Тампль. Возвращение к родным пенатам!

Оноре отдали в пансион Лепитра, частное учебное заведение, где царил роялистский и католический дух; содержал этот пансион колченогий толстяк, ходивший опираясь на костыль; внешне он напоминал Людовика XVIII. В период якобинской диктатуры Жак-Франсуа Лепитр был замешан в заговоре роялистов, намеревавшихся похитить Марию-Антуанетту из Тампля. Этим Лепитр завоевал признательность вернувшихся Бурбонов; он был награжден орденом Почетного легиона. На деле же Лепитр, подобно Бернару-Франсуа Бальзаку, умело лавировал в трудные годы. Воспитанники пансиона посещали занятия в лицее Карла Великого. Учебное заведение Лепитра помещалось в старинном дворянском особняке Жуайез, в доме номер девять по улице Тюренна. Швейцар, «сущий контрабандист», «смотрел сквозь пальцы на самовольные отлучки и поздние возвращения воспитанников и снабжал их запретными книгами»; у него всегда можно было выпить кофе с молоком — такой аристократический завтрак был доступен лишь немногим, ибо при Наполеоне колониальные товары стоили очень дорого. Оноре, вечно сидевший без гроша, нередко бывал в долгу у этого человека. Подросток мог только мечтать о публичных гаремах Пале-Рояля, об этом «Эльдорадо любви», где его более богатые и бойкие товарищи познавали тайны женских чар и где «навсегда прощались со своим целомудрием». Тем не менее, если верить Мишле, некоторые воспитанники пан-

сион Лепитра проявляли определенную склонность к «хорошеньким мальчикам».

В 1815 году, в период Ста дней, Лепитр приложил немало усилий, чтобы помешать манифестациям учеников, враждебных монархии. Он размахивал своим костылем, грозил непокорным, но так и не мог утратить фанатических приверженцев императора. Когда, словно по мановению волшебной палочки, произошла вторичная реставрация Бурбонов, многих бунтарей исключили из пансиона. Оноре Бальзака отпустили с миром 29 сентября — ему был вручен аттестат, где с похвалой отзывались о его трудолюбии и добронравии. Вполне возможно, что он по примеру своих товарищей с надеждой и восторгом следил за последней кампанией Наполеона. Генерал де Померель, убежденный бонапартист, после вторичного возвращения короля во Францию был изгнан из страны. Бернар-Франсуа, человек более осмотрительный, вышел невредимым из этой переделки.

Вскоре Оноре стал одним из воспитанников «по-отечески строгого» аббата Ганзера, священника, чьи предки были выходцами из Германии, весьма добродетельного человека, который после смерти своего компаньона Безлена один возглавлял учебное заведение, расположенное на улице Ториньи; как и в пансионе Лепитра, ученики посещали занятия в лицее Карла Великого. Юный Бальзак пробыл тут год в классе риторики. По латинским переводам он оказался на тридцать втором месте; узнав об этом, мать прислала ему гневное письмо, и по ее настоянию он был лишен прогулок. В воскресенье его «под надежной охраной» водили на улицу Тампль, где он брал уроки танцев. Госпоже Бальзак хотелось, чтобы ее сын стал гением, и, опасаясь, как бы он не развлекся, она обращалась с ним особенно строго именно потому, что по-своему любила Оноре. Юноша писал довольно легко, и сестра Лора сохранила для семейного архива одно из его сочинений (речь, с которой жена Брута обращается к своему супругу, когда их сыновей приговорили к смерти). Это было сочинение ученика класса риторики, отмеченное печатью подражательности, не лишённое патетики, но обладавшее некоторыми достоинствами. В лицее Карла Великого Бальзак вновь встретился со своим закадычным приятелем по Вандомскому коллежу Баршу де Пеноэном; здесь поя-

вился у него и новый друг, добродушный толстяк Огюст Сотле. По-видимому, юноша Бальзак несколько месяцев слушал лекции профессора Вильмена, но тот уделял внимание лишь таким блестящим ученикам, как Жюль Мишле, и совершенно не замечал скромного воспитанника, затерявшегося в толпе посредственных учеников и занимавшего тридцать второе место по латинским переводам.

Когда в 1816 году Оноре без блеска закончил курс обучения, он, вернувшись в родительский дом, не обнаружил там никаких перемен. Бернар-Франсуа по-прежнему тщательно следил за своим здоровьем и «душевым спокойствием»; его супруга между тем «портила себе кровь» по любому поводу или даже без него. Лора и Лоранса воспитывались в пансионе для юных девиц, где их обучали английскому языку, игре на фортепьяно, шитью, вышиванию и правилам игры в вист; девушек знакомили также с отрывками из классических произведений и «начатками химии». Лора была первой ученицей в классе. Анри, любимчик матери, менял пансионы как перчатки, учился из рук вон плохо, но, несмотря на это, «мамаша души в нем не чаяла». Марэ, как и раньше, оставался одним из самых степенных кварталов Парижа — здесь ложились спать в девять вечера, и улицы рано погружались во тьму, в то время как огни аристократического Сен-Жерменского предместья далеко за полночь пронизывали мрак. В Марэ водовозы-овернцы разносили по домам ведра с водой; печи здесь топили дровами, а комнаты освещали свечами и масляными лампами; плату за жилье вносили консьержке — это была могущественная особа, она могла предложить старику рантье в потрепанном парике съехать с квартиры, если ей не нравились его политические взгляды.

В квартале Марэ можно было жить в свое удовольствие, располагая десятью тысячами ливров годового дохода. Примерно такой доход и был у семейства Бальзаков. По соседству обитали многочисленные друзья, принадлежавшие к средней буржуазии, коммерсанты, еще занимавшиеся торговлей или уже удалившиеся на покой: племя Саламбье — суконщиков и басонщиков; семейства Малюсов и Седийо; дядюшка Даблен, старый холостяк, бывший торговец скобяными товарами (на вывеске его лавки был изображен золотой колокол), бо-

гатый коллекционер и великий книголюб, которому «честность и доброе сердце» помогли приобрести множество друзей. Оноре любил этих славных людей. Позднее, как и все художники его времени, он станет высмеивать «буржуа» и описывать пороки этого класса — своего класса, хотя будет при этом испытывать к ним «глубокую нежность и тайное восхищение». Старик Думерк скончался в 1816 году; семейство Бальзаков поддерживало дружбу с его дочерью, Жозефиной Делануа, женой генерального поставщика (провиант и скот), женщиной весьма влиятельной. К числу их ближайших друзей принадлежал и Жан-Батист Наккар, домашний врач семьи, автор примечательного труда о теориях Галля «Новая физиология мозга». Доктор Наккар настаивал на необходимости, изучая психологию, исходить из физиологии. По его словам, душа есть результат действия физических и химических сил в организме. Оноре читал книги Наккара, они помогали ему разрабатывать «систему унитарного человека», согласно которой нравственность сводилась к науке о нравах.

Окружавшие его люди остерегались занять определенную политическую позицию. Особняки в квартале Марэ — особняк Рамбулье, особняк Севиньи — больше уже не служили приютом для знатных родов. Правда, в этом квартале еще попадались скромные представители «дворянства мантии», но большая часть его обитателей принадлежала к зажиточной и почтенной буржуазии. Устав отсекаться от собственных убеждений, все эти торговцы и чиновники предпочитали теперь безобидные банальности серьезным взглядам, грозившим неприятностями. Многие своими глазами видели «величие и падение» Людовика XVI, Революции, императора Наполеона. Отныне они исповедовали благоразумную осторожность в политике и, опасаясь новой перемены режима, больше всего дорожили своей благонамеренностью. Почти все читали газеты в кафе, ибо выписать газету на дом означало неосмотрительно заявить о своих убеждениях. «Котидьен» и «Газетт де Франс» свидетельствовали о роялистских взглядах; «Конститюсьонель» и «Деба» — о либеральных воззрениях. А читая все вперемежку, можно было запутать следы.

В одном доме с Бальзаками жили их нотариус, метр Пассе, и старинная приятельница бабушки Саламбье,

мадемуазель де Ружмон, женщина острого ума, хорошо помнившая старый режим и лично знавшая Бомарше. Оноре любил слушать ее рассказы о блестящей жизни этого человека. В истории Бомарше было нечто от сказок «Тысячи и одной ночи», а юный Бальзак обожал сказки. Почему бы и ему не сделаться драматическим писателем? Но у его матери были совсем иные взгляды на будущее сына. Метр Пассе выразил согласие взять Оноре к себе клерком, а позднее сделать его своим преемником. Чего уж лучше? Бернар-Франсуа, вечно увлекавшийся самыми необычными планами, вопрошал себя, не сулит ли наука бóльших шансов на успех. Но его супруга, умевшая, как никто, ценить время, не желала, чтобы Оноре хотя бы день пребывал в праздности, и решила незамедлительно приобщить его к судейскому сословию.

Четвертого ноября 1816 года Бальзак был внесен в списки слушателей факультета права, а три года спустя ему был выдан диплом бакалавра права. Оноре пришлось одновременно частным образом обучаться и другим наукам, посещать лекции в Сорбонне и приступить к «серьезным занятиям литературой». В то время в Сорбонне и Коллеж де Франс читали лекции известные профессора — Гизо, Кузен. «Они,— замечает Жорж Прадалье,— как бы воплощали собою протест против ультрароялистов». Восторженное поклонение вызывал у студентов совсем еще молодой в ту пору Виктор Кузен. Между ним и слушателями существовало подлинно братское доверие. В те годы в сознании Бальзака жили две противоборствующие тенденции: он не принимал традиционного спиритуализма, свойственного христианству, в этом сказывалось влияние отца, атеиста и материалиста, который во всякой идеологии видел одну из глав зоологии; однако после Вандомского коллежа Оноре отпугивал чистый материализм. Им владела навязчивая идея — идея единства мира. Дух, материя — всё тесно связано между собою. Кузен сделал своей доктриной эклектизм, он стремился примирить познание фактов, основанное на исследовании и наблюдении, с познанием самого себя, что относилось уже к области прямой интуиции. Бальзак внимательно слушал и запоминал, но из гордыни утверждал, будто «этот профессор составил громкое имя, изрекая

то, что каждый может узнать, прочитав несколько книг».

Необыкновенно любознательный, Оноре часто ходил в Музей естественной истории. Там читал лекции Жоффруа Сент-Илер, зоолог и анатом, считавший себя философом. Этот ученый полагал, что наука не может ограничиться наблюдением и классификацией явлений; цель ее — рассуждать и делать выводы. Он основал так называемую «школу идей» в противоположность «школе фактов», созданной его коллегой Кювье. Бальзак восхищался главным образом Кювье, но Жоффруа Сент-Илер (вслед за Шарлем Бонне) выдвинул научную теорию «единства строения организмов»; доктрина эта способна была прельстить ум, склонный к широким умозрительным построениям. «Представляется, что природа ограничила себя определенными рамками и, создавая все живые существа, следовала единому плану; сохраняя верность главному принципу, она варьировала его на тысячу ладов». Короче говоря, каждый орган присутствует в зародыше во всех животных видах, но вследствие различных потребностей то, что в одном случае развивалось, в другом отмирало. Так, например, в своем знаменитом «Мемуаре о рыбах» Жоффруа Сент-Илер указывает на сходство, существующее между плавниками рыб и конечностями позвоночных. Принцип аналогии, принцип некоего равновесия органов живых существ (ресурсы природы незыблемы, и если в одном случае она расходует слишком много, то в другом непременно экономит) — вот основа, на которой покоится теория «единства строения организмов».

Молодой Бальзак, восприимчивый к такого рода оригинальным гипотезам, пока еще смутно мечтал о возможности когда-нибудь приложить их к человеческому обществу. Этот юноша был одержим неукротимым стремлением все постичь. Он жаждал понять причины и следствия. Свет первых размышлений помогал ему провидеть контуры величественной системы. К чему он ее применит? К философии? К произведениям искусства? Этого он еще не знал, но не сомневался в своих силах. Правы Виктор Кузен и Жоффруа Сент-Илер или нет, все равно так упоительно обсуждать эти грандиозные, хотя и расплывчатые теории со своими товарищами по факультету права (например, с толстяком Сотле, с ко-

торым он снова здесь встретился) или с молодыми студентами-медиками, обсуждать их в перерыве между лекциями, завтракая на восемнадцать су в «храме голода и нищеты», в кухмистерской Фликото — ее окна с частым переплетом выходили на площадь Сорбонны. А потом ведь можно ослеплять своими речами домашних: некогда застенчивый юноша постепенно становился столь же говорлив, как его отец. Однако родные не желали восторгаться этим и считали, что Оноре слишком много разглагольствует. После длинного монолога о магнетизме, оккультных науках или единстве мира он дурачился и болтал пустяки, как малый ребенок.

Родители требовали от него строжайшей дисциплины. Бернар-Франсуа полагал, что недостаточно слушать лекции по вопросам права в Сорбонне, надо тотчас же приобщаться и к юридической практике. Оноре пришлось все три года проработать у стряпчего и у нотариуса. Стряпчий принадлежал к числу друзей семейства Бальзаков, его звали Жан-Батист Гийонне-Мервиль: то был превосходный юрист и весьма образованный человек, любивший литературу; когда Бальзак поступил к нему в контору клерком, Жюль Жанен служил там рассыльным и младшим клерком, а незадолго перед тем здесь работал и Скриб.

Годы ученичества у Гийонне-Мервиля оказались весьма плодотворными для Бальзака. Он изучил судопроизводство, эту незыблемую процедуру, которая играла огромную, но еще очень мало изученную роль в жизни мужчин и женщин. Он «жил в мире, где были на короткой ноге со сводами законов и богиней правосудия». В будущем он превратит их в орудия своей мысли. «Именно с помощью юриспруденции,— писал Де Саси,— его мысль попытается пробить себе дорогу в лабиринте существования». В конторе стряпчего завязываются семейные драмы, и здесь они находят развязку. Тут Оноре увидел женщину, стремившуюся лишиться всяких прав своего мужа, полковника наполеоновской армии, который вернулся из Германии после плена и, точно привидение, возник перед женою, вторично вышедшей замуж; юноша знакомился с сотнями порожденных жизнью романов, раскрывавших чаще всего низменные побуждения и реже — благородные порывы представителей рода человеческого. Он сидел рядом с

клерками конторы, бедными и алчными молодыми людьми, которые делали вид, будто для них не существует ничего святого, и могли показаться чудовищами, но часто обнаруживалось, что они живут на свои сто франков в месяц в каморке на шестом этаже вдвоем со старушкой матерью, о которой нежно заботятся. Переписывая прошения, клерки перемывали косточки клиентам. Они работали в полутемном помещении, где пыль превращалась в жирные хлопья; вдоль стен, украшенных большими желтыми объявлениями о продаже недвижимого имущества, тянулись громадные шкафы, набитые связками бумаг; конторки и письменные столы были испещрены пятнами. Здесь стоял тяжелый, острый запах сыра, котлет и дешёвого шоколада, который варили себе клерки, смешивавшийся с запахом пыльных бумаг. Контора стряпчего — «одно из самых отвратительных заведений на службе общества», и все же именно тут молодой Бальзак постигал страшную поэзию жизни. Сам он обладал такой неистощимой фантазией (и так умел смешить людей), что часто мешал работать своим коллегам. Однажды старший клерк прислал ему записку такого содержания: «Господина Бальзака просят не являться нынче в контору, ибо предстоит очень много дел».

По вечерам он играл в бостон или вист с бабулей; с годами характер у нее смягчился, она питала слабость к внуку и порою умышленно проигрывала ему небольшие суммы, которые он употреблял на покупку книг. Оноре все больше увлекался чтением, ему нравились трудные, редкие, необычные книги; в нем, казалось, без всяких оснований крепились честолюбивые надежды, он не сомневался, что его ожидает слава, богатство и любовь. Если верить свидетельству его сестры Лоры, Бальзак, несмотря на вечное безденежье, с юности пользовался успехом у женщин. «Он хотел нравиться и вскоре стал героем весьма пикантных приключений; они еще слишком живы у многих в памяти, и я не решаюсь о них рассказывать. Могу только заверить, что, пожалуй, ни один мужчина не имел больших оснований уже на заре своей жизни сделаться фатом». И затем Лора Сюрвиль вспоминает о том, как Оноре выиграл пари, заключенное с бабушкой, добившись благосклонности одной из самых хорошеньких женщин Парижа, имя которой госпожа Саламбье необдуманно назвала, будучи уверена, что тут

уж она никак не проиграет ста экую, служивших ставкой в споре. Однако Оноре выиграл, выиграл, несмотря на вечно растрепанные волосы и большой рот с уже выщербленными зубами: пылкое красноречие, красивые глаза, в которых сверкал ум, а быть может, также и молодость принесли ему победу. Бабуля отнюдь не была ханжой, и надо признаться, что в этом «небесном семействе» играли в довольно странные игры.

VI

УЧЕНИЧЕСКИЕ ГОДЫ ГЕНИЯ

Как и Мольер, он хотел сначала сделаться глубоким философом, а уж потом писать комедии.

Бальзак

Тысяча восемьсот девятнадцатый год внес большие перемены в жизнь семейства Бальзаков. Граф Дежан, начальник Бернара-Франсуа, неожиданно предложил своему подчиненному, которому исполнилось семьдесят три года, подать в отставку. Старик терял внушительное жалованье — семь тысяч восемьсот франков в год; и, несмотря на все его попытки добиться увеличения пенсии, на просьбу принять во внимание его прежнюю службу в качестве секретаря Королевского совета, размер годового пенсионера был определен ему всего лишь в тысячу шестьсот девяносто пять франков. К этой скромной сумме прибавлялись только доходы госпожи Бальзак (дом в Париже, ферма неподалеку от Тура), небольшие сбережения, помещенные в государственные бумаги, да пресловутая тонтинна Лафаржа. В связи с тонтиной вставал вопрос о долголетию, и тут уж Бернар-Франсуа никого не боялся. Он знал сотню способов продлить жизнь и не раз вспоминал о венецианце Корнаро, который к сорока годам подорвал свое здоровье, но тем не менее умер столетним старцем; он говорил на эту тему с утра до вечера, посмеиваясь над другими участниками тонтинны, которые умирали один за другим: Бернар-Франсуа именовал их «дезертирами».

Итак, будущее сулило чудесное обогащение, но пока что доходы семьи сильно уменьшились и продолжать жизнь зажиточных буржуа в квартале Марэ стало невозможно. У Бальзаков были свои представления о достоинстве, и они не желали ронять себя в глазах соседей. Уж лучше поселиться где-нибудь за пределами Парижа. Жилье, провизия, слуги — все там будет не так дорого. Двоюродный брат госпожи Бальзак, Клод-Антуан Саламбье, согласился купить дом в Вильпаризи, на дороге в Мо, и сдавать его внаем своим родственникам. Селение это, расположенное на полпути между Парижем и Мо, насчитывало пятьсот жителей; беленные известью дома без украшений вытянулись вдоль главной улицы, которая была частью шоссе Париж — Мец. Отсюда в разных направлениях уходили дилижансы. Поэтому в селении насчитывалось шесть постоянных дворов, там останавливались пешеходы и верховые, большую часть постояльцев составляли обычно возчики, коммивояжеры и торговцы. На главной улице постоянно слышался стук колес, крики фореиторов, возгласы бродячих комедиантов, выступавших с дрессированными животными. Почтальон доставлял корреспонденцию из соседнего городка Клэ.

В числе местных именитых жителей были: граф д'Орвиллье, весьма скромный «замок» которого стоял против дома Бальзаков; Габриэль де Берни с семьей — парижане, приезжавшие сюда только на лето, и какой-то полковник в отставке. Двухэтажный дом Бальзаков имел пять окон по фасаду и увенчивался мансардой; в саду так густо разрослись кусты, что за ними не видно было плодовых деревьев и огорода. На втором этаже были три отапливаемые комнаты, где жили госпожа Саламбье, госпожа Бальзак и Лора. Ветеран тонтини Лафаржа, железный человек, довольствовался комнатой без камина, и дети побаивались «сквознячка из-под папиной двери». Лоранса спала в кабинете, расположенном рядом с комнатой Лоры. Когда Оноре приезжал домой, его помещали в мансарде. В доме были две служанки — глуховатая соседка Мари-Франсуаза Пелетье, которую все называли «мамашей Комен», и кухарка Луиза Лорет, вскоре вышедшая замуж за садовника Пьера-Луи Бруэта.

Обитатели селения радушно встретили это живопис-

ное семейство, где, как пишет Мари-Жанна Дюри, «каждый был достаточно умен, образован, говорлив, недурно писал, но при этом отличался обидчивостью и раздражительностью». Бернар-Франсуа все еще одевался по моде времен Директории, обладал завидным здоровьем, ужинал в пять часов вечера, причем меню его состояло главным образом из фруктов (один из пресловутых рецептов долголетия!), а спать ложился с курами. Его комнату украшал книжный шкаф, ключ от которого он всегда носил при себе; выйдя на пенсию, старик целыми днями читал. Тацит и Вольтер помогали ему спокойно переносить нервные припадки супруги и обидные замечания тещи — она называла зятя «несносным хвастуном» и завидовала его бодрости. «Хорошее расположение духа изменяло Бернару-Франсуа только в тех случаях, когда, несмотря на выработанный им режим, его теории долголетия оказывались слегка поколебленными. Если у него разрушался зуб, этот прискорбный случай сильно огорчал его и повергал в уныние», — пишет в своей книге Мари-Жанна Дюри. Но он быстро успокаивался. «Все бrenно в этом мире, — говаривал он, — непреходяще одно только душевное равновесие». Если он страдал от подагры, то тешил свое тщеславие тем, что «это недуг аристократический», который восходит к самому царю Давиду. Больше всего Бернар-Франсуа сожалел, что в отличие от вышеупомянутого царя ему не дано жить в окружении шестисот юных наложниц.

Вдова Саламбье ездила в Париж, чтобы испросить совета у врачей и «ясновидящих»: она боялась, по ее собственному выражению, «выйти из игры», другими словами — «погрузиться в небытие». Лоранса доживала последние месяцы в пансионе и больше интересовалась балами, нежели учением. Лора усердно играла на фортепьяно, занималась английским языком, благодаря своему веселому и добродушному нраву она умела смягчать драмы, раздражавшиеся в семье. Одной из подлинных семейных драм, о которой, по счастью, не знали соседи, был смертный приговор, вынесенный 14 июня 1819 года судом присяжных в Тарне Луи Бальса, брату Бернара-Франсуа: он был обвинен в убийстве работавшей у него на ферме молодой женщины Сесиль Сулье, которую якобы соблазнил. Беременную служанку нашли задушен-

ной. Возможно, Луи Бальса был неповинен в ее смерти, а убийцей был нотариус Альбар, родственник того самого Альбара, в конторе которого начал свою карьеру Бернар-Франсуа. Как бы то ни было, но Луи Бальса гильотинировали в Альби 16 августа 1819 года. В переписке семьи Бальзаков мы не находим даже намека на эту трагедию. Такое молчание красноречивее слов. Бернар-Франсуа не сделал ни малейшей попытки спасти своего брата. Забота о сохранении репутации взяла верх над родственными чувствами и даже над стремлением к справедливости. Этот добропорядочный буржуа никогда не грешил чрезмерной добротой.

Оноре не мог да и не хотел покинуть Париж. В январе 1819 года он сдал экзамены на бакалавра прав. Теперь родители рассчитывали на старшего сына, надеясь, что он упрочит благосостояние семьи. Бернар-Франсуа упивался «блестящим каскадом замыслов, которые обрушивал на него сын». Мы уже знаем, что мэтр Пассе предлагал молодому человеку работу в своей нотариальной конторе, обещая в будущем передать ему дело. Выгодная женитьба позволила бы Оноре купить эту контору. Сын-нотариус, прочно стоящий на ногах, дочери, выданные замуж за молодых инженеров, выпускников Политехнического училища, да еще, если повезет, за дворян,— так выглядел успех в глазах обитателей квартала Марэ. Оноре упорно противился всем планам на его счет. Он тоже был честолюбив и горд, тоже стремился к успеху, но жаждал литературной славы. Почему? Быть может, потому, что он столько читал и с увлечением слушал рассказы о головокружительной карьере Бомарше; возможно, сыграли роль и брошюры отца. В семье все питали слабость к сочинительству. Однако если тут достаточно любили изящную словесность и не просто держали в книжном шкафу творения классиков, но читали их, то все же больше всего значения придавали богатству. Можно ли, занимаясь литературой, составить себе состояние? По мнению госпожи Бальзак, все дело было в этом. И в доме завязался жаркий спор. Даблея, дядюшка Даблен, удалившийся на покой торговец скобяными товарами, который слыл оракулом в своем кругу, где его считали образцом просвещенного человека, обладавшего тонким вкусом, заявил, что из Оноре ничего, кроме писмоводителя, не выйдет. Но Бернар-

Франсуа лучше знал своего сына. Он ценил ум Оноре и возлагал на юношу большие надежды. Коль скоро мальчик утверждает, что у него есть талант, пусть докажет на деле. Надо дать ему возможность испробовать свои силы и положить на это два года, а родители будут давать сыну полторы тысячи франков в год.

Следует сказать, что такое предложение свидетельствовало о великодушии. Сумма эта составляла немалую часть доходов семьи, и ее уделяли молодому человеку не для продолжения занятий, суливших ему надежное положение в обществе, а для того, чтобы он писал драмы или романы. Такая наивная вера трогает, и за этот самоотверженный поступок можно простить госпоже Бальзак мелочную экономию на завтраках сына и всегда гневный взгляд. Она сняла для Оноре за шестьдесят франков в год мансарду в старом доме, помещавшемся на улице Ледигьер под номером девять, неподалеку от библиотеки Арсенала. Здесь он должен был провести время искусства. Однако Бальзаки стыдились признаться своим друзьям из квартала Марэ в том, что содержат в Париже сына, «который ничего не делает», и было решено говорить всем, будто Оноре живет в Альби у кузена. Вот почему он должен был меньше показываться на людях и выходить на улицу только после того, как спустятся сумерки. Связь между ним и Вильпаризи поручили поддерживать мамаше Комен — она часто ездила в Париж за покупками. Оноре и сестры окрестили ее «вестницей богов — Иридой».

Если верить Бальзаку, его мансарда в шестиэтажном доме была конурой, «не уступающей венецианским „свинцовым камерам“». В это темное, низкое логово вела грязная лестница со сломанными ступеньками. «Как ужасна была эта мансарда с желтыми грязными стенами! От нее так и пахнуло на меня нищетой... в щели между черепицами сквозило небо... Комната стоила мне три су в день, за ночь я сжигал на три су масла, уборку делал сам... на прачку... не больше двух су, два су на уголь и два су мне оставалось на непредвиденные расходы»¹. В действительности, если в его мансарде и пахло нищетой, то это была лишь временная нищета молодого буржуа, сына зажиточных родителей, которому доста-

¹ Б а л ь з а к. Шагреневая кожа.

точно было вернуться к ним в Вильпаризи, чтобы вновь жить, не ведая нужды.

Оноре сам покупал провизию и сам готовил себе пищу. По условиям договора, заключенного с родителями, затворник с улицы Ледигьер ни с кем не виделся, за исключением дядюшки Даблена, которого он именовал своим Пиладом; тот изредка поднимался на шестой этаж, с тем чтобы надавать своему юному другу кучу советов, сообщить о том, что происходит в недоступном ему мире, и рекомендовать его вниманию «обитателей третьего этажа», у которых была довольно хорошенькая дочка, и владельцев дома, сдававших внаем мансарду. Чтобы укрыться от ветра, проникавшего в окно и дверь, Оноре смастерил ширму из синей бумаги, купленной за шесть су. Большую радость приносили затворнику визиты «вестницы богов Ириды» — мамыши Комен, доставлявшей письма от Лоры; послания эти были забавные, нежные, а иногда ворчливые, ибо сестра, случалось, пересказывала упреки, которые мать обращала к своему блудному сыну.

Папа сказал нам, что ты воспользовался свободой прежде всего для того, чтобы приобрести квадратное зеркало в позолоченной раме и гравюру для украшения комнаты: мама и папа этим недовольны. Милый брат, ты сам распоряжаешься своими деньгами, вот почему ты должен с умом употреблять их на оплату квартиры, стирку белья и еду. Когда мы думаем о том, какую брешь создадут потраченные тобою восемь франков в той сумме, которую в трудную для нас пору мама могла тебе выделить, то все мы — и прежде всего она — со страхом спрашиваем себя, на что же ты станешь жить; мама просит тебе передать, что ты совершил неловкость, позволив себе эту покупку, ибо этим дал понять, что приобретенное ею для тебя зеркало ни к чему и что она только напрасно истратила пять франков, а ведь она сейчас в стесненных обстоятельствах; вот почему она просит тебя прислать ей это зеркало с мамашей Комен, ибо в такой комнате, как твоя, два зеркала, разумеется, не нужны. А потому, милый Оноре, впредь будь осмотрительнее и не повторяй подобных ошибок; мне хочется и приятно писать тебе только ласковые, нежные слова, я готова в крайнем случае передавать тебе мамины советы, а выполнять ее сегодняшнее поручение мне не доставляет никакого удовольствия, ну ни малейшего.

Итак, все дело было в том, что слишком обидчивая мамаша не могла вынести, как это сын предпочел другое зеркало тому, которое выбрала она сама. Дальше Лора сообщала домашние новости:

На вакансиях у нас в Вильпаризи будет много народу, а ты ведь знаешь, как это важно в деревне! Все думают, что ты — по

дороге в Альби, и возносят молитвы за путешествующих... Мы еще не знаем, окажутся ли дамы де Берни подходящими для нас знакомыми... Бабуля подарила нам три шляпки из простроченной соломки — теперь такие носят; они просто прелесть, сам посуди, как мы ими гордимся... Окрестности Вильпаризи чудесны, особенно хороши леса. Каждое утро с шести до восьми часов, я сижу за фортепьяно; пальцы сами разыгрывают гаммы, а мысли мои уносятся на улицу Ледигьер.

Прелестный лепет юной девушки приводил Оноре в восхищение; он находил время отвечать ей длинными письмами. Брат, как и сестра, писал быстро, не раздумывая, «одним духом». То была «сердечная болтовня», она журчала, как чистый родник.

Мадемуазель Лоре, 12 августа 1819 года:

Ты хочешь узнать, дорогая сестра, подробности о моем переезде и моем образе жизни. Вот они! О своих покупках я уже писал маме; но сейчас ты содрогнешься: что там покупки — я нанял слугу!..

— Слугу, брат мой? И о чем ты только думаешь?

Слугу господина Наккара зовут Тихоня, моего зовут Я-сам. Пробудившись, я звоню ему, и он убирает мою постель.

— Я-сам!

— Чего изволите, сударь?

— Ночью меня кто-то искусал, взгляни, не завелись ли клопы?

— Помилуйте, сударь, какие еще клопы!

— Ладно.

Он начинает подметать, но делает это не слишком умело... Вообще-то он славный малый; он старательно оклеил белой бумагой полки в шкафу возле камина, аккуратно сложил туда мое белье и даже сам приладил замок. Из синей бумаги, купленной за шесть су, и рамы, которую ему кто-то дал, он соорудил мне ширму, а потом побелил комнату — от книжной полки до самого камина.

Если он вздумает ворчать, чего пока еще ни разу не случилось, я пошлю его в Вильпаризи за фруктами или же в Альби — узнать, как поживает мой двоюродный братец.

О своей работе Бальзаку, увы, почти нечего сказать.

Поверишь ли, целую неделю я все размышлял, мебель с места на место переставлял, из угла в угол шагал, потом что-нибудь жевал, но толком так ничего и не сделал. Роман «Бредни»¹ теперь кажется мне очень трудным, пожалуй, он мне не по силам. Пока что я только учусь и совершенствую свой вкус.

Оноре читал запоем: стихи и прозу, французских и иностранных авторов, изучал философию истории,

¹ Задуманный Бальзаком роман в письмах.— *Примеч. автора.*

задавался вопросом, не сумеет ли он — после всех бурных перемен, принесенных Революцией, а главное — после кодекса Наполеона — дополнить труд Монтескье, написав книгу «Дух новых законов».

Лоранса (ей было семнадцать лет), как и Лора, писала брату; без всяких к тому оснований она считала себя глупенькой.

Я вывожу из терпения бабулю, на всех нагоняю тоску, и они по праву сердятся на меня... Мама не делает никакого различия между двумя своими Лорами; должно быть, это ей нелегко дается, ведь сестрица — не мне чета... Почему так бывает в жизни: одна сестра душечка, а другая — *никудышечка?*

Еще одно словцо из семейного лексикона Бальзаков! В словарях вы «никудышечку» не найдете. Лоранса признавалась, что она завидует тому, как хорошо играет на фортепьяно «милая сестрица». Но на самом деле Лора и Лоранса нежно любили друг друга. Романтичная Лоранса уходила в свои заросли сирени, там она мечтала о будущих женихах и уже успела похоронить семерых — в их числе были и «танцующие пастушкí», которых ей представлял кузен Саламбье, басонщик; девушка немного стыдилась, когда при посторонних он называл ее «кузина» и принимался разглагольствовать о своей лавке.

Как и все в семействе Бальзаков, Лоранса позволяла себе весьма смелые, насмешливые высказывания в духе Вольтера. Побывав на торжественном богослужении в столице, она писала сестре:

После проповеди всякий, должно быть, чувствовал себя осужденным на муки ада и ввергнутым в геенну огненную; но бедные мои ноги заledenели, и я поняла, что еще не нахожусь в преисподней; вот почему я по-прежнему расположена совершать греховные проступки: ходить в театры, на балы и в концерты, во все эти *мирские вертепы*, *рассадники разврата*, где невинность и целомудрие... и так далее. и тому подобное.

Дети Бернара-Франсуа дерзко осмеивали общепринятые представления людей благонамеренных.

Оноре смотрел из своего окна на кровли Парижа, «бурые, сероватые или красные, аспидные и черепичные». Он обнаруживал «своеобразную прелесть... полосы света, пробивавшиеся из-за неплотно прикрытых ставен... сквозь туман бледные лучи фонарей бросали снизу свой желтоватый свет... у чердачного окна с полу-

сгнившею рамой молодая девушка занималась своим туалетом», и он «видел только... длинные волосы, приподнятые красивой белой рукой»¹. Он проникался поэзией Парижа и по вечерам, чтобы подышать воздухом, бродил по Сент-Антуанскому предместью или шел на кладбище Пер-Лашез. В предместье он наблюдал за рабочими, смешивался с их толпой и вместе с ними возмущался хозяевами мастерских.

Иногда, следуя за какой-нибудь четой и прислушиваясь к разговору, он вдруг ощущал, будто сливается с этим мужчиной и с этой женщиной. Тут проявлялся его дар ясновидения.

Моя наблюдательность приобрела остроту инстинкта: не пренебрегая телесным обликом, она разгадывала душу — вернее сказать, она так метко схватывала внешность человека, что тотчас проникала и в его внутренний мир; она позволяла мне жить жизнью того, на кого была обращена, ибо наделяла меня способностью отождествлять с ним себя самого, так же как дервиш из «Тысячи и одной ночи» принимал образ и подобие тех, над кем произносил заклинания... Слушая этих людей, я приобщался к их жизни; я ощущал их лохмотья на своей спине; я сам шагал в их рваных башмаках; их желания, их потребности — все передавалось моей душе, или, вернее, я проникал душой в их душу. То был сон наяву².

Откуда взялась в нем эта способность? Он обладал ею с детства.

На кладбище Пер-Лашез, стоя на холме между могилами, он видел Париж, «извилисто раскинутый» вдоль берегов Сены, Париж в синеватой пелене, сотканной из дыма и городских испарений. Зажигались огни. Глаза его жадно устремлялись к этим сорока тысячам домов. Между Вандомской площадью и куполом Дома Инвалидов обитал в особняках тот высший свет, куда он хотел проникнуть и куда он надеялся силой собственного гения проложить себе путь в будущем.

Семья дала ему двухлетний срок, чтобы он мог проявить свой талант. За что приняться? Любознательность толкала его к философии. Он пытался постичь общество, мир, человеческие судьбы. В ту пору молодые

¹ Бальзак. Шагреневая кожа.

² Бальзак. Фачино Кане.

люди зачитывались «Общей анатомией» Бишá и «Анатомией мозга» Галля, ученого, столь любезного доктору Наккару. В Вандоме, в Туре, а затем в Париже Оноре изучал труды мыслителей, не столь близких механицизму,— труды Декарта, Спинозы, Лейбница. В библиотеке, расположенной неподалеку от улицы Ледигьер, он взял книгу Мальбранша «Разыскания истины». Бальзак и сам ошупью искал собственную философскую теорию. Сохранились философские заметки, которые он набрасывал в 1817—1820 годы. Они свидетельствуют о его упорном желании создать свою доктрину, «сорвать последние покровы» с истины и о страсти к чтению самых разных авторов, унаследованной от Бернара-Франсуа. Тут фигурируют попеременно Платон и Бель, Диоген и Аристотель, святой Бернар и Рабле, решения Латеранского собора и труды индийских философов, Ламарк, Гоббс и другие. Он на всю жизнь сохранит вкус к перечислению имен людей выдающихся.

Он предполагал написать «Трактат о бессмертии души», хотя сам в это бессмертие не верил. «Увядание душевных сил доказывает, что и душа подчиняется законам, управляющим жизнью тела: она рождается, растет, умирает... Нет никакого сомнения в том, что память слабеет, что сила духа, мужество покидают человека, хотя он еще продолжает существовать».

Короче говоря, это был бы скорее трактат, отрицающий бессмертие души. «Мы еще не убеждены в существовании души. Как можно утверждать ее бессмертие, если даже не установлено, что она существует?.. У нас нет иного бессмертия, кроме памяти, которую мы оставляем после себя, да и то при условии, что мир вечен». К тому же наш теолог, обитавший в мансарде, обнаружил, что догмат о бессмертии души был утвержден Латеранским собором: «Положение это заимствовано нами не у Христа, а у Платона».

Самое важное состоит не в философских взглядах молодого Бальзака, которые к тому же менялись, а в том, что он испытывал потребность в собственной философской доктрине. Он «не допускал, чтобы выдающийся талант мог обойтись без глубокого знания философии... Он был занят тем, что усваивал богатое насле-

дие философии древних и новых времен»¹. Позднее, диктуя близкому другу предисловие, в котором много автобиографического, он вспомнит о том времени, когда «господин де Бальзак, ютившийся на чердаке неподалеку от библиотеки Арсенала, работал без отдыха, сравнивая, исследуя, резюмируя произведения философов и медиков древности, средних веков и двух последующих столетий, посвященные мозгу и мышлению человека. Подобная склонность ума говорила об определенном предрасположении». Слова эти не были бахвальством, мы находим многочисленные следы его огромного труда: философская основа романов Бальзака была разработана им до того, как он приступил к их созданию. В ту пору, когда он жил на чердаке, он заложил фундамент, на котором позднее воздвиг свое монументальное творение.

Для того чтобы получить нужные для его духовных поисков книги, Оноре обращался к кому только мог. У дядюшки Даблена он просит Библию на латинском языке с французским переводом, у Лоры — Тацита из отцовской библиотеки.

Лора, моя дорогая, моя любимая Лора, неужели никак нельзя утянуть Тацита? («Утянуть» на семейном языке означало «украсть», «утащить»). У кого же все-таки ключ? Неужели папа никогда не выходит из комнаты?

В ожидании Тацита он читал произведения других писателей древности. Вот что он писал Теодору Даблену:

Я обдумывал обвинительную речь в духе тирад Цицерона против Катилины, речь, направленную против вас, дядюшка. Как? Целый месяц прошел, а вы ни разу не заглянули на улицу Ледигьер почердачить со мною!

Увы! Бальзак слишком хорошо знал, что одними философскими химерами не проживешь. Театр сулил больше земных благ. И он просит у дядюшки Даблена «Сицилийскую вечерю» Казимира Делавиня и «Марию Стюарт» Пьера Лебрена. Пьесы бывшего клерка из конторы адвоката Гийонне-Мервиля — Эжена Скриба уже ставили многие театры. Но Скриб писал водеви-

¹ Б а л ь з а к . Утраченные иллюзии.

ли; Бальзак метил выше. Отчего бы ему не создать пятиактную трагедию, да еще в стихах? В свое время он сочинил несколько поэм («Людовик Святой», «Иов»), но сам потешался над ними, ибо они свидетельствовали только о том, что их автор «лишен версификаторского дара». В самом деле, трудно представить, до какой степени он плохо чувствовал ритм стиха. И все же, прочтя два тома Вильмена, который сделал модным имя Кромвеля, Оноре решил избрать лорда-протектора героем своей трагедии. Он уже разработал ее план.

Лоре Бальзак, 6 сентября 1819 года:

Трепещи, дорогая сестра! Мне потребуется по крайней мере семь или восемь месяцев для того, чтобы сочинить сцены и переложить их стихами, но еще больше времени уйдет на окончательную отделку.

Главные мысли уже на бумаге; там и сям разбросаны несколько стихов, но я семь или восемь раз до основания изгрызу ногти, прежде чем мне удастся воздвигнуть свой первый монумент. (Ах, если бы ты только знала, с какими трудностями сопряжены подобные работы!) Достаточно тебе сказать, что великий Расин два года отделявал «Федру», предмет зависти всех поэтов! Но ты только подумай: два года, два года, целых два года!

Мне необыкновенно приятно, трудясь до изнеможения (скоро я стану работать днем и ночью), приобщать к своим занятиям дорогих моему сердцу людей; мне кажется, если небо одарило меня хотя бы крупницей таланта, то самым большим удовольствием для меня будет сознание, что слава, которой я могу достичь, распространится и на тебя, и на милую нашу матушку. Подумай только, какую радость я испытаю, если мне удастся прославить имя Бальзак! Какой счастливый удел — побеждать забвение... Вот почему, когда мне случается набрести на удачную мысль и я облакаю ее в звучный стих, мне чудится, будто я слышу твой голос: «Вперед, смелее!» Я мысленно прислушиваюсь к звукам твоего фортепьяно и опять сажусь за стол, с новым жаром принимаясь за работу!

Само собой разумеется, он не желал творить, угождая вкусам современников. Он думал о потомстве. Труд писателя вовсе не казался ему легким. Оноре делает любопытные статистические подсчеты. В трагедии должно быть две тысячи стихов; стало быть, потребуется от восьми до десяти тысяч усилий мысли.

Ах, сестра, как мучительна оборотная сторона славы! Черт побери, да здравствуют лавочники!.. Вот счастливицы! Впрочем, нет, они всю жизнь проводят, торгуя мылом и швейцарским сыром!.. В таком случае долой лавочников! Да здравствуют литераторы!

Порою он отдыхал от своего «Кромвеля», «делая наброски к небольшому роману в античном духе...»

Выхожу редко,— писал он,— но когда у меня ум за разум заходит, я развлекаюсь прогулкой на кладбище Пер-Лашез!.. Но, даже навещая мертвых, я замечаю только живых.

Да и в своей мансарде на улице Ледигьер он порою принимал живых. Мать привозила свиной окорок, и это улучшало его обычный рацион. Дядюшка Даблен по-прежнему навещал его. Оноре всякий раз ожидал его прихода, чтобы поговорить о театре, о книгах, о политике с этим торговцем скобяными товарами, любившим классиков и придерживавшимся либеральных взглядов. «Коварный дядюшка, вот уже шестнадцать долгих дней я вас не видел. Как это дурно с вашей стороны, ведь вы — единственное мое утешение... Знайте, целую неделю я живу как в преисподней. Я ничего не видал, ни о чем не слышал, никто мне и словечка не написал; даже мамаша Комен и та не показывается».

Ему уже осточертели англичане-цареубийцы, и все же он днем и ночью заставлял себя воспевать их французским александрийским стихом. «Я твердо решил: хоть околею, но доведу до конца «Кромвеля» и напишу еще кое-что, прежде чем матушка потребует у меня отчета, на что я убил время». Впрочем, театр должен был стать только первым шагом. Он писал Лоре, которой привык поверять свои заветные мысли, что Французская революция еще далеко не закончена и что в дни политических кризисов возникает потребность в литераторах, ибо они знают человеческое сердце,— словом, если он будет держаться молодцом, а Оноре на это надеется, то добьется не только литературной славы, но и славы великого гражданина. «Я уподобляюсь Перетте с кувшином молока... Если в Вильпаризи ненароком продают гениальность, купи для меня, да как можно больше».

Он мечтал о том, чтобы в его мансарде стояло фортепьяно и можно было бы отдохнуть между двумя тирадами из трагедии, играя любимую пьесу — «Сон Руссо» Крамера. Запрет показываться на людях тяготил его. В октябре 1819 года он писал Теодору Даблену:

Я еще не видел ни одной пьесы своего старого генерала Корнея. А это очень плохо для новобранца. Так хочется посмотреть «Цинну», что порою просто подмывает купить билет в огражденную перилами ложу. Кто, черт побери, разглядит меня из партера в толпе?

Оноре похудел, побледнел, глаза у него ввалились, отросла борода, и вид был такой, точно он «вышел из больницы или играет роль в мелодраме». Он страдал от сильной зубной боли, но лечиться не хотел, заявляя, что «волки никогда не обращаются к дантистам, и люди должны следовать их примеру». Это великолепное рассуждение, «достойное нашего папы», привело к тому, что у Бальзака уже в юности был щербатый рот.

Сердце его осталось в Вильпаризи. Не так-то легко было оторваться от «небесного семейства». У бабушки «совсем разыгрались нервы», но она все же тайком оплачивала счета переплетчика, которому задолжал Оноре. Мамаша Ирида-Комен, прозванная также «балаболкой», приносила ему письма от Лоры, где на все лады повторялось одно: «Пиши, пиши, пиши». Он выполнял ее просьбу и восхищался эрудицией сестры, цитировавшей Монтеस्कье: «Счастливы братья, имеющие таких сестер, как моя Лора». Она подтрунивала над его амурными похождениями, героиней которых была то едва знакомая ему барышня с третьего этажа, то еще какая-нибудь девица. «Ох уж эта Лора! Она желает видеть во мне Ловеласа! Но почему, скажите на милость? Добро бы я был Адонисом или Селадонем, а китайскому болванчику место не в алькове у дамы, а на ее камине». Оноре хотел бы, чтобы она представила его себе в ночном одеянии: на нем шерстяная фуфайка, а поверх — старый каррик, ибо в мансарде ледяная стужа; он просил сестру прислать ему колпак из красной мериносовой шерсти, подбитый ватой, словом, как у папы. Его ужасало, как много масла сгорает в лампе. И тут же он выражал тревогу, что Лора слишком уж часто говорит о некоем Сюрвиле. Это был молодой инженер-путеец, окончивший Политехническое училище. Теперь Сюрвиль принимал участие в ремонтных работах на обводном канале реки Урк, он жил на одном из постоянных дворов в Вильпаризи. Сумев познакомиться с обеими сестрами Бальзака, Сюрвиль стал завсегдаем их дома.

Ты много говоришь о господине де Сюрвиле. Постарайся, чтобы он ухаживал не за тобой, а за Лорансой; кажется, он у вас частый гость. Будьте с ним любезны и следите за своей осанкой, как те благонравные девицы из квартала Марэ, о которых поется в песенке про бульвар Тампль; ведь всегда приятно одержать победу. Разве, собираясь ловить голубей, не привязывают одного возле силка? Разумеется, я не думаю, что вы расставляете силки, но замужество!.. Ох уж это замужество!

Эжен-Огюст-Луи, известный под фамилией Сюрвиль, родился в Руане 5 июня 1790 года. Он был внебрачным ребенком провинциальной актрисы Катрин Аллен, взявшей себе в театре фамилию Сюрвиль и дебютировавшей под этой фамилией в 1785 году; его отец скончался до рождения сына. Двадцать второго февраля 1791 года богатый руанец Луи-Эмманюэль Миди д'Анде, «бывший дворянин», признал, что младенец — «сын его умершего брата», Эжена-Огюста-Луи Миди де ла Гренере, скончавшегося 9 октября 1789 года. В акте, составленном тремя нотариусами, указывалось, что, «желая обеспечить будущее ребенка и принимая во внимание трудности, с которыми сталкивается мадемуазель Аллен при воспитании сына, а также стремясь возместить ущерб, каковой могло ей причинить знакомство с господином Миди де ла Гренере», Миди д'Анде посредством дарственной записи назначает годовую ренту в тысячу двести ливров побочному сыну своего брата и незамужней матери ребенка.

Некий руанский журналист Жан-Габриэль Мильсан, назначенный решением окружного суда в Руане опекуном маленького Эжена и по личным мотивам принимавший участие в судьбе матери, ходатайствовал о том, чтобы мальчику разрешили носить имя отца, и добился, чтобы в метрическое свидетельство ребенка внесли поправку. Решением суда от 14 вантоза II года Республики Эжен был признан «побочным сыном покойного Огюста Миди де ла Гренере, имеющим право в качестве такового считаться наследником своего отца». Однако юный Эжен продолжал называть себя Аллен-Сюрвиль, под этим именем он и был принят 20 ноября 1808 года в Политехническое училище. На вступительных экзаменах он занял двадцатое место, то есть оказался в числе лучших. В 1810 году юноша поступил в Императорское училище по строительству мостов и дорог, а позднее участвовал в кампании 1814 года

в качестве лейтенанта инженерных войск. В 1817 году Сюрвиль был прислан для участия в работах на обводном канале реки Урк и выбрал Вильпаризи своим местожительством. Всю жизнь ему предстояло хранить верность своей несчастной склонности к сооружению каналов, и этого пылкому увлечению ничто не могло ослабить.

Поначалу Лора считала Сюрвиля мелкой дичью для себя. «В ту пору я еще жила в царстве мечты: вдруг я в один прекрасный день разбогатею, вдруг я выйду замуж за лорда, вдруг, вдруг, вдруг!..»

На Новый год он явился с конфетами, но напрасно. Его банальные подарки встречали с пренебрежением. Однако в мае 1820 года молодой инженер наконец воспользовался своим правом на отцовское имя — Миди де ла Гренере — и наследство. Узнав о брачных планах сына, Катрин Аллен открыла ему тайну его рождения. В письме, адресованном графу де Бекке, генеральному директору ведомства путей сообщения, Эжен указывал, что его матушка до сих пор не позаботилась добиться исполнения давнего решения суда, а потому ему пришлось съездить в Руан, чтобы узаконить свое гражданское состояние. И он просил отныне именовать его Миди де ла Гренере-Сюрвиль.

Это имя и пожизненная рента заставили родителей Бальзака взглянуть другими глазами на молодого человека. Инженер, окончивший Политехническое училище, да к тому же еще обладатель дворянской частицы «де», — нет, такими женихами не бросаются! На Лору оказали давление. Сюрвиль, часто ездивший в Руан по делам службы, взял на себя труд пересылать письма, которые сестры писали своему брату. То были чудесные письма. В семье Бальзаков все владели пером гораздо лучше, чем сами полагали. Никудышный драматург, Оноре без малейшего усилия создавал образцы эпистолярного жанра.

Вот каким слогом писала Лоранса:

ПРИДВОРНАЯ ХРОНИКА ВИЛЬПАРИЗИ

Вчера король присутствовал на богослужении. Я ошиблась, его величество никогда не посещает церковь. Вчера король подписал свадебный контракт своей дочери... Нет, он ничего не подписывал, ибо принцессы, его дочери, вовсе не выходят замуж. Вчера у короля заledenели ноги — вот это правда, ибо в комнате у него немислимая стужа, а щели в двери даже не заделаны.

Вчера у королевы весьма сильно ныло плечо; придворные медики решили, что ее просквозило из окна гостиной. Надеются, что ее величество скоро исцелится. В стране множество гусей; они постоянно возятся в канаве перед замком, и это отравляет жизнь ее величеству; прошлой ночью эти несносные создания внезапно разбудили ее. Поелику Капитолий спасать не надо, королева была весьма разгневана, что гуси нарушили ее сон.

22 октября.— День тезоименитства ее величества королевы Анны-Шарлотты-Лоры Саламбье. Ее величество королева, неустанно заботясь о счастье своих подданных, желала бы отметить этот день народными празднествами, однако его величество король, радея о благе государства, соизволил повелеть, чтобы годовщина столь знаменательного события была отмечена без особого шума. Это ужасно огорчило принцесс: они уже собирались облачиться в свои праздничные одеяния и отправиться к дамам де Берни, дабы пригласить их в гости. Вот как предполагали отпраздновать этот день. Хотелось бы, чтобы вы по крайней мере ощутили его аромат: наш семейный острослов принцесса Лоретта направила послание в прозе кузену Саламбье, прося его превратить букет искусственных цветов в угощение; вышеупомянутый родственник должен был привезти свежеспеченную бриошь прямо от знаменитого Карпантье, савойский бисквит и жареные лионские каштаны; кроме того, он должен был прихватить с собой нескольких танцующих пастушков...

Таким образом, прекрасные принцессы уже заранее радовались возможности поплясать; к сожалению, план этот лопнул, как мыльный пузырь.

Так или иначе, но торжественное празднество не состоялось, ибо кузен Саламбье, играющий видную роль при дворе, находился в это время в Эльбефе, где расположены его суконные фабрики. И радостный день прошел в кругу семьи; после обеда принцесса Лоранса ненадолго удалилась; спустившись по очень крутой лесенке в погреб, она принесла оттуда остаток бордоского вина. Так что за десертом все пили здоровье августейшей королевы...

Господин де Сюрвиль приходит каждый вечер; этот молодой вельможа ведет себя безупречно; по словам королевы, он ни капельки не думает о принцессах (тем хуже, ибо Сюрвиль весьма поэтичный юноша); он — отличная партия, и такой брак послужил бы на благо Франции.

А вот образчик слога самого Оноре:

В нашем квартале, в доме номер девять по улице Ледигьер, на шестом этаже, вспыхнул пожар: он возник в голове некоего молодого человека. Уже полтора месяца пожарные выбиваются из сил, однако потушить пламя не удастся. Юноша охвачен страстью к прекрасной даме, с которой он даже не знаком. Ее имя — Слава.

Ныне я понимаю, что не богатство составляет счастье человека, уверяю тебя, что те три года, которые я проведу (здесь), будут для меня всю остальную жизнь источником радостных воспоминаний. Ложиться спать, когда заблагорассудится, жить, как тебе вздумается, работать над тем, к чему есть склонность, а когда не хочется, вовсе ничего не делать, не ломать голову над будущим, встречаться только с умными людьми (в их число я включаю дя-

дюшку Даблена) и покидать их, когда они тебе наскучат, видеть глупцов только мимоходом и поспешно уходить, завидя их; думать о Вильпаризи, вспоминать только хорошее; иметь своей возлюбленной Новую Элоизу, своим другом — Лафонтена, своим судьей — Буало, своим образцом — Расина и местом для прогулок — кладбище Пер-Лашез... Ах, если бы это могло длиться вечно!

Контуры «Кромвеля» начинали с грехом пополам вырисовываться. Полный и подробный план трагедии был послан Лоре в ноябре 1819 года.

Проникнитесь почтением, мадемуазель: к вам обращается Софокл. Милая сестра, по тем маленьким, очаровательным, забавным планам, которые рождаются в твоей маленькой, очаровательной, забавной головке, можешь судить сама, какого труда требуют театральные сочинения, где обязательно соблюдать три единства, где недопустимо неправдоподобие и так далее и тому подобное... Если тебя осенят какие-нибудь счастливые мысли, сообщи их мне. Но пусть они будут прекрасны, мне нужно только возвышенное. Я хочу, чтобы моя траг(едия) сделалась настольной книгой королей и народов, я хочу начать с шедевра или же свернуть себе шею.

Младшая сестра Лоранса быстро росла, она жаловалась на слабость и сильно похудела. Теперь в ней нельзя было узнать прежнюю толстушку Лорансо. «Королева» повезла дочку в Париж, и там чудотворный доктор Жан-Батист Наккар «поставил ее на ноги». Лоранса продолжала вести «придворный дневник».

Принцесса Лора по-прежнему прелестна, мила, весела и нежна, как ангел: мы очень любим друг друга... Я ее боготворю; она была рождена в счастливейший день; природа создала ее сердце совершенным. Я хочу избрать ее образцом для себя. Хочу во всем на нее походить, чего бы мне это ни стоило...

Господин де Сюрвиль по-прежнему бывает в доме; он очень умен, рассудителен и положительно совсем не думает о нас. Он не желает обзавестись властелином; он провозглашает: «Да здравствует свобода!», разумея под этим холостяцкую жизнь.

Между тем Оноре, кутавшийся в свой старый каррик и натягивавший на голову «дантову шапочку», дрожал от стужи у себя в конуре и мечтал купить какое-нибудь старое кресло, которое по крайней мере уберегло бы его «спину от холода, а зад от геморроя». Работа подвигалась медленно: «Я написал стихотворный монолог в духе Шаплена, и стихи казались мне великолепными. Но, прочитав их внимательно, я обнаружил, что они почти все не удались. Какая досада!» В начале декабря госпожа Бальзак поднялась по крутой и грязной лестнице дома на улице Ледигьер. Она была сражена.

Тот, на кого я так надеялась, тот, кто должен был упрочить положение нашей семьи, за несколько лет растерял большую часть сокровищ, которыми его щедро наградила природа; и все потому, что меня не послушались!

Оноре уже мог бы продвигаться по пути успеха, пожалуй, мог бы добиться вождеденной должности старшего клерка, а он вместо этого бредит театром, с языка у него не сходят имена актрис. Он наказан, и поделом! — твердила мать. Все старшие клерки уверенно идут к благосостоянию, в будущем они могут стать министрами, генералами. А Оноре, гораздо более способный, чем они, сидит на хлебе и молоке, ютится в какой-то конуре, где вместо приличной мебели — продавленный стул, колченогий стол да жалкая койка. Вот достойные плоды его упрямства.

Между тем «Кромвель» потихоньку продвигался, но, увы, не без помощи больших порций кофе. Пьеса была откровенным подражанием произведениям римских классиков и трагедиям Корнеля и Расина. Так, например, Бальзак записывал: «Для гневного, обличительного монолога, которым заканчивается пятое действие, надо перечесть монолог Дидоны у Вергилия и монолог Камиллы у Корнеля». Чтение это оставило слишком явственные следы. По примеру Камиллы, проклинавшей Рим, королева Генриетта проклинает Англию!

Ты ненавистен мне, коварный Альбион!..
Измена зреет тут, грозит со всех сторон!
Отныне, Франция, к тебе мое моленье:
Тебе вручаю я свой трон, детей и мщенье!..
Пусть мститель из глубин моей страны встает,
Пусть беспощадно спесь он с англичан собьет,
Пусть ненависть моя его удар направит,
От Карфагена пусть он новый Рим избавит!

Боссюэ, Священное писание и Оноре вместе участвовали в сочинении следующего стиха: «Учитесь, короли, как миром управлять!» Необыкновенно благородный Карл I был списан с императора Августа, изображенного в «Цинне». Словом, трагедия эта была плодом труда риторы, малоодаренного стихотворца, но человека достаточно образованного, который упорно трудился над неблагоприятным материалом. Но каков бы ни был рожденный в мансарде «Кромвель», он привел в вос-

торг почтенную матушку. Ее самолюбию льстило, что она произвела на свет автора пятиактной трагедии в стихах, пусть даже скучной. В январе 1820 года Лора писала брату: «Мама довольна тобой, твои труды ее восхищают». Госпожа Бальзак была восхищена до такой степени, что сама вызвалась переписать набело рукопись «Кромвеля» — у нее был красивый почерк.

Чтобы немного отдохнуть после изнурительной работы, Оноре решил провести несколько дней в Лиль-Адане, в чудесной долине Уазы, в доме старинного друга своего отца Луи-Филиппа де Вилле-ла-Фэ. Господин де Вилле, каноник, не страдавший религиозным фанатизмом, с 1782 по 1790 год исправлял выгодную должность дворцового капеллана у графа д'Артуа. После Революции он сложил с себя сан и вернулся к мирской жизни; собственно говоря, он никогда от нее не отказывался. Он всегда был волокитой и доживал свои дни под одной крышей со своей давней приятельницей, которая «вела дом»; то была Эме Амá де ла Плэн, вдова некоего господина де Нюси. Вилле «постоянно выказывал дамам весьма галантные знаки внимания». Он любил юного Оноре и обычно с удовольствием принимал его у себя. Привязанность эта была взаимной. В ту пору, когда Бальзак жил в мансарде, он писал сестре Лоре:

Я испытываю сильные угрызения совести из-за того, что мы не доверили господину де Вилле нашу тайну, ведь он так ко мне расположен; к тому же он не знает никого, кому мог бы нас невольно выдать; как всякий мужчина, у которого было много любовных приключений, он не боллив; а ты сама понимаешь, что после зимы, которую я проведу в изнурительных трудах, мне потребуется с наступлением хорошей погоды отдохнуть хотя бы две недели. Ты знаешь, что Лиль-Адан для меня рай земной, он оказывает на меня самое благотворное воздействие. Не подумай только, что мне просто надоело жить впроголодь, нет, я счастлив, как никогда. Но ведь славный господин де Вилле так меня любит. Напиши же ему, что и я люблю его по-прежнему. Ну, там видно будет.

Влияние, которое бывший священник де Вилле оказывал на молодого Бальзака, расшатывало веру, да и добродетель юноши. Разумеется, старик был достаточно тактичен и не хулил религию, которой был стольким обязан. Но его любовные похождения сами по себе «доказывали относительность нравственных устоев».

Отец предложил Оноре на обратном пути из Лиль-Адана заехать в Вильпаризи. У них соберутся несколько друзей, и молодой автор прочтет им свою трагедию. Бальзак предвкушал триумф и настаивал на присутствии дядюшки Даблена, который в свое время объявил, что из Оноре ничего, кроме писмоводителя, не выйдет. Сестра Лора вспоминала:

Друзья собрались, и торжественное испытание началось. Энтузиазм чтеца мало-помалу угасает: он замечает, что труд его не оказывает на слушателей ожидаемого впечатления; на лицах окружающих — холодное равнодушие либо недоумение.

Едва дождавшись конца чтения, дядюшка Даблен, торговец скобяными товарами с замашками дунайского крестьянина, с присущей ему резкостью, без обиняков высказывает свое мнение о «Кромвеле». «Оноре протестует, оспаривает его суждение, но остальные слушатели, хотя и более снисходительные, также в один голос заявляют, что произведение весьма далеко от совершенства». Самолюбие госпожи Бальзак уязвлено, нежные сестры, Лора и Лоранса, сильно огорчены. Славный Бернар-Франсуа страдает оттого, что страдает его любимый сын. И старик предлагает показать «Кромвеля» человеку сведущему и беспристрастному. Сюрвиль, влюбленный в прелестную Лору, спешит предложить свои услуги: он может передать рукопись академику Андрие, драматическому писателю, который преподавал литературу в Политехническом училище.

Оноре согласился и поспешно испещрил рукопись своего труда хитроумными предуведомлениями: «Здесь имеются некоторые погрешности против французского языка, но допущены они умышленно». Лора заново переписала рукопись, и в августе 1820 года «Кромвеля» отнесли к опытному судье. Андрие был славный человек, но посредственный стихотворец, «рабски подражавший классикам»; его собрат по перу Лебрен сказал о нем:

В рассказах, где полно острог
(Их Андрие легко кропает,) —
Некстати рифма вдруг мелькнет
И прозу прелести лишает.

Академик добросовестно прочел труд начинающего писателя. Госпожа Бальзак пришла вместе с Лорой, что-

бы выслушать его мнение. Андрие объявил, что юный автор с большей пользой мог бы употребить свое время на что-либо другое, вместо того чтобы сочинять трагедии и комедии. Он прибавил, что не хотел бы обескураживать молодого человека и готов разъяснить ему, «как именно следует подходить к занятиям изящной словесностью». На письменном столе валялся листок с замечаниями академика, навеянными чтением «Кромвеля»; Лора завладела этим листком и передала его брату. Там содержалось еще более суровое суждение:

«Автору надлежит заниматься чем угодно, но только не литературой».

Оноре мужественно встретил этот приговор, он не дрогнул, не склонил головы, ибо не считал себя побежденным. «„Трагедия — не моя стихия, вот и все“, — объявил он и снова взялся за перо», — рассказывает Лора.

Была сделана еще одна, последняя попытка спасти злополучного «Кромвеля». У дядюшки Даблена был лучший друг — Пепен-Леалер, фабрикант, поставлявший военное обмундирование; ему принадлежал дом номер восемь по улице Ришелье, против театра Комеди-Франсез; домовладелец хорошо знал своего жильца, актера Лафона, пайщика этого театра. Даблен пообещал уговорить Лафона прочитать пьесу, но потребовал, чтобы Бальзак подчинился вердикту, каким бы тот ни оказался: «Предоставьте судить о ваших детях тем, кто охотно признает их очаровательными, если только они и в самом деле таковы». Однако совет остался все. Когда Лафон нашел трагедию неудачной, Бальзак объявил Пепен-Леалеру, что «Лафон — человек глупый и не способен оценить пьесу по достоинству». В глубине души Оноре отлично понимал, что «Кромвель» осужден безвозвратно, что, если он и дальше хочет писать, ему следует разрабатывать другую жилу.

Не надо думать, что первая неудача обескуражила его. Он по-прежнему непоколебимо верит в свои силы. Уж он найдет способ проявить свой талант! Романтическое отчаяние никогда не было свойственно молодому поколению семейства Бальзаков. Здесь охотно смеялись, позволяли себе «шутить с любовью», терпеливо ожидали славы и богатства. 18 мая 1820 года Лора вышла замуж за Сюрвиля; венчание происходило в Париже, в церкви Сен-Мерри, в присутствии всего клана

Саламбье. В брачном контракте мать Эжена была поименована «госпожа Катрин Аллен-Сюрвиль, супруга покойного Миди де ла Гренере, ныне его вдова»; свидетелем со стороны жениха выступал его опекун «Жан-Габриэль Мильсан, литератор». Вдова и опекун ее сына, видимо, сожителемствовали, потому что оба проживали в одном доме — в доме номер четыре по улице Пуассоньер. Вместе с ними жила побочная дочь госпожи Катрин Аллен, Теодора; однако вполне возможно, что Сюрвиль сообщил Бальзакам все эти щекотливые подробности семейной жизни своей матери только после свадьбы.

Впрочем, какое это имело значение? «Приличия были соблюдены, и Эжена Миди де ла Гренере-Сюрвиля можно было считать лицом, вполне подходящим для роли зятя». Лицом? Да, разумеется. Личностью он был менее выдающейся. Когда молодые приехали в 1821 году в Байе, куда получил назначение Сюрвиль, выяснилось, что он, в общем-то, заурядный инженер второго класса и жалованье у него соответственное — двести шестьдесят франков в месяц. Это было гораздо меньше, чем сулили условия брачного контракта и честолюбивые стремления Лоры, но новобрачная была достойной представительницей семейства Бальзаков и если не могла похвалиться настоящим, то сама придумывала себе блестящее будущее. Уж она-то продвинет мужа по службе, пустит в ход свои связи и добьется для него подряда на строительство всех каналов Франции. Наше «небесное семейство» владело несметными, но, увы, только воображаемыми богатствами.

В ожидании маловероятного продвижения мужа по службе Лора приглашала родных к себе в Байе.

Если к нам приедет бабуля, то о ней тут будут очень заботиться. У меня есть служанка Евфрасия, и она отлично станет за ней ходить; на себя я беру маленькие знаки внимания — грелку или коврик под ноги, я буду сопровождать ее во время прогулок, играть для нее на фортепьяно, вместе с ней рукодельничать... Если же приедет папа, он сможет отдыхать как ему заблагорассудится в своей комнате — музыка, газета после обеда и прочее... А почему бы брату не отказаться от поездки в Турень и не пуститься по дороге, ведущей в Байе?

Обращаясь к матери, которая постоянно пребывала в дурном расположении духа, Лора ласково ее поучает:

Прочитав эти строки, ты, конечно, скажешь: «О дочь моя, сразу видно, что ты привыкла к счастью; твою философию и веселость никогда еще не омрачали грозы; прошлое неизменно навевает тебе счастливые мечты о будущем». А я тебе отвечу, что и у меня бывают горести, но уж так я устроена, что сразу забываю о темной туче, едва она пройдет, а ты, милая мама, обязательно оглянешься и будешь смотреть ей вслед.

Очаровательная Лора выказывала себя мудрой моралисткой; характер у нее был покладистый, и если ей порою нелегко приходилось с мужем, то объяснялось это тем, что он и впрямь был нелегким человеком.

С присущей ей смелостью она даже отваживается писать матери: «Ты вышла замуж за папу, можно сказать, по рассудку, ты испытываешь к нему неизменную дружескую привязанность, но, быть может, никогда его не любила». Госпожа Бальзак, в свою очередь, строго наставляет дочь:

Я все же еще позволю себе разговаривать с тобою как мать, глубокоуважаемая и высокопоставленная дама. А потому прошу тебя, друг мой, остерегайся комплиментов, которыми тебя осыпают. Счастье встречается редко; достаточно легкого дуновения, чтобы оно рассыпалось в прах.

Уж в этом-то госпожа Бальзак отлично разбиралась — она ведь собственными руками разрушила свое счастье. Позднее, когда Лора благоразумно удалила слишком настойчивого поклонника, успокоив тем самым тревогу Сюрвиля, мать писала ей: «Рекомендую тебе, моя милая, бережнее обращаться с человеком, сердце которого не было бы столь ревнивым, будь в нем меньше любви».

Оноре мог возвратиться в Вильпаризи: там ему нетрудно будет найти для себя сюжеты и даже модели.

Надо сказать, что его далеко идущие планы не изменились: «Два моих огромных и единственных желания — быть знаменитым и быть любимым; исполнятся ли они когда-нибудь?» Позднее, рисуя образ молодого человека, он будет вспоминать о том, каким сам был в двадцать лет.

Сколько сказок «Тысячи и одной ночи» бродят в юношеской голове?.. Сколько волшебных ламп суждено нам испробовать, прежде чем мы убеждаемся, что подлинная волшебная лампа — это счастливый случай, упорный труд или талант? Для иных людей пора мечтаний и фантастических грез длится недолго; мои же грезы длятся до сих пор! В те времена я всегда засыпал или великим

герцогом Тосканским, или миллионером, или возлюбленным принцессы, или знаменитостью¹.

Перестанет ли когда-нибудь Бальзак, даже завоевав своим трудом и гением принцессу и славу, жалеть о волшебной лампе Аладдина?

V

ПЕРВЫЕ РОМАНЫ, ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

...Женщина, посвятившая себя тому, чтобы вовремя предостерегать меня от скрытых на пути опасностей... и давать советы, щадя при этом мою гордость.

Бальзак

Он покинул мансарду еще до конца 1820 года. Родители хотели вернуть блудного сына в Вильпаризи. Лора вышла замуж, комната ее освободилась. Оноре покорился. И все-таки...

Природа неизменно окружает розы шипами, а к радости примешивает множество огорчений. Матушка следует примеру природы... Милая сестра, живя здесь, я стану подражать папе: ничего не буду говорить.

Правда, не было недостатка в возможностях отвлечься от унылого существования. Семейство Бальзаков сохраняло за собой жилище в квартале Марэ, и, воспользовавшись дилижансом, старший сын мог иногда проводить денек-другой в Париже. Вилле-ла-Фэ приглашал молодого человека в Лиль-Адан, и тот с удовольствием гостил там: читал Бюффона, работал, играл в трик-трак и заставлял гостеприимного хозяина рассказывать истории о былых временах. Господин де Савари, тесть Жана де Маргонна, также питал симпатию к Оноре, которого считал очаровательным собеседником, и настойчиво приглашал его в Турень, в свое поместье Кайери, в Вуврэ. Словом, жизнь у юного Бальзака была вполне сносная; он любил отца, мирно доживавшего свой век и всегда сохранявшего хорошее расположение духа. Однако Оноре все еще не добился ни независимости, ни прочного положения и, по словам сестры Лорансы, обитал на улице Пустой Мошны.

¹ Б а л ь з а к . Онорина.

К счастью,— писал Оноре Лоре Сюрвиль,— две недели назад мне пришла в голову весьма удачная мысль: надо получить сто тысяч экю с читающей публики, я соберу их по частям в обмен на несколько романов, которые без труда разойдутся в Байе.

Трагедия обманула его ожидания, и теперь он надеялся, что славу ему принесет роман. Еще в отрочестве он пробовал свои силы в прозе. Читатель помнит, что подростком Бальзак писал философские заметки и на них лежал отпечаток атеистического рационализма Бернара-Франсуа. Но философия Оноре была более сложной, чем у отца. Он тоже не верил в Провидение, в существование Бога, постоянно думающего и беспокоящегося о людях, этих жалких муравьях, которые копошатся на крохотной планете, маленьком комочке грязи, затерянном во Вселенной, но ему нравилось считать, будто некоторые люди могут, сконцентрировав свою волю, приобрести магическую власть над всем сущим. Мечта о всемогуществе неотступно преследовала его: этого можно достигнуть или благодаря необычайной силе характера, или средствами оккультной науки, доступной только посвященным. В 1820 году Бальзак писал некоему дворянину, владевшему поместьем в старинной провинции Блезуа: «Скоро мне откроется секрет этой таинственной власти. Я заставлю всех мужчин подчиняться мне, всех женщин — любить меня».

В одном из набросков романа «Фальтурна́» (он несколько раз оставлял это произведение, потом вновь принимался за него), действие которого происходит в Италии во времена хождения в Каноссу, Бальзак воплотил эту «магическую силу» в образе необыкновенно красивой девушки громадного роста, наделенной сверхчеловеческими возможностями; ее необычное имя означает «неодолимая власть света». Как все книги юных авторов, произведение это изобилует различными реминисценциями школьной премудрости. Боссюэ вдохновлял начинающего писателя на возвышенные тирады; Гомер и Вергилий подсказали ему образы; Фенелон и его «Телемак» оказали явное влияние на слог — несколько бесцветный, но не лишенный приятности. Роман якобы сочинил итальянец, некий аббат Савонати, чей возвышенный образ был навеян произведениями Вальтера Скотта и Рабле; его переводчиком значился господин Матрикант, учитель начальной школы. Саво-

нати, рыцарь духа, был противопоставлен Матриканту, своего рода Санчо Панса, охотнику до благ мирских. Савонати и Матрикант олицетворяли две стороны натуры самого Бальзака.

Жажда могущества, магнетические свойства воли, прославлявшиеся в этом наброске, говорили о тайных, но неотступных помыслах начинающего автора. Второстепенный, однако выпукло написанный персонаж — бывший монах Бонгарус — свидетельствовал о том, что молодой Бальзак хорошо усвоил уроки Рабле и Сервантеса. Через некоторое время он примется за наброски нового варианта романа на сходную тему: в затерянной среди синеющих гор, открытой ветрам долине таинственная девушка Минна ухаживает за пораженным проказой крестоносцем! Книга «Алчущий человек» Сен-Мартена, одна из наполненных мистикой книг, хранившихся в шкафу госпожи Бальзак, подала Оноре мысль закончить свой роман небесным успением Минны, «восседающей на облаке, сотканном из добрых деяний». Хотя все ангельское на редкость не подходило темпераменту Бальзака, тема эта влекла его еще со времен Вандомского коллежа.

После «Кромвеля» Бальзак в 1820—1821 годах работает над романом в письмах «Стени, или Философские заблуждения». Жакоб дель Риес, двадцатилетний юноша, возвращается в Тур, где живет подруга его детских лет, его молочная сестра Стени де Формозан. Повествование начинается мужественным поступком героя: дель Риес вытаскивает из Луары двух тонущих в реке кузенов Стени. Затем выясняется, что во время отсутствия Жакоба родители выдали Стени замуж за вандейца, господина де Планксей. Узнав об этом, дель Риес едва не умирает с горя, он приходит в себя в объятиях Стени. Увы, она больше не свободна. Молодые люди совершают прогулку в Сен-Сир-сюр-Луар (в этом селении Бальзак, как и его герои, воспитывался у кормилицы); об их прогулке узнает Планксей, и это приводит к дуэли. Молодая женщина в отчаянии, возлюбленный непоколебим, муж груб и циничен. Эта романтическая любовь приводит на память «Рене», «Вертера» и «Дельфину». В образе Риеса молодой Бальзак изобразил себя таким, каким ему хотелось быть: женщины находят юношу красивым, его первые опыты сулят в будущем

славу. Герой читает свои стихи, и вся Турень восторгается им; он пишет Стени и своему близкому другу философские письма, где высказывает сомнение в существовании Бога, рассуждает о природе сновидений и о том, что мысль материальна. Словом, «Стени» для Бальзака — попытка испробовать силы в жанре, который его привлекает, в романе, насыщенном философскими мыслями. Но автору не хватает опыта и мастерства, чтобы добиться решения трудной задачи — сплавить воедино романтический сюжет и умозрительные рассуждения. Роман «Стени» так и не был закончен.

Автор сам оставляет на полях множество советов для себя: «Переделать... Исправить...» И все же, если помнить о возрасте начинающего писателя, произведение немало обещает. Описывая берега Луары и холмы Турени, зеленые луга и тополя, извилистую реку Шер, Бальзак умеет заразить читателя своим восхищением. Он с любовью говорит о тропинках Сен-Сира, свидетелях его первых шагов, а главное — о том уголке, где он некогда целыми днями воздвигал крошечные замки. Все эти места овеяны для него прелестью воспоминаний. Исполненный сладостной меланхолии Жакоб, обращаясь мыслями к прошлому, воскрешает образ «своей молочной сестренки, очаровательной, как амуры Корреджо». Рассказывая об этом, Бальзак думал не столько о Стени, сколько о собственной своей сестре Лоре. Это смешение неясных, полусознанных чувств придавало романтическим восторгам молодого автора своеобразное очарование. Между Лорой и Оноре издавна существовала нежная, несколько даже вычурная взаимная привязанность, их души властно влекло друг к другу. Но повторим еще раз: Бальзаку не хватало зрелости, чтобы превратить роман «Стени» в хорошую книгу.

К тому же надо было жить, умерять тревоги семьи, зарабатывать хоть немного денег. Верный товарищ, толстяк Сотле, познакомил его в Париже с лишенными щепетильности молодыми литераторами, хорошо знавшими театральный мир и мир книгопродавцев. Один из них, Огюст Лепуатвен, именовавший себя Ле Пуатвен де л'Эгревиль, сын довольно популярного актера, рано дебютировал как автор состряпанных на скорую руку, но довольно бойко написанных романов; он подписывал их «Вьейрглэ». Ипполит Кастиль пишет:

Он, точно школьный учитель, вооруженный линейкой, имел под началом дюжину молодых людей, которых он называл юными крестинами. Он обучал их искусству оттачивать кинжал остроумия и ловко наносить удар.

С Ле Пуатвеном сотрудничал Этьен Араго, брат знаменитого астронома. Юный Бальзак, глаза которого сверкали, как звезды, а голова была полна идей, показался им подходящим компаньоном, и они предложили ему место на своей фабрике романов.

Они фабриковали роман за романом. Для них это было не искусство, а ремесло со своими рецептами и особыми приемами. Они подражали модным в ту пору произведениям в стиле Империи — Реставрации, которые, в свою очередь, были вдохновлены английскими образцами: сентиментальными романами мисс Эджворт или мисс Оупи, где действовали аристократические персонажи; «черными романами» Анны Радклиф, гениального Матюрена, «Монахом» Льюиса, где фантастическое смешано с ужасным. В таком романе непременно должны присутствовать жертва, злодей и благородный поборник справедливости — персонажи старые как мир. Ненасытная публика жадно поглощала все это чтиво, а также множество занятных романов Пиго-Лебрена и Поля де Кока. Целая когорта издателей-книгопродавцев, обосновавшихся в Пале-Рояле и в квартале Марэ, искала авторов. Плодовитость ценили больше таланта. Великую тень Байрона использовали как прикрытие для беспардонной торговли. Для молодого Бальзака, который высоко занесся в своих честолюбивых мечтах, подобное занятие было шагом назад, но какого юношу не соблазнили бы кулисы маленьких театров, какой молодой человек, сидевший без гроша, мог отказаться от предложений, суливших верный заработок?

Он ступил на опасный для всякого художника путь — путь пренебрежения своим искусством. Чудо еще, что пародия, подражание стали для него школой правды. Несмотря на тривиальность самих произведений, нетрудно было заметить, что молодой автор внимательно наблюдал за удивительными изменениями, которые внесли в жизнь его класса Французская революция и наполеоновская Империя. Он постиг пружины той двойной игры, которой многие его современники были обязаны своей карьерой. Временами из-под маски литературного поденщика выглядывало лицо ясновидца.

Огюст Ле Пуатвен становится частым гостем в Вильпаризи. Бальзак писал Лоре, что миледи Плумпунг наивно полагала, будто молодой человек приезжает ради нее. Оноре с большим трудом удалось втолковать Лорансе, что «любой сочинитель — самая незавидная партия, счастья с ним не жди».

Бальзак — Лоре Сюрвиль, 2 июня 1821 года:

Если хочешь ясно представить себе порядок, царящий в доме, отведи первую колонку папе: он только что закончил читать газету и прохаживается из угла в угол у себя в комнате; вторую колонку сделай горизонтальной, ибо матушка больна и лежит в постели, она решила, будто у нее воспаление легких, и это до такой степени сместило две следующие колонки, которые отведены Лорансе и Оноре, что мы даже перестали тебе писать, ибо не знали, что сообщить — дурное или хорошее. Что касается колонки наблюдений кассовой наличности, колонки будущих мужей и жен, а также колонки сплетен и пересудов, их было бы нетрудно заполнить, но для этого придется дожидаться более спокойных времен.

Когда ты станешь читать мое письмо, постарайся представить себе мамину спальню, затем сад свирепого господина д'Орвилье, который бродит там вместе с сыном, поливая цветы, а потом мысленно вообрази своего дражайшего брата, который пишет, сидя против камин за маленьким столиком, где некогда стоял твой письменный прибор, припомни мой голос и все те глупости, что мы болтали; вообрази все это, ибо нынче суббота, канун воскресного дня. Как? Удалось? Ну же, еще усилие. Вот теперь ты все хорошо представила себе.

А вот еще одно письмо, отосланное несколько дней спустя.

Лоранса Бальзак — Лоре Сюрвиль, 10 июня 1821 года:

Оноре твердо решил ехать в Турень, но до этого ему надо закончить роман, первый том которого уже написан, и очень славно; там много остроумия и воображения. Он должен также завершить вместе со своим другом книгу в четырех томах, к которой они только приступили.

До сих пор интрига развивается живо, характеры обрисованы превосходно; авторы ловко вывели на сцену двух очень веселых персонажей, и те помогут слишком чувствительным женщинам удерживать слезы, которые навернутся у них на глаза в местах настоящего драматических. Пожалуй, мне следовало бы вкратце рассказать тебе обо всех событиях романа; но так как я не сомневаюсь, что он получит широкое распространение во всей Европе и даже обойдет мир, а его триумфальный путь по Франции начнется с Байе, то, пожалуй, лучше, чтобы чтение его стало для тебя приятным сюрпризом. Как только роман будет опубликован, мы сообщим тебе его название, и ты не дашь покоя тем книгопродавцам, которые не приобретут его. Вот как надо делать дела!

Весь дом скучал по Лоре.

Бальзак — Лоре Сюрвиль, июнь 1821 года:

Ты горюешь, что тебе приходится жить вдали от близких, а мы горюем оттого, что тебя нет с нами, что мы не видим и не слышим, как ты смеешься, болтаешь, споришь, скачешь, резвишься... Скажу еще: не по душе мне, что ты сама ходишь на рынок. Хотя у вас в Байе жизнь ведут простую, все же это не резон, чтобы и ты следовала примеру окружающих. Если станешь применяться к обычаям каждого края, то сделаешься податливой и мягкой, как воск. Довольно уже того, что тебе приходится мириться с неизбежностью — дышать тамошним воздухом, пить местный сидр и есть местный хлеб!.. Ты еще, чего доброго, вздумает ходить к мессе, преклонять колени перед статуями святых и уважать прочие церковные предрассудки? Только вчера я видел, как отлили из гипса сотню святых, которым станут поклоняться сто тысяч простофиль. Ваш Байе, где полным-полно святош,— самое подходящее место для этого; представляю, сколько у вас там любовных приключений и интрижек, ведь такие дела всегда прикрывают показной набожностью.

Лоранса подробно описывала Лоре жизнь их семьи в Вильпаризи:

Мы не предаемся безудержному веселью, но и не унываем, мы добропорядочные буржуа и не любим крайностей; по вечерам — вист или бостон, изредка — экарте, охота за комарами, молочная каша... Оноре острит и дурачится, а потом мы отправляемся спать.

Оноре просил Лору подыскать ему в Байе какую-нибудь «богатую вдовушку», на которой он мог бы жениться.

Бальзак — Лоре Сюрвиль, июнь 1821 года:

...И расхвали меня получше: двадцать два года, хорошие манеры, добродушный нрав, живой взгляд, бурный темперамент — словом, самый лучший муж из всех, каких когда-либо создавало небо. Обещаю тебе пять процентов с приданого, да еще на булавки от меня получишь.

Он бы охотно удрал из Вильпаризи.

Скажу тебе по секрету, что бедная наша матушка начинает вести себя, как бабуля, а то и хуже. Я надеялся, что возраст, в который она вступила, благотворно повлияет на ее организм и изменит к лучшему характер. Ничего подобного! О Лора, остерегайся! Нам обоим с тобой надо остерегаться, ибо мы — люди нервические; в молодости еще можно питать иллюзии на сей счет, но с годами все больше поддаешься этому недугу. Самое забавное

то, что, как говорится *asinus asinum fricat*¹. Мама постоянно твердит: «Ох уж эта бедная мамочка, до чего она утомительна... Какая у нее докучная болезнь!» И все в том же роде. Но еще вчера я обратил внимание, что наша матушка сама жалуется на манер бабули, тревожится о канарейке вроде бабули, сердится то на Лорансу, то на Оноре, настроение у нее меняется в мгновение ока и она принимает в расчет только то, что согласуется с нынешним ее мнением. А мамина склонность все преувеличивать! Быть может, я так мрачно смотрю на вещи потому, что вижу, как меняется мама. Во всяком случае — и ради нее самой, и ради нас, — мне бы хотелось, чтобы этого не происходило. Тяжелее всего то, что в доме у нас постоянно друг на друга обижаются. Ведь нас тут трое или четверо, а живем мы точно в осажденном городе: каждый следит за соседом, как Монтекукулли за Тюренном... Второй такой семьи, как наша, во всем свете не сыскать, я думаю, мы единственные в своем роде...

Однако заканчивалось письмо бодрой нотой:

Прощай, сестра. Встань со своего кресла и проводи брата, ведь он тут, на пороге твоей гостиной.

— Какие у тебя славные лампы, сестрица!

— Они тебе и в самом деле нравятся?

— А до чего изящны стенные часы!

— Так мы ждем тебя к обеду. Смотри только не заблудись у нас в Байе.

— Не беда! Чтобы разыскать меня, будете бить в барабаны.

— Помни же, в пять часов.

— Хорошо.

— Я вижу, ты решил пройтись? — говорит попавшийся мне навстречу Сюрвиль.

— Угадал.

— Отлично! Подожди меня, я составлю тебе компанию.

*Goddam!*² Это только сон... Прощай же, нежно обнимаю тебя и остаюсь твоим неизменно любящим, никчемным братом.

В этих удивительно живых письмах, в глубоких и метких замечаниях о характере госпожи Бальзак, в постоянной готовности перейти на диалог проницательный наблюдатель мог бы предугадать будущего романиста, расправляющего крылья.

Лорансе не терпелось выйти замуж. В семье к ней были несправедливы. Ранняя зрелость, остроумие, здравый смысл Лоры — все это затмевало младшую сестру. Между тем и ей были свойственны, пишет Мадлен Фаржо, «такие блестящие остроумия и такая верность суждений, что, будь она единственной дочерью, мать могла бы ею гордиться». Письма девушки были «полны

¹ Осел об осла трется (лат.).

² Черт побери! (англ.)

прелести, свежести и непосредственности». Она отваживалась дерзко нападать на доктора Наккара, чья особа была священна в глазах семьи.

Ваш хваленый господин Наккар выражается весьма выпендренно, хохочет весьма громко, напускает на себя весьма важный вид, держится о себе весьма высокого мнения; человек он весьма обязательный, но малоталантливый и, по-моему, такой же врач, как и все другие; о больном он не слишком тревожится: исчерпав все свое красноречие, посылает вас в деревню подышать свежим воздухом или же рекомендует путешествие, что в общем-то одно и то же.

После отъезда Лоры Лоранса могла больше рассчитывать на успех.

Бальзак — Лоре Сюрвиль, июль 1821 года:

...Кроме того, тебе надлежит знать, что наша Лоранса — просто прелесть, такие изящные пальцы и руки не часто увидишь, к тому же у нее ослепительной белизны кожа и восхитительная грудь; когда с ней тесно общаешься, видишь, что она очень умна, и это ум природный, которому еще предстоит развиваться. Особенно хороши у нее глаза, а то, что лицо чересчур бледное, это как раз и нравится многим мужчинам. Не сомневаюсь, что замужество пойдет ей на пользу.

Однако Бернар-Франсуа не дал дочери времени ни расцвести, ни сделать собственный выбор. 19 июля 1821 года он писал Лоре, что свадьба Лорансы — «дело решенное». Жениха отец выбрал по своему вкусу. Он именовался Арман-Дезире де Сен-Пьер де Монзэгли. Двойная дворянская частица — двойной источник гордости. Монзэгли действительно принадлежал к дворянскому роду, хотя и не очень древнему; его предки некогда владели в Вильпаризи замком и несколькими фермами. Правда, ни фермы, ни замок Монзэглиам больше не принадлежали. Однако Бернар-Франсуа Бальзак был знаком с отцом молодого человека — они встречались сперва в Королевском совете, а затем в Интендантском ведомстве. К тому же оба были франкмасоны: все это казалось ему достаточной гарантией. Жениху было тридцать три года, он служил в Париже в управлении по взиманию городских пошлин. «Чего желать лучшего? Не принца же в самом деле дожидаться?»

Слов нет, прошлое суженого внушало некоторые опасения: «Он настоящее дитя Парижа и немало про-

казничал, хотя ничего позорящего не совершил». Да, он вел рассеянный образ жизни, как и подобает молодому человеку, а теперь ему самое время остепениться и стать хорошим мужем. Он, кажется, задира? «Безусловно,— говорила госпожа Бальзак,— и происходит это потому, что он превосходно владеет шпагой, метко стреляет. Вот его недостатки. Дай-то Бог, чтобы не обнаружилось других». Оноре, которого раздражала самоуверенность будущего зятя, прозванного им Трубадуром, с иронией описывал его:

Наш герой сочиняет стихи, он необычайно меткий стрелок и на охоте двадцатью выстрелами убивает двадцать шесть штук дичи... Он превосходно играет на бильярде; он вальсирует, он стреляет, он охотится, он правит лошадьми, он... он... он...

Лоранса без всякой радости соглашалась на это замужество, продиктованное тщеславием отца. Судя по всему, Трубадур ее не любил. В этом не было ничего удивительного. Парижской полиции он был известен как молодой человек, склонный к разгулу, часто посещавший игорные дома и публичных женщин.

Бернар-Франсуа торопился закончить дело, боясь, как бы этот «орел», Монзэгл¹ не нашел себе более выгодной партии. Извещения о свадьбе были разосланы в двух вариантах. В одних говорилось, что господин Бальзак, бывший секретарь Королевского совета, бывший директор Интендантской службы, и госпожа Бальзак выдают замуж свою дочь Лорансу; в других — господин де Бальзак и госпожа де Бальзак сообщали о предстоящей свадьбе мадемуазель Лорансы де Бальзак с господином Арманом-Дезире Мишо де Сен-Пьер де Монзэгл. Брачный контракт был подписан 12 августа 1821 года. Бальзаки дали за дочерью тридцать тысяч франков. «Матушка считает, что даже душевное спокойствие всей жизни не оправдывает такой денежной жертвы». Это семейное событие торжественно отпраздновали в Вильпаризи: «Было мороженое, родственники, друзья и просто знакомые, пирожные, нуга и прочие лакомства». Бернар-Франсуа был менее импозантен, чем обычно. Кучер сельского дилижанса по не-

¹ Фамилия Монзэгл (Montzaigle) образована из двух французских слов: mont (гора) и aigle (орел).— Примеч. переводчика.

ловкости задел кнутом его глаз, поранив роговицу, а ведь старик так заботился о своем зрении, о своем здоровье вообще. «Нет более душераздирающего зрелища, чем горе женщины или старца», — с сочувствием писал Оноре.

Молодой человек смертельно боялся, как бы доктор Наккар, движимый излишней доброжелательностью, не подыскал ему какое-нибудь место. Ведь в этом случае он, Оноре, превратится

...в писца, в машину, в манежную лошадь, которая покорно ходит по кругу, пьет, ест и спит в положенные часы. Я стану тогда как все. И люди называют жизнью это вращение мельничного колеса, этот постоянный возврат к одному и тому же? Если бы еще кто-нибудь освещал мое унылое существование своей прелестью! Мне пока не довелось срывать цветы жизни, а ведь я сейчас как раз в том неповторимом возрасте, когда они распускаются! Для чего мне богатство и удовольствия в шестьдесят лет? К чему пышные актерские наряды тому, кто больше не живет, а лишь наблюдает чужую жизнь, как зритель, уплативший за место в театре? Всякий старик подобен человеку, который уже отобедал и взирает на тех, кто только принимается за трапезу. Так вот, моя тарелка пуста, на ней нет позолоты, стол покрыт жалкой скатертью, кушанья безвкусны. Я голоден, а насытиться нечем! Чего я хочу?.. Рябчиков! Ведь у меня только две страсти: любовь и слава; пока что я не удовлетворил ни одной из них, неужели так никогда и не удовлетворю?..

«У меня только две страсти: любовь и слава» — вот его излюбленная фраза. Какой юноша с сильным характером не произносил ее? Но молодой Бальзак чувствует себя ненасытным. Он жаждет обладать миром и боится обмануться в своих надеждах. В октябре он несколько успокаивается. Участь писца ему больше, видимо, не угрожает, ибо сотрудничество с Ле Пуатвеном начинает приносить плоды. Книгопродавец Юбер, чья лавка помещается в деревянных галереях Пале-Рояля, купил у молодых авторов за восемьсот франков роман «Наследница Бирага», который они подписали: «Вьейрглэ и лорд Рооне» («Рооне» — анаграмма «Оноре»). Книга эта, по признанию Бальзака, — «сущее литературное свинство». Злодей стремится завладеть наследством; речь идет о семейной тайне, вмешивается нежданный покровитель. Однако образы двух старых вояк, комических персонажей, навеянных Вальтером Скоттом, нарисованы довольно правдиво. Роман, должно быть, неплохо разошелся, потому что за следую-

щий — «Жан-Луи, или Обретенная дочь» — книгоиздатель заплатил уже тысячу двести франков. Публиковать подобные книги было унижительно, но зато как приятно говорить близким: «Я зарабатываю себе на жизнь». Впрочем, все ли так уж плохо в этих опусах? Силач Жан-Луи походил на Пантагрюэля. А ловкость, с которой Бальзак переплетал нити запутанной интриги, напоминала порою Бомарше. Несмотря на множество нелепостей, живость действия и мастерство рассказчика немало обещали. Подражание готовым образцам помогало рождению нового писателя, который, сам того не подозревая, отмечал свои романы печатью дарования. Однако постоянная нужда в деньгах вредила его таланту, заставляла работать слишком торопливо. В мыслях Бальзака уже то и дело возникали цифры: «Если я продам за две тысячи франков роман «Клотильда Лузиньянская, или Красавец еврей», который напишу один, и если я буду публиковать по четыре романа в год, то разбогатею». Действительно, он зарабатывал бы тогда больше денег, чем получал его отец в Интендантском ведомстве. Однако все эти подсчеты были лишь плодом фантазии Оноре.

Он сообщал Лоре грустные новости о чете Монзэглъ. Со дня свадьбы Лоранса хворала, у нее были нервные припадки, и она теряла свои чудесные темные волосы. Муж ездил на охоту, оставляя ее одну. Больная, тоскуя вдали от родных, она читала «Дух законов» Монтескье в «большой гостиной, казавшейся особенно мрачной». Сразу же после женитьбы кредиторы начали преследовать Монзэгля, ибо Трубадур был в долгу как в шелку. Лоранса, вся в слезах, приехала в Вильпаризи жаловаться на мужа. Госпожа Саламбье заявила, что супруг ее внучки вовсе не «орел», а просто негодяй и распутник, который «даже самого Великого Могола разорит». Подобно зятю и внуку, бабуля любила исторические сравнения, у нее была склонность ко всему грандиозному и преувеличенному. «Что касается папы, то он только что не молодеет, он подобен египетской пирамиде, недвижимой среди толчков, сотрясающих земную кору». Госпожа Бальзак чувствовала себя превосходно и ездила в Париж в «элегантной коляске своей соседки госпожи де Берни, над которой она всю дорогу посмеи-

валась». «Делайте после этого добро!» — заканчивал Оноре, жалевший милую соседку.

Дело в том, что «дамы с околицы», госпожа де Берни и ее дочери, занимали теперь много места в мыслях семейства Бальзаков. Супругам де Берни принадлежали два дома в Вильпаризи: один — рядом с домом Бальзаков, его сдавали отставному полковнику, другой дом, купленный де Берни в 1815 году у разорившихся Монзэглей, был расположен на краю селения, почему и стали говорить «дамы с околицы». Этот крайний дом отличался от остальных домов Вильпаризи только своими размерами да множеством окон с частым переплетом. Он мало походил на дворянский особняк, но был просторен и удобен; перед домом была песчаная площадка, окаймленная апельсиновыми и гранатовыми деревьями в кадках. Бернар-Франсуа давно знал Габриэля де Берни, советника Королевского суда (а еще раньше — Императорского суда). Оба семейства жили по соседству и в квартале Марэ, но дамы де Берни относились к госпоже Бальзак с некоторой снисходительностью, а дамы Бальзак относились к ним с известной почтительностью. Отправляясь к «дамам с околицы», чтобы пригласить их на какое-либо домашнее торжество «с угощением», Лора и Лоранса надевали нарядные платья. Де Берни имели гораздо больше прав на дворянскую частицу «де», чем Бальзаки, и занимали более высокое положение в обществе.

Во времена якобинской диктатуры, 8 апреля 1793 года, Габриэль де Берни женился на Лоре Иннер, дочери арфиста, выходца из Германии, и Луизы де Лаборд, камеристки Марии-Антуанетты. Крестным отцом маленькой Лоры, родившейся 23 мая 1777 года, был Людовик XVI, а крестной матерью — королева. Поэтому девочку нарекли Луиза-Антуанетта-Лора. Это звучало пышно. Ребенком Лора жила среди придворных и на всю жизнь сохранила изящество и благородство манер. После смерти музыканта Иннера его вдова вторично вышла замуж — за шевалье де Жаржэ, одного из приверженцев Марии-Антуанетты, который позднее пытался устроить побег королевы, заключенной в башню Тампля. Жаржэ послужил прототипом героя романа Дюма-отца «Шевалье де Мэзон-Руж». В обстановке

надвигавшихся трагических событий Лору Иннер, которой исполнилось всего шестнадцать лет, спешно выдали замуж за графа де Берни. Новобрачные почти тотчас же были арестованы. Падение Робеспьера спасло им жизнь. В 1799 году Габриэль де Берни поступил на службу по ведомству снабжения армии провиантом (тогда-то он и сделался коллегой Бернара-Франсуа). В 1800 году он стал столоначальником в одном из отделений министерства внутренних дел, а в 1811 году сделался советником парижского суда.

У супружеской четы было девять детей, двое из них — сын и дочь — умерли. В семье многое не ладилось. Габриэля де Берни мучили недуги, и в пятьдесят лет он казался стариком. Сварливый, желчный, вечно брюзжащий, он постепенно терял зрение и предоставлял жене полновластно распоряжаться поместьем, «которое она кроила и перекраивала по своему усмотрению»; однако муж постоянно попрекал ее, донимал своими сетованиями и срывал на ней гнев. Прошлое супругов было омрачено странной и прискорбной историей. С 1800 по 1805 год граф и его жена жили отдельно. В ту пору Лора де Берни страстно влюбилась в «свирепого корсиканца, которому и отдала свою молодость»; от этой связи у нее родилась дочь Жюли. Потом ужасный Кампи исчез, супруги помирились, и господин де Берни порой терпел в Вильпаризи Жюли Кампи: это была девушка «редкой красоты, дивный цветок Бенгалии».

После возвращения в Вильпаризи Оноре де Бальзак часто встречал госпожу де Берни и ее детей. «Барышни в белых платьях и их родители в черном» присутствовали на деревенском празднике, были они и на крещении ребенка Луизы Бруэт, кухарки Бальзаков. «Дамы с околицы» играли в Вильпаризи роль владетельных особ.

Бальзак — Лоре Сюрвиль, февраль 1822 года:

Хочу тебе сообщить, что мадемуазель де Берни¹ упала и чуть было не переломала себе все ребра; что мадемуазель Элиза² вовсе

¹ Огюстина-Жанна-Антуанетта, вторая дочь госпожи де Берни.— *Примеч. автора.*

² Луиза-Эмманюэль (в семье ее звали Элиза), третья из оставшихся в живых дочерей госпожи де Берни.— *Примеч. автора.*

не так глупа, как мы воображали, у нее большие способности к живописи, особенно ей удаются карикатуры, кроме того, она музицирует; что госпожа де Берни торгует овсом, отрубями, зерном и сеном для скота, ибо после сорокалетних размышлений она поняла, что деньги — это все. Господин де Берни видит в этом году не лучше, чем в прошлом, в доме у них теперь тише, ибо он отдал двоих сыновей в коллеж (говорят, все дело обстряпал господин Манюэль¹). Одному из них выхлопотали стипендию... Госпожа Мишлен² родила дочку Мишлину, отцом которой числится господин Мишлен. А вообще-то дети госпожи де Берни одни только и умеют смеяться, танцевать, есть, спать и разговаривать как должно; да и сама она женщина все еще очень любезная и любвеобильная.

За этим шутливым тоном скрывался весьма живой интерес. Оноре, посещавший «дом на околице», где он давал уроки младшим детям Берни, пленился их матерью. Не то чтобы она этого хотела. Она не скрывала, что ей сорок пять лет, что она уже бабушка, и, разумеется, не собиралась соблазнить двадцатидвухлетнего юношу. Очень насмешливая, даже язвительная, госпожа де Берни весело подтрунивала над манерами Оноре, над его хвастливостью и честолюбивыми помыслами. Но при этом она признавала в нем незаурядный ум, редкостный дар импровизации и пылкую натуру, что полностью искупало все недостатки. Юноша рассказывал ей о своем детстве, когда он был совершенно заброшен матерью, и госпожа де Берни внимательно слушала «горячую исповедь молодого человека, чьи раны все еще кровоточили». Со своей стороны он не уставал расспрашивать о ее придворной жизни при старом режиме; Оноре живо ощущал контраст между буржуа из квартала Маррэ — друзьями его родителей — и этой крестницей королевы. Он упивался звуками ее серебристого голоса. Когда она произносила «ш», это звучало «как поцелуй... Таким образом, сама того не ведая, она расширяла смысл слов, увлекаая мою душу в неземные выси»³.

Но постепенно он понял, что желает ее, ибо она все еще пробуждала желания. Ее миловидное лицо свети-

¹ Жилец и друг семейства де Берни.— *Примеч. автора.*

² Эмилия-Габриэль, старшая дочь госпожи де Берни: родилась 20 января 1794 года, за месяц до ареста матери. 23 ноября 1819 года вышла замуж в Вильпаризи за Антуана-Виктора Мишлена, судью в Шартре.— *Примеч. автора.*

³ Б а л ь з а к, Лилия долины.

лось умом и добротой. Кожа на шее и на плечах была как у юной девушки. А главное, он угадывал, что эта женщина — и только она — может дать то, чего ему недоставало: вкус, знание света, что она утолит страстную жажду любви, обостренную его возрастом, чтением и вольными разговорами отца. «Любовь, как и гения, рождает наитие». Он полюбил внезапно, еще мало что понимая в любви.

Для неловкого, неопытного юноши перейти от шуточных речей к попытке овладеть женщиной, которую все глубоко уважают, — подвиг почти невыполнимый. Каждый день, расставаясь с госпожой де Берни, Оноре спрашивал себя: «Будет ли она моей?» Но любовь его была скорее нежной, чем дерзкой, и он долго не решался заговорить. Между тем он знал, что она несчастлива. Он видел, как она страдает от порывов гнева и от ничтожества своего мужа. Семь лет назад она потеряла сына, который был бы теперь сверстником Оноре¹. И это создавало между ними какую-то духовную связь: порой воспоминания об умерших помогают живым. Он знал, что у нее был любовник, и от этого она казалась ему менее неприступной. Наконец — быть может, это случилось осенью 1821 года, быть может, весной 1822 года — он отважился на признание: «Прежде всего вы усмотрите в этом превосходный повод для своих самых остроумных насмешек или же повод позабавиться, что так отвечает складу вашего ума»².

Бальзак — госпоже де Берни, март (?) 1822 года:

Знайте же, сударыня, что вдали от вас живет человек, душа которого — какой чудесный дар! — преодолевает расстояния, мчит по невидимым небесным путям и постоянно устремляется к вам, чтобы, опьяняясь радостью, всегда быть рядом; человек этот с восторгом готов причаститься вашей жизни, ваших чувств, он то жалеет вас, то желает и при этом неизменно любит со всею пылкостью и свежестью чувства, которое расцветает лишь в молодости; вы для него больше, чем друг, больше, чем сестра, вы для него почти что мать, нет, вы больше, чем все они; вы для меня земное божество, к которому я обращаю все свои помыслы и деяния. В самом деле, я мечтаю о величии и славе только потому, что вижу в них ступеньку, которая приблизит меня к вам, и, задумывая

¹ Луи-Адриан-Жюль де Берни (1799—1814).— *Примеч. автора.*

² Письма Бальзака к госпоже де Берни были после ее смерти сожжены, сохранились лишь черновики.— *Примеч. автора.*

что-нибудь важное, я всегда делаю это во имя ваше. Вы даже не подозреваете о том, что стали для меня поистине ангелом-хранителем. Словом, вообразите себе всю ту нежность, привязанность, ласку, восторженность, которые только может вместить человеческое сердце, они — я в это верю — переполняют мое сердце, когда я думаю о вас.

Все это было правдой: в юности человек почти всегда верит в то, что он пишет в любовных письмах. Госпожа де Берни посмеивалась над Оноре, над его вздохами, его романами, его манерой одеваться и держать себя. Он не отступал: «Что за удовольствие для женщины с возвышенной душой смеяться над несчастным? Чем дальше, тем яснее я вижу, что вы не любите меня, что вы меня никогда не полюбите... И упорство мое — сущее безумие. Но все-таки я упорствую». Она ответила ему, что всегда останется для него женщиной, окруженной своими детьми, что ей уже сорок пять лет и она ему в матери годится. В самом деле, госпожа Бальзак была на год моложе «дамы с околицы».

Великий Боже! Да будь я женщиной сорока пяти лет, но сохрани я при этом привлекательность, я вел бы себя совсем не так, как вы... Я бы отдался во власть своего чувства и постарался вновь обрести наслаждения молодости, ее чистые иллюзии, ее наивные мечты, все ее очаровательные преимущества.

Он знает, что ему недостает изящества и отваги, присущих настоящему любовнику; однако он пишет:

«Я похож на тех юных девиц, которые на вид угловаты, глупы, боязливы, кротки, но под этим внешним покровом таится пламя, и оно способно испепелить очаг, дом, всё вокруг».

Он сравнивает себя с Жан-Жаком Руссо в «Исповеди». Ведь и он, Бальзак, принадлежит к тому типу любовников, о котором мечтает женщина, похожая на госпожу де Варанс, готовая соединить в себе любовницу и мать. Недаром госпожу де Берни зовут Лора — так же, как зовут и мать, и любимую сестру Оноре. Но сестра занимает теперь место лишь в его воспоминаниях и в его душе. Вокруг новой Лоры водят «хороход амуров, всегдашние спутники страстных надежд».

Между тем бедная Лоранса одиноко жила в Сен-Мандэ со своим запутавшимся в долгах Трубадуром; она была беременна и все лучше узнавала дорогу в ломбард, «где исчезли — и навсегда — ее бриллианты и

чудесная кашемировая шаль». Монзэглъ попросил тестя стать его поручителем — он пытался взять в долг пять тысяч франков. Бернар-Франсуа, полагая, что следует «пресечь мотовство» Монзэгля, «этой новой бочки Данаид», отказал наотрез. Лоранса мучительно страдала от подобных ссор, у нее чуть было не произошел выкидыш. Госпожа Бальзак чувствовала себя «как в аду», видя, что за дочерью нет никакого ухода: «Юная восемнадцатилетняя женщина и двадцатичетырехлетний акушер, которого никто не знает; достаточно только взглянуть на него, и вы побоитесь доверить ему даже кошку». Наконец тревога миновала, и в апреле 1822 года госпожа Бальзак отбыла в Байе.

Оноре остался в Вильпаризи в обществе отца и бабули. Если бы не строгий надзор, он бы охотно проводил весь день в «доме на околице». Там его принимали довольно любезно. Но дружбы ему уже недостаточно; он хочет большего.

Когда я вас увидел впервые, чувства мои пришли в волнение... Ваш возраст для меня не существует, а если я и вспоминаю, что вам сорок пять лет, то я вижу в этом лишнее доказательство силы моей страсти... Так что ваши годы, быть может, и делали бы вас смешной в моих глазах, если б я не любил вас, теперь же это, напротив, только сильнее привязывает меня к вам, чувство мое становится только острее, и то, что это кажется странным и противоречит общепринятым взглядам, еще усиливает мою любовь... Один я могу по достоинству оценить ваше очарование.

Если госпожа де Берни отвергает его клятву верности, если она предлагает ему лишь дружбу, то он перестанет с ней видеться. Чего она страшится? «Ходячей морали, обычаев, презрения окружающих?» Он знает, что она придерживается «философических принципов», то есть морали XVIII века. Если она искренне разделяет эти идеи, то ведь из них «следует, что мы умираем бесповоротно, что нет ни порока, ни добродетели, ни ада, ни рая и нам надлежит руководиться лишь следующей аксиомой: старайся испытать в жизни как можно больше радостей». Если они станут любовниками, это не только не обесчестит ее, а, наоборот, послужит к их общей чести.

День за днем он посылает ей страстные послания, часто они по-настоящему прекрасны. Бальзак всякий раз пишет черновик, а то и два, и, переписав письмо на-

бело, сохраняет эти черновики. Он даже отваживается делиться с нею своими философскими раздумьями. Оноре знает, что она умна, и надеется заинтересовать ее, описывая ту цепь сознания, которая, по теории Лейбница, протянулась от монады к человеку. «Он говорит, что деревья уже по одному тому, что они рождаются и растут, наделены сознанием, правда крайне смутным». Лора де Берни все это выслушивает, улыбается, а затем приказывает молодому философу не говорить ей больше о любви. В противном случае она перестанет с ним видеться.

Бальзак — госпоже де Берни:

Думаю, что я верно понял ваше письмо. Это — ультиматум. Прощайте, я в отчаянии, но предпочитаю муки изгнания танталовым мукам. Вы-то ведь не страждете, и потому, думаю, вам безразлично, что со мной может случиться. Если угодно, считайте, что я вас никогда не любил! Прощайте...

Разумеется, он и не думает порывать с нею. Да и она сама вряд ли этого хочет. Ведь так сладостно знать, что тебя и в сорок пять лет обожают! Правда, ее юный поклонник несколько неуклюж, родители его довольно вульгарны и не могут нравиться крестнице Марии-Антуанетты. Что за важность! «Цветы вырастают и на навозе», а у нее достаточно вкуса, чтобы угадать: человек, который пишет такие письма, весьма далек от посредственности. Из-под его пера выходят плохие романы. Но так ли уж они плохи? Она поможет юноше узнать свет и женщин, она вдохновит Оноре на другие произведения, достойные его таланта. Итак, оба каждый день делают вид, будто собираются расстаться. И, подобно влюбленным героям Мольера, возвращаются на сцену, один из правой кулисы, другая из левой, а встретившись, улыбаются друг другу. Однажды вечером, распростившись, Оноре вернулся и нашел госпожу де Берни в задумчивости; они присели на скамью, вокруг — окутанный тьмою сад, над головой — мерцающие звезды. Она впервые подарила ему поцелуй.

Бальзак — госпоже де Берни:

Думаете ли вы обо мне так же неотступно, как я думаю о вас? Любите ли вы меня так сильно, как говорите?..

Как вы были хороши вчера! Много раз вы являлись мне в мечтах, блистательная и чарующая, но признаюсь, вчера вы прев-

зошли свою соперницу — единственную владычицу моих грез; правда, на ваших устах не играла кроткая улыбка, но во всем остальном вы как две капли воды походили на ослепительную красавицу моих сновидений, а ведь я щедро наделял ее божественной прелестью и огорчался, что вам не дано быть такой. Не говорите мне о своем возрасте, ибо я рассмеюсь вам в лицо; слова ваши звучат как дурная шутка, даже мой колченогий спутник и тот сказал бы, что вам больше тридцати лет не дашь!

Признайтесь, на вас было то самое облегающее платье, что и в воскресенье, и вы вновь надели его вчера, зная, что на сей раз никто не скажет, будто это ради меня; к тому же вам хотелось меня порадовать и заставить забыть, что на голове у вас эти противные папильотки. Однако если бы вы хотели меня совсем осчастливить, то поздоровались бы со мной так же нежно, как попросились.

Некоторое время она еще не отваживалась на последний шаг. Не раз она уже почти уступала, но в решительную минуту уклонялась.

Ничто не помешает мне,— писал Оноре,— быть у садовой ограды в десять часов, и я буду ждать хоть до утра, думая о той, которую я уповал здесь встретить. Так сладостно ждать, даже потеряв надежду».

Однажды вечером она сделала вид, будто уходит, потом возвратилась и, застав его в саду, уступила.

Бальзак — госпоже де Берни, начало мая 1822 года:

О Лора! Я пишу тебе, а меня окружает молчание ночи, ночи, полной тобой, и в душе моей живет воспоминание о твоих страстных поцелуях! О чем еще я могу теперь думать? Ты завладела всеми моими помыслами. Да, отныне моя душа неотделима от твоей, и, куда бы ты ни пошла, я всегда буду следовать за тобою.

Перед моим взором неотступно стоит волшебное видение, исполненное нежной прелести; я все время вижу нашу скамью; я ощущаю, как твои милые руки трепетно обнимают меня, а цветы передо мной, хотя они уже увяли, сохраняют пьянящий аромат.

Ты полна опасений, и тон, каким ты их высказываешь, раздрает мне сердце. Увы, я больше, чем когда-либо, уверен в том, в чем клялся, ибо поцелуи твои ничего во мне не переменили. Впрочем, нет, я и впрямь переменился, я безумно люблю тебя.

Воспоминание о Руссо преследует Оноре, и он называет госпожу де Берни «милая моя матушка». Ему очень трудно расставаться с нею. Иногда, распрощавшись со своей возлюбленной поздно вечером, он затем возвращается в сад, одиноко сидит «на заветной скамье» и, сиротливый, печальный, предается раздумьям. Когда он приходит домой, все кажется ему тусклым,

бесцветным. «Улыбка бабули была мне неприятна, голос отца больше не радовал, и я стал проглядывать газету со слезами на глазах». Даже раскатистый смех славной мамаша Комен, которая читала «Жана-Луи» и приговаривала: «Ах, сударь, до чего ж потешная книга!» — больше не доставлял Оноре никакого удовольствия. Он пишет Лоре: «Господи, уж лучше бы я не появлялся на свет... Я чувствую себя таким несчастным — и когда я один, и когда бываю на людях».

Человек, охваченный страстью, вскоре становится неосторожным; Оноре слишком часто посещал «дам с околицы». Дети госпожи де Берни всё понимали, обсуждали и осуждали происходящее.

«Думается, нам не следует обманывать себя: острый взгляд юных девиц все разгадал. Ничего определенного я не знаю, но стоит мне только посмотреть на твою Э.¹, как она вспыхивает... Что касается А.², то в ее глазах можно прочесть презрение и бездну других сходных чувств. Ж.³ уже давно все поняла, и все они относятся к нам с недоброжелательством, которое даже не стараются скрыть».

Теперь неосторожно ведет себя госпожа де Берни, а юный любовник умоляет ее быть осмотрительной. Надо сказать, что госпожа Бальзак возвратилась из Байе; она обо всем догадалась и весьма неодобрительно взирает на слишком частые визиты сына в «дом на околице», а главное — на его ночные отлучки. В молодости не умеют таить своих чувств. Госпожа Бальзак знает, что Оноре влюблен в ее сверстницу, он просто одержим этой любовью и забросил работу. У нее мигом созревает решение: надо отправить сына в Байе, к Сюрвилям.

Разве в силах Оноре воспротивиться? Ведь мать станет сверлить его леденящим взглядом холодных синих глаз. К тому же он рад свидеться с сестрою, понаблюдать жизнь в Байе, присмотреться к существованию молодоженов; однако ему жаль расставаться с воз-

¹ Элиза де Берни родилась 28 июня 1806 года. Ей в ту пору было шестнадцать лет.— *Примеч. автора.*

² Александрина де Берни родилась в 1813 году (ей девять лет).— *Примеч. автора.*

³ Жанна де Берни родилась 10 апреля 1797 года (ей двадцать пять лет).— *Примеч. автора.*

любленной. Во всяком случае, он хочет «еще раз взглянуть на скамью», взглянуть на нее в последний раз и даже... Оноре решает просить о большем: пусть госпожа де Берни приедет в Париж. Он будет там ждать ее один — в жилище, которое сохранили за собой его родители. «Не могла бы ты туда вырваться?» Вот его план: в среду, восьмого мая, они «еще раз взглянут на скамью»; воскресенье, двенадцатого, он проведет с нею в Париже, а четырнадцатого уедет в Байе.

Родители радовались, что сын уезжает.

Бернар-Франсуа Бальзак — Лоре Сюрвиль, 18 мая 1822 года:

Посылаем вам Оноре... Каждый день он делает новый шаг к познанию мира... Но ведь в жизни самое главное — здоровье, а вот о здоровье-то он совсем, ну совсем не заботится. Не умеет он об этом беспокоиться. Если и вспоминает изредка, что силы надо беречь (ему настойчиво напоминает об этом дурное самочувствие), то боюсь, что все благие решения он откладывает в долгий ящик.

Оноре и в самом деле удалось отсрочить свой отъезд до 21 мая. Госпожа де Берни дала ему в дорогу флакон туалетной воды, «свой амулет», и томик стихов Шенье, который они читали вдвоем; он взял с нее слово, что она каждую неделю будет присылать письмо, «написанное убористым почерком и так, чтобы на бумаге не оставалось пустого места», адресуя его в Байе, на улицу Тентюр, господину Оноре, живущему у господина Сюрвиля. Ему так грустно было уезжать! Приходилось все бросить — занятия, удовольствия. Но пути к отступлению не было. «Роковая поездка твердо решена, и матушка говорит обо мне так, словно я уже в дороге...» Госпожа Бальзак сообщает своей дочери Лоре, что Оноре уезжает «в самом плачевном состоянии» и что расстались они очень холодно. Но она сгущает краски. Луи Бруэт, слуга, которому поручено удостовериться, что Оноре действительно сел в дилижанс, по возвращении рассказывает: молодой хозяин пустился в дорогу с «красоткой графиней» и оживленно болтал с нею, когда экипаж отъезжал. Прекрасно! Если он волочитя за дорожными спутницами, стало быть, беда не так уж велика, как опасались обеспокоенные родители. А все дело в том, что Оноре настолько любит жизнь и так умеет расцветить ее с помощью воображения, что не способен долго чувствовать себя несчастным.

ИНТЕРЛЮДИЯ В БАЙЕ

Я часто бывал генералом, императором; я бывал Байроном, а потом — ничем. Взобравшись на самую вершину человеческого бытия, я вдруг обнаруживал, что мне еще только предстоит преодолеть неприступные горные хребты.

Бальзак

Дилижанс, доставивший Бальзака в чудесный нормандский городок Байе, остановился возле самой почтовой конторы, неподалеку от пристани. Зять отвез Оноре на улицу Тентюр. Зеленая краска на воротах дома облупилась и осыпалась. Молоденькая служанка в полотняном чепчике встретила гостя легким реверансом. Гостиная, обшитая панелью из полированного орехового дерева, выглядела довольно мрачно, «в ней были симметрично расставлены штофные стулья и старинные кресла». Три окна выходили в обычный сад, каких много в провинции. «Вокруг все сверкало поистине монастырской чистотой — от тщательно натертого пола до полотняных занавесок в зеленую клетку»¹. Лора оказалась хорошей хозяйкой. Какую радость он испытал, снова увидев свою Лоретту, свою любимую сестру, столь близкую ему по духу!

Она со своей стороны была в восторге от его приезда. Как и приличествует истинной дочери квартала Маррэ, Лора любила мужа. Но в Байе она скучала. Ее появление в городе произвело настоящую сенсацию — она была остроумна и уверена в себе. Однако Сюрвиль, заурядный инженер ведомства путей сообщения, получал, как известно, всего двести шестьдесят франков в месяц. Государство использовало человека, окончившего Политехническое училище, на замерах булыжника и щебенки для мощения дорог, на устройстве водосточков, выравнивании откосов, рытье канав. Эта однообразная работа нагоняла тоску на мужа, а серость их существования приводила в уныние жену. Она мечтала

¹ Б а л ь з а к. Побочная семья.

о роскоши, он — о настоящих больших работах по строительству мостов и особенно каналов. Эх, прокладывать бы каналы! Но все эти огорчения не мешали «милейшему инженеру» полнеть да жиреть и постоянно напевать за работой; приезд шурина, чья голова была набита фантастическими планами, молодого человека, способного с восторгом выслушивать и чужие планы, был приятным событием.

С Лорой Оноре беседовал о своих книгах. Он подтверждал, что «Наследница Бирага» — «сущее свинство», зато «Клотильда Лузиньянская», которая должна была вот-вот выйти в свет, — настоящий шедевр. Он и в Байе привез работу: начатый роман «Ванн-Клор» и план нового произведения — «Арденнский викарий». У самой Лоры тоже не было недостатка в замыслах. Они будут писать «Викария» втроем, и вся семья разбогатеет; а потом они атакуют театр. Все то время, пока Оноре гостил в доме сестры, там не умолкал смех и не утихала беседа. Бальзак валялся на оттоманке в старых панталонах, без чулок и галстука. Брат и сестра болтали обо всем: о бабуле и о родителях, о бедной Лорансе, о «Клариссе Гарлоу», о «Юлии». Сюрвиль возил Оноре в Кан, в Шербур. Лора знакомила его с местными жителями. Романист копил впечатления — запоминал окрестные пейзажи, расположение городских улиц, таинственное мерцание свечей в кафедральном соборе, знатную даму, покинутую любовником (графиню д'Отфей). По слухам, он даже попытался взять приступом эту оставленную крепость, однако ему пришлось с позором отступить. Он подробно расспрашивал о жизни разных слоев здешнего общества. Его всё интересовало. Удивительная способность Бальзака определять, подобно натуралисту, различные социальные виды, позволила ему обнаружить в Байе ту же структуру общества, которая была характерна для всех небольших французских городов во времена Реставрации: знатное семейство, никому не ведомое за пятьдесят лье отсюда, но связанное узами родства с самыми известными семьями Парижа; гораздо менее древний, но куда более богатый род; несколько старых дев знатного происхождения; и, наконец, благомыслящие буржуа, которых снисходительно допускают в это Сен-Жерменское предместье в миниатюре.

Между тем «Клотильда Лузиньянская» вышла в свет, и в один прекрасный день от уважаемой мамыши прибыло грозное письмо, одно из тех, на какие она была великая мастерица.

Госпожа Бальзак — Лоре Сюрвиль, 5 августа 1822 года:

Вот уже несколько дней, милая Лоретта, новые огорчения терзают меня... И виновник этого — Оноре, милейший, дражайший Оноре, который, сам того не желая, вонзил мне нож в сердце; ты еще не знаешь, милый мой друг, до какой степени чувствительно самолюбие матери, ибо его порождает неукротимое желание, присущее всем настоящим матерям, — желание видеть, что их дети чего-то достигли в жизни; именно такие надежды я возлагала на своего Оноре; но пока мои упования не находят отклика.

Вы, верно, скажете: «На что сетует наша милая матушка? Зачем она все это нам говорит?» Сейчас объясню. Я медлила с этим письмом, которое, надеюсь, вы обратите ему на пользу, ибо хотела, чтобы Оноре закончил книгу, ту, что по его словам, он пишет у вас; полагаю, к вашим замечаниям он отнесется более внимательно, чем к тем, какие я высказывала по поводу злополучной «Клотильды».

Госпожа Бальзак, которой сын в свое время читал «Клотильду», настоятельно просила его самым тщательным образом исправить текст; теперь она обнаружила, что Оноре совершенно не посчитался с ее замечаниями. Опубликованный роман приводил ее в ужас. Что думают Сюрвили о такого рода выражениях: «хрупкий луч», «бархатистые движения», «животворящие соки»? А как им нравится, что чуть ли не на каждой странице повторяется слово «пленительный»? Многие погрешности трудно было уловить на слух, ибо Оноре читал с жаром, с душой. «При трезвом чтении» родители замечали теперь серьезные недостатки романа. План был хорош, сюжет очень мил, но, когда автор пробовал блеснуть своим умом и обращался к читателю, он выказывал дурной вкус. «Я ждала похвал. Полный провал!» А для госпожи Бальзак важнее всего «общественное мнение». Друзья признают, что у Оноре богатое воображение, но тут же прибавляют, что ему не хватает трезвости суждений. Рабле немало ему повредил, Стерн — еще больше, а особенный ущерб принесло частое общение с молодыми людьми, которые портят друг другу вкус. «Словом, я сильно огорчена, повторяю еще и еще раз». Однако она не решается все это сказать сыну, потому что он легко падает духом: «Оноре

считает себя либо всем, либо ничем». Вот почему она ожидает, что Сюрвили со всей осторожностью передадут ему ее замечания.

Вы должны поговорить с Оноре и о другой вещи, не менее важной: он полагает, что все превзошел, и такая самоуверенность возмущает окружающих. Господин Даблен питает к нему слабость, но и он сурово порицает его скороспелые речи, зависящие от настроения... Оноре совсем не умеет вести себя в обществе; язык у него как бритва. Госпожа де Берни, весьма к нему расположенная, ибо она потеряла сына, которому было бы сейчас столько же лет, сколько нашему Оноре, на днях говорила мне, что у них в доме он часто ведет себя просто нелепо и его там не жалуют... «Я к нему очень привязана,— признавалась она,— и много бы дала, чтобы он следил за своими словами и тоном, за своим внешним видом».

Помимо всего прочего, Оноре дал честное слово книгопродавцу, что после появления «Клотильды» он добьется рецензий в газетах на эту книгу. По словам матери, он рассчитывал на помощь своих приятелей, «молодых бахвалов, которые торчат здесь уже второй день»; но они не пользуются никаким влиянием. «Нужно покровительство, и очень сильное». А покровителей не сыщешь, потому что в книге слишком много погрешностей. Даже славный доктор Наккар и тот сказал: «Ведь Оноре знает, как я его люблю, почему он не прочел мне хотя бы начало своего романа? Там уже на первой странице полно ошибок!»

Госпожа Бальзак высказывала и другие претензии. Ей пришла в голову великолепная мысль — приобрести первый экземпляр «Клотильды» и подарить его мужу, которому исполнилось семьдесят шесть лет (22 июля 1822 года). Не правда ли, она мило придумала? А Оноре даже не поблагодарил ее за такой знак внимания! Все это ужасно отражается на ее нервах. Наконец, она надеется, что до отъезда Оноре Сюрвили найдут случай отчитать его — разумеется, не обескураживая — и дружески дадут ему понять, что он должен следить за собою, не думать, будто он уже все знает и во всем разбирается. И главное, пусть не забудут, что пятнадцатого — день рождения бабули.

Лора весьма тактично справилась с возложенной на нее миссией: «Бедная мамочка, когда я читала твое письмо, слезы выступили у меня на глазах, и я подумала: «До чего грустно быть матерью!» Лора соглашалась, что они — все четверо детей — причиняют немало

огорчений мамочке. Однако юная госпожа Сюрвиль, как известно, сторонница теории, что «все к лучшему», и она старается видеть создавшееся положение в более радужном свете. Во-первых, «Клотильда» — не такая уж плохая книга, она куда лучше, чем «Наследница Бирага» и «Жан-Луи», которые ее, Лору, просто «сразили». Разумеется, и в «Клотильде» встречаются повторения, небрежности; но эти недостатки объясняются тем, что Оноре за два месяца пишет четыре тома. Зато попадают целые главы, которые звучат превосходно. Незаурядное воображение автора многое обещает. Оноре, конечно же, признает справедливость критики. И для начала Лора, отбросив дипломатию, прочла ему без всяких пропусков письмо матери, «такое сдержанное, разумное и справедливое»...

Оноре ничего не ответил, только пробормотал, что все правильно, при этом вид у него был очень растроганный и грустный; он уселся на оттоманку и предоставил мне комментировать твое письмо. Если бы я посмотрела на него, то, верно, не произнесла бы больше ни слова, такие печальные были у него глаза; я бы сама расплакалась и выбежала из комнаты.

Если хочешь к чему-нибудь склонить Оноре, надо воздействовать на его чувства, лаской от него можно добиться чего угодно; а потому, милая мама, уж если ты вздумаешь его журить, то делай это только по серьезному поводу, предоставь ему полную свободу в мелочах. Разве так важно, как он одевается? Какая важность, если он и допускает какую-либо пустяковую оплошность или даже иной раз пренебрегает некоторыми своими обязанностями? Разве можешь ты сомневаться в его чувствах? Кто сравнится с ним в доброте? Правда, у Оноре переменчивый нрав, он то печален, то весел, ну и что из того? Ведь у каждого свои слабости! Не обращай внимания, что он бывает неровен, тогда и ему будет лучше, да и тебе самой тоже.

Впрочем, «милая мамочка» видит все в слишком мрачном свете. Книга не подписана именем Бальзака, стало быть, фамильной чести ничто не угрожает; а распродаваться «Клотильда» будет, верно, хорошо. Романы, которые пишут ради заработка, не надеясь, что они принесут славу, никогда не бывают шедеврами. «Оноре не собирается стать ни новым Ричардсоном, ни новым Филдингом, ни новым Вальтером Скоттом; это не его жанр... Вы придаете больше значения его роману, нежели он сам».

Это прозорливые слова. Верно, что Оноре в ту пору не столько стремился создать шедевр, сколько жа-

ждал заработать побольше денег. Правда, он уже понимает, в чем истинное величие в литературе и что такое прекрасный слог, однако, не умея достичь совершенства, он притворяется, будто нарочно пишет небрежно. Ему суждено стать «гением поневоле».

Существует ли на свете писатель, продолжает Лора, который сразу же начал писать хорошо? Нужен опыт, и Оноре с каждой книгой пишет все лучше и лучше. Затем она переходит к другим делам: рассказывает о планах Сюрвиля, который хотел бы перебраться поближе к столице. Они с мужем сильно опечалены тем, что Оноре на следующий день (9 августа 1822 года) уезжает.

У нас просто сердце сжимается: мы провели вместе два чудесных месяца. Так непривычно будет больше не видеть милого Оноре, нашего дорогого брата, но, быть может, мы скоро опять свидимся. Это меня утешает.

Что ожидает его в Вильпаризи? Госпожа Бальзак приютила у себя в доме племянника — Эдуарда Малюса, двадцатидвухлетнего довольно богатого юношу; круглый сирота, он болен скоротечной чахоткой.¹ У него уже почти не осталось легких, и бедняга, проводивший ночь в комнате Оноре, днем лежал на складной кровати возле дома в саду. Бабуля, верная сообщница Оноре, во время отсутствия внука служила тайным посредником между ним и госпожой де Берни. «Мы, как обычно, видим «соседок с околицы», — писала своему любимцу почтенная вдова, — и эти дамы оказывают множество знаков внимания нашему бедному страдальцу... С большим интересом спрашивают о том, что слышно у тебя». «Дама с околицы» приносила со своей фермы сливочное масло для несчастного Эдуарда, и это служило для нее благовидным предлогом узнать, что новенького у Оноре. «Твое письмо вручено», — сообщала ему заботливая бабушка.

Перед отъездом в Байе Оноре отправил госпоже де Берни меланхолическое послание.

¹ Эдуард Малюс был сыном Софи Саламбье (сестры госпожи Бальзак, умершей в 1810 году) и Себастьяна Малюса (скончался в 1816 году). Эдуард, единственный ребенок в семье, оставшийся в живых, родился 12 марта 1800 года и умер в Вильпаризи 25 октября 1822 года, в доме тетушки, которой он завещал все свое состояние. Словом, госпожа Бальзак приютила племянника с наследством. — *Примеч. автора.*

Я не решаюсь сказать, как вы меня огорчаете тем, что больше не вкладываете цветы в свои письма. Туалетная вода у меня кончилась, и, если бы не томик Шенье, я бы остался без амулета... Есть люди, родившиеся под несчастной звездой, я из их числа.

Этот веселый малый испытывал приступ меланхолии в духе юного Вертера. Сколько горьких разочарований в себе самом и в своем искусстве! «Господи, уж лучше бы я вообще не появлялся на свет!» Напрасно госпожа де Берни сообщала ему, что она «вновь обрела свободу воли»,— этим она давала ему понять, что отныне муж предоставляет ей полную свободу. «Я добровольно отказываюсь видеть вас»,— с грустью писал Оноре. Неудача «Клотильды» угнетала его.

Бальзак — госпоже де Берни, 30 июля 1822 года:

Я заблуждался на свой счет; больше того, я заблуждался во всем, что касается моей жизни... Отныне я удовольствуюсь тем, что буду жить в вашем сердце, если только мне отведено там такое же место, какое вы занимаете в моем я стану тешить себя воспоминаниями, иллюзиями, мечтами, стану жить воображаемой жизнью; впрочем, отчасти я уже давно так живу.

Госпожа Саламбье — Лоре Сюрвиль:

Стало быть, твой брат возвращается домой. Дай-то Бог, чтобы его великие планы не развеялись, как это обычно с ним бывает; он, увы, не всегда приносит радость лучшей из матерей.

Бабуля не понимала, что, строя свои «великие планы», Оноре пытался таким образом вознаградить себя за несправедливость судьбы и забыть о разочарованиях, которые постигали его в реальной жизни. Действительность разрушает иллюзии; литературное творчество вновь оживляет их. И «над всеми иллюзиями, этими изящными дочерьми слишком живого воображения,— писал он «даме с околицы»,— будет вечно сиять немеркнущая звезда, указывая мне путь. Этой звездой будете вы, милый мой друг». Но не следует ли ему удовольствоваться лишь созерцанием своей звезды?

Бальзак — госпоже де Берни:

Когда ты — человек заурядный, когда все твое богатство — незлобивая, но бездеятельная натура, ты обязан взглянуть на себя трезвыми глазами; посредственность не сулит больших радостей, и тот, кому не дано волновать сердца и щедро расточать сокровища, которыми наделяет человека слава, талант и душевное величие, обязан уйти со сцены, ибо не следует обманывать других.

В противном случае он совершит нравственное мошенничество, подобно плуту, расхваливающему дом, который вот-вот рухнет. Превосходство, присущее гению, и преимущества, отличающие людей выдающихся, — вот единственное, что невозможно присвоить. Карлик не в силах поднять палицу Геракла.

Как я уже говорил вам, я умру от горя в тот день, когда окончательно пойму, что надежды мои неосуществимы. Хотя до сих пор я еще ничего не сделал, я предвижу, что этот роковой день приближается. Мне предстоит стать жертвой собственного воображения. Вот почему я заклинаю вас, Лора, не думать обо мне; умоляю, порвите все нити, связывающие нас.

Что это? Сомнения влюбленного? Или смутное предчувствие непрочности любви, которую время неизбежно должно было разрушить? Гораздо позднее он напишет:

Эти наслаждения, внезапно открывающие нам поэзию чувственности, создают те крепкие узы, которые привязывают молодых людей к женщинам старше их возрастом, но эти узы, подобно оковам каторжника, оставляют в душе неизгладимый след, рожают в ней преждевременное равнодушие к чистой свежей... любви¹.

Но пока что любовное желание отгоняло все сомнения.

В том же письме к госпоже де Берни — всего несколькими строками ниже — он задает множество нежных вопросов. Гуляет ли она на лугу? Бывает ли в саду? Сидит ли на их скамье? Выходит ли за живую изгородь? Играет ли на фортепьяно, поет ли? Когда он писал это письмо, Сюрвиль рядом с ним напевал: «Как медленно течение дней». Великий Боже, как он фальшивил! И какое холодное небо в Нормандии!

Когда Бальзак проездом оказался в Париже, его перехватил там Шарль-Александр Полле, издатель и книгопродавец; он предложил ему подписать договор на два романа: «Столетний старец» и «Арденнский викарий», каждая из этих книг будет выпущена в количестве тысячи экземпляров, за что автор получит две тысячи франков, из них — шестьсот франков наличными, так сказать, «звонкой монетой», а остальные — векселями сроком на восемь месяцев. Таким образом, дела обстояли не так уж плохо. Но оба произведения надо было вручить издателю не позднее первого октября. Между тем Бальзак оставил рукопись «Викария» в Байе:

¹ Б а л ь з а к. Лилия долины.

супруги Сюрвиль, не сомневавшиеся в собственных талантах, собирались работать над нею.

Бальзак — Лоре Сюрвиль, Вильпаризи, 14 августа 1822 года:

Итак, у нас остается сентябрь месяц для работы над «Викарием». Боюсь, что каждому из нас невозможно писать по две главы в день, а ведь только в этом случае я получу «Викария» к 15 сентября; но и тогда у меня будет всего две недели для переделок и исправлений. Посоветуйтесь между собой... Если вы хоть немного меня жалеете, непременно пришлите в срок этого чертова «Викария», а коли вы думаете, что я вас ввожу в заблуждение, то я пришлю договор, подписанный с Полле: там предусмотрена неустойка, если книга не увидит свет в ноябре по вине автора... Пожалуй, такой нечеловеческий труд тебе не по силам, Лора. Не думаю, что ты можешь писать по шестьдесят страниц романа в день. Впрочем, если справитесь, если вы мне твердо обещаете прислать рукопись к 15 сентября,— в добрый час! Но если 17 сентября у меня ее еще не будет, то, памятуя о проклятой неустойке, я сам примусь за дело: как вам известно, написать роман для Полле можно и за месяц.

Между тем семейство Бальзаков собиралось уезжать из Вильпаризи. Владелец дома, кузен Антуан Саламбье, продал свою недвижимость брату, Шарлю Саламбье, а тот вознамерился увеличить арендную плату до пятисот франков в год. Возмущенные Бальзаки решили вновь перебраться в столицу. Подыскали подходящую «нору» на улице Руа-Доре, где молодому писателю была выделена отдельная комната. Однако Эдуард Малюс доживал последние дни, и его нельзя было тронуть с места. Прикованный к своему креслу, больной учился вышивать. Бернар-Франсуа, напротив, чувствовал себя превосходно, и его остроты вызывали бурные приступы смеха у Оноре. Госпожа Бальзак, как всегда энергичная и деятельная, то и дело ездила в Париж «обхаживать» приятельницу со связями (госпожу Делануа), надеялись, что эта дама выхлопочет для Сюрвиля должность в Монтаржи или в Понтуазе и он переселится поближе к столице. Мать сердито выговаривала Оноре за то, что он забыл в Байе «полотенце с красной каймой и носовой платок», с ее хозяйской точки зрения это было непростительно. Молодой автор прочел своим обычным слушателям в Вильпаризи начало романа, который он писал в Нормандии,— «Ванн-Клор, или Бледноликая Джен», и все остались довольны, хотя автор вывел там собственную мать в несколь-

ко смешном виде. Оноре каждый раз бегал встречать дилижанс, надеясь, что с ним прибудет рукопись «Арденнского викария».

От всего сердца обнимаю Сюрвиля, а тебя так сжимаю в объятиях, что боюсь, как бы ребра не хрустнули... Эдуард обречен на смерть; бабуля — на постоянные недуги; мама — на вечные поездки в Париж и на непрерывные волнения; папа — на неизменное здоровье; Луиза — на торчание в дверях; Луи — на безнадежную глупость; Анри — на бесконечные проказы, а я — уж и сам не знаю на что... «Викарий!» «Викарий!» «Викарий!» Шлите рукопись по частям, с каждой почтой, ибо мне уже давно пора приняться за нее.

Что касается Лоры де Берни, то достаточно было ей вновь появиться, чтобы приступ меланхолии в духе юного Вертера опять уступил место любви.

Бальзак — госпоже де Берни, 4 октября 1822 года:

Чем дольше мы вместе, тем больше открываю я в тебе прелестей... Признаюсь тебе, Лора, что «освящение скамьи», это празднество любви, которая, как мы думали, уже угасала, вновь воспламенило мое сердце, и наш чудесный уголок не только не показался мне гробницей, но стал в моих глазах алтарем...

Есть некое величие в том, чтобы скрывать друг от друга силу нашей взаимной любви. Но мы проявим еще больше величия, если сохраним ее. Предоставляю тебе, дорогая, принять решение. Ныне, как и четыре месяца назад, я вручаю тебе свою судьбу, все свое существо, свою душу и вновь признаюсь, что я много приобрел от тесного общения с тобой.

Теперь, когда его уже больше не томила неуголенная страсть, он мог лучше оценить глубокий ум своей возлюбленной. Оноре плохо умел скрывать свои чувства, и госпожа Бальзак в ярости писала об этом Лоре.

Госпожа Бальзак — Сюрвилям, 12 октября 1822 года:

Вы даже не можете себе представить, милые друзья, как худо нашему бедному Эдуарду; язык у него темно-коричневый, а в глубине — почти черный; пульс у бедняжки слабеет с каждым часом... Он ничего не ест, только с трудом проглатывает шесть устриц и выпивает чашку молока... Долго он не протянет, я в этом уверена...

Только для Лоретты: Оноре уходит в полдень, возвращается в пять часов; прочитав газету, снова ускользает из дому и возвращается в десять вечера. Несмотря на то, что Эдуард так плох, сынок и папаша оставляют меня одну. Оноре даже не понимает, как неприлично по два раза в день ходить в чужой дом. Он не по-

нимает, что его хотят околпачить. Я предпочла бы находиться в ста лье от Вильпаризи. За последнее время он не написал ни строчки. А ведь ему осталось каких-нибудь двадцать страниц, чтобы закончить «Столетнего старца». Голова у него занята только одним, он не понимает, что, отдаваясь своему чувству с таким пылом, он скорее пресытится; но поведение его столь неосмотрительно, что он лишает себя возможности с честью выпутаться из этого положения в будущем. Я пыталась ему объяснить, что, несмотря на всю свою душевную тонкость и деликатность, я вынуждена поступать так, как поступаю.

Напиши ему, быть может, он тебя послушает. Если я завтра уеду отсюда, то напишу тебе обо всем подробнее.

Эдуард Малюс умер в Вильпаризи 25 октября 1822 года. Нотариус Виктор Пассе привел в порядок оставшееся после него наследство. Госпоже Бальзак досталась весьма значительная сумма (девятьюстами тысяч франков золотом). Самоотверженный уход за безнадежно больным родственником и печаль по усопшему были оплачены наличными. Буржуазная мудрость обратила милосердие в капитал. В ноябре семейство Бальзаков обосновалось в квартале Марэ, в доме номер семь по улице Руа-Доре. Временное пристанище на улице Портфуэн было оставлено. Плата за новое жилье составляла семьсот тридцать франков в год, включая налоги. Первого ноября между Оноре и Бернаром Франсуа был подписан любопытный контракт. Сын обязался платить отцу сто франков в месяц — за кров и стол. «Господин Оноре сам будет оплачивать свечи, дрова и прачку; в годовую сумму — тысяча двести франков — входит только стоимость пропитания и жилища». Контракт этот был продиктован не алчностью Бернара-Франсуа, а гордыней Оноре.

VII

ПОДЕННАЯ РАБОТА

Мы переехали в Париж в надежде на благополучие и счастье.

Госпожа Бальзак

Госпожа Саламбье не долго радовалась возвращению в свой любимый квартал Марэ. Она умерла 31 января 1823 года. Оноре потерял верного друга.

Родные не пожалели денег на пышные похороны. Они не хотели ударить лицом в грязь. После старушки осталось весьма скромное наследство — спекуляции зятя нанесли изрядный ущерб ее состоянию. Тем не менее финансовое положение семьи к этому времени упрочилось. К ферме Сен-Лазар и наследству, полученному от Эдуарда Малюса, прибавлялись ежегодные проценты с капитала, вложенного в тонтину Лафаржа, размер которых быстро увеличивался, ибо «дезертиров» становилось все больше. По милости ведомства путей сообщения Сюрвиль переехал поближе к столице, и молодые супруги жили теперь в Шанрозэ; Сюрвиль изо всех сил добивался должности инженера в департаменте Сена и Уаза с местопребыванием в Версале. Несчастливая Лоранса разрешилась от бремени, когда в ее доме всё должны были описать за долги. Она с тоской вспоминала о своей девической жизни: «Держу пари, что вы сварите наш чудесный компот из апельсинов и будете жарить каштаны». О как сладко и как грустно вспомнить об отчем доме юной женщине, несчастной в замужестве! Что касается баловня госпожи Бальзак Анри, предполагаемого сына господина де Маргонна, то он был столь же беспечен, как Оноре, столь же легковерен, как Лоранса, но в отличие от всех остальных в семье совершенно лишен энергии.

Оноре много и упорно работал. Он заканчивал «Арденнского викария» для книгопродавца Полле и «Ванн-Клора» для издателя Юбера. Мать с восторгом отмечала, что он «работает не покладая рук... Он не теряет ни одной минуты». Увы! Не успел роман «Арденнский викарий» выйти в свет, как его изъяли из обращения. История маркизы де Розанн, которая думает, что страстно влюблена в нового викария, молодого аббата де Сент-Андре, а на самом деле испытывает к нему материнскую любовь (ибо викарий — ее собственный сын, родившийся от связи с епископом), возмутила благонамеренное правительство. Цензура запретила продажу книги.

Начало романа написано довольно хорошо, тон повествования напоминает Стерна. Портреты нескольких деревенских чудаков — влюбленного в латынь учителя, мэра-бакалейщика, доброго старика священника, который сыплет поговорками, как Санчо Панса, — достаточ-

но выразительны, хотя их смешные черты изображены несколько преувеличенно и однообразно. Но затем все шло гораздо хуже; начиналась слезливая драма; пират в духе героев Байрона наводил страх на обитателей Арденн; викарий, несмотря на сан священнослужителя, вступал в брак, потом узнавал, что женился на собственной сестре, а под конец обнаруживал, что сестра эта вовсе и не сестра ему! Цензура в каком-то смысле оказала услугу Орасу де Сент-Обену.

Через две недели после «Викария» в свет вышел новый роман: «Столетний старец, или Два Беренгельда»; он был также подписан *Орас де Сент-Обен, бакалавр изящной словесности* и, несомненно, навеян «Мельмотом» Матюрена: книга эта, переведенная на французский язык в 1821 году, произвела сильное впечатление на Бальзака. Образ столетнего старца должен был непременно привлечь его внимание. С самого детства Оноре только и слышал в доме разговоры о долголетьи. Старик Беренгельд, как и Мельмот, заключил договор с сатаной: он получил возможность прожить несколько жизней, но должен для этого время от времени убивать юную девушку — ее кровь, попав к нему в жилы, вновь возвращает молодость этому вурдалаку. Беренгельд — чудовищный старик гигантского роста, наделенный невероятной силой. В целой веренице эпизодов, «причудливо переплетенных с полным пренебрежением к хронологической последовательности», пишет Морис Бардеш, рассказывается о том, как порою появляется сей вампир. В конце книги генерал Туллий Беренгельд, последний отпрыск рода, вырывает из рук отвратительного старика свою невесту, которую тот уже готовился умертвить.

Бальзак — Лоре Сюрвиль:

Теперь, когда я, как мне кажется, получил верное представление о своих силах, я глубоко сожалею, что так долго растрчивал блески своего ума на такого рода нелепости; чувствую, что в голове у меня кое-что есть, и, если бы я был уверен в прочности своего положения, другими словами, если бы меня не связывали различные обязательства, если бы у меня был кусок хлеба и крыша над головою да какая-нибудь Армида в придачу, я бы принялся за настоящую книгу; но для этого надо удалиться от света, а я всякую минуту возвращаюсь туда.

Подобно многим молодым людям, Бальзака буквально раздирали самые противоположные влияния. Он вра-

щался в компании циничных журналистов, которые смеялись надо всем, особенно над высокими чувствами, и продавали свое перо маленьким газетенкам — таким, как «Кормчий», «Корсар», жадным до слухов и эпиграмм и занимавшимся не то сатирой, не то шантажом; эти молодые люди также кропали на скорую руку мелодрамы и водевили для актрис, не отличавшихся чрезмерной добродетелью. В их кругу Оноре снова встретил «знаменитого» Огюста Ле Пуатвена, Этьена Араго, младшего брата прославленного астронома *carbonago*¹, похвалявшегося тем, что он входит в состав Голубой венты — тайного общества республиканцев, а также Ораса Рессона, двадцатичетырехлетнего юношу, отец которого, как и Бернар-Франсуа Бальзак, без труда переходил от роялизма к якобинству и обратно. Рессон был в дружбе с художником Эженом Делакруа, говорившим о нем: «Он лгун и человек самонадеянный... Шалопай этот был самым отчаянным хвастуном из всех, каких я встречал». Анри Монье рассказывает, что однажды он сидел в кафе «Минерва» вместе с Рессоном; внезапно тот встал из-за стола и воскликнул: «Пойдемте отсюда! Вот и несносный Сент-Обен уже явился!» При этих словах Монье увидел молодого человека, походившего не то на монаха, не то на крестьянина. Это был Бальзак. Если приведенный эпизод достоверен, Рессон был, видимо, не только лгун и самонадеянный фат, но и неблагодарный, недоброжелательный человек.

Все эти молодые люди сотрудничали с уже добившимися некоторой известности драматическими писателями. Бальзак, рассчитывавший, что театр принесет ему состояние, написал мрачную мелодраму «Негр»; театр Гетэ отклонил пьесу, хотя отметил некоторые ее достоинства. Бальзак и сам понимал, что попусту трачивает свои силы. С той поры, как Оноре благодаря Лоре де Берни испытал глубокое чувство, он мечтал написать настоящий роман о любви. Поверенная его чувств, бабушка Саламбье, еще в 1822 году с трогательной неуклюжестью подбадривала его:

«Милый Оноре, торопись избавиться от своей окаянной меланхолии... Постарайся не писать больше такие мрачные книги.

¹ Карбонарий (ит.).

рассказывай лучше о любви и делай это с приятностью... Ручаюсь тебе за успех, к тому же и сам исцелишься».

Славная старушка была права. В романе «Последняя фея, или Новая волшебная лампа» ее внук пробовал противопоставить буржуазной осмотрительности поэзию романтического. К несчастью, он все еще не способен был избавиться от подражания готовым образцам; у него получилась какая-то смесь из водевилей Скриба и романов Матюрена, книга вышла прескверная. Оноре де Бальзаку, стоявшему на голову выше Огюста ле Пуатвена и Ораса Рессона, никак не удавалось отделаться от их компании и от их методов работы.

Но, продолжая сотрудничать с этими беззастенчивыми литературными шакалами, он страдал. Его чувствительную натуру ранила жестокость окружающего мира. Он ощущал в себе силы для великих свершений. В романах, которые он писал только ради денег, порой попадались глубокие и верные наблюдения: о всеобщей растленности, о коррупции, ставшей язвою века, о торжестве порока. У отца Оноре позаимствовал некую систему взглядов — отнюдь не такую уж глупую — о соотношении физического и нравственного облика человека. В 1822 году юный Бальзак по совету доктора Наккара купил, а затем переплел (то был для него немалый расход!) сочинения Лафатера. Этот швейцарский писатель, которым так восторгался Гёте, написал большой труд «Физиогномика» (искусство узнавать характер людей по их наружности); труд этот «отличался тонкими и блестящими наблюдениями», в нем были рассмотрены шесть тысяч человеческих типов, их внешний облик и душевные свойства.

Книга эта стала для Бальзака своего рода Библией. «Люди умные, дипломаты, женщины — все те, кто принадлежит к числу немногих, но ревностных последователей двух этих знаменитых людей (Лафатера и Галля), часто имели случай наблюдать множество и других явных признаков, по которым можно проникнуть в человеческую мысль; привычные жесты, почерк, звук голоса, манеры и прочее не раз помогали влюбленной женщине, ловкому дипломату, искусному правителю и государю (Наполеону) по достоинству оценить тех,

с кем они имели «дело», — пишет Бальзак в своей «Физиологии брака». Здесь в зачатке уже возникают контуры будущего исследования, охватывающего все слои общества. Бальзак, последователь Бюффона и Жоффруа Сент-Илера, выказывал живейшую склонность к такого рода исчерпывающей классификации. Ведь куда интереснее было бы претворять в романы столь грандиозные идеи, вместо того чтобы подражать сочинениям Виктора Дюканжа или Пиго-Лебрена! Чем больше читал Оноре, тем больше он думал об этом. Но не хватало времени, его подстегивала нужда, и настоящее произведение, за которое ему следовало приняться, виделось лишь смутно, как в тумане, ускользало от него.

Порою он мечтал написать несколько диалогов в манере Платона, с тем чтобы изложить в них систему своих взглядов; однако «Современный Федон» так никогда и не был написан. Зато сохранился позднейший набросок — «Неведомые мученики», опубликованный в 1843 году; по нему можно составить себе некоторое представление о тех беседах, которые вел Бальзак в 1824 году, сидя со своими просвещенными друзьями в кафе «Вольтер» рядом с театром Одеон. Главный персонаж, Рафаэль, напоминает самого Бальзака: пышущее здоровьем лицо, черные волосы, живой взгляд». Его собеседники: ирландец Теофиль Осмонд, фанатичный приверженец Балланша; немец Тшерн, вольнолюбивый поэт с белокурыми локонами; доктор Физидор, двадцатисемилетний уроженец Турени, молодой медик, увлекающийся френологией; доктор Фантасма, семидесятитрехлетний житель Дижона, ученик Месмера, и математик Гроднинский, химик и изобретатель. Эти ученые мужи играют в домино за столиком, который за всегдатаи кафе прозвали «стол философов».

«Дубль шесть! Я начинаю игру!» — восклицает доктор Фантасма. И, продолжая партию в домино, партнеры ведут беседу, которая знакомит нас с мыслями молодого Бальзака. Физидор, рупор автора, рассказывает, что некий старый врач, посвятивший себя изучению оккультных наук, сделал ему необычайное признание: «Я хотел бы открыть вам одну тайну. Вот она: мысль могущественнее тела; она его пожирает, поглощает, разрушает».

Мысль способна убивать. Наши философы по очереди рассказывают о трагических мистификациях, когда неведомые жертвы умирают от воображаемых отравлений, погибают от несуществующих у них недугов или сходят с ума, терзаемые какой-либо мыслью. Ибо мысль материальна. Мертвецы могут являться живым потому, что мысль живет дольше, нежели тело. Верьте в оккультные науки!» Алхимики вовсе и не думали все превращать в золото, они мечтали об открытиях гораздо более важных. Они старались найти всё определяющую молекулу; стремились обнаружить истоки движения в бесконечно малых частицах; жаждали раскрыть тайны жизни Вселенной... «Это магия, который не следует смешивать с магией, ибо он представляет собою науку наук».

Таким образом, раскрываются чисто нравственные преступления, которые закон не карает. Человек-изверг может довести свою жертву до безумия, до гибели, причиняя ей душевные муки, от которых изнемогают в недрах семьи под покровом глубочайшей тайны кроткие создания; их преследуют люди с жестокой душой, терзая язвительными речами. Подобные беседы обогащали юного романиста новыми и необычайными сюжетами.

Он читал множество книг на эту тему. В ту пору медики делились на три школы: виталисты учили, что человек наделен «жизненной силой», другими словами — душой; сторонники химико-механической школы отвергали всякие философские доктрины и рассматривали только органы человека, их действие и реакции; последователи эклектической школы проповедовали эмпиризм. Некий виталист, доктор Вирей, исповедовал доктрину, довольно близкую взглядам молодого Бальзака: долголетия можно достичь, экономя жизненные силы; умственный труд истощает их не меньше, чем разгульная жизнь; ведя целомудренный образ жизни, можно накопить запас энергии, а сконцентрировав ее в своих мыслях, можно добиться физического эффекта. К этим положениям Бальзак прибавил заветную мысль, которой был просто одержим: человек с помощью воли способен воздействовать на свою собственную жизненную силу и даже направлять ее действие за пределы себя самого. На этом зиждутся целебные свойства

магнетизма; как и его мать, Оноре лечил наложением рук.

Наконец, в ту пору существовал в Бальзаке еще и третий человек, почти никому не ведомый. Гораздо больше, чем молодых людей из компании Рессона, он ценил своего друга Жана Томасси, которого впервые встретил на юридическом факультете или даже несколько раньше. Католик и легитимист, Томасси был так же далек от неверия и либерализма Бернара-Франсуа, как и от цинизма писак, собиравшихся в кухмистерской Фликото. «Ему только одно остается,— писал Сотле,— постричься в монахи. Между нами, я думаю, что он тем и кончит». Томасси не уважал ни толстяка Сотле, ни наглеца Ле Пуатвена, но ему нравилось щедрое великодушие Бальзака, он угадывал в нем высокий ум. Их политические взгляды, казалось, были совершенно противоположны. Оноре, как и его отец, был монархист по убеждениям, оппортунист по необходимости, бонапартист по влечению восторженной натуры, вольтерьянец по духу. В одном из его романов — «Жан-Луи» — даже усмотрели «бунтарский дух» и сочувствие Революции. На деле же, если он и презирал современное ему общество, то вовсе не жаждал его уничтожить. Как знать, будет ли другое общество лучше.

Сначала он был атеистом, но после чтения трудов Сведенборга и Сен-Мартена начал склоняться к воззрениям иллюминатов. Индийские мудрецы, отшельники из Фив с детства занимали его воображение. Он старался представить себе безграничное блаженство мистического экстаза, душевный покой, приносимый полным смирением, счастье божественной любви. Он не был примерным католиком и верил скорее в вечное и бесстрастное Начало, которое не мешает естественному ходу вещей, чем во всемогущее Провидение. И все же тяга к мистицизму была той лазейкой, сквозь которую в его сознание мог проникнуть христианский спиритуализм. Человек — не ангел и не зверь, но, изживая в себе зверя, он может приблизиться к ангелу, иначе говоря, спасти лучшую часть своего «я» — душу живую — и приблизиться таким образом к «глубочайшим безднам, таящимся в беспредельности».

Был ли он приверженцем учения Сен-Мартена? Некоторые отвечают на этот вопрос утвердительно, но это не так, ибо Сен-Мартен не предусматривал приобщения к таинствам, а в наброске «Трактата о молитве» Бальзак выражает желание сказать тем, кто скорбит душою:

«Как сладостно было мне приобщиться сих тайн, как легко было идти по этой стезе, едва я преодолел первые препятствия, какие восхитительные плоды освежали мое пересохшее небо... Я прошу тех, кто станет читать эту книгу, исполниться душевного покоя, дабы им открылся смысл Слова».

В этих строках мы узнаем неясный и возвышенный слог Сен-Мартена. Шатобриан после встречи с Сен-Мартеном высмеял «этого небесного философа», который вещал «на манер архангела». Духовидец вызвал раздражение у католика Шатобриана; Бальзак надеялся найти в Сен-Мартене проводника, указующего путь к тому, что он называл религией Иоанна Богослова, мистической церковью. Оноре был обязан Сен-Мартену и Сведенборгу одной из сторон своего мировоззрения.

В 1823 году Бальзак рассказал Томасси о том, что он задумал написать «Трактат о молитве». Томасси вскоре уехал из столицы в Бурж, где стал секретарем префекта; он уговаривал друга отказаться от этого плана: «Вы даже не представляете, до какой степени окреп бы ваш талант, если бы его питали идеи нравственные и религиозные... Но не вздумайте создавать такое произведение, как «Трактат о молитве», под игмом смятенных чувств». Томасси опасался — и с полным основанием — того эротико-мистического тона, которым Оноре описывал свои мирские страсти.

Жан Томасси — Бальзаку, 7 января 1824 года:

Расскажите мне подробнее о вашем «Трактате о молитве». Чтобы создать такой труд, недостаточно обладать возвышенной душою и богатым воображением; для этого необходима еще привычка к религиозной обрядности, необходимо длительное общение с Богом, необходимо, наконец, проникнуться спиритуализмом, исполненным экзальтации и умиления... Если вы никогда не испытывали душевного трепета, внезапно заслышав торжественные звуки органа, если не приходили в глубокое волнение, внимая молодому священнику, призывающему Бога Авраама благословить союз новобрачных, столь же юных, как и сам служитель церкви... то отложите в сторону свой «Трактат о молитве». Даже Руссо потерпел неудачу в подобном начинании, ибо он был чужд тех рели-

гиозных привычек, о которых я говорил. Одно дело написать десять или даже тридцать строк в минуту просветления; совсем другое — поддерживать подобное состояние души на протяжении всего труда.

«Трактат о молитве» все еще оставался замыслом, а тем временем Бальзак опубликовал брошюру о «Праве первородства» и «Беспристрастную историю иезуитов», проникнутую необыкновенной ортодоксальностью. Книжечка о «Праве первородства» была написана не без блеска. Автор напоминал, что возделывать виноградники и выращивать леса — дело непростое, требующее терпения и времени, а потому собственность на них должна быть надолго закреплена; он указывал на опасности, связанные с разделом земельных владений между многочисленными наследниками, получающими при этом равную долю, ибо это «умножает честолюбивые устремления в стране, которая в отличие от Англии не может предоставить молодежи широких возможностей для применения своих сил». Однако брошюра была, без сомнения, заказана Рессоном, сторонником оппозиции, которая стремилась приписать правительству гораздо более реакционные и мрачные намерения, чем это было в действительности. А наши волчата были готовы на все, лишь бы заработать малую толику «живых денег», как выражался Бальзак, всегда предпочитавший звонкую монету векселям книгопродавцев, которые постоянно приходилось учитывать и по которым нечасто удавалось получить в срок.

— Дети мои,— сказал Фино,— либеральной партии необходимо оживить свою полемику, ведь ей сейчас не за что бранить правительство, и вы понимаете, в каком затруднительном положении оказалась оппозиция. Кто из вас согласен написать брошюру о необходимости восстановить право первородства, чтобы можно было поднять шум против тайных замыслов двора? За работу хорошо заплатят.

— Я! — отозвался Гектор Мерлен.— Это соответствует моим убеждениям.

— Твоя партия, пожалуй, скажет, что ты порочишь ее,— возразил Фино.— Фелисьен, возмись-ка ты за это дело. Дориа издаст брошюру, мы сохраним все в тайне.

— А сколько дадут? — спросил Верну.

— Шестьсот франков. Ты подпишешься: «Граф К...»¹.

¹ Б а л ь з а к . Утраченные иллюзии.

Бальзак талантливо играл роль адвоката дьявола, и; кто знает, не себя ли он имел в виду, когда писал этот отрывок? Он с такой легкостью влезал в шкуру противника! Разумеется, он не решился послать свою брошюру о «Праве первородства» родителям, но отправил ее без подписи Сюрвилям. Бернар-Франсуа в день получения брошюры гостил у зятя. Он прочел ее, возмутился ретроградными взглядами автора и тотчас же сел строчить опровержение. Лора, догадавшаяся, что брошюра написана Оноре, немало позабавилась. «Эта словесная дуэль между отцом и сыном, которые разили друг друга перьями, казалась ей необыкновенно смешной», — пишет Аригон в своей книге о первых литературных шагах Бальзака.

Двадцать четвертого июня 1824 года семейство Бальзаков, имевшее в ту пору свободные деньги, приобрело у кузена Шарля Саламбье за десять тысяч франков дом в Вильпаризи, который оно прежде арендовало. Бернару-Франсуа улыбалась мысль вновь переехать в это селение; там он был куда более заметной персоной, чем в Париже, где, по его словам, «матерые волки сталкивались и грызлись в отвратительной грязи». Полагая, что жизнь на свежем воздухе и простые удовольствия способствуют долголетию, он и в семьдесят восемь лет был не прочь поразвлечься с деревенскими девицами. Госпожа Бальзак надеялась, что Оноре вместе со всеми переедет в Вильпаризи. Но он отказался и снял для себя небольшую квартирку на шестом этаже в доме номер два по улице Турнон. «Он намерен там работать», — защищала брата добрая Лора. Но мамашу не так-то легко было провести. Она полагала, что Оноре хочет без помех принимать у себя госпожу де Берни.

Госпожа Бальзак — Лоре Сюрвиль, 29 августа 1824 года:

Я снова хочу поговорить с тобой о дезертирстве Оноре. Как и вы, я охотно воскликну: «Браво!», если он и в самом деле остался в столице для того, чтобы работать и уразуметь наконец, чего ему следует держаться; но боюсь, он затеял все это для того, чтобы под благовидным предлогом без стеснения предаваться страсти, которая его губит. Он удрал отсюда вместе с нею; она провела целых три дня в Париже, я так и не могла повидать Оноре, хотя он знал, что я приехала в столицу ради него. Думаю, они вместе сняли эту квартиру, и он выдает ее там за свою родственницу. Он, верно, потому и избегал встречи со мной, что

не хотел говорить, где остановился; все эти соображения заставляют меня считать, что Оноре просто ищет полной свободы, вот и все. Дай-то Бог, чтобы я ошибалась и чтобы у него наконец открылись глаза!..

«Дама с околицы» замучила меня визитами и знаками внимания. Сами понимаете, как мне это лестно. Она постоянно делает вид, будто проезжала мимо. Приходится хитрить! Не дальше как сегодня она заглянула к нам, чтобы пригласить меня к обеду, но я отказалась под благовидным предлогом.

По словам госпожи Бальзак, родители неизменно позволяли Оноре пользоваться их кошельком.

Госпожа Бальзак — Лоре Сюрвиль, 4 сентября 1824 года:

Только недавно я предложила Оноре заплатить все его долги, если это будет способствовать взлету его таланта и поможет написать наконец книгу, которую ему не стыдно будет признать своей. Но он отказался — очевидно, не захотел принять на себя хоть какие-то обязательства. Я предлагала посылать ему провизию: большего нам делать не следует в его же собственных интересах. Но он и этого не пожелал. За все наше внимание он платит тем, что ведет себя совершенно бесцеремонно, не уважая даже родительского дома. Несмотря на то, что мы старались делать вид, будто ничего не замечаем, он поставил нас, повторяю, поставил нас в такое положение, когда уже больше невозможно сомневаться! Нам неловко перед окружающими. Когда я прохожу вместе с нею по улице селения, то, хотя, как всегда, держусь с достоинством и даже сурово смотрю на встречных, многие все же хихикают нам вслед.

Пусть только Лора, выслушав эти упреки по адресу Оноре, не думает, что госпожа Бальзак сердится на сына. Материнские объятия и кошелек всегда открыты для него. Если он выкажет свой талант, это будет огромной радостью для его родителей. Если бы он смотрел на свою любовную связь, как должно, то есть как на источник удовольствия, и не превращал ее в помеху своим трудам, они бы радовались, видя, что он занят делом и чего-то добивается; ему давно уже пора взяться за ум.

С тех пор как Оноре перебрался в Париж, наша дама частенько туда наведывается. Она проводит там по два дня кряду, вот почему я боюсь, что опасения мои были справедливы и, покинув родительский дом, он лишь искал для себя полной свободы.

Госпожа Бальзак с горечью отнеслась к тому, что женщина, которая была на год старше ее самой и успела уже стать бабушкой, похитила у нее сына. Что ка-

сается Лоры де Берни, то она признается, что влюблена в Оноре больше чем когда-либо.

Госпожа де Берни — Бальзаку:

Отчего так получается, дорогой, что, обретая огромное счастье в нашей любви, мы испытываем столько огорчений по вине окружающих?.. О да, я люблю тебя! Ты мне нужен больше, чем воздух птице, чем вода рыбе, чем солнце земле, чем тело душе. Повторяя простые слова: «Милый, я люблю, я обожаю тебя», я хотела бы чаровать твой слух, как чарует его весенняя песня пташки, я просила бы тебя прижать к сердцу свою милую и совершить вместе с ней чудесную прогулку; мне хотелось бы уверить тебя, что наступят погожие летние дни; но в этой радости мне отказано, боюсь, что мое письмо может навлечь на моего дорогого, моего любимого неприятности, вызвать дурные толки, и все удовольствие будет этим испорчено. Ты даешь мне так много, но твоя милая способна это почувствовать и оценить, как никто другой. О почему не дано мне принять множество облиций, чтобы и самой давать тебе все, что я хотела бы, и так, как я хотела бы! Но, милый друг, если мое тело, моя душа, все мое существо, которое украсила ныне самая возвышенная любовь, дарует тебе радость, я бесконечно счастлива, ибо всецело принадлежу тебе!

Если госпожа де Берни в начале этой связи держала себя по-матерински нежно и чуть насмешливо, то теперь, четыре года спустя, она страстно привязалась к молодому человеку, чей незаурядный талант она почувствовала первой. Она страдала, видя, что он убивает все свое время на жалкие поделки, которые ему заказывает Рессон, литературный маклер, ловко эксплуатировавший этот неиссякаемый источник вдохновения. Бальзак был не просто журналист, он был поистине блестящий журналист. Чуть не всякий день он отправлялся либо в кафе «Вольтер», либо в кафе «Минерва», возле Комеди-Франсез, где встречался со своими приятелями. Рессон, умевший гораздо лучше, чем Оноре, соблазнять книгопродавцев, предлагал Бальзаку работу над всевозможными «кодексами»; в ту пору жанр этот был в моде, и можно назвать множество забавных, циничных или игривых его образцов: «Гражданский кодекс», «Кодекс честных людей», «Кодекс коммивояжера», «Кодекс литератора и журналиста», «Любовный кодекс». Бальзак, умевший работать, как никто, был способен написать брошюру в несколько ночей. Пользуясь трудами Лафатера, он мог сочинить, скажем, «Кодекс щеголя», легкомысленный, блестящий и в то же время остроумный.

«Кодекс честных людей» появился сперва без подписи, а затем за подписью Рессона. Но создан он был главным образом Бальзаком, и сам Рессон это признал. Трактат сей можно, пожалуй, назвать бальзаковским и вместе с тем свифтовским. Цель его — предостеречь честных людей от опасностей, грозящих их любезным денежкам, за которыми на каждом шагу охотятся парижские «ирокезы». Автор не слишком возмущается ворами. Всякий социальный порядок зиждется на ворах: без них жизнь была бы такой же тусклой, как комедия без Криспена и Фигаро. «К чему бы это повело? Как стали бы жить жандармы, судейские чиновники, полицейские, слесари, привратники, тюремщики, адвокаты?» К тому же ведь все воруют. Поставщик, снабжающий армию провиантом (а Бальзак хорошо знал людей этого сорта), который должен прокормить тридцать тысяч человек, вносит в списки «мертвые души», сбывает затхлую муку и подпорченную провизию — иначе говоря, ворует; иной сжигает завещание; этот запутывает отчеты по опеке; тот придумывает «тонтину».

И Бальзак, опираясь на опыт, который он приобрел, общаясь с судейской братией, со знанием дела разоблачает всевозможные уловки адвокатов и нотариусов — они искусно стряпают всякие кабальные контракты, фальшивые закладные. Автор дает честным людям благоразумные советы:

«Запомним, как первую заповедь, что самая худая мировая сделка лучше самой доброй тяжбы... Если же вас все-таки вынудят судиться, откажитесь от разорительных прошений и никому не нужных требований... Ублажайте клерка и не занимайтесь его патроном; не скупитесь на трюфели и хорошее вино, помните, что, потратив триста франков, вы сэкономите тысячу экю».

Книжечка была пропитана циническим сарказмом.

«Как правило, светский человек, получивший хорошее воспитание, может пожертвовать своей безукоризненной честностью лишь ради крупных сумм, которые сулят ему надежное богатство».

Эта небольшая брошюра по-своему важна. То была настоящая записная книжка писателя со множеством набросков. Здесь нетрудно обнаружить в зародыше будущие романы, где большую роль станет играть закон и всевозможные судебные кляузы; вместе с тем художник

пока еще с насмешливой снисходительностью относится даже к худшим из своих моделей.

Когда мода на «кодексы» миновала и на смену им пришли различные «физиологии», Бальзак сделал первый набросок «Физиологии брака». Отец уже давно излагал ему свои экстравагантные взгляды на плотскую любовь и на евгенику. Старый друг Оноре — Вилле-Ла-Фэ — много рассказывал юноше о женщинах, об их хитростях, о супружеской дипломатии. Орас Рессон и Филарет Шаль дали ему прочесть книгу Стендаля «О любви», и он пришел в восторг. Семейная жизнь его собственных родителей позволила ему сделать немало наблюдений об адюльтере и связанных с ним опасностях. Необыкновенная любовь госпожи Бальзак к младшему сыну Анри, этому чужаку, которого она ввела в семью, не признававшую его своим, в отрочестве заставляла Оноре немало страдать. Суровые уроки преподавала ему жизнь четы Берни, четы Сюрвилей, четы Монзэглей. Словом, уже в ранней молодости Бальзак достаточно нагляделся на семейные неурядицы и подумывал о том, чтобы все это описать. Он долго искал название будущей книги: «Супружеский кодекс», «Искусство сохранить верность жены», «Искусство уберечь жену»; наконец он остановился на заголовке «Физиология брака». Тон этого произведения подсказал Бальзаку один из его любимых писателей — Лоренс Стерн, «советовавший, — по определению Бардеша, — смотреть на брак как на известный недуг, который время от времени проявляется в физиологическом акте». Хотя «Физиология брака» вышла в свет гораздо позднее, уже в 1824—1825 годах был написан первый ее вариант; возможно, в работе над ним деятельно участвовал и Бернар-Франсуа, ибо сохранился экземпляр этого произведения, который Оноре велел переплести вместе с брошюрой своего отца «История бешенства».

Для такого рода второстепенных работ Бальзаку приходилось очень много читать, он рылся в книгах, изучал иностранных авторов. Он выказывал энергию, достойную Наполеона. Однако ему уже исполнилось двадцать пять лет, а успех все не приходил. Романы Ораса де Сент-Обена? В их ценность он не верил; он и писал-то их с усмешкой, а порою даже немного стыдясь. Почему? Да потому, что чувствовал: он способен

совсем на иное; он ощущал себя философом, мыслителем. Оноре приобрел известную сноровку, овладел некоторыми приемами мастерства и теперь мечтал о чем-то большем. Какой-нибудь Рессон или Ле Пуатвен могут довольствоваться ролью литературных поденщиков, готовых взяться за любую поделку. Но он... Все заставляло его стремиться к великому, и все неумолимо отбрасывало его к ничтожному.

Я был жертвою чрезмерного честолюбия, я полагал, что рожден для великих дел,— и прозябал в ничтожестве... Как все взрослые дети, я тайно вздыхал о прекрасной любви. Среди моих сверстников я встретил кружок фанфаронов, которые ходили задрав нос, болтали о пустяках, безбоязненно подсаживаясь к тем женщинам, что казались мне особенно недоступными, всем говорили дерзости, покусывая набалдашник трости, кривлялись, поносили самых хорошеньких женщин, уверяли, правдиво или лживо, что им доступна любая постель, напускали на себя такой вид, как будто они пресыщены наслаждениями и сами от них отказываются, смотрели на женщин самых добродетельных и стыдливых как на легкую добычу. готовую отдался с первого же слова, при маломальски смелом натиске, в ответ на первый бесстыдный взгляд!.. Позже я узнал, что женщины не любят, когда у них вымалывают взаимность; многих обожал я издали, ради них я пошел бы на любое испытание, отдал бы свою душу на любую муку, отдал бы все свои силы, не боясь ни жертв, ни страданий, а они избирали любовниками дураков, которых я не взял бы в швейцары¹.

Между тем надо было жить. Теперь он обитал один на улице Турнон. Пуповина была перерезана. Иногда мать тайком платила за его жилье. Известно, что в 1824 году Оноре долго болел. Он слишком много работал. И по-прежнему мечтал прославить имя Бальзак. Однако он все еще писал под псевдонимами, ибо сам не верил в ценность того, что создавал. В начале его литературной карьеры родители ждали чуда. Неизменно благожелательный и бодро настроенный, Бернар Франсуа, как и раньше, писал родственникам: «Оноре работает без передышки, он занят изящной словесностью, из-под его пера выходят славные и весьма интересные произведения, их хорошо раскупают». Но сам автор судил себя гораздо строже; он до такой степени себе опротивел, что иногда подумывал о самоубийстве. Так по крайней мере рассказывает Этьен Араго. Вот как передает эту сцену Аригон.

¹ Б а л ь з а к. Шагреневая кожа.

Однажды вечером, проходя по какому-то мосту через Сену, Этьен Араго заметил Бальзака: тот стоял неподвижно, облокотившись на парапет, и глядел на воду.

— Что вы тут делаете, любезный друг? Уж не подражаете ли персонажу из «Мизантропа»? Плюете в воду и любуетесь расходящимися кругами?

— Я смотрю на Сену,— отвечал Бальзак,— и спрашиваю себя, не следует ли мне улечься спать, завернувшись в ее влажные простыни...

Услышав такой ответ, Этьен Араго остолбенел.

— Что за мысль! — вскричал он.— Самоубийство? Да вы с ума сошли! Вот что, пойдите-ка со мной. Вы ужинали? Поужинаем вместе.

Маловероятно, что веселый юноша, чья голова была битком набита планами, счастливый любовник и в самом деле собирался наложить на себя руки... Но неужели ему было суждено всю свою жизнь — а она, как известно, коротка и неповторима — выполнять поденную работу для книгопродавцев?

VIII

ДЕЛОВОЙ ЧЕЛОВЕК... В СОБСТВЕННОМ ВООБРАЖЕНИИ

Никогда не следует судить тех, кого любишь. Настоящая привязанность слепа.

Бальзак

Шел 1825 год. Бальзак, живший на улице Турнон, почти ежедневно виделся с госпожой де Берни: она продала свой дом в Вильпаризи и поселилась теперь неподалеку от возлюбленного. Она давала ему все: обожаение опытной женщины, сладострастной и вместе с тем нежной; материнскую любовь стареющей эгерии к молодому человеку, глаза которого, по словам Теофиля Готье, походили на «два черных бриллианта и время от времени вспыхивали яркими золотистыми искрами; то были глаза властелина, ясновидца, укротителя»; она знала свет и давала Оноре ценные советы, как там себя вести; она много рассказывала ему о старом режиме, о Революции и обществе времен Империи, зародившемся в период Директории. Проницательная, насмешливая и страстная, не питавшая иллюзий насчет людей и все же относившаяся к ним беззлобно, способная на безграничную преданность, она описывала ему всевозможные

интриги, алчные устремления, заговоры. Словом, объясняла жизнь.

Он и сам наблюдал современное ему общество, общество Реставрации. Человеческая энергия, которая в годы Империи расходовалась на воинские подвиги, теперь накапливалась, и это таило в себе опасность. Бальзак постигал особые интересы, отличавшие эту эпоху, как и все переходные эпохи. На самом верху общественной лестницы смешивались два социальных слоя. С одной стороны, прежняя аристократия, населявшая Сен-Жерменское предместье, поредевшая в годы якобинской диктатуры; она опять укрепилась после возвращения короля и ныне опрометчиво пыталась вновь утвердить свое первенство, свои исключительные права, требовала возмездия; с другой стороны, множество выскочек, рожденных Империей, финансовые воротилы, многие из которых удержались на поверхности, приняв сторону монархии если не по велению души, то по расчету. Оба эти слоя были почти недоступны Оноре Бальзаку.

Ниже их располагалась уже обузданная, осторожная, затаившая злобу часть буржуазии, которая боялась утратить то, что она приобрела и завоевала благодаря Революции. Юный отпрыск буржуазной семьи, сын наполеоновского чиновника, Бальзак должен был ненавидеть ультрароялистов. «Все свидетельствует о том, что бонапартистский пыл, видимо, переполнял сердце этого юноши», — пишет Бернар Гийон. Ему был понятен гнев молодых либералов и ярость оставшихся не у дел героев былых сражений, офицеров на половинном пенсионе — они не могли найти себе применения в мирной жизни, а потому все дни играли на бильярде в кафе и вынашивали заговоры против существующего режима.

Надо всем стоял король — Людовик XVIII; он ясно видел опасность и хотел бы засыпать пропасть, разделявшую две группы французов; Бальзак отдает должное его благоразумию: «Последний из Бурбонов столь же старался угождать третьему сословию и людям Империи... сколь ревностно первый из Наполеонов усердствовал, чтобы привлечь на свою сторону высшую знать и убоготворить церковников»¹.

¹ Б а л ь з а к . Загородный бал.

Никому не ведомый свидетель, молодой Бальзак наблюдает общество Реставрации так, как умеет наблюдать только художник или счастливый любовник, он видит все, по выражению Сент-Бёва, как бы «снизу, из толпы, среди страданий и битв, с тем безмерным вожделением, порождаемым талантом и натурой, благодаря которому запретный плод заранее предвкушаешь тысячу раз, воображаешь, наслаждаешься еще прежде, чем завладеешь им и отведаешь его».

Представшее его взорам парижское общество казалось ему безжалостным, даже жестоким. Ради карьеры тут плели самые коварные интриги, замышляли козни. Бальзак, от природы добрый мальчик, с душой, открытой всему высокому, недостаточно остерегался акул, шнырявших вокруг. Он, конечно же, наблюдал в родительском доме невзгоды супружеской жизни, ожесточенные ссоры из-за денег; он не раз слышал циничные парадоксы своих приятелей-литераторов; вдыхал смрадный запах грязной кухни продажных журналистов и изголодавшихся книгопродавцев. И тем не менее он был подвержен приступам простодушной доверчивости.

В то время как Оноре мало-помалу терял надежду добиться литературной славы и даже стал сомневаться, сможет ли он заработать себе на жизнь пером (ибо хотя книгопродавцы не скупилась на посулы, их векселя часто оставались неоплаченными), один из друзей его отца, Жан-Луи Дассонвиль де Ружмон, владелец поместья Монгла (в департаменте Сена-и-Марна), посоветовал ему попытать счастья в иной сфере — стать дельцом. Жан Томасси, постоянный советчик Бальзака, говорил то же самое.

Предпримите какие-нибудь практически полезные шаги, а литературой занимайтесь сверх того. Прежде чем думать о десерте, позаботимся, чтобы у нас было два сытных блюда; только тогда можно спать спокойно и с чистой совестью; тот, кто видит в литературе средство сделать карьеру, берет в руки оружие без предохранителя, которое часто ранит смельчака; к тому же зависть постоянно преследует человека, посвятившего себя одной только изящной словесности; и, напротив, тот, кто занимается ею на досуге, из прихоти, скорее выкажет свой ум и добьется успеха.

Почему бы и в самом деле не сочетать деловую и литературную деятельность?

У Оноре была общая черта с отцом — оба любили дерзкие начинания. Воображая себя деловым челове-

ком, Бальзак легко загорался от каждого смелого проекта.

Увидя первые дагерротипы, он сразу же понял, какое блестящее будущее открывается перед новым изобретением, и горевал, что не может посвятить себя этому делу. Нетерпеливый от природы, он стремился к быстрому успеху, пренебрегая надежными средствами для достижения его, ибо они требовали слишком много времени. И вот в лавке книгопродавца Юрбена Канеля (она помещалась на площади Сент-Андре-дез-Ар, в доме номер тридцать), с которым Бальзака познакомил Рессон и который готовился издать роман «Ванн-Клор», Оноре узнал, что Канель в компании со своим братом по профессии Делоншаном намерен издавать Лафонтена и Мольера; полное собрание сочинений каждого из них должно было уместиться в одном томе, набранном мелким шрифтом в две колонки. Такая мысль привела Бальзака в восторг. Разумеется, тысячи просвещенных читателей пожелают приобрести столь удобные издания классиков. Если он примет участие в этом предприятии, то почти без труда сколотит себе состояние, а кроме того, у него останется очень много времени для того, чтобы писать.

И Бальзак заключил с Юрбеном Канелем контракт, по которому он должен делить с ним доходы, расходы и опасности, связанные с опубликованием всего Мольера в одном томе. Чтобы покрыть расходы, нужны были деньги. Дассонвиль де Ружмон ссудил Оноре 6000 франков, затем еще 3000, но под большие проценты; госпожа де Берни охотно дала 9250 франков для издания Лафонтена; она одобряла план, к тому же ей очень хотелось, чтобы ее юный друг стал независим от семьи, которая, кстати сказать, тоже была в полном восторге. Родители терпеливо ждали литературного успеха сына, но ему уже исполнилось двадцать шесть лет, а признания все не было. Пусть попытает теперь счастья в делах!

Только один человек призывал Оноре к осмотрительности — бедная Лоранса, которая с каждым днем угасала: ее здоровье было подорвано тяжелыми переживаниями и неприятностями. Бездельник муж требовал от жены подписи под документом, который позволил бы ему обобрать несчастную; госпожа Бальзак запретила

дочери подписывать доверенность. В последние дни новой, тяжело протекавшей беременности таявшая от чихотки Лоранса вынуждена была искать прибежища у родителей — в доме номер семь по улице Руа-Доре. Но здесь мать терзала ее обидными попреками. «Я всегда буду делать то, что смогу, для дочери, — заявляла она, — но я не властна отныне любить ее».

Лоранса де Монзэгл — Бальзаку, 4 апреля 1825 года:

Твои коммерческие начинания, дорогой Оноре, — а их уже целых три не то четыре — не идут у меня из головы; писатель должен довольствоваться своей музой. Ведь ты с головой ушел в литературу, так разве это занятие, без остатка заполнявшее жизнь знаменитых людей, посвятивших себя сочинительству, может оставить тебе время для новой карьеры, может позволить тебе отдаться коммерции, в которой ты ничего не смыслишь... Когда человек впервые берется за такие дела, то, чтобы преуспеть, он должен с самого утра и до поздней ночи помнить об одном: надо постоянно заискивать перед людьми, расхваливать свой товар, дабы продать его с прибылью. Но ты для этого не годишься... Окружающие тебя дельцы будут, конечно, все расписывать самыми радужными красками. Воображение у тебя богатое, и ты сразу же представишь себя обладателем тридцати тысяч ливров годового дохода; а когда фантазия у человека разыграется и он строит множество планов, то здравый смысл и трезвость суждений оставляют его. Ты очень добр и прямодушен, где уж тебе уберечься от человеческой подлости... Все эти размышления, милый Оноре, вызваны тем, что ты мне очень дорог и я предпочла бы знать, что ты по-прежнему живешь в скромной комнате на пятом этаже без гроша в кармане, но зато трудишься над серьезными сочинениями, пишешь, а не занимаешься блестящими коммерческими операциями, которые сулят состояние... А теперь я с вами прощаюсь, господин предприниматель. Будьте предприимчивы, как и положено хорошему коммерсанту, только смотрите, чтобы за вас самого часом не принялись... А если добьетесь богатства, то не женитесь, ибо у вас растут два прелестных племянника и племянница. Я, конечно, шучу, братец. Но об одном прошу тебя очень серьезно: не позволяй своей музе слишком долго дремать; мне не терпится увидеть твои новые произведения, прочитать их.

Бедняжка Лоранса как в воду глядела, но Оноре с головой ушел в свою коммерческую авантюру. Юрбен Канель искал гравера со скромными запросами, которому можно было бы поручить иллюстрации к изданию классиков. Такой человек нашелся в Алансоне: то был местный книгопродавец Пьер-Франсуа Годар. Бальзак сел в дилижанс и вскоре отыскал Годара среди живописного нагромождения старых домов с коньками на крышах, башенок, лавчонок — безошибочные взгляд и

память Бальзака тут же запечатлели эту картину. Договор с Годаром был подписан в его лавке 17 апреля 1825 года. Распрощавшись с ним, Бальзак отправился в гостиницу «Мавр» — харчевню, каких много в Нормандии, с конюшней в глубине двора и кухней под навесом. Еще одна картина попала в кладовую его памяти.

Вернувшись в Париж, он принялся за предисловие к сочинениям Мольера и Лафонтена, ему надо было закончить роман «Ванн-Клор, или Бледноликая Джен» и одновременно приходилось хлопотать о том, чтобы, выйдя в свет, Мольер был встречен доброжелательными статьями. Бальзак рассчитывал на содействие Филарета Шаля, приятеля Рессона. Филарет был умный критик и много писал. Отцы молодых людей — член Конвента Шаль и якобинец Рессон — в свое время были товарищами по политическим битвам. Филарет Шаль недавно вернулся в столицу после двухлетнего пребывания в Англии и теперь деятельно сотрудничал в журналах и газетах. Бальзак обратился к нему за поддержкой. Госпожа де Берни и Дассонвиль выдали вексель под его будущие успехи, надо было оправдать их доверие, добиться удачи.

Сюрвиль между тем получил вождеденный пост: его назначили на должность инженера департамента Сена-и-Уаза с местопребыванием в Версале. Оноре часто приезжал туда погостить к сестре. Дочь близкой приятельницы семьи Бальзаков, Камилла Делануа была очень дружна в пансионе с «прелестной, как ангел», Жозефиной д'Абрантес, дочерью Лоры Пермон, вдовы генерала Жюно, герцога д'Абрантес. Лора Сюрвиль через своих друзей Делануа познакомилась с прославленной герцогиней, которая также жила в Версале. В прошлом у Лоры д'Абрантес, женщины темпераментной и не слишком строгих правил, было много связей; в частности, она была близка с князем Меттернихом, канцлером Австрии и душой Священного Союза*. В 1825 году она говорила, что ей сорок один год.

При Реставрации дама эта, как и многие другие, внезапно обнаружила в себе монархические чувства. Наполеон, некогда бывший ее кумиром, теперь сделался «чудовищным узурпатором». После Ватерлоо она было попыталась вновь устраивать свои «обеда для узко-

го круга друзей», однако пассив по наследству, оставшемуся после Жюно, достиг миллиона. Разоренной вдове пришлось продать драгоценности, обстановку и винный погреб. Полина Боргезе, которая по-прежнему была богата, давно уже зарилась на сапфиры и испанские вина своей старинной приятельницы.

Получив пенсион в размере шести тысяч франков, Лора д'Абрантес поселилась в Версале, в небольшом особнячке на улице Монтрей, где вела очень скромное существование. Она хотела попробовать свои силы в литературе, с тем чтобы пополнить скудные доходы. Она все еще оставалась красивой и привлекательной: у нее были живые глаза, свежий рот, черные как смоль волосы. Оноре был очарован. Знакомство с герцогиней, пусть даже с герцогиней времен Империи, льстило его тщеславию — Лора д'Абрантес жила при дворе, в Тюильри.

«Эта женщина,— писала о ней в своих воспоминаниях Виржини Ансело,— видела Наполеона, когда он был еще никому не известным молодым человеком; она видела его за самыми обыденными занятиями, потом на ее глазах он начал расти, возвеличиваться и заставил говорить о себе весь мир! Для меня она подобна человеку, сопричисленному к лику блаженных и сидящему рядом со мной после пребывания на небесах возле самого Господа Бога».

Живой, любознательный, начитанный юноша не оставил герцогиню равнодушной. У него были связи в литературном мире; она попросила Бальзака прочесть ее перевод. Оноре подсказал ей более честолюбивые планы. Отчего бы ей не написать мемуары? Он попытался сделать Лору д'Абрантес своей любовницей, дама уклонилась, и он обвинил ее в том, что она «позволяет рассудку одерживать верх над чувствами». Существуют, говорил он ей, два сорта женщин: одни олицетворяют собой грацию и покорность, в других мужской ум и смелые замыслы причудливо переплетаются со слабостями их пола. Бальзак высказал такую аксиому: «Женщина только тогда по-настоящему трогательна и хороша, когда она покоряется своему господину — мужчине». Однако Лора д'Абрантес не была расположена играть роль покорной любовницы. Она предложила ему свою дружбу.

Дружба — это химера, за которой я вечно устремляюсь в погоню, несмотря на разочарования, часто выпадающие на мою долю,— отвечал он с досадой.— С детских лет, еще в коллеже, я искал не друзей, а одного-единственного друга. На сей счет я разделяю мнение Лафонтена, но я до сих пор еще не нашел того, что в самых радужных красках рисует мне романтическое и взыскательное воображение... Однако мне приятно думать, что есть такие натуры, которые сразу же понимают и по достоинству оценивают друг друга. Ваше предложение, сударыня, так прекрасно и так лестно для меня, что я далек от мысли отклонить его.

Кто-то сказал герцогине д'Абрантес, что Бальзак «влачит ярмо, украшенное цветами» (намек на его связь с Лорой де Берни). Он возмутился: «Уж если я могу чем-либо гордиться, то именно своей душевной энергией. Подчинение для меня невыносимо. Я отказался от многих должностей, потому что не хотел ни у кого быть под началом; в этом смысле я настоящий дикарь». Красавицы любят дикарей, и подобная декларация независимости могла внушить женщине желание поработить такого человека. Оноре на это надеялся. Вот как он описывал себя герцогине.

Во мне всего пять футов и два дюйма роста, но я вобрал в себя множество самых несообразных и даже противоречивых качеств; вот почему те, кто скажет, что я тщеславен, расточителен, упрям, легкомыслен, непоследователен, самонадеян, небрежен, ленив, неусидчив, безрассуден, непостоянен, болтлив, бестактен, невежествен, невежлив, сварлив, переменчив, будут в такой же мере правы, как и те, кто станет утверждать, что я бережлив, скромн, мужествен, упорен, энергичен, непривередлив, трудолюбив, постоянен, молчалив, тонок, учтив и неизменно весел. Тот, кто назовет меня трусом, ошибется не больше, чем тот, кто назовет меня храбрецом; сочтут ли меня ученым либо невеждой, человеком талантливым либо бездарным,— что бы во мне ни обнаружили, меня ничто не удивит. В конце концов я пришел к заключению, что я всего лишь послушный инструмент, на котором играют обстоятельства.

Как объяснить подобный калейдоскоп? Быть может, все дело в том, что судьба наделяет души людей, стремящихся описать страсти, которые волнуют человеческое сердце, этими же самыми страстями, дабы они могли силой воображения пережить то, что живописуют; а разве наблюдательность не есть своего рода память, помогающая этому живому воображению? Я начинаю думать, что это именно так.

Одиннадцатого августа 1825 года несчастная Лоранса произвела на свет второго сына и, измученная тяжелыми родами, скончалась у своих родителей в доме номер семь по улице Руа-Доре. Безразличие близких к ее печальной участи было почти неприличным, Лорансу

всегда недостаточно любили в семье. Третьего августа 1825 года Бернар-Франсуа писал племяннику:

Госпожа де Монзэглъ, моя младшая дочь и мать двух мальчуганов, которой исполнилось всего двадцать два года, к тому времени, когда вы получите это письмо, переселится уже в иной мир; это весьма прискорбно. Моя старшая дочь, госпожа Сюрвиль, забеременела вторично; ее муж разработал проект нового канала, сооружение которого обойдется в семнадцать миллионов, правительство одобрило этот проект и назначило его главным инженером сего великого предприятия; акционерное общество ищет капиталы, чтобы начать работы.

Эссонский канал, которому Бернар-Франсуа с безотчетным эгоизмом уделял не меньше внимания, чем безвременной кончине Лорансы, играл огромную роль в жизни семьи. Все рассчитывали разбогатеть благодаря ему; Оноре уже набрасывал черновики будущих проспектов. Между тем директор ведомства путей сообщения распекал Сюрвиля за то, что тот, занимаясь собственными проектами, пренебрегает своими прямыми обязанностями. Характерная черта: в повседневной жизни Оноре разделял честолюбивые мечты своего зятя Сюрвиля, надеявшегося разбогатеть; Бальзак-писатель наблюдал, какие опустошения производит навязчивая идея в душе его родственника.

В день смерти Лорансы Оноре гостил в Версале у сестры. Лора тяжело переносила беременность, и он сперва скрыл от нее печальную весть, которой поделился с герцогиней д'Абрантес.

Бальзак — герцогине д'Абрантес, 11 августа 1825 года:

Бедная моя сестра отлучилась. Только что прибыл нарочный; я уезжаю и не могу даже сказать, сколько времени отнимет у меня эта горестная церемония и все, что с нею связано. Затем я возвращусь в Версаль. Проявите же хоть немного сострадания, раз уж вы не питаете ко мне иного чувства, и не огорчайте меня в минуту, когда столько горестей обрушилось на мою голову. Прощайте. Молю вас, сохраните свою дружбу ко мне. Она послужит мне поддержкой в этих новых испытаниях.

Сестра ни о чем не знает. Не выдавайте же ей печальную тайну этой трагической смерти. Я уезжаю вместе с Сюрвилем. Прощайте, прощайте.

То, что в августе было еще дружбой, в сентябре превратилось в любовь. В письме, отправленном из Сашё, Бальзак обращается к герцогине на «ты» и называет ее «дорогая Мари». Герцогиню д'Абрантес, как

и госпожу Бальзак, как и госпожу Сюрвиль, как и госпожу де Берни, звали Лора. Однако *Dilecta*¹ (так Оноре именовал свою возлюбленную Лору де Берни) столько раз выслушивала клятвы в верности из уст своего непостоянного любовника, что теперь ему было неудобно, адресуя любовное письмо другой женщине, называть ее тем же именем. Непокойная совесть рождает причуды, которые не понятны верности.

Герцогиня звала его в Версаль. Он обещал ей как можно скорее покинуть Турень, чтобы вновь насладиться радостью встречи с нею.

Я прощаю тебе, любимый мой ангел, все недобрые упреки, которые вы мне адресовали, и надеюсь, что вскоре вновь буду опьяняться милым взглядом, любоваться дивным личиком. Я не уеду отсюда раньше 4 октября; таким образом, я еще надеюсь получить нежное письмо от моей Мари, но не от недоброй Мари, а от Мари обожаемой, Мари, которую я так люблю. Я готов лететь к тебе на крыльях, дорогая, но прежде хочу получить письмо, полное любви и примирения. Тогда я приеду, проникнутый благодарностью; теперь ты можешь полностью рассчитывать на мое возвращение.

Стать любовником герцогини д'Абрантес, обращаться к ней на «ты»... Положительно, наш «бахвал Оноре» делает успехи в королевстве женщин. В королевстве изящной словесности ему, также улыбнулась надежда. Выпустив в свет в сентябре 1825 года роман «Ванн-Клор», Юрбен Канель заговорил о нем с одним из своих постоянных авторов, Анри де Латушем, который пользовался определенным весом в газетах: «Вот книга мужественного молодого человека с большим будущим; вы пользуетесь влиянием и должны оказать ему услугу, сказав о нем несколько одобрительных слов».

Латуш, человек весьма образованный, пробовал себя в различных жанрах — он писал пьесы, романы, статьи, но так и не сумел «обуздать чудовище», то есть славу. Поэтому нрава он был довольно угрюмого, быстро обижался, но критиком слыл компетентным. «Я создал больше авторов, нежели произведений», — с горечью говорил Латуш. Этот доброжелательный ворчун прочел роман «Ванн-Клор» и наряду с серьезными погрешностями обнаружил в нем большие достоинства. Особенно понравилась ему та сцена, где провинциальная дама,

¹ Любимая, избранница (лат.).

перезрелая кокетка, заслышав звонок гостя, отсылает дочь в другую комнату играть на фортепьяно, чтобы избавиться от соперницы. Эта стрела была предназначена матери Бальзака.

Среди потока книг, обрушивающегося на нас,— писал Латуш,— эта книга достойна быть отмеченной. Быстро развивающееся и захватывающее действие, драматические сцены, яркие, сильно написанные картины — все привлечет читателей, а особенно читательниц, которые любят обнаруживать в романе верные наблюдения и занимательность действия.

Через несколько дней Латуша посетил бледный, худой и щуплый молодой человек, черноволосый, с пронзительным взглядом; на нем был редингот с пелериной и короткие панталоны — штрипки тщетно пытались притянуть их к земле. Шляпа лоснилась от дождя. То был Бальзак, пришедший поблагодарить критика: в знак признательности он пообещал Латушу чудесную лошадку, объезженную индийским заклинателем змей.

Этот великолепный дар существовал только в воображении дарителя; но Бальзак понравился Латушу, и тот написал о нем вторую статью: «Драма Гёте — с трогательным сюжетом и красочными, а порою забавными подробностями — послужила, без сомнения, первоисточником романа «Ванн-Клор»... Вы испытываете живой, своеобразный интерес при чтении этой книги, детища ума изысканного и руки порой талантливой, но зачастую небрежной. К тому же роман «Ванн-Клор» уже завоевал репутацию книги весьма трогательной, готовится его второе издание. Латуш возвещал об успехе, чтобы вызвать его. В действительности же книга без движения лежала на складе Юрбена Канеля. Бальзак впал в уныние. В глазах близких он становился «неудачником», автором романов, на которые нет спроса. Время от времени родные из жалости приглашали его погостить в Вильпаризи.

Бернар-Франсуа Бальзак — Лоре Сюрвиль, 14 января 1826 года:

Оноре приехал сюда на прошлой неделе, я ничего ему не стал говорить, но, по-моему, он в полном изнеможении, дошел до крайности; за четыре дня он немного оправился, но не мог сочинить ни строчки; на пятый день он принялся за работу, написал страниц сорок и в среду снова уехал в Париж, чтобы через день вернуться и потрудиться как следует. Мы с твоей мамой заплатили за его жилье; я вручил ему расписку домовладельца вместо новогоднего подарка. Сообщаю это только тебе одной. Вернется ли

сюда Оноре? Что он собирается делать? Что будет делать? Об этом я ничего не знаю и понимаю только одно: ему двадцать семь лет, а он уже потратил столько сил и способностей, сколько иной не потратит и к сорока годам, но ничего толком не добился.

Деловые начинания Бальзака, все его грандиозные замыслы также пока не принесли ожидаемого успеха. Лафонтен начал выходить отдельными выпусками — по три тысячи экземпляров, но продажа шла очень туго. Компаньоны уступили Оноре свою долю: они были довольны, что могут от нее избавиться. Он остался единственным владельцем дела, но, для того чтобы довести издание до конца, надо было вновь залезать в долги. Книгопродавец Бодуэн приобрел у него весь тираж Лафонтена за 24 000 франков; расходы составили 16 741 франк; судя по цифрам, Бальзак даже получил прибыль, однако Бодуэн заплатил векселями фирм, потерпевших банкротство. В те времена это было распространенной мошеннической проделкой: слишком доверчивому кредитору подсовывали сомнительные векселя, которые дисконтеры учитывали только из тридцати процентов.

Дассонвиль посоветовал Бальзаку стать типографом, чтобы покрыть понесенные убытки. Такая возможность прельстила Оноре. Подумать только — ведь так выгодно быть собственным типографом! Он издаст не только сочинения Мольера, но и сочинения Корнеля, Расина. Фактор Барбье предложил Бальзаку приобрести типографию Лорана со всем оборудованием; она помещалась на улице Марэ-Сен-Жермен в доме номер семнадцать. Требовалось 60 000 франков, у Бальзака не было и сотой доли этой суммы. Госпожа Делануа, неизменная покровительница семьи, согласилась ссудить 30 000 франков под поручительство родителей Оноре. Госпожа де Берни знала о его связи с герцогиней д'Абрантес (возможно, ее осведомила об этом госпожа Бальзак, которая, будучи в гостях у Сюрвилей, узнала о новом любовном приключении сына и, видимо, не без задней мысли проявила нескромность); тем не менее она по-прежнему помогала своему юному другу, что вызывало у Бернара-Франсуа чувство признательности к ней. Супруги Бальзак прощали любовнице ее грехи, ибо она искупала их, вкладывая деньги в деловые начинания Оноре. Однако госпожа де Берни сильно страдала из-за

неверности возлюбленного и запретила ему видаться впредь с другой Лорой. Неразрешимая дилемма! Любовь герцогини льстила Бальзаку, отношения с ней могли быть ему полезны. Но *Dilecta* одержала верх. Поставленный перед выбором, он отдалился (на время) от второй Лоры. В ответ на это она разразилась яростным и презрительным посланием.

Герцогиня д'Абрантес — Бальзаку, 1826 год:

Ваше упорное нежелание приехать более чем смешно. Чтобы успокоить ваши опасения, говорю без всякого гнева: полное безразличие сменило в моем сердце все, что было в нем прежде. Говоря *безразличие*, я именно это и имею в виду, так что не страшитесь ни сцен, ни упреков. Однако мне необходимо вас увидеть; как ни странно, но *так оно и есть*. Если бы тут не были затронуты интересы моей семьи, моего будущего; да и ваши, поверьте, я бы согласилась считать недействительными все отношения между нами — прошлые, настоящие и грядущие.

А посему соблаговолите вспомнить в последний раз, что я женщина, и проявите ко мне хотя бы ту простую и необходимую нежливость, какую всякий мужчина проявляет к самой последней из нас. Неужели вы настолько слабы, что боитесь ее послушаться, бедняга! В таком случае это еще более достойно сожаления, чем я думала.

Соблаговолите прислать мне книги, которые вам выдавали по моей просьбе: библиотекарь Версаля напоминал мне о них уже по крайней мере раз десять.

Чтобы приобрести патент типографа, требовалось свидетельство из полиции. Оно было вполне благоприятным. Господин Оноре де Бальзак аттестовался в нем как «благонравный и благомыслящий молодой человек из зажиточной семьи, окончивший юридический факультет и в довершение ко всему литератор». Четвертого июня 1826 года Бальзак покинул улицу Турнон и поселился в доме номер семнадцать по улице Марэ-Сен-Жермен (в наши дни она называется улицей Висконти). То была скорее не улица, а улочка, расположенная в живописном уголке Парижа, где в XVIII веке обитали главным образом сочинители и комедианты. В нижнем этаже дома помещалась довольно большая типография, ее окна выходили на улицу. Винтовая лестница с железными перилами вела в жилище самого Бальзака, состоявшее из прихожей, столовой и спальни с альковом. Латуш, обладавший вкусом и любивший старину, помог Оноре обставить эту спальню, обтяну-

тую прелестным голубым перкалем. Получилась очаровательная холостяцкая квартирка, где можно было принимать госпожу де Берни.

Только ежедневные ее визиты позволяли Оноре сносить тягостную жизнь, адский шум машин, неотвязные мысли о неотвратно приближавшихся сроках платежей. Когда Бальзак еще жил на улице Ледигьер, он бросил вызов Парижу («А теперь — кто победит: я или ты!»), ему нравилось мечтать о том, как в один прекрасный день благодаря своему гению он будет царить здесь; ныне же «ему приходилось дышать запахом бумаги и типографской краски, вести конторские книги, выписывать счета», замечает Аригон. Он печатал исторические мемуары для Канеля и Сотле; коммерческие проспекты, где рекламировались «отхаркивающие пилюли — залог долголетия» (идея долголетия просто преследовала его), «Словарь вывесок города Парижа», «Романтические анналы» на 1828 год, «Избранные сочинения» Вильмена, «Театр Клары Гасуль» (то есть пьесы Мериме) и сотни различных брошюр, объявлений, памфлетов. Он, между прочим, выпустил третье издание романа «Сен-Мар» Альфреда де Виньи, который так описал своего типографа:

«То был молодой человек, грязный, худой, необыкновенно болтливый, не умевший досказать ни одной фразы до конца и брызгавший при этом слюной, ибо в его слишком влажном рту не доставало чуть ли не всех верхних зубов».

Но *Dilecta* не покидала своего Оноре.

«В этой ужасной борьбе меня поддерживал ангел,— напишет он десять лет спустя Эвелине Ганской.— Госпожа де Берни стала для меня настоящим Божеством. Она была одновременно матерью, подругой, семьей, другом, советчицей; она создала писателя; она утешала молодого человека; она плакала, как сестра; она смеялась, она являлась каждый день, точно благодатная дремота, и усыпляла все горести»¹.

Ибо горести терзали его. Заказчики в типографию обращались нечасто, и платили они плохо. Предприятие не окупало себя. Бальзак не умел точно исчислить стоимость работ, ему не удавалось предупредить «утечку»,

¹ Переписка Бальзака с Ганской цитируется по изданию: Balzac. *Lettres à L'Étrangère*, Calmann-Lévy. Paris, 1899.

которая неизменно бывает очень велика, когда хозяин не сведущ в деле и не способен следить за подчиненными. У него обнаружилась досадная привычка смешивать собственные расходы с расходами типографии. И все же в 1827 году ему пришла в голову мысль расширить фирму. В свое время ради того, чтобы стать издателем, он вздумал сделаться типографом, а теперь, чтобы остаться типографом, он решил обзавестись словолитней. Акционерное общество «Бальзак и Барбье» обогатилось третьим компаньоном, Жаном-Франсуа Лораном; на средства, которые и на сей раз ссудила госпожа де Берни, приобрели словолитню. Совладельцы объявили о выпуске великолепного альбома, где будут представлены образцы всех типографских литер, виньеток и заставок новой фирмы. Крах не дал им времени даже издать этот альбом.

В феврале 1828 года Барбье, почуяв, что банкротство неизбежно, покинул приходившую в упадок типографию, и вся ответственность легла на плечи Бальзака. Акционерное общество «Бальзак и Барбье» распалось; вместо него было создано новое акционерное общество «Лоран, Бальзак и де Берни». Это произошло в ту пору, когда пылкие страсти слишком молодого любовника, брыкавшегося в оглоблях верности, заставили глубоко страдать Лору де Берни. Тем не менее она всегда готова была прийти на помощь Оноре.

Госпожа де Берни — Бальзаку:

Если бы ты хоть раз в жизни испытал на миг те муки, какие терзают меня со вчерашнего дня, ты не выказал бы столь суровой и ненужной жестокости. Я не совсем понимаю смысл твоего негодующего восклицания по адресу женщин, но если ты думаешь, что может существовать сердце, которое поклоняется тебе, как богу, и при этом не испытывает мук, разлучаясь с тобой, то ты ищешь новый философский камень, о котором мечтают все эгоисты... Дело наше улаживай так, как собирался с самого начала; я вовсе не претендую на то, чтобы мое имя упоминалось в названии акционерного общества.

Она внесла 9000 франков наличными; общая сумма капитала составляла 36 000 франков, из них 18 000 франков стоило оборудование, принадлежавшее Жану-Франсуа Лорану.

Великодушная женщина вела себя весьма отважно, ибо финансовое положение Бальзака становилось все

более угрожающим. Он сам должен был акционерному обществу 4500 франков. Почему? Да потому, что слишком много тратил на портного, на сапожника, на обойщика. От одного из самых крупных своих заказчиков, книгопродавца из Реймса, Оноре принимал в уплату книги: они пополняли его личную библиотеку, но от этого денег в кассе типографии не прибавлялось. Окончательная катастрофа казалась неотвратимой. Между тем Бернар-Франсуа, обладавший столь же богатым воображением, как и его сын, трубил победу.

Оноре продвигается вперед с быстротой молнии; за каких-нибудь пятнадцать месяцев он обзавелся типографией с пятнадцатью печатными станками, получил патент как владелец книгоиздательства, которое помещается рядом с типографией, и уже приобрел словолитню, куда будут обращаться со своими заказами другие типографы. Если только он не заболеет, то за пять-шесть лет сколотит себе состояние; он будет этим обязан своему таланту, своей несравненной энергии и тому, что я ссудил ему 50 000 франков. Уже одно это скажет вам, что я иду на все ради детей.

Однако факты — упрямая вещь.

Бальзак — Теодору Даблену, март 1828 года:

Я пропал, милый дядюшка, если только вы не выручите меня. Тысячефранковый кредитный билет — последняя моя надежда — уплыл из моих рук нынче утром, когда пришлось произвести неожиданный платеж. Сейчас, когда я вам пишу, я благополучно заканчиваю месяц, но завтра мне рассчитывать уже нечем. Я располагаю отсрочкой до восьми вечера, а потом все будет кончено. Прошу вас, подумайте обо мне; не найдете ли вы способ раздобыть эти проклятые полторы тысячи франков; правда, они — лишь половина того, что мне нужно, но доставьте хотя бы их. Вчера я исчерпал все свои возможности. Я снова зайду вечером в половине седьмого; ведь у вас так много друзей и знакомых, может быть, вам удастся найти эту сумму.

Вскоре Бальзак, неотступно преследуемый кредиторами и рабочими, которым не платят жалованье, спасется бегством к Латушу. Словолитня — единственное стоящее предприятие фирмы — была перепродана. Бальзака сменил в качестве ее владельца сын его возлюбленной Александр де Берни, а она выдала Оноре расписку в погашении 15 000 франков долга. Что касается типографии, то с ней пришлось распрощаться. Родители Бальзака желали любой ценой спасти своего старшего сына от банкротства. Точнее, госпожа Бальзак, иногда проявлявшая к нему ледяную холодность,

но в трудную минуту неизменно приходившая на помощь, попросила (без ведома мужа, которому исполнилось уже восемьдесят два года) своего кузена Шарля Седийо, человека волевого и опытного, взять на себя это нелегкое дело, чтобы избежать бесчестья. Седийо уговорил Барбье стать единоличным владельцем типографии, которая была оценена в 67 000 франков; Барбье обязался уплатить эту сумму кредиторам. Родители Оноре приняли на себя все остальные долги. Таким образом, у Бальзака, после того как он на три года окунулся в реальный мир, теперь не было ни словолитни, ни типографии, ни книгоиздательской фирмы — ничего, да он еще задолжал родным 45 000 франков — сумму по тем временам огромную, особенно для людей его круга. Зато он приобрел бесценный опыт: понял, что такое денежные операции, какие смертные муки испытывает затравленный, разорившийся коммерсант, понял, что такое крах всех начинаний. Профессия определяет образ мыслей человека; контора стряпчего и фирма, потерпевшая банкротство, наложили неизгладимый отпечаток на творчество Бальзака.

Тем временем в «небесном семействе» разразилась другая драма. В Вильпаризи распространился слух, будто одна из местных девиц забеременела от восьмидесятидвухлетнего Бернара-Франсуа. Она по крайней мере так утверждала, и госпожа Бальзак, которую сам факт очень мало трогал, опасалась, как бы слишком приткый старец не стал предметом шантажа. За несколько лет до этого Бернар-Франсуа с присущей Бальзакам откровенностью писал своей дочери Лоре:

«У меня молодая, красивая и пылкая любовница, к которой я привык, она для меня источник радости... Я не чувствую своих семидесяти семи лет; вот каковы мои любовные дела». Надо сказать, что и они входили в рецепт долголетия. Вспоминал ли Бернар-Франсуа о том, что он некогда сочинил «Памятную записку о постыдном распутстве, причиной коего служат юные девицы, обманутые и брошенные в жестокой нужде»?

Госпожа Бальзак просила поддержки у Лоры Сюрвиль.

С большими предосторожностями я хлопочу о продаже дома (в Вильпаризи), однако ваш отец полностью изменил свое решение. Потребуется вся ваша ловкость, чтобы вновь заманить его

в Версаль. Надо запугать его, сделать так, чтобы он боялся вернуться в Вильпаризи, отбить у него всякую охоту даже показываться там. Очень было бы кстати умно составленное анонимное письмо из Мелена или Мо. Но должен ли он получить его до своей поездки в Версаль? Думаю, что да. В Версале такое письмо уже ничего не даст; с другой стороны, нужно, чтобы письмо прибыло в последнюю минуту, тогда он не успеет до отъезда повидаться с этой особой и не услышит ее объяснений. Впрочем, первоначально твой отец решил оставаться здесь до 10 июля; однако за такой короткий срок трудно найти покупателя на дом. Но ведь никаким другим способом его из Вильпаризи не увезешь! А если он окажется тут во время родов, его как следует облапошат, от старика чего угодно добьются, играя на его самолюбии и страхах.

Семейство Бальзака переселилось в Версаль; теперь они жили на улице Морепá, в доме номер два, неподалеку от Сюрвилей. Оноре мог вволю размышлять о любви и о стариках. Годы ученичества были для него горькими, но весьма поучительными. «Неудачи не сломили его гордости». Он сохранил «способность встречать бурю с высоко поднятой головой». Его черные глаза сверкали, как угли, на изнуренном заботами лице. Пусть его порою омрачала грусть, когда он вспоминал о своих неудачах, но в глубине души Бальзак не сдавался. Однажды, проходя по Вандомской площади в обществе Пепена-Леалера и Теодора Даблена, Оноре, поравнявшись с Колонной, заговорил о том, кем он станет в один прекрасный день. Он не отказался ни от одной из своих дерзновенных надежд. Даблен заметил, что почести и богатство меняют людские сердца: Бальзак отвечал, что он никогда не изменит своим привязанностям. Побежденный, он думал только о грядущих победах. Мысленно он жил в будущем, триумфальном будущем, населенном гуриями, усыпанном сокровищами.

Во многом этим и объясняются его житейские неудачи. Разве имели для него значение какие-то жалкие кредиторы, когда он, читая труды по истории, разом обзревал века, а изучая геологическую теорию Кювье, парил над бездною тысячелетий? В счастливые для себя минуты он искренне воображал, что обладает сверхъестественной силой. Больше чем когда бы то ни было он утверждал единство мира. Если звуковые волны от выстрела из пистолета на берегу Средиземного моря докатываются до побережья Китая, то с еще большим основанием можно предполагать, что наша воля оказы-

вает физическое воздействие на окружающие существа и предметы. Тайные устремления Бальзака могло бы удовлетворить только всемогущество волшебника из «Тысячи и одной ночи». Но как в свое время говорила его мамаша: «Оноре считает себя либо всем, либо ничем». Когда Бальзак бросал беглый взгляд на разрушения, причиненные его кратким опытом коммерческой деятельности, то в мимолетном порыве самоуничижения он иногда «считал себя ничем». А для человека, сознававшего себя «всем», это было невыносимо.

IX

ВОЗВРАЩЕНИЕ К СЕРЬЕЗНЫМ ЗАНЯТИЯМ

Произведения созревают в душах так же таинственно, как трюфели на благоухающих равнинах Перигора.

Бальзак

В 1828 году Бальзак дышит, как загнанный зверь. Он бежит из дома на улице Марэ-Сен-Жермен, который осаждают кредиторы. Пусть кузен Седийо возится с ликвидацией дел! Этим и надлежит заниматься людям недалеким. В беде Латуш проявил себя с лучшей стороны: он гостеприимен, хотя и по-дружески насмешлив. Он предлагает Оноре приют. И старается, правда безуспешно, продать ценные бумаги, предоставленные госпожой де Берни, которая в полном отчаянии от того, что Бальзака постигла такая неудача.

Мать Оноре, на сей раз не без основания, тормозит сына. Он должен пойти к кузену Седийо, чтобы «по крайней мере» подписать бумаги. Между тем преданный Бальзаку Сюрвиль снял для него квартиру в доме номер один на улице Кассини, возле Обсерватории, и даже уплатил за три месяца вперед.

В те времена квартал Обсерватории находился, казалось, чуть ли не на краю света. За домом тянулся Люксембургский сад, огромный, как лес. Среди полей пролегал бульвар Монпарнас с его кабачками, увитыми зеленью беседками и качелями. «Это уже не Париж

и в то же время еще Париж. Местность имеет что-то общее с площадью или улицей, с бульваром, с городским укреплением, с садом, с проспектом, с проезжей дорогой, с провинцией и со столицей — действительно, со всем этим здесь есть какое-то сходство, и все-таки здесь нет ни того, ни другого, ни третьего: это пустыня»¹. Разочарованный и нуждавшийся в тишине и одиночестве, чтобы работать без помех, Бальзак поселился тут, словно надеялся похоронить свою печаль в этих затерянных улочках, изрытых глубокими колеями. Дом стоял в переулке, в самом конце аллеи Обсерватории, в нем было два флигеля. Сюрвиль снял для своего шурина третий этаж в одном из них. Оба флигеля, расположенные между двором и садом, соединяла застекленная галерея, служившая прихожей. Низкая каменная ограда, на которой стояли вазы с цветами, отделяла двор от сада. Все владение было обнесено железной решеткой. На стене, окружавшей один из домов на улице Кассини, виднелась вывеска: «Абсолют, торговец кирпичом».

Латуш, верный своему пристрастию к старинной мебели, тканям, изящным безделушкам, и на этот раз вызвался помочь Бальзаку обставить его жилище. Оно-ре, Латуш и общий их друг Оже сами обили стены блестящим голубым коленкором, переливавшимся, как шелк. Надо сказать, что Бальзак, пошедший было ко дну, быстро вынырнул на поверхность. Он не только перестал думать о своих долгах, но все его помыслы были заняты теперь лишь одним — как элегантнее обставить квартиру. Он передвинул перегородку, заставил тщательно вымыть деревянную обшивку. За сорок франков он купил три коврика, за сто франков — стоячие часы на желтой мраморной подставке; в своем рабочем кабинете он поместил книжный шкаф красного дерева, на полках там красовались великолепные книги, некоторые — «Словарь» Беля и «Тысяча и одна ночь» — были переплетены Тувененом. «У меня нет роскоши, — писал он сестре Лоре, — но обставлено со вкусом и во всем гармония».

Какой человек, сидя в светлой галерее, обитой веселеньким перкалем в белую и голубую полосу, в со-

¹ Б а л ь з а к. История Тринадцати. Феррагус.

стоянии думать о кузене Седийо и его зловещем балансе? «Слева, за драпировкой, притаилась небольшая дверь, она вела в ванную комнату, стены которой были оштукатурены под мрамор, сама ванна также была отделана под мрамор; свет проникал сюда сквозь высокое и широкое окно с красными матовыми стеклами; проходя сквозь них, солнечные лучи казались розовыми», — рассказывает Верде. Ванная комната точно у хорошенькой женщины! Бело-розовая спальня, залитая ровным светом, отливала золотом. «Прямо спальня юной новобрачной, герцогини пятнадцати лет». Возле изголовья кровати, скрытая складками драпировки из бело-розового муслина, находилась потайная дверь: через нее, пройдя по черной лестнице, можно было попасть прямо в сад. В рабочем кабинете лежал толстый пушистый ковер, узор его был выткан на черно-синем фоне; в шкафу стояло множество книг в переплетах из красного сафьяна с гербом Бальзаков д'Антраг; на этажерке черного дерева лежали красные картонные папки с золотыми литерами, на верхней полке виднелась гипсовая статуэтка Наполеона I. К ножнам шпаги был прикреплен листок бумаги со следующей надписью: «То, чего он не довершил шпагой, я осуществляю пером. Оноре де Бальзак». Он готовил декорации для будущих шедевров.

Наконец, для того чтобы обитатель этого очаровательного жилища соответствовал обстановке, Бальзак заказал у портного Бюиссона (улица Ришелье, дом номер сто восемь) «29 апреля — черные выходные панталоны стоимостью 45 франков и белый пикейный жилет за 15 франков; 23 мая — синий сюртук из тонкого сукна за 120 франков, тиковые панталоны цвета маренго за 28 франков, светло-коричневый пикейный жилет за 20 франков». В его безумствах было даже нечто героическое. Он словно говорил: «Мои кредиторы вопят, кузен их усмиряет; семья наша разоряется, а я трачу деньги». Но кто же будет расплачиваться? Проще всего было с портным Бюиссоном: этот образцовый поставщик принимал векселя Оноре, разрешал их без конца переписывать — он верил в будущее своего гениального клиента. Преданный поклонник Бальзака, он до такой степени был ослеплен его пылом и остроумием, ему так льстили похвалы заказчика, что порою он

даже рассчитывался с кухаркой Оноре и принимал участие в невероятных деловых начинаниях Бальзака, которого называл «мой клиент, мой соотечественник и почти, осмеливаюсь сказать, мой друг». Что же касается торговцев мебелью, Латуш выдавал дружеские векселя и сам входил в долги, чтобы спасти своего собрата. Кроме того, Латуш помогал устраивать в газеты и журналы статьи, которые писал Оноре; в его поведении причудливо смешивались великодушие, кокетство и мизантропия.

Человек, вы обещали прийти проведать своего больного собрата; вы не пришли; это в порядке вещей. А я, стараясь снискать ваше благоволение, хочу вам сообщить, что рукопись, которую вы мне оставили, уже у господина Канеля: он, радея о ваших интересах, пришел за нею сам... Прощайте, человек. Радости вам и здоровья.

Удобно устроившись за красивым письменным столом, забыв и думать о своих плачевных делах в силу чудесной способности отвлекаться от действительности, Бальзак вновь ощутил горячее желание писать. Но за что приняться? Он приступал ко множеству произведений и ни одного не заканчивал. Он упоминает о каком-то романе, об «Истории раннего христианства». По его словам, он так уж устроен, что «его воображение начинает работать только в том случае, когда другой автор, пусть даже второстепенный, дает ему толчок». В первые годы творчества роль «другого автора» играли попеременно то Матюрен, то Пиго-Лебрэн или Дюкре-Дюминиль. Они вдохновляли его на мелодраматические романы, где непременно присутствует вечное трио: жертва, изверг и спаситель; они привили ему вкус к замкам с привидениями и полными опасностей подземельями. Латушу ставили в большую заслугу то, что он, дескать, направил Бальзака на путь Вальтера Скотта и Фенимора Купера, на путь близкого к реализму исторического романа. Но нужен ли был для этого Латуш? Все знакомые Бальзаку издатели — Мам, Гослен, Сотле — выпускали книги Фенимора Купера. Бальзак восторгался им. «Вот бы вести жизнь могикина! — писал он Виктору Ратье. — О, как глубоко я постиг натуру дикаря! Я отлично понимаю корсаров, искателей приключений, людей, восстававших против общества».

Описывая в «Уэверли» и других своих ранних романах прошлое Шотландии, ее обычаи, жителей, повседневную жизнь, Вальтер Скотт подал великий пример. Он не просто создавал исторические романы, он писал социальные исследования.

«Местный колорит играл только роль декорации,— пишет Морис Бардеш.— В центре картины находились персонажи весьма знаменательные, которые Бальзак позднее назовет «социальными типами»: шотландский помещик, деревенский пастор, всельможа, живущий при дворе, мелкий сельский дворянин, сторонник правящей династии и сторонник претендента на престол, папист, камеронец, школьный учитель, контрабандист, служитель закона — не просто персонажи романа, каждый из них представляет определенную социальную категорию, игравшую важную роль в обществе, без них невозможно понять жизнь Шотландии».

Для Бальзака, внимательного читателя Бюффона, было увлекательно наблюдать, как романист в своей области проделывает такую же работу по классификации. В каком-то внезапном озарении он вдруг понял, что можно воссоздать в серии романов всю историю Франции.

Но он не желал стать просто подражателем Вальтера Скотта. Он мог сделать больше и, быть может, лучше.

Если вы не желаете быть лишь слабым отголоском Вальтера Скотта, вам надобно не подражать ему, как вы это делали, а создать собственную манеру письма. Чтобы обрисовать ваших героев, вы, как и он, начинаете роман с пространных разговоров; когда ваши герои наговорились вдоволь, тогда только вы вводите описание и действие. Борьба противоположных начал, необходимых для драматизма в любом произведении, у вас оказывается на последнем месте. Переставьте в обратном порядке условия задачи. Замените бесконечные разговоры, красочные у Скотта и бесцветные у вас, описаниями, к которым так склонен наш язык. Пусть ваш диалог будет необходимым следствием, венчающим ваши предпосылки. Вводите сразу в действие. Беритесь за ваш сюжет то с боку, то с хвоста; короче, обрабатывайте его в разных планах, чтобы не стать однообразным. Применив к истории Франции форму драматического диалога Шотландца, вы будете новатором. У Вальтера Скотта нет страсти: или она неведома ему, или запрещена лицемерными нравами его родины. Для него женщина — воплощенный долг. Героини его романов, за редкими исключениями, все одинаковы, все они, как говорят художники, сделаны по одному шаблону. Они все происходят от Клариссы Гарлоу. Его женские

образы являются воплощением одной и той же идеи, и поэтому он мог показать только образцы одного типа, различной, более или менее яркой окраски. Женщина будит страсть и вносит в общество смятение. Формы страсти бесконечны. Описывайте человеческие страсти, и вы будете располагать теми огромными возможностями, от которых отказался этот великий гений ради того, чтобы его читали во всех семьях чопорной Англии¹.

Так говорит Даниэль д'Артез Люсьену де Рюбампре, другими словами, Бальзак — Бальзаку. И для Оноре это мудрый совет. Пространные разговоры не были его сильной стороной; чтобы подкрепить характеры своих героев, ему нужен был прочный фундамент в виде дома, города или доктрины. Перед романистом стоят совсем иные задачи, чем перед драматургом. Автору пьес, чтобы жили его персонажи, нужны живые актеры, выбранные им самим. Правдоподобие достигается их присутствием. Бальзаку предстояло утвердить себя глубиной описаний. Лестница в его произведениях — не просто лестница, а совокупность причин, которые сделали ее именно такой, а не иной. Ученик Лафатера, он будет рисовать портреты мужчин (или женщин), но постарается, чтобы волнующие их страсти осветили для читателя эти внешне непроницаемые образы. Бальзак покажет вам, как возник тот или иной город, как он рос, расскажет, почему каждый квартал имеет свой особый облик, который зависит одновременно и от исторических событий, и от рельефа почвы.

Ему предстояло стать величайшим новатором, историком современных нравов. Но разве мог он не попытаться сперва счастья в жанре модного в ту пору исторического романа? «Сен-Мар» Виньи появился в 1826 году. Виктор Гюго пообещал Гослену «Собор Парижской Богоматери». Бальзак вынашивал план двух исторических романов. Действие первого из них — «Командир пушкарей» — должно было происходить в XV веке; действие другого романа — «Молодец» — развертывается в эпоху совсем близкую, во время войны против шуанов. Латуш не имел никакого отношения к выбору этого сюжета, который Бальзак уже давно обдумывал. Многие книги — мемуары оставшихся в живых участников событий, труды историков, «Письма об истоках

¹ Б а л ь з а к. Утраченные иллюзии.

мятежа шуанов» — были посвящены этой живописной и драматической эпопее. Некоторые из них Бальзак приобрел, другие брал в Королевской библиотеке. Сначала он предполагал написать пьесу «Картина частной жизни», однако материал был слишком богатый, он так и просился в роман! С одной стороны — синие, республиканцы, позднее бонапартисты; с другой — белые, шуаны, полудикие крестьяне в козьих шкурах, которыми командовали возвратившиеся из Англии эмигранты-роялисты. Действие должно было развиваться на фоне ланд — поросшей дроком песчаной равнины: будут тут и засады на лесной опушке, и старинные замки, где держат военный совет и где завязываются любовные интриги с отважными амазонками. На заднем плане будут показаны противостоящие друг другу сельские дворяне, стремящиеся вернуть себе утраченные земельные владения, и городские буржуа, намеревающиеся сохранить их за собой.

Чем усерднее читал исторические труды Бальзак, уединившись в своем спокойном и уютном флигеле на улице Кассини, где его отвлекали от работы только нежные визиты госпожи де Берни, приходившей сюда пешком (с улицы Анфер-Сен-Мишель, где она теперь поселилась), тем яснее он понимал, что наконец-то нашел подходящую тему для своих замыслов. Чтобы та или иная эпоха могла стать основой для исторического романа, она должна несколько отойти в прошлое, пусть даже не очень далекое. Однако «порою десять лет могут состарить нацию больше, чем целый век». Падение наполеоновской Империи превратило события этого периода в историю. Вместе с тем восстание шуанов происходило так недавно, что сохранились в живых некоторые его свидетели. Сам Бернар-Франсуа был в 1795 году чиновником в Бресте. Бальзак часто слышал рассказы отца о том времени. Еще до 1825 года он набросал несколько эпизодов: нападение на дилижанс, любовный роман, переплетенный с военными действиями, рассказ о похищении сенатора роялистами. К 1827 году уже существовала рукопись романа «Молодец» и план введения к нему.

Введение это открывалось эпиграфом, взятым из Ривароля: «На наших глазах столько великих людей было позабыто, что ныне нужно предпринять нечто по-

истине монументальное, дабы сохраниться в памяти человеческой». Примечательные слова, ибо они доказывают, что еще в годы неудач Бальзак мечтал воздвигнуть долговечный «монумент». Затем следовала биография вымышленного автора, потому что Оноре пока еще не собирався подписывать роман «Молодец» собственным именем. Он придумал себе новый псевдоним: «Виктор Морийон». Читатель узнавал, что этот молодой автор родился в Вандоме, наукам его обучал бывший монах-ораторианец и подросток не слишком бы продвинулся в знаниях, если бы не его непомерное пристрастие к чтению и размышлениям. Мы сразу замечаем, что перед нами двойник Бальзака, наделенный, как и его создатель, даром ясновидения.

Виктор Морийон объясняет своему наставнику, что, гуляя среди полей или сидя в своей крытой соломой лачуге, он в изобилии вкушает все радости жизни: «он рассказывал об удовольствиях, доставляемых человеку огромным богатством, и делал это необычайно красочно, говорил об опьянении, охватывающем его в вихре бала, когда он любитя обнаженными плечами женщин, их нарядами, цветами, бриллиантами, танцами, их чарующими взглядами, описывал свои роскошные апартаменты, свою обстановку, тонкий фарфор, прекрасные полотна, изысканные рисунки на шелковой обивке и коврах, расписывал во всех подробностях великолепные экипажи, арабских и других чистокровных скакунов, коими владел... трости и драгоценности, принадлежащие ему, хотя сетчатка его глаз никогда не отражала ни одного из перечисленных предметов».

Виктор Морийон видел мысленным взором ту жизнь, о которой мечтал и сам Бальзак, грезивший о восточной роскоши, о дворцах и гаремах парижского султана, владеющего всем, чем жаждал обладать молодой человек, которому была недоступна роскошь и красота, всем, не исключая пушистых ковров и тростей с набалдашниками, украшенными драгоценностями. «Наставник исподтишка наблюдал за своим учеником и находил, что тот лишен скромности, но вместе с тем и тщеславия, что о себе он говорит, как бы наблюдая самого себя со стороны, что он сдержан, серьезен, но одновременно непосредствен, пылок и весел... Куст ждал своего садовника». Виктор Морийон так и не ро-

дился на свет; Бальзак наконец отважился стать самим собою и подписать роман «Молодец» собственным именем.

Сюжет ему был уже совершенно ясен. Не хватало непосредственного знакомства с краем, с пейзажами. Ничто не может заменить этих живых впечатлений; когда романист своими глазами видит место действия, его герои ведут себя более естественно. Оноре рассчитывал на друзей, живших в краю шуанов. Читатель, верно, не забыл, что в Туре семейство Бальзаков поддерживало близкие отношения с префектом, генералом де Померелем. Он умер в 1823 году, но сын покойного, Жильбер, также генерал в отставке, проживал в Фужере. В городе у него был великолепный дом; кроме того, ему принадлежали два замка и обширные земельные владения. Фужер находился в самом сердце того края, где действовали шуаны. В 1828 году почтенный кузен Седийо ликвидировал наконец дела Бальзака, и Оноре решил написать генералу.

Бальзак — генералу де Померелю, 1 сентября 1828 года:

Мое небольшое состояние пошло прахом, и я упал с облаков на землю. Финансовые бури, которые сотрясают деловой мир Парижа, вынудили меня отказаться от дальнейшей борьбы. Благодаря преданности отца и доброте матери нам удалось спасти честь семьи и наше доброе имя, но для этого пришлось пожертвовать и моим собственным и их состоянием... Продав дело, я полностью расплатился с долгами, и теперь, к тридцати годам, мое единственное достояние — мужество и незапятнанное имя.

Я рассказываю вам, генерал, об этих печальных событиях только потому, что возникли особые обстоятельства, связанные с моими новыми планами. Я решил опять взяться за перо, и быстрое воронье или гусиное крыло должно отныне дать мне средства к жизни и помочь расплатиться с матушкой. Вот уже месяц, как я работаю над историческими трудами. По чистой случайности мне указали на один исторический факт, который произошел в 1798 году и связан с войною шуанов и вандейцев; он послужит основой для произведения, которое я легко напишу. Для этого не понадобятся никакие изыскания, надо только познакомиться с местами, где будут происходить события романа.

Я тотчас же вспомнил о вас и уже решил было попросить приюта недели на три. Муза, ее свирель, десть бумаги и сам я не слишком обременительны, но затем я подумал, что, пожалуй, окажусь для вас обузой... Так вот, генерал, знайте, что походная кровать и тюфяк, стол, если только он походит на всех четвероногих и не хромает, стул да крыша над головой — это все, чего я прошу; разумеется, я надеюсь также на ваше столь чудесное и дорогое для меня доброжелательство.

Это было милое письмо, продиктованное молодостью и доверчивостью. Генерал де Померель ответил: «Жду вас». Бальзак, не мешкая, сел в дилижанс, отправлявшийся в Бретань; в Алансон он прибыл вечером и остановился в гостинице «Мавр», которая ему была уже знакома. Гуляя по городу, он обратил внимание на стоявший на улице Валь-Нобль старинный особняк, как бы олицетворявший собою незыблемость провинциальной жизни. Образ этот навсегда врезался в его память. По дороге из Алансона в Фужер он внимательно вглядывался в окрестные пейзажи, и они словно отпечатывались в его мозгу. Наконец он прибыл к Померелям. Баронесса, которая была намного моложе своего мужа-генерала, встретила Оноре очень любезно. Поначалу супругов несколько смутил жалкий вид путешественника и его «дрянная шляпа». Но их беспокойство быстро рассеялось. Когда гость снял эту «дрянную шляпу», они увидели очень живое и веселое лицо, высокий лоб, «словно озаренный светом», и темные глаза, где вспыхивали золотистые искорки. Оноре так занимательно рассказывал о своем путешествии, что генерал и его жена смеялись до слез.

Между хозяином и гостем сразу же установились дружеские отношения. Госпожа де Померель и ее горничная Луиза решили «подкормить» исхудавшего путешественника. Бальзак окрестил хозяйку дома «леди-кормилица». Он любил свою комнату, зеленый столик, за которым работал с таким увлечением, что Луизе, входившей со словами: «Кушать подано», с трудом удавалось оторвать его. В столовой, рядом с его прибором, всегда стояли баранки и масло. Неизменная мягкость госпожи де Померель врачевала раны его измученного сердца. Каждое утро Оноре в сопровождении хозяина дома отправлялся знакомиться с окрестностями, он обзревал пустынную равнину, поросшую дроком и ярко-желтым утесником, любовался лесами в позолоченном осеннем уборе, разглядывал гору Пелерину, где в пору гражданских войн была устроена знаменитая засада.

Он входил в дома, выпрашивал людей, изучал нравы и обычаи. Писатель может и должен выдумывать, но отправляться следует от правды. Генерал рассказывал ему о гражданских войнах, о нападении восставших

крестьян на Фужер; он познакомил Бальзака с несколькими еще живыми участниками былых событий, подробно описывал фанатичных священников — аббата Бернье, аббата Дюваля; из двух этих фигур романист слепил образ свирепого Гюдена. Каждый день после обеда Бальзак садился за рукопись «Молодца» и работал над нею, обогащая всем тем, что услышал и увидел. Госпоже де Померель не нравилось название книги, и она убедила автора изменить его. После долгих поисков Бальзак нашел другое название: «Шуаны, или Бретань тридцать лет назад», затем он придумал новый вариант: «Последний шуан, или Бретань в 1800 году». Так назывался роман в первом издании. Работал он с увлечением, чувствуя, что наконец-то ему удастся сплавить воедино романтику и действительность, историю и вымысел. Но само обилие образов, событий и персонажей подавляло автора, ему с трудом давалась композиция книги.

От Латуша приходили негодующие письма: он возмущался долгим отсутствием Оноре.

Латуш — Бальзаку, 9 октября 1828 года:

Фужер — город, насчитывающий 7200 жителей; суд первой инстанции, фабрика сурового полотна, кожевенный завод на реке Куэнон: 3°36' западной долготы, 48°20' широты. Вот он, укромный романтический уголок, который избрал для себя местом изгнания мой безрассудный друг! Как это далеко от улицы Анфер, от улицы Сент-Оноре! Денежные траты, ночи, проведенные на кожаном сиденье дилижанса, головная боль, ссадины на задку — и ради чего все это?.. Возвращайтесь же домой со своим шедевром или без него; со дня вашего отъезда я ни разу не улыбнулся.

Латуш сердился на своего собрата за то, что тот забрался Бог знает куда, в захолустье, и живет там вдали от предметов первой необходимости, иначе говоря, новых романов: «Пусть Бог вдохновения покарает вас!»

Госпожа де Берни тоже страдала, но говорила она об этом с любовью.

Госпожа де Берни — Бальзаку:

Добрый вечер, милый котик, скоро уже десять часов, и мне радостно думать, что ты в эту минуту выводишь на бумаге ласковое словечко «киска», которое мне так приятно слышать или читать... Мой обожаемый, мой любимый, позволь твоей кошечке при-

моститься у тебя на коленях, позволь ей обвить рукой твою шею и склони свою милую голову к ней на плечо. Но только не засыпай, нет! И чтобы эта мысль не пришла тебе на ум, я дарю тебе один из тех поцелуев, которые так хорошо нам знакомы. Какая прелестная картина! И как чудесно было бы, если бы она могла в этот же миг стать реальностью! Я так боюсь, что ты еще надолго там задержишься. И все-таки, если тебе хорошо и ты работаешь, я должна быть довольна. Милый, рассудок мой во всем тебе послушен, но сердце подобно избалованному ребенку, и оно отказывается добровольно соглашаться на лишения, которым его подвергают.

В конце октября Оноре вернулся к себе, на улицу Кассини; он просил Латуша прийти к нему с несколькими страницами романа «Фраголетта» — причудливого произведения о неаполитанце-гермафродите: ворчливый доброжелатель Бальзака уже давно трудился над этой книгой. А сам он, Оноре, прочтет другу сцену из «Шуанов».

«Хорошо, приду! — ответил Латуш. — Я буду у вас на улице Кассини, но только между пятью и шестью часами. Надеюсь, что, уделив минут десять «Фраголетте», вы поднесете мне новый плод, четвертую долю той груши, которая созрела, едва успев расцвести».

Чтение Бальзака имело огромный успех. Брюзга Латуш пришел в восторг и — вещь совсем уж удивительная — сказал об этом вслух. Разумеется, можно было внести еще немало улучшений. Как человек со вкусом, он сделал несколько замечаний. Но роман следовало публиковать.

Латуш — Бальзаку:

Что до вашей книги, то пусть она *exeat*¹, сотню раз *exeat*! К чему мне твердить вам одно и то же! Ради Бога, не подумайте, что я отказываюсь и дальше слушать чтение отрывков из нее; для меня это всегда удовольствие, да и польза; но я жду продолжения. Не станем без конца склонять слово *Муза*. Я охотно даю советы тем, чей талант ценю; я испытываю к ним признательность и тут же говорю, как бы я сам поступил, выслушав тот или иной совет; но уж если я подал на стол бычий бок целиком, то не стану затем *потчевать* гостя тонкими ломтиками мяса. Довольно, довольно, вы просто дитя! Если бы я умел заклинать духов, то непременно бы это сделал сейчас, ибо, судя по той неожиданной и совершенно необъяснимой медлительности, с которой наш хват Оноре, обычно пекущий романы как блины, по четыре штуки за

¹ Выходит (лат.).

полтора месяца, доделывает своего «Шуана», я полагаю, что в этом «Шуане» сам черт сидит. Эх! Право же, не терпится мне увидеть вашего маркиза изданным в четырех томах, в красивом синем переплете и изящными заставками.

Не довольно ли вам корпеть над этим романом? Мы станем продавать его, как хлеб.

«Мы станем продавать его...» Дело в том, что Латуш взял на себя переговоры с Юрбеном Канелем относительно издания «Шуанов». Почему он так поступил? Бальзак и сам хорошо знал Канеля. Он питал слабость к жене книгопродавца. Оноре называл госпожу Канель «мисс» или «мисс Анна» и любил гладить ее по роскошным волосам. Но Канель не хотел покрывать все расходы по изданию; Латуш принял их на себя. Принесла ли ему книга прибыль? Или же, напротив, он разделил убытки вместе с Канелем? Известно одно: за первое издание романа Бальзаку была предложена тысяча франков. Правда, книгу выпустили в количестве тысячи экземпляров, после их распродажи автор вновь получал право собственности на свое произведение.

Латуш — Бальзаку:

А теперь, если только вы не самый неисправимый хвостун среди хвастунов, строящий воздушные замки в стране химер, приходите с бумагами в руке или с обещаниями на устах. Мы готовы подписать с вами контракт.

Вести переговоры с Бальзаком не так-то просто. Затратив немало труда, человек добирался через весь Париж на улицу Кассини; но Оноре там не было, большую часть времени он проводил в Версале, у родителей или у сестры, где стол и кров ничего ему не стоили. Что было делать? Ехать к нему туда? «Куда как приятно тащиться в Версаль за здорово живешь!» Писать на стене флигеля бранные слова? Слабое утешение. Бальзак вечно жалуется на нехватку денег. Но кто в этом виноват?

Латуш — Бальзаку, 30 ноября 1828 года:

Сегодня, 30 ноября, ваше положение такое же, каким оно было пятнадцатого. Но почему, собственно, вас это огорчает? Вы все тот же: поселились на улице Кассини, но там никогда не бываете; ходите куда угодно, но только не туда, где вас ждут контракты, дающие деньги на жизнь; вы влезаете в долги ради ковров, шкафа красного дерева, книг в таких богатых переплетах, какие нравятся

только глупцам, никому не нужных часов, гравюр; вы заставляете меня бегать высунув язык по всему Парижу в поисках канделябров, которые стоят потом у вас без свечей, и в то же время у вас никогда не найдется в кармане тридцати су, чтобы приехать навестить больного друга! Тому, кто продает себя обойщику на два года вперед, место в Шарантоне! Можно чувствовать себя хорошо и на чердаке с мебелью из некрашеного дерева, питаясь черствым хлебом и общаясь с друзьями, которым не нужно проделывать одиннадцать лье для того, чтобы вас ободрить, похвалить и разве-селить. Но вы сами этого хотите.

Хотел ли этого Оноре? И чего он вообще хотел? Он и сам толком не знал.

Бальзак — Латушу:

Дорогой друг, я во всем полагаюсь на вас. Подпишите договор за меня, предоставляю вам полную свободу действий... Поступайте во всем по своему усмотрению.

Оноре был в такой растерянности, что даже написал Латушу о своем согласии поселиться вместе с ним неподалеку от Онэ.

Латуш — Бальзаку:

Кто станет доставлять все необходимое для двух людей, живущих в доме, расположенном в лесу? Кто станет стелить постели, готовить завтрак и обед? Может быть, вы? Да вам целого дня не хватит, чтобы поддерживать дом в порядке. Боже правый! Ведь мы уже на следующий день выколем друг другу глаза... Улица Анфер, Фужер, Версаль, Онэ — что это вам, право, на месте не сидится! Вас бы прогнали из любого племени кочевников как немислимого непоседу. Агасфер не захотел бы взять вас себе в спутники.

Письмо заканчивалось предложением Латуша купить у Бальзака всю рукопись в подготовленном для печати виде; заплатит он «недорого, но зато наличными». Латуш, человек здравомыслящий, отлично видел, что Бальзак нуждается в звонкой монете; и у него было достаточно вкуса, чтобы понимать, каким редкостным талантом наделен его друг. К сожалению, этот одаренный молодой человек доставлял Латушу немало неприятностей.

Наконец 15 января 1829 года договор был подписан, аванс выплачен. Оставалось только получить от автора рукопись, за которую он держался так цепко, как держится участник конкурсного экзамена за свое сочинение, упорно надеясь сделать из него шедевр.

ПЕРВЫЕ ЛУЧИ СЛАВЫ

Любовный пламень так не согревает,
как согревают первые лучи славы.

Вовенарг

«Последний шуан» (позднее роман получил другое название — «Шуаны») — книга необычная. Белые и синие, роялисты и республиканцы сражались с яростным ожесточением и «убивали друг друга, как убивают зайцев». На чьей стороне был сам Бальзак? По воспитанию и семейным традициям он, казалось бы, должен тяготеть к синим. Его друг, бонапартист Померель, без сомнения, описывал ему синих с большей симпатией. Отряды синих представляли собою регулярные части, ими командовали кадровые офицеры; белые сражались, как могикане. Однако Бальзак никого не судил; он только описывал. Для него, как и для Гегеля, Вандея была примером трагического в истории. Шуаны — герои, пришедшие слишком поздно, ими движут благородные, но устаревшие идеи. В густых зарослях и на песчаных равнинах мелькают грозные тени. Полицейский сыщик Корантен пользуется услугами падшей женщины Мари де Верней; влюбившись в человека, которого она должна выдать, Мари вместе с ним идет на смерть после полной сладострастия и отчаяния брачной ночи. Роман заканчивается выразительной картиной: безобидный крестьянин бредет через площадь, ведя за собой на веревке корову, — это знаменитый Крадись-по-Земле, некогда один из наиболее свирепых шуанов. Быть может, Померель, проходя мимо рынка, указал на него своему гостю. Самые прекрасные эпилоги рождаются из таких вот случайных встреч.

Молодой автор знает, что он наконец-то создал свой первый роман. Закончилась карьера бакалавра Ораса де Сент-Обена; закончилась, так и не начавшись, жизнь мертворожденного Виктора Морийона. Роман «Шуан» будет подписан: *Оноре Бальзак*. Вот почему автор хотел видеть его совершенным. Но книга получилась тяжеловесная (как ему казалось), и первый вариант его не удовлетворял. Он испещрял корректуру поправками и дополнениями. Латуш, принявший на себя расходы

по изданию, приходил в ярость. Все эти поправки, исправления и переделки стоили очень дорого. «Чем, черт побери, вы забиваете себе голову? Оставьте темное пятнышко под левой грудью вашей возлюбленной — ведь это же родинка». Бальзак попросил месяц для окончания книги; через полтора месяца он все еще работал над нею. Кроме того, он требовал экземпляры для родных, для госпожи де Берни, для супругов Померелей. Это было естественно, но Латуш злился: «Если бы я мог предвидеть, что расходы вырастут на пятьсот франков да еще придется бесплатно давать экземпляры из моей тысячи, поверьте, я ни за что бы не связался с этим делом». А ко всему еще он теперь совсем не видел Бальзака: «Не могу допустить, что вы дуетесь. Человек воспитанный может вспылить, но никогда не позволит себе дуться».

А воспитанный человек был занят тем, что извещал друзей о выходе своей книги.

Бальзак — генералу барону де Померелю, 11 марта 1829 года:

Что это я говорю: «Моя книга»?.. Она в какой-то мере и ваша, ибо, по правде сказать, составлена из множества занимательных историй, которые вы так чудесно и с такой щедростью рассказывали мне за стаканчиком восхитительного гравского вина, коим так вкусно было запивать баранки с маслом. Вы найдете там все, начиная от песенки «Пришла пора, красавица» и до башни Мелузины... И все это принадлежит вам, как и сердце автора, его перо и самые теплые воспоминания.

Надеюсь, что госпожа де Померель посмеется, прочитав некоторые подробности касательно масла, кувшинчиков, смолистых свечей, изгородей и плетней, а также описание того, как трудно порой попасть на бал: все это она найдет в моем романе, если ей удастся дочитать его до конца, не заснув. Я принял во внимание, что вашей очаровательной жене не понравился первоначальный заголовок романа «Молодец», и он изменен.

Роман появился в марте 1829 года. Латуш поместил в газете «Фигаро» благоприятный отзыв, его примеру последовали другие, но об успехе говорить было нельзя. Книга не продавалась.

Латуш — Бальзаку, 15 апреля 1829 года:

С моей легкой руки на вас просто сыплются хвалебные статьи. Возможно, роман начнут в конце концов покупать. Но пока что

у меня нет больше ни денег, ни советов для вас. Мы ведь теперь с вами вовсе не видимся. Это в порядке вещей. Так вот, любезный мой друг, разве я был не прав, приведя вам однажды свое любимое изречение: «Человек, который к тридцати годам не стал мизантропом, родился на свет бессердечным»? Прощайте, эгоист.

Прошло восемь месяцев, а Юрбен Канель продал всего четыреста пятьдесят экземпляров. Латуш с грустью подводил итоги. Он даже не вернул издержек. Когда немного позднее появился его роман «Фраголетта», Бальзак опубликовал в «Меркюр» почти враждебную и, уж во всяком случае, весьма сдержанную статью. Он говорил в ней о Наполеоне, о Везувии, о Восемнадцатом брюмера, но не давал никакого представления о самом произведении. Об авторе романа Бальзак писал: «Мы слышим горький смех человека, не верящего ни в счастье, ни в свободу... В его душе есть нечто от Вольтера и от лорда Байрона... Пусть тот, кто отважится, займется разбором книги. Я на это не решаюсь... Лаконизм господина де Латуша слишком походит на молнию. Он вас ослепляет, и вы уже толком не знаете, куда вас ведут. Впрочем, каково бы ни было мое собственное мнение, книга эта наделает шума, у нее не будет недостатка ни в похвалах, ни в критике». Ни один недоброжелатель не мог бы сильнее уязвить автора, и Латуш негодовал. Какой он все же эгоист, этот Бальзак! А тут еще Шарль Седийо, человек необыкновенно педантичный, «со слишком уж непомерным рвением» следил за тем, чтобы все до последнего векселя, выданные его родственнику, были оплачены, даже дружеские векселя Латуша. «Это просто неслыханно! А еще порядочные люди! Побойтесь Бога, господин Седийо!» И в приступе благородного негодования Латуш восклицал:

Да пропади она пропадом, эта улица Кассини! Пусть дьявол на веки вечные ниспошлет ее обитателям перерзлых любовниц, черствый хлеб, железные вилки, отвратительные развязки произведений и полные ложного пафоса предисловия!

Говоря по правде, бывшие друзья начинали ненавидеть друг друга. Жеманный, аккуратный, скрупулезный Латуш приходил в ужас от бесцеремонности Бальзака, от его резких манер, неуклюжей массивной фигуры. Бальзак любил грубые шутки, скабрзные истории; Латуш поджимал при этом губы и умолкал. Хорошо

знавшая обоих писателей Жорж Санд говорила: «Я всегда считала, что Латуш вкладывал слишком много настоящего таланта в свои речи. Бальзак вкладывал в них только сумасбродство. Он щедро разбрасывал то, чем обладал в избытке, но тщательно берег свою глубокую мудрость для собственных произведений». Латуш говорил Бальзаку, что тот в своем литературном тщеславии доходит до шутовства. Бальзак возражал:

Стало быть, если человек не умеет излагать свои мысли так остроумно и изящно, как это делаете вы, из этого следует, будто он тщеславен. Господи! Сколько же на свете тщеславных людей, ибо многие из моих собратьев выражают свои мысли не лучше, чем я...

Что касается «Шуана», то в один прекрасный день я опубликовал эту книгу на свой страх и риск и потерял много денег. Сам я ничего не делал для того, чтобы продать хотя бы один экземпляр, не появилось ни одной строки объявлений, и тем не менее мой типограф продал четыреста экземпляров. Чтобы книга раскуталась, нужна хорошая статья сразу в трех газетах, и статья, помещенная на видном месте, чтобы ее прочел весь Париж. Только в этом случае, а не иначе «Шуан» будет распродан; и пусть я сквозь землю провалюсь, если во мне говорит тщеславие.

«Шуаны» и в самом деле не имел успеха у широкой публики, зато он нашел себе читателей, пусть немногих, но сумевших оценить его по достоинству. Оноре знал, что отныне для нескольких знатоков он будет автором «Шуана».

Сюрвиль познакомил шурина со своими бывшими соучениками, окончившими Политехническое училище; то были преподаватели военного училища в Сен-Сире, неподалеку от Версаля,— майор Карро и артиллерийский капитан Периола, храбрый и порядочный человек. Бальзак отлично чувствовал себя в обществе этих образованных людей, которым нравился «Шуан»; они делились с ним воспоминаниями о военных походах и о своем пребывании в плену. Госпожа Зюльма Карро, урожденная Туранжен, женщина высоких моральных качеств, мужественная и стоическая, сделалась самым верным его другом. Она слегка прихрамывала, лицо ее дышало энергией и страстью. Кокетство ей не было свойственно вовсе. Бальзак делал Зюльме скромные подарки: экран для свечи, спичечницу. Он надеялся, что она найдет им место у себя дома, в поместье Фрапель, близ Иссудена. «Жить в памяти человека с пре-

красной душой — вот одна из самых любезных моему сердцу иллюзий».

Но это не было иллюзией. Зюльма Карро, и в самом деле обладавшая возвышенной душой, угадывала в Бальзаке великого человека, изнемогавшего под грузом мелочных забот; только в Сен-Сире он порой забывал о них. От своего отца, Реми Туранжена, помощника мэра города Иссудена и по-настоящему благородного человека, Зюльма унаследовала свободолюбивые идеи XVIII века. Все в этой буржуазной и обеспеченной семье были республиканцами. Два брата Зюльмы сделались депутатами. Ее муж, майор Карро, отказался голосовать за пожизненное консульство. Он попал в немилость. Муж и жена питали к Бальзаку самую сердечную привязанность.

Между тем в «небесном семействе» дела шли не слишком-то хорошо. Бернар-Франсуа плохо перенес перемену обстановки. Оторванный от Вильпаризи и своих старческих привязанностей, он медленно угасал. Никогда не признававший докторов и сам себя лечивший, старик тяжело заболел. К концу апреля 1829 года врачи объявили, что Бернар-Франсуа, надеявшийся прожить до ста лет, близок к смерти; у него нашли абсцесс в печени, который необходимо было вскрыть. Госпожа Бальзак не без оснований возмущалась тем, что Оноре живет в роскоши: она не могла постичь, как это человек, который всем должен (и прежде всего ей), может еще покупать себе мебель, драпировки и дорогие безделушки. Лора вступалась за брата. Да, он приобрел шкаф красного дерева; да, он велел переплести свои книги в сафьян. Но ведь он готов продать их, если этого хочет мама, только тогда ему придется брать книги в Королевской библиотеке, и расходы по доставке значительно превысят сумму, какую можно выручить от их продажи. Что еще? Несколько локтей драпировочной ткани, немного бахромы, ковер? Какие пустяки! Нет, право, он не чувствует за собой никакой вины и так страдает от этих постоянных упреков. Для того чтобы писать, он нуждается в монастырской тиши и покое! Но что может быть естественнее, если в короткие промежутки между трудами он хочет отдохнуть от привычного аскетизма в обстановке некоторой роскоши? В часы работы художнику нужен только чердак

да кусок хлеба. «Но после долгих странствований мысли, после уединенной жизни в волшебных дворцах, населенных созданиями его фантазии, он больше, чем кто бы то ни было, нуждается в развлечениях, созданных цивилизацией для богачей и бездельников»¹.

Одна только Лора да, быть может, Сюрвиль понимали его. В пору безрадостного детства между братом и сестрой возникли необыкновенно прочные узы!

Бальзак — Лоре Сюрвиль, 11 февраля 1829 года:

Среди моих горестей одна мысль, словно мысль о далекой возлюбленной, всегда дарует мне утешение. Вот только что, подойдя к камину, я сделал непроизвольный жест рукой, похожий на взмах крыла, такой привычный у тебя, когда ты довольна собою, какой-либо остротой, мыслью, чувством, чем угодно.

Тогда я подумал о тебе и воскликнул: «Стой! Надо написать ей и сказать, что я ее очень люблю, и Сюрвиля тоже». Вот я и пишу.

Эта братская привязанность была нежной, как любовь; но и любовные дела Оноре шли своим чередом. После двух лет разлуки, на которую он согласился по настоянию Лоры де Берни, Бальзак вновь вернулся к герцогине д'Абрантес — как и большинство мужчин, он был не в силах противостоять соблазну. Виделись они тайком, в уединенном флигеле в Версале. Облокотившись на подоконник, они вместе любовались «чудесными колдовскими звездами» и наслаждались «величавой тишиною, нисходившей на душу». Мягкие летние ночи милы любовникам. Как все стареющие женщины, она говорила о своих горестях, о том, что к ней до времени пришло увядание, о разбитых надеждах. Меланхолия — весьма действенная форма кокетства. Как все молодые люди, Оноре утешал герцогиню; сам не веря тому, что говорит, он утверждал, будто многие женщины, которым гораздо больше лет, чем ей, вновь живут прекрасной и сладостной жизнью. Она укоряла его за то, что он принес ее в жертву «ради своих старых оков». Он произносил торжественные и лживые клятвы, обещал видаться с нею чаще, но прибавлял: «Надо только, чтобы моя сестра ничего не узнала». В самом деле, с тех пор как госпожа де Берни так велико-

¹ Б а л ь з а к. О художниках.

душно поспешила на помощь Оноре, она вновь вошла в милость ко всем членам семейства Бальзаков и теперь нередко приезжала в Версаль, к Лоре. А Оноре не желал причинять госпоже де Берни огорчений.

В пятьдесят два года *Dilecta* все еще оставалась страстно влюбленной. Ах, как она отличалась теперь от той великолепно владевшей собою и чуть насмешливой женщины, какой была в начале их связи! Ныне она любила своего слишком молодого возлюбленного с безумным пылом; она восхищалась его нарождавшимся гением.

Госпожа де Берни — Бальзаку:

О мой дорогой! Мой божественный! Все, что я могу,— это пребывать в экстазе, погружаясь в свои воспоминания. Как передать тебе, до чего я счастлива! Чтобы понять, ты бы должен был познать самого себя, а это невозможно, главное же — тебе невозможно постичь, что ты значишь для меня. Если бы в безумных грезах у меня явилось желание быть любимой так, как любят лишь на небесах, и если бы это желание полностью осуществилось, то даже тогда мое блаженство ничего бы не стоило в сравнении с тем, какое даруешь мне ты. О, что бы мне такое сделать? Где найти силу, могущество — все, что мне необходимо, все, чем я хотела бы заплатить за такую любовь? Вчерашний вечер, один только вчерашний вечер дороже для меня, чем десять веков... Тебе мой привет, любовь и хвала!..

В другой раз она писала:

«Уже рассветает, прими же мой привет, милый, прими от меня привет, мой нежный властелин!»

Одного только она не понимала: как может человек с такой возвышенной душой скрывать что-либо от той, которая обожает его. Она знала, что Оноре снова видится с герцогиней д'Абрантес. Сидя на кушетке, «на этом священном ложе», он отвечал: «Как можешь ты требовать, Лора, чтобы я разом порвал с нею? Как могу я не заплатить свой долг особе, которая готова все сделать для меня?» Но разве у Оноре не было иного долга, более настоящего, по отношению к бедной подруге, поддерживавшей его в трудную пору своим присутствием, ласками и своим состоянием?

Добавлю еще одно, мой дорогой, мой милый: по совести говоря, я не верю, что эта женщина может и хочет быть тебе полезной... Она не захочет этого, ибо, живя в Версале, ты не добьешься успеха, а согласиться на то, чтобы ты жил вдали от нее, в столице, она, думаю, не пожелает.

На «священной» кушетке Оноре готов был обещать все что угодно, однако, предоставленный самому себе, отправлялся в Версаль и работал там над рукописями герцогини, которая вознаграждала его на свой лад. Бедная Dilecta приходила пешком на улицу Кассини, и соседи сообщали ей, что Бальзака нет дома. Она наказывала его церемонным «вы»: «Очень прошу вас сообщить, могу ли я, невзирая на солнце или дождь, прийти на улицу Кассини в три часа?.. Прощай, милый, прощай».

Моралист осудил бы такое проявление неверности, такую ложь. Бальзак это оправдывает: «Человек, превративший свою душу в зеркало, где отражается целый мир... неизбежно оказывается лишен того рода логики, того упрямства, которое принято называть характером. Он немного беспутен... Он увлекается, как дитя, всем, что его поражает... он может любить свою любовницу до обожания и покинуть ее без всякой видимой причины»¹. У первобытных народов *ясновидящие*, барды, импровизаторы считались существами высшего порядка. А у нас, «едва вспыхнет свет, его спешат погасить, ибо принимают за пожар». Бальзак требует права на непостоянство.

Короче говоря, он различал два вида любви и еще третий, где они переплетались. В молодости приятели, с которыми он встречался в кафе, привили ему вкус к сомнительным любовным похождениям. «Природа наделила нас желанием; надо поститься как можно меньше... Любовью следует заниматься в согласии с законами общества, не выпуская из рук кодекса и следуя этикету. К ней нужно относиться как к танцам, пению или фехтованию». Любовь такого сорта уже по самой своей природе неверна; она готова удовольствоваться любой доступной женщиной с бело-розовым телом.

Но вождение и страсть — это еще не любовь. «Мужчины и женщины могут, не боясь обесчестить себя, питать страсть к нескольким людям сразу: ведь так естественно стремиться к счастью! Но подлинная любовь всегда одна в жизни». Эту единственную любовь он испытывал к госпоже де Берни. Одновременно чувственная, благоразумная и нежная, она была для него

¹ Б а л ь з а к. О художниках.

«точно ангел, сошедший с небес». Она угадала его талант, помогла ему сформироваться, направляла его. Не будь этой женщины, гений Бальзака, может быть, никогда не расцвел бы. И он это знает.

Его любовь к Лоре де Берни соткана из чувственности и подлинного чувства; когда дело касается чувственности, он не слишком постоянен, но чувство его неизменно и верно. Помимо этой прекрасной, но все же земной любви, Бальзак мечтает о чем-то уже совершенно неземном, о женщине, которая, не требуя ласк, была бы беззаветно преданной сестрой милосердия, заботящейся о гении. Но ведь женщина тоже не ангел и не зверь. Плоть ее также предъявляет свои права, и даже удивительная самоотверженность госпожи де Берни не может преодолеть ни присущий человеческой натуре антагонизм между чувственной любовью и любовью духовной, ни антагонизм между страстью к женщине и жаждой созидания, раздирающий душу художника-творца. Всякая женщина, которая любит художника, обрекает себя на муки, рано или поздно она их испытает.

Бернар-Франсуа скончался 19 июня 1829 года. Он в свою очередь попал в число «дезертиров» тонтинны Лафаржа; полагая себя бессмертным, старик вложил все свое состояние в пожизненную ренту, и его вдова оказалась в тяжелом финансовом положении. Извещение о смерти было подписано Сюрвилем и Монзэглем. Оноре (его, видимо, не было в Париже) работал в Булоньере, под Немуром: госпожа де Берни, которую ничто больше не удерживало в Вильпаризи, арендовала теперь это поместье. Возможно, он приезжал в столицу и присутствовал на погребальной церемонии в церкви Сен-Мерри.

Париж Оноре отнюдь не походил на Париж его родителей, с которым он сталкивался в юности. Долгое время Бальзаку был знаком только узкий мирок столицы: его собственная семья, буржуа из квартала Марэ, судейские, нуждающиеся журналисты, дисконтеры и ростовщики. Дружба с Латушем, успех, который имели «Шуаны» у знатоков, открыли перед ним двери нескольких известных домов. Каждую среду, по вечерам, у художника Франсуа Жерара, в такой же мере светского человека, как и артиста, не только обольстительного,

но и обольстителя, Бальзак встречал людей из парижской элиты: Эжена Делакруа, Давида д'Анже, Ари Шефера, доктора Корева. Он описал беседу, происходившую между одиннадцатью вечера и полночью в этом салоне, где собирались поэты, ученые, государственные деятели, денди и прелестные женщины. При свете ламп несколько живописцев работали, прислушиваясь к разговорам. Перед глазами у них всегда была готовая картина, а Бальзак, наслаждаясь минутами, «когда искрометная, полная противоречий беседа уступала место рассказам», запечатлевал в своей памяти интересные истории.

Новеллы, романы сами собой зарождались в его мозгу. «Художник... не посвящен в загадку своего дарования... Он не принадлежит себе. Он — игрушка в высшей степени своевольной силы... Однажды... он... не напишет ни строчки; а если и попробует, то не он будет держать... перо, а другой — его двойник, его со-зий,— тот, что ездит верхом, сочиняет каламбуры... у кого ума хватает лишь на сумасбродные выходки... Но вот вечером, посреди улицы, утром, в час пробуждения... пылающий уголь коснется его мозга, его рук, его языка... Приходит труд и разжигает огонь в горне... Экстаз творчества заглушает жестокие муки рождения»¹. Случается, что в одном человеке как бы живут двое — шутник и поэт. Бальзак отлично сознавал эту двойственность.

Он не принадлежал к новому в то время движению — романтизму, но близко соприкасался с ним. 10 июля 1829 года он был приглашен на чтение драмы «Марион Делорм». Ее автору, Виктору Гюго, исполнилось всего двадцать семь лет, у него была очаровательная жена и трое детей; своим молодым собратьям он уже казался учителем. На чтении пьесы присутствовал Альфред де Виньи: к этому времени он написал «Элоа», «Сен-Мара» и сделал вольный перевод «Отелло». Гюго окружали его более молодые, но уже известные коллеги — Мериме, Сент-Бёв, Мюссе. Прославленный Александр Дюма, автор пьесы «Генрих III и его двор», в возбуждении размахивал большими руками. И среди них он, «бедный Бальзак», который только-

¹ Б а л ь з а к. О художниках.

только успел похоронить Ораса де Сент-Обена. Никакая школа его не поддерживала. Низкорослый Сент-Бёв, лукавый критик, вертевшийся около великого Гюго, игнорировал автора «Шуанов». Бальзак поспешил посмеяться над этими «Сценами литературной жизни», словно боялся, что они вызовут у него желание расплакаться.

Жалкий слушатель, впервые допущенный к этой социальной мистерии, как будете вести себя вы? Рукоплескать? Кричать «браво»? Дерзкий критик! Вы пропали, если нанесете такое оскорбление. У вас есть только один способ выразить свою хвалу: изобразить то задыхающееся молчание, когда останавливаются слова в горле, ибо хочется сказать слишком много; если же вы представлены завсегдатаем салона, у вас есть еще одна возможность — подойти к нему со слезами признательности на глазах и, горячо пожав ему руку, проговорить:

— Спасибо, друг мой, спасибо!..

Это тонко, это заметно и не лишено изящества...

...чтение продолжается...

— О! Здесь нечто мавританское! — говорит тот.

— О! Это Африка! — восклицает этот.

— И вместе с тем Испания! — прибавляет другой.

— В этом стихе чувствуются минареты!

— Это подлинная Гренада!

— Это подлинный Восток!..

Даю... честное слово, при мне об Африке и Испании было сказано: «Это подлинный Восток!»...

«Чудесно» и «грандиозно» — это наименьшее, чем вы обязаны элегии из пятнадцати стихов... Если же речь идет о драме: «Это история в действии!.. Открывается будущее! Это мир! Это Вселенная! Это Бог!»¹

Между тем герцогиня д'Абрантес нашла себе временное пристанище в Аббей-о-Буа, мирной и спокойной обители, монахини которой поселяли в особом корпусе, отделенном от монастыря, знатных дам, искавших уединения. Здесь царила жившая в скромной квартирке госпожа Рекамье, разоренная, но все еще славившаяся красотой, верностью, ставшая всеевропейской знаменитостью.

Быть принятым божественной Жюльеттой в ее жилище на четвертом этаже значило удостоиться величайшей милости. Казалось, волшебные чары феи облегчают подъем по крутой лестнице. Здесь собирались люди самые разные. Шатобриан встречал тут Бенжамена Констана и Ламартина. Герцогиня из Сен-Жерменского

¹ Бальзак. О литературных салонах и хвалебных словах.

предместья учтиво беседовала с герцогиней наполеоновской Империи. Госпожа д'Абрантес ввела сюда Бальзака.

Внимательно присмотритесь к этому молодому человеку с пылающим взглядом и черными как смоль волосами; обратите внимание на его нос, а главное — на рот, когда какая-нибудь лукавая мысль приподнимает уголки этого рта. Что видите вы в этом взоре — разит ли он презрением, насмешкой или же в нем светится доброта, когда он обращен на друзей? Этот молодой человек — господин Бальзак. Ему только тридцать лет, а из-под его пера вышло уже немало произведений.

Этьен Делеклюз, который находился в Аббей-о-Буа в тот день, когда там был «принят» Бальзак, всю жизнь не мог забыть ту наивную, почти ребяческую радость, какую выказал неофит. «Этому человеку пришлось собрать остатки своего рассудка, чтобы не броситься в объятия всем присутствующим». Такое преувеличенное выражение радости могло бы показаться смешным, но искренность чувства тронула Делеклюза, он уселся рядом с Бальзаком и нашел, что тот весьма остроумен. Страстное желание попасть к госпоже Рекамье и долгое ожидание этого дня оправдывали непомерную радость Оноре.

Примерно в то же время Бальзак познакомился с Фортюнэ Гамелен: эта щеголиха времен Директории могла порассказать ему о своих бесчисленных романтических приключениях. Софи Гэ, в салоне которой блистали молодые романтики, также принимала Бальзака; он обязан ей множеством забавных историй и тонких наблюдений. Ведь в свое время она не смутилась при встрече с самим императором:

— Вам говорили, что я не люблю умных женщин?

— Да, государь, но я этому не поверила.

О Софи Гэ шутили, что у нее все выходит хорошо: книги, дети, варенье. В ее салоне и в салоне графини Мерлен, возлюбленной приятеля Бальзака, Филарета Шаля, Оноре начал встречаться с представителями света, то есть двух или трех тысяч лиц, которые знакомы между собой, бывают друг у друга и, обладая необходимым досугом, уделяют очень много внимания чувствам. Бальзак испытывал одновременно простодушную радость оттого, что его принимают и даже приглашают некоторые из этих избранных, и острую горечь, ибо он

угадывал, что его только терпят. «Я страдал всеми фибрами души, страдал так, как только может страдать человек; лишь изгой да женщины умеют остро наблюдать, потому что их все ранит, а душевные страдания обостряют наблюдательность». Юные щеголи в желтых перчатках, любовники этих земных богинь, свысока смотрели на плохо одетого или слишком разодетого чужака; а он, меряя взглядом фатов, оценивал их и завидовал им. Что касается женщин, восхитительных и недоступных, то Бальзак любовался ими, ни на что не надеясь. И все же как он их желал!

Ах, да здравствует любовь в шелках и кашемире, окруженная чудесами роскоши, которые потому так чудесно украшают ее, что и сама она, может быть, роскошь! Мне нравится комкать в порыве страсти изысканные туалеты, мять цветы, заносить дерзновенную руку над красивым сооружением благоуханной прически... Меня пленяет женщина-аристократка, ее тонкая улыбка, изысканные манеры и чувство собственного достоинства: воздвигая преграду между собою и людьми, она пробуждает все мое тщеславие, а это и есть наполовину любовь. Становясь предметом всеобщей зависти, мое блаженство приобретает для меня особую сладость. Если моя любовница в своем быту отличается от других женщин, если она не ходит пешком, если живет она иначе, чем они, если на ней манто, какого у них быть не может, если от нее исходит благоухание, свойственное ей одной,— она мне нравится гораздо больше; и чем дальше она от земли даже в том, что есть в любви земного, тем прекраснее становится она в моих глазах¹.

Мог ли он им нравиться? Больше, чем сам предполагал. Он развлекал женщин, а это уже половина победы. У Оноре был красивый голос, лицо его светилось добротой. Если в кругу приятелей он разыгрывал роль толстого сластолюбивого монаха или развеселого коммивояжера, то в салонах он умел молчать, копить впечатления и очаровывать своих слушательниц. Некому юноше, Жюльену Леме, Бальзак однажды сказал: «Не правда ли, вас удивляет, что у человека столь грубого обличья могут быть столь тонкие умозаключения, столь изысканные мысли?» Возможно, это и удивляло. Но собеседницы Бальзака знали, что он действительно таков.

Когда Оноре видел, как смягчается их взор, он предвкушал победу. Два года назад ему пришлось бежать и скрываться после самого плачевного краха.

¹ Б а л ь з а к. Шагреневая кожа.

У него не было «ни счастливой юности, ни цветущей весны». Но теперь он уже сознавал свою силу. Он напишет великие произведения и подчинит себе этот равнодушный и опасный Париж. Лора де Берни, восторженная и глубоко преданная возлюбленная, поддерживала его. Несмотря на все неудачи, он продвигался вперед. Он знал свою слабость: некоторую вульгарность и недостаток вкуса, унаследованные от семьи, ребяческое стремление к роскоши. Но в руках у него были и сильные козыри: творческая энергия, пылкое вдохновение, фантазия, возвышенный ум. Долго еще будет он вспоминать об этой поре своей жизни как о некой эпопее, чей неумолимый ход заставлял его ощущать страх и унижение лишь для того, чтобы он научился тотчас же преодолевать их; долго еще самые прекрасные романы Бальзака будут питаться горестными и чудесными воспоминаниями его юности, его утраченными иллюзиями.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СЛАВА

После этой поры, короткой, как время сева, наступает пора свершений. В известном смысле существует две юности: юность, когда верят, и юность, когда действуют; обе они часто переплетаются у людей, щедро одаренных природой, которые, подобно Цезарю, Ньютону и Бонапарту, принадлежат к самым великим из великих.

Бальзак

XI

ГОДЫ УЧЕНИЧЕСТВА

Самые добродетельные женщины никогда не бывают вполне целомудренны.

Бальзак

Вскоре успех Бальзака был всеми признан. В декабре 1829 года появилась «Физиология брака», написанная «юным холостяком». Эта блестящая и поразительно откровенная книга свидетельствовала об удивительном знании женщин. Автор написал ее на основе собственного опыта; многим он был обязан госпоже де Берни и герцогине д'Абрантес, от которых слышал немало доверительных признаний и рассказов, Фортюне Гамелен и Софи Гэ, своему отцу, который охотно обсуждал эту тему, с большим увлечением высказывая много забавных мыслей, и, наконец, Вилле-Ла-Фэ, философускептику времен старого режима и сердцееду в отставке. Стиль повествования, одновременно лирический, насмешливый и циничный, напоминал то Рабле, то Стерна, как того и хотелось автору, и в какой-то степени превосходил романтические хроники Мюссе или Готье. За внешней игривостью и фривольностью в духе XVIII века скрывались мысли серьезные и глубокие.

Главное положение книги можно свести к формуле: «Брак отнюдь не вытекает из природы человека»; между любовными страстями и инстинктом продолжения рода очень мало связи, большинство мужей играет на чув-

ствах своих жен не более умело, чем орангутанг играет на скрипке, а потому им следует ожидать, что более опытный музыкант обойдет их и сделает рогоносцами. Каковы уловки женщин, какие меры предосторожности может принять муж, каковы первые симптомы немилости к нему, как действует супружеский сыск, как расставляют мышеловки, чтобы поймать неверную, как искусный супруг добивается нужного поворота событий — вот некоторые из проблем, которые рассматривает «юный холостяк». Короче говоря, супружество — это поединок, междоусобная война, которая требует особого оружия, своей стратегии и где победа (то есть свобода) остается за более ловким.

В войне между супругами Бальзак принимает сторону женщин. Впрочем, он признает, что пользовался советами двух дам, из которых одна принадлежала к числу «самых человечных и самых остроумных особ при дворе Наполеона», и обе они говорили с ним вполне откровенно. Он описывал коварных, лживых женщин, но находил им оправдание. Женщина не может нести ответственность за свои грехи; их следует приписать бесправному положению, на которое ее обрекает общество, и слепоте мужей. Бальзак в какой-то степени заимствовал идеи о равенстве полов у последователей Сен-Симона. Сначала он познакомился с ними через посредство дядюшки Даблена, который переписывался с самим Сен-Симоном; а затем, будучи владельцем типографии на улице Марэ-Сен-Жермен, Оноре печатал журнал сенсимонистов «Жимназ». Журнал этот утверждал: «Женщины отдают свое сердце, они не продают его». Но при существующем порядке вещей брак становится войной. А на войне воюют как могут, пользуются любым оружием и считают мужа врагом, разве только... Разве только, вместо того чтобы злоупотреблять «правами», которые ему дает закон, он добивается любви своей жены и повинуется тайным законам природы, повелевающим соединять чувство с обладанием. «Отсюда следует, что мужчина, если он хочет быть счастливым, должен подчиняться определенным правилам чести и деликатности».

Дамы буквально вырывали эту книгу одна у другой: излагая их невысказанные жалобы, она во всеуслышание говорила о том, о чем многие из них думали, но в чем мало кто решался признаться. Однако некоторые

женщины были шокированы. Зюльма Карро прислала из Сен-Сира негодующее письмо. Бальзак ответил ей:

Чувство отвращения, которое вы испытали, сударыня, прочтя первые страницы подаренной мною книги, делает вам честь и свидетельствует о такой деликатности, что ни один умный человек, если он даже автор произведения, не может этим оскорбиться. Ваше чувство доказывает, что вы чужды лживому и коварному свету, что вам незнакомо общество, позорящее все и вся, и что вы достойны того возвышенного одиночества, в котором человек всегда обретает величие, благородство и чистоту.

Пожалуй, для автора весьма печально, что вам не удалось преодолеть первое чувство, которое неизменно охватывает всякое невинное существо, когда оно слышит о преступлении, когда ему описывают какое-нибудь несчастье, когда оно читает творения Ювенала, Рабле, Персия, Буало, но я полагаю, что в дальнейшем вы примирились бы с писателем, прочтя несколько убедительных наставлений и пламенных доводов в защиту добродетели и женщины; но могу ли я поставить вам в упрек это отвращение, которое только делает вам честь.

Достойно восхищения, что наш «ясновидец» все понимает: и благородное прямодушие госпожи Карро, и шитые белыми нитками расчеты герцогини д'Абрантес.

«Физиология брака» заключала в себе сотни сюжетов для романов и новелл, ее можно уподобить громадным кладовым, где хранились различные сцены, эпизоды и планы. Уже во времена «Кодексов» Бальзак завел записную книжку, куда вносил всевозможные наброски и заметки в духе Лафатера и одновременно Гаварни. Мода на исторический роман уступала место моде на роман буржуазный. Отчего бы и ему не писать короткие повести и рассказы, своеобразные этюды современных нравов? Стоит ли предаваться длительным ученым разысканиям, когда он может вынести на сцену саму историю своей эпохи? Тут он нашел бы хорошо знакомые ему обстановку и социальные слои, например улицу Сен-Дени и живущих на ней богатых торговцев (это будет повесть «Дом кошки, играющей в мяч», где описана лавка семейства Саламбье); в «Загородном бале» изображена служившая танцевальным залом ротонда, где Оноре часто бывал вместе с сестрами. Действие «Вендетты» начинается при дворе Наполеона (эту историю он услышал от герцогини д'Абрантес), потом оно переносится в мастерскую художника, где юные девицы из квартала Марэ (такие, как Лора и Лоранса) или из Сен-Жерменского предместья брали уроки живописи. Действие «По-

бочной семьи» происходит сначала в Байе — Бальзак использовал тут свои наблюдения, которые он сделал, гостя у Сюрвилей, и прибавил к ним множество иных воспоминаний и собственных догадок.

Эти «Сцены частной жизни», которые проникали «до самых основ» в события и тайны семейной жизни, резко отличались от причудливых романов молодого Оноре правдивостью картин, характеров и тонкостью чувств. Бальзак обнаружил, что он живет в весьма романтическое время: это объяснялось и смешением различных общественных укладов и сословий (старый режим, Империя, Реставрация), и неожиданными эффектными поворотами, разом менявшими положение в стране (возвращение Наполеона с острова Эльба, вторая Реставрация). Ему пришла в голову гениальная идея — придать современному роману некоторые черты романа исторического: более широкие взгляды, политические и социальные, подробные и красочные описания. В эту удивительную эпоху дворянство, которое ничему не научилось, буржуазия, которая переваривала захваченное ею национальное имущество, финансисты и промышленники оспаривали друг у друга Францию, а недовольный народ готовил будущие мятежи. Бальзак помнил о необходимой дистанции во времени и относил действие своих произведений к недавнему прошлому. Из описания лавки господина Гильома становился понятным патерналистский и рутинный характер торговли во времена Наполеона. Бальзак очень искусно, хотя и не всегда осознанно, привносил в большинство своих историй моральные оценки, характерные для общедоступных нравоучительных романов. Августина Гильом, дочь торговца сукнами, выходит замуж за человека из другого сословия — за эlegantного художника Теодора де Сомервье; он страстно увлекся красивой девушкой, но уже вскоре после свадьбы обманывает ее с герцогиней. Несчастливая умирает от отчаяния, а ее сестра Виргиния, которая удовлетворялась браком с приказчиком Жозефом Леба, безмятежно царит в «Доме кошки, играющей в мяч». Гобсек, этот удивительный ростовщик с лунным ликом, тонкими губами и пепельно-серыми волосами, иллюстрирует несчастьями своих клиентов опасности безнравственного поведения. Повесть «Побочная семья», показывая, к каким бедам приводит ханжество, одновременно свидетельствует о крахе любви вне брака.

Таким образом, темой почти всех этих «Сцен» служит счастливое или несчастное замужество. И почти все они отстаивают традиции буржуазной жизни и супружескую верность, как ни противоречит она инстинктам, чувствам. «Рано или поздно мы несем наказание за то, что не подчинились законам общества». Подобный конформизм проницательного «юного холостяка» удивляет: ведь сам он, можно сказать, дважды преступает эти законы, ибо обманывает господина де Берни с госпожой де Берни, а ее в свою очередь — с герцогиней д'Абрантес. Но Бальзак в собственной семье наблюдал печальные последствия адюльтера. Его мать воспитывала под мужним кровом злополучного Анри; отец омрачил последние годы своей жизни любовными шалостями с деревенскими девицами.

На примере своих близких он мог также убедиться в том, к каким ужасным последствиям для брачного союза приводят тщеславие и алчность. Его сестра Лора некоторое время играла роль неприступной Эмилии де Фонтэн («Загородный бал»), потом, спохватившись, весьма рассудительно вступила в брак; но другая сестра, Лоранса, была принесена в жертву звучному дворянскому имени. В семействах Бальзаков, Саламбье, Седийо, Малюсов наследству придавали не меньше значения, чем в конторе стряпчего Гийонне-Мервиля. Бальзак не питает никаких иллюзий насчет этого буржуазного мирка и той роли, какую играет там Король-Деньги. В «Сценах частной жизни» он нарисовал «правдивую картину нравов, которую добропорядочные семьи стараются скрыть от постороннего взгляда». Изученный им мир еще довольно узок, но ведь для романиста важно не все знать, а хорошо знать, важно разгадать то общество, где ему довелось жить, и возвыситься над ним.

Особняком стоит произведение «Тридцатилетняя женщина». Что это, роман? Нет, просто ряд сцен, которые автор сперва писал, не имея намерения связать их воедино, что и ощущается в композиции. Сначала, в 1831 году, он опубликовал в газете «Карикатура» блестящий рассказ «Последний парад Наполеона». Юная девушка уговаривает отца пойти с нею на парад в Тюильри — она влюблена в красавца полковника. Писатель, как лучом прожектора, освещает мир Империи. Проходит какой-нибудь месяц, и в рассказе «Две встре-

чи» мы знакомимся с женой генерала (не полковник ли это из первого рассказа?); она не любит мужа, имеет любовника, а ее дочь, заметив это, следует за каким-то малоправдоподобным «парижским пиратом», превращающимся впоследствии в настоящего байроновского корсара! Этот надуманный и ненатуральный эпизод, к сожалению, напоминает первые «черные» романы Бальзака. Затем, в сентябре—октябре 1831 года, писатель публикует «Свидание» — новеллу в пяти картинах. На сей раз сомнений нет: героиня Жюли д'Эглемон (перед читателем проходит пять различных эпизодов ее жизни) — та самая влюбленная девушка, что смотрела на парад в Тюильри. В своем муже она разочаровалась и теперь любит англичанина, лорда Артура Гренвиля. Позднее все эти новеллы были несколько переделаны и объединены под общим названием «Та же история»; только в 1842 году «Тридцатилетняя женщина» примет свою окончательную форму. Эта книга принадлежит к числу наименее завершенных произведений Бальзака: ее отдельные составные части плохо пригнаны одна к другой. Но есть в ней и прекрасные страницы. Признания госпожи д'Эглемон, женщины уже не первой молодости, избавившейся от иллюзий, видимо, походят на те, какие выслушивал Оноре де Бальзак, сидя при свете луны на скамье в Вильпаризи. Эти страницы освещены лучом «поэмы Берни».

В жизни писателя многое изменилось: после 1829 года у него уже нет причин сетовать на общество, как прежде. Литературный успех приоткрыл перед ним двери кружка романтиков. Правда, Бальзак держится там особняком; он безжалостно насмехается (в анонимной статье) над «Эрнани», произведением, священным в глазах «Молодой Франции», он чувствует, что гораздо теснее связан с литературной традицией классицизма — Корнелем, Мольером, Лафонтеном. Но его сближает с романтизмом любовь к Вальтеру Скотту, Байрону, Рабле, тяготение ко всему исключительному, и романтики довольно приветливо встречают этого еретика. Незнакомые женщины пишут Бальзаку, они узнают себя в его героинях. «Сцены частной жизни», целомудренные без ханжества, успокоили тех читательниц, которых напугала «Физиология брака». В читальных залах нетерпеливо ждут его новых книг. Издатели охотятся за ним.

Школьные товарищи — Адриен Брэн, Жозеф Фонтмуан — вспоминают о своем приятеле, внезапно получившем известность, а ведь некогда в Вандомском коллеже они его не особенно жаловали. Однако Бальзак испытал слишком много невзгод, они не так быстро забываются. Он хорошо знает, что прячется под маской любезности. «За спокойными и улыбающимися лицами, за безмятежной осанкой таился отвратительный расчет; проявления дружбы были ложью, и многие присутствующие опасались не своих врагов, а друзей»¹. В высшем свете все подчинено тщеславию, буржуа молятся иным богам. Они истово поклоняются золоту. «Есть у тебя доходы или нет — вот в чем вопрос».

Чем больше Бальзак наблюдает, тем больше он убеждается, что деньги — «ныне единственное божество», движущая сила современного ему общества. Светские люди жаждут денег, чтобы по-прежнему жить в роскоши, как этого требует их положение в обществе; буржуа копят деньги, не столько уступая жажде наживы, сколько стремясь ощутить уверенность в завтрашнем дне; ростовщик Гобсек любит богатство, так сказать, в чистом виде, абстрактно. «В золоте сосредоточены все силы человечества, — говорит Гобсек. — ...Что такое жизнь, как не машина, которую приводят в движение деньги?.. Золото — вот духовная сущность всего нынешнего общества». Гобсек знает весь Париж. Он внимательно следит за отпрысками богатых и знатных семейств, за художниками, за светскими женщинами. Вне сферы своей деятельности он честен и даже по-своему великодушен. Но коль скоро борьба между богатым и бедным неизбежна, лучше уж быть угнетателем, чем угнетенным. «Этот высохший старикашка, — говорит о нем стряпчий Дервиль, — вдруг вырос в моих глазах, стал фантастической фигурой, олицетворением власти золота».

Фантастическая фигура... Вот почему этот «бальзаковский» персонаж, одновременно правдивый и гиперболлизированный, воскрешает в памяти образы, знакомые нам по «черным» романам Бальзака. В «Сценах частной жизни», как и в надуманных сочинениях Ораса де Сент-Обена, речь также идет о преступлениях, об извергах и заступниках, но тут преступление совершается под прикрытием закона, изверги — с виду заурядные

¹ Б а л ь з а к. Супружеское согласие.

люди, в роли заступников выступают судейские. Молодой автор уже много видел и много страдал. Он негодует, исполнен горечи и вместе с тем достаточно умен, чтобы подняться над негодованием, горечью и мужественно сказать: «Такова жизнь». Этой философией пропитаны все его описания. Он описывает не из любви к описаниям, нет, он хочет показать, что сущность человека проявляется в чертах его лица, в одежде, в обстановке его жилища, привычных жестах. Наделенный философским и, главное, научным складом ума, Бальзак, отпавляясь от внешних проявлений, стремится постичь скрытые причины. Его излюбленная формула: «Вот почему». Она предшествует объяснению — порой поражающему, всегда глубокому.

Впрочем, он выказывает удивительное знание современных нравов не только в своих романах. В ту пору он пишет бесчисленное множество газетных статей. Чтобы платить долги и влезать в новые, ему также нужны деньги. А статьи приносят их быстрее, чем книги. В те годы Эмиль де Жирарден, молодой человек, обладавший богатым воображением и дерзостью, буквально перевернул вверх дном столичную прессу. Незаконный сын, воспитывавшийся в глубокой тайне, свободный от привязанностей и предрассудков, Жирарден принадлежал к поколению, которое, по словам Сент-Бёва, «полностью исцелилось от настроений „Рене“»; он не жаловался, а напал сам. В 1828 году он начал издавать журнал «Волер», затем, в 1829 году, — еженедельник «Силуэт», в котором сотрудничали выдающиеся рисовальщики: Гаварни, Шарле, Гранвиль, Анри Монье. Бальзак был в восторге от этих художников, насмешливых и беспощадных. Как и он, они создавали типы; как и он, Гаварни придал «выразительность одежде, вложил мысль в платье». Господин Прюдом, созданный Анри Монье, предвосхитил образ бальзаковского буржуа.

Виктор Ратье, живший по соседству с Бальзаком (на улице Нотр-Дам-де-Шан, неподалеку от улицы Кассини), в январе 1830 года привлек своего приятеля к сотрудничеству в «Силуэте», главным редактором которого был он сам, а позднее — в журнале «Мода», также издававшемся группой Жирардена. Вот как описали Гонкуры первую встречу Гаварни с Бальзаком: «Он увидел невысокого кругленького человека с красивыми темными гла-

вами, чуть вздернутым носом с ложбинкой на конце, много и очень громко разговаривавшего. Он принял его за приказчика книжной лавки». Но когда этот невысокий человек говорил или писал, его гений прорывался наружу. Его остроумие оживляло самые заурядные сюжеты. Трудно с точностью составить полный список статей, принадлежащих Бальзаку, ибо журналисты, входившие в группу Жирардена, часто подписывали свои опысы вымышленными инициалами, то и дело менялись псевдонимами.

«Этюд о нравах, угаданных по перчаткам» принадлежит, бесспорно, Бальзаку: перчатки были его слабостью! В этом коротком трактате «изящная и остроумная графиня» определяет по перчаткам характеры и любовные похождения нескольких мужчин. «Шарлатан», «Бакалейщик» — примеры других, весьма живо написанных этюдов о нравах. В статье «Модные слова» автор остроумно потешается над новым в ту пору словечком *злободневный*: «Ныне требуется, чтобы книги, как и все прочее, отличались *злободневностью*». Теперь (в 1830 году) уже нельзя сказать об актрисе: «Вчера она была просто великолепна», полагается говорить: «Она была *сногшибательна*». *Сногшибательно* — это верх восхищения в современном языке; в случае другой крайности следует говорить: «Это *чертовски* плохо». Если вы пишете на философские темы, облакайте свою мысль приблизительно в такие фразы: «Возможность воспроизведения размышления не распространяется на некоторые явления, ибо если размышление есть совокупность, то совокупность весьма туманная». Мода на подобные выражения сохранилась и поныне.

Несмотря на успешное сотрудничество в газетах, на успех в салонах госпожи Гамелен, госпожи Ансело, барона Жерара, Бальзак чувствует себя неуютно среди множества людей, уже достигших славы. Что он такое рядом с Кювье, Виктором Гюго, Виньи, Шарлем Нодье, Эженом Делакруа? Его остроумие поражает, а манера одеваться раздражает. «Господин де Бальзак здесь, — пишет Фонтанэ в своем дневнике. — Наконец-то я вижу своими глазами эту новую звезду, чья слава только восходит: толстый малый в белом жилете, с живым взглядом, манерами аптекаря, осанкой мясника и жестами золотильщика; а в общем он весьма обаятелен». Де-

лакруза отмечает что-то безвкусное в его манере одеваться. «И уже без передних зубов!» Граф де Фаллу находит Бальзака слишком тяжеловесным и неуклюжим. «Многих очаровывает его живое воображение и красноречие, но разочаровывает тщеславие и полное отсутствие здравого смысла». Бальзак получил доступ в «хорошее общество» (он принят в нескольких домах), но своим его там не считают. К счастью! Это позволяет писателю «незаметно наблюдать общество и обнаруживать то невидимое, что скрывается за видимостью».

Его появление всякий раз поражает присутствующих: плохо причесанные, торчащие во все стороны на помаженные волосы; полное и словно влажное лицо. Когда он входил в гостиную — рано погрузневший, слегка отдуваясь, — в первую минуту его читательницы спрашивали себя: «Как? И это наш Бальзак?» Но едва он устремлял на них свои глаза с золотистыми искорками, дамы воспалялись. Гроза, ураган, электрический вихрь наполняли комнату. Невысокий человек с могучими плечами начинал рассказывать, и красавицы аристократки слушали точно замороженные. Кто посмеет обвинить в вульгарности писателя, чей ум ослепляет, как молния, чье превосходство неоспоримо?

Увы! Многие завистники или люди, не способные оценить его силу, держались на расстоянии, а он был слишком чувствителен, чтобы не угадывать, что некоторые думают о нем самом и его манерах. Какая мука! Какая жажда взять реванш! «Я постиг множество вещей, и постигать их было столь горестно, что отвращение к этому миру овладело моей душой... Эти люди заставили меня понять Руссо». Он утешал себя мыслью, что художник должен быть несчастлив: «...талантливый человек десять раз на дню может показаться простаком. Люди, блистающие в салонах, изрекают, что он годен лишь быть сидельцем в лавке. Его ум дальнозорок... он не замечает окружающих его мелочей, столь важных в глазах света»¹. Еще сильнее раздражало Бальзака тупое самодовольство разбогатевших буржуа: «Могущество денег ведет к возникновению самой унылой аристократии — аристократии денежного мешка».

Был ли Бальзак революционером? Отпрыск буржуазной семьи из квартала Марэ, любовник светских жен-

¹ Бальзак. О художниках.

щин, он не желал коренных перемен. Он осуждает крайние взгляды и правой и левой партии. В «Сценах частной жизни» он сожалеет о нелепом преследовании республиканцев и бонапартистов. Любые проявления ханжества его коробят. В образе аббата Фонтанона, исповедника Анжелики де Гранвиль («Побочная семья»), он выводит лицемерного и честолюбивого пастыря — такую фигуру мог бы создать антиклерикал Стендаль. Двумя годами позднее в «Турском священнике» Бальзак разоблачит тайную власть Конгрегации, сообщества церковников и мирян, созданного, чтобы оказывать давление на власти: благодаря этому полковой священник следит за производством офицеров, а главный викарий — за назначением префектов. Свои мысли Бальзак вложил в уста графа де Фонтэна («Загородный бал»). Вандеец, отказавшийся служить Наполеону, он вначале осуждал соглашательскую политику Людовика XVIII, но потом понял этого государя-философа и принял его умеренный либерализм. Для того чтобы спасти королевство от новых смут, надо было добиться компромисса между буржуа, скупившими во время Революции национальное имущество, и эмигрантами, закосневшими в своих убеждениях. Главная задача — настолько укрепить власть, чтобы она могла навязать такой компромисс. Политика есть умение добиваться равновесия сил.

Часто несправедливо утверждали, будто Бальзак шел к легитимизму под влиянием суетных расчетов — для того чтобы быть принятым в том или ином салоне или желая понравиться какой-нибудь знатной даме. Но, по правде говоря, он так никогда и не стал законченным легитимистом; в отличие от Шатобриана он никогда не будет испытывать привязанности к своему королю, но он также не станет и убежденным сторонником оппозиции, как, например, Карро или Сюрвиль. Бальзак понимает и восхищается нравственной чистотой некоторых республиканских вождей, но находит также величие души в верности вандейцев королю, он искренне любит старинного своего друга Даблена, либерала, глубоко преданного завоеваниям 1789 года; но сам Бальзак хочет, чтобы действия отвечали требованиям того или иного исторического периода. Революция полностью меняет условия задачи: теперь уже нельзя действовать так, словно ее никогда и не было. «Те акты и те идеи, кото-

рые Революция последовательно претворяла в жизнь, неискоренимы; ее надо принимать как совершившийся факт». Бальзак с явной симпатией относится к «благородному поборнику рухнувшего мира», но утверждает поступательный ход истории, знает, что ее не повернуть вспять.

Восьмого мая 1830 года он публикует в журнале «Мода» любопытный рассказ «Два сна»: в 1786 году в гостиной собрались Калонн, Бомарше, рассказчик и два никому не известных человека — хирург и провинциальный адвокат. Читатель тотчас же догадывается, что это Марат и Робеспьер. Каждый из них вспоминает свой сон. Робеспьеру привиделась Екатерина Медичи. Королева объясняет ему причины Варфоломеевской ночи. По ее словам, она руководствовалась не жестокостью, не фанатизмом, не честолюбием, а только государственными соображениями. «Для того чтобы укрепить нашу власть в ту пору, нужно было иметь в государстве одного Бога, одну веру, одного властелина». Как ни ужасна была резня, она представлялась ей единственным средством, чтобы избежать еще более кровопролитной бойни. «Да, ты слушаешь меня...» — обращается она к Робеспьеру. И читатель мысленно доканчивает фразу. «Я обнаружил, — признается в заключение Робеспьер, — что какая-то часть моего существа принимала жестокую доктрину этой итальянки». Всем известно, что наступил день и адвокат из Арраса, как в свое время Екатерина, пришел к необходимости убивать людей ради сохранения единства в государстве. А что думал сын Бернара-Франсуа Бальзака о подобном методе, который, как показала история, оказался на деле не таким уж успешным? Он почти готов одобрить и Екатерину Медичи, и Макиавелли, и Робеспьера, и Меттерниха. Приблизительно в это же время Бальзак писал: «Он сделался глубоким политиком, ибо презирал человечество. Разве не определяет это чувство тайную доктрину всех знаменитых людей, которыми мы восхищаемся?»

В повседневной жизни герцогиня д'Абрантес преподавала ему урок макиавеллизма в миниатюре. Она заставила Бальзака изрядно поработать над ее «Мемуарами», а когда они принесли ей успех, беззастенчиво отрицала какую-либо его причастность к этому. «Я вынуждена была так действовать, — объясняла она ему. —

Как можете вы желать, чтобы я позволила отнять у себя те небольшие достоинства, какими, возможно, отличается мое произведение? Заклинаю вас, будьте серьезным человеком и никому не повторяйте своих слов. Вы ведь заботитесь о своей репутации, подумайте же, что ваше поведение недостойно и граничит с пошлостью». Правда, другая его приятельница, Зюльма Карро, выказала себя ожесточенным противником Макиавелли. Бальзак больше не навещал ее в Сен-Сире так часто, как ему хотелось; работа, правка корректур поглощали все его время: «Дни бегут, они тают у меня в руках, как лед на солнце. Я не живу, я чудовищно растрачиваю силы, но какая разница, умереть от работы или еще от чего-нибудь». Госпожа Карро была республиканка и упрекала Бальзака в соглашательстве. «Не укоряйте меня в отсутствии патриотизма,— отвечал он,— все дело в том, что ум позволяет мне по достоинству оценивать людей и события. Это все равно что возмущаться подсчетами, которые указывают вам на близость разорения. В годину Революции гений правителя состоит в том, чтобы добиться единения; именно это и превратило Наполеона и Людовика XVIII в талантливых государственных деятелей». Одно дело — политическая доктрина, другое дело — претворение ее в жизнь. Бальзак это признавал. Зюльма отрицала.

Среди всех этих упреков, обвинений, противоречивых требований, обрушивавшихся на Бальзака, госпожа де Берни оставалась для него мирной гаванью. Dilecta, пожалуй, уже не возбуждала его желаний, но кто другой выказывал такую готовность прийти ему на помощь? Она помогла ему сформироваться; теперь он ушел далеко. И она просила только, по словам Франсуа Мориака, «скромного места у ног ставшего³⁶ взрослым ребенка и позволения следить за ним материнским оком». Она обладала величайшим достоинством, какое может иметь женщина в глазах писателя: возле нее ему хорошо работалось. В мае—июне 1830 года Бальзак решил уехать вместе с Лорой де Берни в Турень. В Сен-Сир-сюр-Луар (селение, где он в раннем детстве жил у кормилицы) они поселились в старинной очаровательной усадьбе Гренадьера. Площадка, на которой стоял дом, возвышалась над чудесной долиной, Туром, островами на реке, колокольнями, замками. Сюда вела пологая дорога, зме-

ившаяся среди виноградников. То было дивное убежище для работы и любви. Перед тем как обосноваться здесь, наши путешественники спустились на небольшом судне вниз по Луаре. Бальзак «смеялся, шутил, казалось, готов был сочинять каждый день по двадцать романов и статей, но приходил в ужас при одном взгляде на перо, бумагу и чернильный прибор». Они посетили Сомюр, Ле-Круазик, Геранду, и безукоризненная память писателя запечатлела эти живописные городки, солончаки, океан.

*Бальзак — Виктору Ратье (из «Ревю де Пари»),
Гренадьера, 21 июля 1830 года:*

О, если бы вы только знали, что такое Турень... Тут забываешь обо всем. Я даже прощаю местным жителям их глупость, ведь они так счастливы! А как вам известно, люди, которые вкушают слишком много радостей, неизбежно тупеют. Турень прекрасно объясняет, откуда берутся «лаццарони». Я дошел до того, что смотрю теперь на славу, палату депутатов, политику, будущее, литературу как на ядовитые приманки, которые разбрасывают для бродячих псов... и говорю: «Добродетель, счастье, жизнь — все это обретет тот, кто поселится на берегу Луары, располагая шестьюстами франками годового дохода».

Я бы уподобил Турень печеночному паштету, в который так и тянет погрузиться до самых ушей; местное вино восхитительно, оно не опьяняет, просто на вас находит какая-то блажь и неземное блаженство. Вот почему я снял тут домик до ноября; закрывая окна, я спокойно работаю и не хочу возвращаться в сластолюбивый Париж, прежде чем накоплю литературные запасы.

Представьте себе еще, что я совершил самое поэтическое путешествие, какое можно совершить во Франции: я проехал отсюда в сердце Бретани, я плыл по воде до моря; это стоит недорого, всего три или четыре су каждое лье, и при этом проплываешь мимо живописнейших берегов на свете; я чувствовал, как мысли мои растут и ширятся по мере того, как ширится река, а, впадая в море, она поистине грандиозна...

Черт побери! Я начинаю думать, дружище, что в наше время занятие литературой походит на ремесло уличной девки, которая отдается за сто су. В сущности, оно ничего не дает, и меня теперь так и подмывает бродить, искать, превращать все в драму, рисковать жизнью, ибо что такое еще несколько жалких лет!.. О, когда чудесной ночью видишь над головою это прекрасное беспредельное небо, тебя охватывает желание расстегнуть панталоны и помочиться на все царства земные. С тех пор как я вижу здесь подлинное великолепие — скажем, чудесный и вкусный плод, златокрылое насекомое, — я проникаюсь философским взглядом на мир; наступив на муравейник, я говорю, как бессмертный Бонапарт: «Муравьи ли, люди ли!.. Что все это значит по сравнению с Сатурном, или Венерой, или Полярной звездой?»

Стоит ли удивляться, что эта космическая философия порождает легкомысленные творения? Зачем давать

себе труд быть серьезным, если пишешь для муравейника? Он работал в это время над «Трактатом об изящной жизни» — ироническим произведением в духе «Физиологии брака». То была похвала праздности, Брюммею, фатовству, постоянной заботе о своем платье. «Достойно ли меня такое занятие?» — спросил он у госпожи де Берни. Она не была в этом уверена. Но Бальзак уже не прислушивался к критике. «Та-та-та!» — говорил он в ответ. Уезжая в Париж, Dilecta захватила с собой начало рукописи. Бальзак был один в Гренадере, когда разразилась Июльская революция 1830 года. Еще раньше, в мае, он узнал о смерти своего товарища Огюста Сотле. А ведь бедный малый, казалось, преуспевал! Адвокат, издатель, он незадолго перед тем основал вместе с Жирарденом и Бальзаком еженедельник «Фельетон политических газет», где давался обзор книг. По словам Стендаля, Сотле покончил с собой из-за женщины. Арман Каррель посвятил его кончине возвышенную и мрачную статью, сдержанно, без пошлых фраз он писал об ушедшем друге, молодом, рано полысевшем, с милым, всегда улыбавшимся лицом. Бальзаку было жаль «этого слабого, но чудесного юношу». Однако вскоре события Июльской революции заслонили воспоминания о Сотле.

«Уступки погубили Людовика XVI, — заявил как-то Карл X, — у меня один выбор: сесть в седло или в тележку, в которой везут на гильотину». Он не сделал ни того, ни другого. В результате «Трех славных дней» (28, 29 и 30 июля 1830 года) Карл X был изгнан. Народ хотел республики; но Лафайет вложил трехцветное знамя в руки Луи-Филиппа, герцога Орлеанского, и добился, что того провозгласили королем Франции. Страна была разделена на враждующие лагеря и продолжала бурлить. Бальзак в своем мирном уединении, в Гренадере, очень мало интересовался происходящими событиями. Он заканчивал «Трактат об изящной жизни», сочинял «Физиологию гурманства», делал первые наброски к «Озорным рассказам», написанным в манере Рабле «чудесным языком XVI века — щедрым, ярким и сочным». Госпожа де Берни писала ему из Парижа, но в этих посланиях она говорила не о «Трех славных днях», а о своей все возраставшей любви, о «любовном безумии, божественном восторге».

О нежная, сладостная надежда! Снизойди на мою душу, и я стану тебя лелеять! Пошли мне моего милого, моего обожаемого

властелина, возвести мне его появление. Если хочешь, я воскурю фимиам на твоих алтарях и не стану одолевать тебя множеством нескромных просьб, позволю себе лишь одну мольбу и умолкну: мне нужен он, и только он. А там ты можешь рассыпать другим свои благодеяния, хоть полными пригоршнями; я ни о чем больше не попрошу ни тебя, ни великую вершительницу наших упований — судьбу.

Мой милый, само солнце как будто сговорилось с моей душой: нынче оно дарует свежесть всей природе, подобно тому как наша любовь дарует свежесть моему существу; неведомая сила приподнимает меня над землей, как будто горние пределы ожидают меня. Быть может, я слышу приближение своего ангела.

После подобной рапсодии ему оставалось только по привычке сказать «та-та-та!», однако столь сильная страсть трогала Бальзака, и, хотя у него теперь были и другие возлюбленные, *Dilecta* с полным правом могла говорить о его «драгоценном и неизменном постоянстве».

Он твердо решил возвратиться в Париж с охапкой рукописей под мышкой; писателя не слишком занимало, что бывшие его учителя — Вильмен, Гизо, Кузен — пришли к власти. При всякой перемене режима люди начинают охотиться за должностями. Приятели Бальзака получили различные посты: Жирардена назначили инспектором музеев и художественных выставок, Стендаль стал консулом в Триесте, Дюма — хранителем библиотеки, Филарет Шаль — атташе французского посольства в Лондоне. Бальзак для себя ничего не просил и даже осуждал их. Его политическое честолюбие шло дальше. Одна мысль сделаться правительственным чиновником приводила его в ужас. «Бальзак раскроет свою тайну лишь в тот день, когда станет министром, — писал позднее Арсен Уссэ. — Его спросили, когда это произойдет. Он ответил: „В тот день, когда Франция вспомнит о Ришелье“».

В сентябре он вернулся в столицу: Жирарден заказал ему для журнала «Волер» серию «Писем о Париже», в которых автор должен был рассказать читателям из провинции об Июльской революции и ее последствиях. Кроме того, супруги Карро просили Бальзака о поддержке, ибо над Сен-Сиром нависла угроза перемен. Ему понадобились подробные сведения о том, что именно у них происходит: «Завтра я обедаю с личным секретарем военного министра, это мой добрый приятель и славный малый, он мне ни в чем не откажет». Не ограничи-

ваясь этим, Оноре решил посоветоваться со своей присяжной гадалкой, пользовавшейся у него полным доверием. Однако оба авгура — и секретарь министра, и гадалка — выказали одинаковую неосведомленность. «Держитесь за Политехническое училище, — рекомендовал Бальзак чете Карро, — ибо Сен-Сир почти наверняка будет упразднен». Училище в Сен-Сире упразднено не было, но майора Карро в июле 1831 года назначили инспектором пороховых заводов в Ангулеме; он с полным основанием воспринял это как немилость.

Поначалу «Письма о Париже» казались объективными и беспристрастными. Слишком беспристрастными, по мнению непримиримой Зюльмы Карро. Бальзак защищался. Ведь «Письма» должны были не столько дать представление «о взглядах автора, сколько нарисовать правдивую картину различных политических течений и борющихся между собой идей». Летом друзья в лирических тонах описывали ему Свободу на баррикадах — в духе известного полотна Делакруа; по возвращении из Тура Бальзак обнаружил, что в Париже царят спокойствие и скептицизм; он об этом и сказал. Писатель нарисовал запоминающиеся типы: воинствующий стратег из кафе «Коммерс», готовый объявить войну всей Европе; ему противостоит рьяный поборник мира «достопочтенный землевладелец, чьи поместья расположены вдоль границ, где велись бы военные действия». Бальзак безжалостно высмеивает дележ «добычи». Все «победители Июля» желают стать супрефектами, консулами. «Разыгрывается настоящая комедия. Вы на каждом шагу встречаете *fashionables*¹, у которых пулями пробиты... куртки их слуг... Вам покажут шестьсот героев, каждый из которых первым прсник в Лувр». Один из его друзей, доктор Меньер, перевязывал в больнице тех, кого ранили в июльские дни. Все они были из простонародья. А теперь буржуазия оттесняла их от власти. Больше того, она обращалась с ними как с врагами. Правительство господ Тьера и Минье было не более либеральным, нежели правительство Карла X. «Как видно, все правительства, — писал Бальзак, — должны прибегать к одним и тем же плутням и манипулировать, подобно фокуснику, одним и тем же шариком». В свое время либеральная оппозиция поносила господина де Вил-

¹ Светских щеголей (англ.).

лея, требовавшего, чтобы государственные служащие разделяли взгляды правительства; ныне, когда эта самая либеральная оппозиция «приходит к власти, она издает циркуляры, обязывающие чиновников разделять ее взгляды».

В первых «Письмах о Париже» Бальзак, критикуя новый режим, тем не менее, казалось, принимал его. Но очень скоро наступило разочарование и автор прямо заявил об этом в газете «Карикатура». Он потешается там и над Луи-Филиппом, и над Лафайетом, этим тщеславным и слабохарактерным «героем», и над Тьером, этим беззастенчивым карьеристом. Но чего хочет сам автор? Новых выборов и прихода к власти молодежи. Геронтократия (власть древних старцев и юных старичков) — главная причина бездарного правления. Судьбу Франции отдали в руки людей ничтожных. Столбцы «Карикатуры» заполнены хвастливыми тирадами господина Прюдома, нелепого и торжествующего, насмешками над национальной гвардией — гротескным порождением бюрократического режима. Кто ныне правит Францией? Победители Июля? Вовсе нет. Бакалейщики, ловко похитившие победу! Кто направляет внешнюю политику страны? Поборники национальных границ? Враги Священного союза? Вовсе нет. Ее направляют люди, желающие добиться мира любой ценой, готовые спокойно взирать на то, как подавляют бельгийскую и польскую революции.

Если невозможно проводить решительную политику за пределами страны, пусть по крайней мере внутренняя политика будет смелой и отважной. Полная свобода печати! «Талантливый человек, подвергающийся преследованию, всегда сильнее властей предрержащих». Пусть выборы депутата парламента не зависят ни от какого ценза. Кандидату незачем платить столько налогов; чтобы стать депутатом, достаточно быть французским гражданином не моложе двадцати пяти лет. Это требование, бесспорно, отвечало интересам самого Бальзака, ибо при всем своем безграничном честолюбии он понимал, что вынужден будет считаться с существующим порядком избрания в парламент; но требование это отвечало также интересам Франции. В глубине души Бальзак, сын чиновника Империи, сохранил чувство восхищения перед Наполеоном; этот буржуа из квартала Марэ желает свободы, но не равенства. Он смотрит на социаль-

ный мир, как Кювье и Жоффруа Сент-Илер смотрели на мир животных, он наблюдает и в обществе ту же неумолимую классификацию, и это обрекает в его глазах на неудачу все утопические мечты.

Бальзака отнюдь не радует, что все в природе подчиняется непреложным законам, но он отдает себе в этом отчет: «Я не создаю нацию по собственному произволу, а принимаю ее такой, какова она есть». Всякое организованное общество, по его словам, — результат охранительного договора, заключенного между богатыми и зажиточными и направленного против бедняков. Обездоленные восстают, но угнетатели постоянно одерживают верх. Даже те, кто совершил Французскую революцию, придя к власти и сделавшись богатыми и праздными, объявили ее идеи подрывными и опасными. Революция породила в конечном счете деспотическое правление Наполеона. А кто ниспроверг Наполеона? Меттерних и потомки тех, кто оказался жертвой Революции. Социальную лестницу может изменить лишь постепенная трансформация. Задача романиста — вычертить схему классов в обществе. Мир един. Развитие в нем идет от животного к ангелу через человека.

«Мистическая лестница Иакова, зоологическая лестница и лестница социальная; небесные сферы, животные виды и классы общества; постепенное развитие всего сущего, эволюция видов и честолюбие людей — вот три различных аспекта единой реальности». Таковы, по словам Гийона, философские взгляды, опираясь на которые Бальзак намерен был создавать свои произведения. Но самый процесс творчества несравненно сложнее, чем философская система.

XII

ШАГРЕНЕВАЯ КОЖА

Небо полно аллегорий.

Ален

Жизнь убывает в прямой зависимости от силы желаний.

Бальзак

Финансовое положение семьи ухудшалось. Госпожа Бальзак почти ничего не унаследовала от мужа. У нее было заемное письмо от Оноре — залог весьма ненадеж-

ный — да ее собственное имущество: ферма в Турени (она продала ее в январе 1831 года за 90 000 франков) и скромный дом в Париже. Ей следовало обеспечить детей Лорансы. У Лоры подрастали две дочери — Софи и Валентина, в один прекрасный день их надо будет, как принято в буржуазных семьях, «пристроить». Стремясь увеличить свои доходы, Сюрвиль пошел на риск. В 1829 году он оставил незавидную, но надежную должность в ведомстве путей сообщения и решил заняться строительством отводного канала в низовьях Луары, между Орлеаном и Нантом. «Жизнь Сюрвиля — государственного служащего закончилась: на сцене появился Сюрвиль-изобретатель», — пишет Анна-Мари Мейнингер.

В 1830 году Эжен и Лора поселились в Париже. «Покидая Версаль, они ступили на путь, ведущий в Эльдорадо». Между тем Сюрвиль не добился даже официального подряда на строительство канала; он собирал деньги для создания «акционерного общества по изысканиям»; в этой затее приняли горячее участие Померели, их друг Шевалье де Валуа, доктор Наккар и госпожа Бальзак, которая никогда не могла устоять перед самой ненадежной спекуляцией. Инженер сулил прибыли, равные вложенному капиталу! Капитал увеличится вдвое. Сногсшибательная спекуляция! Но вскоре «непримиримый республиканец» Сюрвиль стал жаловаться на заговор (воображаемый), который устроили против него иезуиты. Оноре, неизменно находивший в семейных неприятностях источник для новых литературных замыслов, уже приступил к работе над «Административными злоключениями счастливой идеи» и придумал впрок превосходное название: «Страдания изобретателя». В ту пору между ним и четой Сюрвилей существовали самые дружеские и родственные отношения. Пока что они делили только неудачи, но в один прекрасный день будут делить золотые россыпи. А в ожидании он внимательно наблюдал жизнь супругов.

Анри Бальзак не оправдал надежд матери. Ослепленная привязанностью к младшему сыну, она винила в слабых успехах не ученика, а его учителей. «Анри так несчастлив! Ребенка просто терзают... Надо будет перевести его в другой пансион». Но это ни к чему не приводило. Мальчику не хватало усидчивости и энергии. В 1824 году семнадцатилетний Анри писал Лоре: «Что

я сделал с начала года для того, чтобы продвинуться по избранному мною пути? Ничего». Избалованный материнской любовью, не слишком способный юноша некоторое время мечтал о том, что в совершенстве изучит несколько иностранных языков и достигнет таким путем «высокого положения».

Анри Бальзак — Лоре Сюрвиль:

Думая о твоём муже, я думаю, что если когда-нибудь стану важным английским милордом, то сделаю его своим главным инженером.

Столь сногсшибательную фразу мог бы написать Оноре. Однако у Анри все ограничивалось благими намерениями, и «переход от честолюбивых замыслов к их осуществлению неизменно оказывался переходом от бесконечности к нулю». Безвольный, вялый, ни к чему не пригодный, «он менял одну службу за другой, как ребёнком менял пансион за пансионом». Наконец 21 марта 1831 года Анри решил, что судьба ему улыбнулась: он сел на парусник «Магеллан», отправлявшийся в колонию. В июне судно прибыло на остров Маврикий; Анри сошел на берег и остался там.

Между тем Оноре развил кипучую деятельность. Газеты и журналы с лестной для автора настойчивостью просили у него статьи, новеллы, повести. «Вы теперь просто нарасхват», — писал ему доктор Верон, издатель журнала «Ревю де Пари». «Физиология брака» принесла репутацию жуира, любителя развлечений тому, «чьи многочисленные труды говорят об уединенной жизни... многие читательницы будут весьма удивлены, узнав, что автор «Физиологии» молод, живет, как старый чиновник, умерен, как сидящий на диете больной, пьет одну воду и работает без отдыха...»¹. Бальзак писал остроумные статьи и очерки для «Карикатуры» и «Моды» и в то же время вынашивал замысел крупного произведения; он хотел вложить свой опыт и философию в роман «Шагреновая кожа».

В записной книжке, куда писатель заносил сюжеты, можно прочесть такую запись: «Изобретение кожи, которая олицетворяет жизнь. Восточная сказка». Сначала Бальзак предполагал написать фантастическую повесть в духе Гофмана и говорил об этом как о «сущем литературном пустяке», где он все же «попытается изобразить

¹ Бальзак. Предисловие к «Шагреновой коже».

некоторые ситуации той жестокой жизни, какая выпадает на долю гениальных людей, прежде чем они чего-либо достигнут». В основе сюжета должен лежать талисман — шагреновая кожа, все желания ее обладателя исполняются. На куске кожи — надпись «на санскрите», расположенная в виде треугольника:

ОБЛАДАЯ МНОЮ, ТЫ БУДЕШЬ ОБЛАДАТЬ ВСЕМ,
НО ЖИЗНЬ ТВОЯ БУДЕТ ПРИНАДЛЕЖАТЬ МНЕ.

ТАК УГОДНО БОГУ. ЖЕЛАЙ —
И ЖЕЛАНИЯ ТВОИ БУДУТ ИСПОЛНЕННЫ.

НО СОИЗМЕРЯЙ СВОИ ЖЕЛАНИЯ
СО СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ. ОНА — ЗДЕСЬ.

ПРИ КАЖДОМ ЖЕЛАНИИ Я БУДУ
УБЫВАТЬ, КАК ТВОИ ДНИ.

ХОЧЕШЬ ВЛАДЕТЬ

МНОЮ? БЕРИ. БОГ,

ТЕБЯ УСЛЫШИТ,

ДА БУДЕТ

ТАКИ

Таким образом, при каждом исполнившемся желании кожа будет уменьшаться. Когда от нее ничего не останется, ее владелец умрет. Похожий на скелет старик антиквар, продающий талисман юному Рафаэлю, сумел дожить до ста лет лишь потому, что остерегался не только чего-либо страстно желать, но даже просто хотеть.

Чем больше размышлял Бальзак над этой легендой, тем больше философской глубины находил он в ней. Мысль о долголетию была ему хорошо знакома. Отец постоянно напоминал, что Фонтенель советует старикам быть экономными и в своих движениях, и в своих чувствах. В скупости проявляется их мудрость, ничего другого они не могут себе позволить. Между тем молодость жаждет «сумасбродных трат, неосторожности, сильных страстей, беспокойных поисков». И этим она торопит неминуемый крах. Старик антиквар, вручая талисман Рафаэлю де Валантену, говорит ему: «Сейчас я вам в кратких словах открою великую тайну человеческой жизни. Человек истощает себя безотчетными поступками, из-за них-то и иссякают источники его бытия. Все формы этих двух причин смерти сводятся к двум глаголам: *желать* и *мочь*».

Такая философия осуждает блестящую жизнь, роскошь, разгул и даже всякую деятельность. Как помнит

читатель, Бернар-Франсуа советовал жить в деревне и питаться плодами земли. У Руссо также можно найти осуждение социальной жизни. «Общество есть путь к смерти», — в свою очередь, говорит Оноре. «Шагреновая кожа» будет не просто фантастической повестью в духе Гофмана. Бальзак перенесет легенду в современную ему эпоху и напишет философскую повесть. Его учитель Рабле в эпоху, пришедшую на смену аскетическому средневековью, создал большой символический роман для реабилитации плоти; Бальзак, писавший после наполеоновской Империи, которую можно назвать оргией действия, укажет с помощью другого символа на опасности, порождаемые стремлением к могуществу; его произведение отнюдь не будет «сущим литературным пустяком», оно воплотит дерзостный и блестящий замысел. Он был способен это осуществить. «Впрочем, главное свойство всякой настоящей легенды — это то, что сам автор не подозревает о богатстве, которое в ней заключено», — пишет Ален.

Итак, в январе 1831 года Бальзак продал Шарлю Гослену и Юрбену Канелю за 1135 франков произведение в двух томах, озаглавленное «Шагреновая кожа»; он должен был вручить его издателям 15 февраля. Писатель также обещал Юрбену Канелю «Сцены военной жизни». Никакая работа не пугала его, а обещания тем более. На деле же «Шагреновая кожа» подвигалась сначала медленно. Бальзак много бывал в свете, он подружился с известным щеголем, романистом Эженом Сю, и с любовницей этого денди, Олимпией Пелисье, умной и красивой куртизанкой; в ее салоне бывали герцог Фиц-Джеймс, герцог Дюрá, Орас Верне, Россини, доктор Верон. Оноре любил это остроумное общество и блистал в нем. Он встречал этих людей в кафе «Париж», у Тортони, в «Турецком кафе». Иногда он поднимался в мансарду на набережной Сен-Мишель, откуда открывался вид на Собор Парижской Богоматери и Сену, и завтракал отбивной котлетой и сыром у четы влюбленных — Авроры Дюдеван и Жюля Сандо, к которым он относился нежно и доброжелательно. «Этот Бальзак — чудесный малый», — говорила Аврора. А своему другу Шарлю Дюверне она писала: «О, либо вы поймете очарование господина Бальзака, либо вам в жизни не понять, что такое магия взгляда и родство душ». У себя,

на улице Кассини, Бальзак давал пышные обеды. Один из его товарищей по Вандомскому коллежу горячо благодарил Оноре за приглашение на такой обед.

Жозеф Фонтмуан — Бальзаку:

Я никогда не забуду чудесных часов, проведенных на улице Кассини, не забуду твоего неповторимого чтения, забавной торговли дынями, остроумия гостей и шампанского, которое особенно опьяняло потому, что ему сопутствовали сумасбродные, но прекрасные творения неподражаемого Монье.

Словом, Бальзак не берег свой талисман.

Чтобы спастись от Парижа и его соблазнов, чтобы работать, он уехал в марте к супругам Карро, а в апреле укрылся в Булоньере, в этом чудесном поместье возле Немура, арендованном госпожой де Берни, где царило меланхолическое уединение. Здесь так хорошо было трудиться! Однако в ненасытном уме Бальзака рождались новые безрассудные планы. Отчего бы ему не выставить свою кандидатуру на парламентских выборах 1831 года? Политика — кратчайший путь к богатству и славе. После революции 1830 года дорога людям нового склада, казалось, была широко открыта. Ламартин и Виктор Гюго заняли видное положение. Бартеlemi и Барбье вновь вернули сатирической поэзии былую славу. Стендаль опубликовал в 1830 году «Красное и черное» — мрачное полотно, повествовавшее о судьбе плебея, порывающего со своим классом. Бальзак одно время мечтал принять участие в преобразовании государства. «Довольно с нас великих войн, — писал он, — мне кажется, наступило время великого мира».

Правда, для того чтобы выставить свою кандидатуру на выборах, необходим был имущественный ценз — пятьсот франков налога с доходов, но Бальзак в своих грезах без труда преодолевал подобные препятствия. Где ему лучше баллотироваться? Он написал в три места: в Камбре, где у него был друг Самюэль-Анри Бертю, сын типографа и владелец «Газетт де Камбре»; в Фужер, генералу барону де Померелю, и, наконец, в Тур, своему приятелю Амедею Фоше. «Дорогой генерал, — обращался он к Померелю, — сознаюсь откровенно: вспомнив о том, как трудно вам найти у себя в Фужере подходящего депутата, я подумал, что мне сто́ит предложить свою кандидатуру вниманию ваших сограждан. Вам известны мои убеждения, и в нынешних об-

стоятельствах вы стали бы для меня настоящим отцом, если бы соблаговолили оказать мне покровительство и рекомендовать избирателям вашего округа». Всем трем адресатам он послал политическую брошюру «Оценка деятельности двух правительств», подписанную «Оноре де Бальзак». Адвокат из Тура ответил письмом, где до небес превозносил новеллы Бальзака, опубликованные в «Ревю де Пари», но добавил, что Оноре нельзя рассчитывать на политическую карьеру в Турени: «Недостаток вашей брошюры в том, что в ней отсутствует ясная программа, а в наше время необходимо недвусмысленно стать под знамена какой-либо партии». Ответ генерала де Помереля был также неутешителен. Прежде всего взгляды автора брошюры не совпадали с убеждениями большинства обитателей Фужера, а главное — «они хотят видеть своим депутатом уроженца здешнего края». Берту был настроен менее пессимистически и приглашал своего друга прибыть в Камбре. В это время Бальзак жил в Булоньере и лихорадочно работал над «Шагреновой кожей». Какой писатель согласится пожертвовать воображаемым миром, который он сам творит, и творит успешно, ради реального мира, приносящего столько разочарований? Бальзак внезапно раздумал выставить свою кандидатуру на выборах и даже не поехал в Камбре.

В ту пору ходили слухи, что он якобы рассчитывал приобрести состояние и обеспечить себе имущественный ценз, женившись на некоей Элеоноре де Трюмильи, дочери эмигранта, которого Людовик XVIII вознаградил за верность. Бальзаки состояли в родстве с бароном Малле де Трюмильи, проживавшим в Дуэ; говорили, будто политическая эволюция Оноре в сторону легитимизма объяснялась желанием понравиться барону. Все это мало правдоподобно, ибо такой брак мог дать Бальзаку нужный имущественный ценз только после выборов; что же касается политических убеждений писателя, то они имели куда более глубокие корни и были плодом его наблюдений и раздумий над людскими поступками.

Он близко видел охваченную байроническими настроениями молодежь, она была поражена болезнью века, с тоской вспоминала о блестящих победах Наполеона и питала отвращение к буржуазной монархии. Филарет Шаль, друг Бальзака, писал:

Какое время!.. То была неповторимая эпоха, ныне отошедшая в прошлое. Тогда слишком многого хотели, на слишком многое надеялись, полагались на собственные силы и растрачивали свой пыл направо и налево. Не задумывались над жизнью, не прислушивались к ней, а просто жили. Эту эпоху отличали сила, задор, порыв... Были ошибки, но ошибки благородные; блуждали по тропинкам, среди утесов, но шли вперед. Жили в шуме бурь, а не в молчании смерти.

В «Шагреновой коже» Бальзак пытался показать эту духовную анархию. Его герой, Рафаэль де Валантен, в первый раз пожелав проверить могущество талисмана, требует оргии, пиршества, женщин. Желание Рафаэля исполняется самым естественным образом, и в этом проявилась гениальность писателя. Не успел Рафаэль сформулировать свое требование, как тут же, выйдя из лавки антиквара, столкнулся со своими приятелями Блонде и Растиньяком; молодые люди потащили его на роскошный обед, который давал удалившийся от дел банкир: не зная, куда девать золото, он решил променять его на духовные ценности — основать газету.

...правительство, то есть банкирская и адвокатская аристократия, сделав... родину своей специальностью, как некогда священники — монархию, почувствовало необходимость дурачить добрый французский народ новыми словами и старыми идеями, по образцу философов всех школ и ловкачей всех времен. Словом, речь идет о том, чтобы внедрять взгляды королевски-национальные, доказывать, что люди становятся гораздо счастливее, когда платят миллиард двести миллионов и тридцать три сантима родине, имеющей своими представителями господ таких-то и таких-то, чем тогда, когда платят они миллиард сто миллионов и девять сантимов королю, который вместо мы говорит я.

«Ах... мы на пути к тому, чтобы стать плутами большой руки!» — простодушно воскликнул Рафаэль. Затем следовало описание блестящей и циничной беседы:

— Вы совершенно правы!.. Передайте-ка мне спаржу... Ибо в конце концов свобода рождает анархию, анархия приводит к деспотизму, а деспотизм возвращает к свободе...

— Э, милый мой, Наполеон по крайней мере оставил нам славу!

— Ах, слава — товар невыгодный. Стоит дорого, сохраняется плохо...

— Вы карлист!

— А почему бы и нет? Я люблю деспотизм, он подразумевает известного рода презрение к людям.

Поглумившись и над свободой, и над монархией, захмелевшие гости обращают свои взоры на куртизанок.

Положив ноги на полуобнаженную очаровательную девицу, Рафаэль рассказывает о своей жизни до того дня, когда в его руки попал талисман: то была жизнь самого Бальзака, расцвеченная силой воображения. Молодой человек из знатной семьи, разоренный вследствие сумасбродств отца, одиноко живет в мансарде, где пишет труд «Теория воли».

Не признанный женщинами, я, помню, наблюдал их с пронзительностью отвергнутой любви... Я решил отомстить обществу, я решил овладеть душой всех женщин... добиться того, чтобы все взгляды обращались на меня, когда мое имя произнесет лакей в дверях гостиной... я решил стать великим человеком.

В Рафаэле много черт самого Бальзака. Автор, как и его герой, хочет всего: славы, богатства, женщин. Он знает, что владеет талисманом, который ему принесет все, и что талисман этот — его талант; он знает также, что растрчивает свои жизненные силы и что кончится это плохо. Растиньяк, ловкий карьерист, подлинный гасконец, считает Рафаэля человеком гениальным и вместе с тем глупцом. По мнению Растиньяка, ключ к успеху отнюдь не труд, а интриги, эгоизм, рассеянная жизнь. Проматывая состояние, человек как бы вкладывает его в друзей, в удовольствия, в возможных покровителей. Если расточитель и потеряет свои капиталы, ему, может быть, представится случай выгодно жениться, получить теплое местечко при министре или посланнике. Надо только опираться на друзей. Растиньяк представит Рафаэля графине Феодоре, первой красавице и самой модной женщине Парижа.

Рафаэль влюбляется в графиню. Он не признает любви в нищете.

Ах, да здравствует любовь в шелках и кашемире, окруженная чудесами роскоши, которые потому так чудесно украшают ее, что и сама она, может быть, роскошь! Мне нравится комкать в порыве страсти изысканные туалеты, мять цветы, заносить дерзновенную руку над красивым сооружением благоуханной прически. Горящие глаза, которые пронизывают скрывающую их кружевную вуаль, подобно тому как пламя прорывается сквозь пушечный дым, фантастически привлекательны для меня.

Но как покорить Феодору, когда у него нет даже тридцати франков? Здесь воскресают горестные воспоминания бедного молодого человека. Уж он-то хорошо знает, сколько расходов влечет за собой любовная страсть: кареты, перчатки (ох, до чего непрочны эти

желтые или лимонного оттенка перчатки!), фрак, белье. Но все жертвы напрасны, ибо Феодора — женщина без сердца. Однажды поздно вечером Рафаэль проникает в ее спальню и прячется за занавесом. Он созерцает самое прекрасное тело; он обнаруживает самую низкую душу. «Надо было забыть Феодору, исцелиться от своего безумия, вернуться к заполненному трудом одинокому существованию или умереть».

Говорили, будто сам Бальзак был героем подобной сцены и разыгралась она в спальне Олимпии Пелисье. Но очаровательная куртизанка отнюдь не походила на этот блестящий и насмешливый призрак; Олимпия отдалась бы (она так и поступила) без ложного стыда. Она писала ему более чем дружеские письма. Феодора не была ни Олимпией Пелисье, ни княгиней Багратион, ни мадемуазель Марс, ни какой-либо другой женщиной, она — символ, рожденный в мозгу Бальзака, и в ней воплотились черты доброго десятка женщин.

Рафаэль обращается за советом к различным ученым (медицинские и другие научные книги, прочитанные Оноре, сослужили ему хорошую службу), но шагреневая кожа все уменьшается в размерах, и теперь уже ее можно поместить в жилетном кармане. У Валантена остается только один шанс выжить — он должен походить отныне на старика антиквара и больше ничего не хотеть. Однако, увидев свою возлюбленную полуобнаженной, он пожелал ее. Этот порыв слился с предсмертным хрипом юноши.

Книга получилась прекрасная. Фантастика в ней искусно переплеталась с реальностью, и в этом было новаторство автора. Бальзак создал поэму о своей алчущей обездоленной молодости. И за всем этим таилась глубокая философия. Автор надеялся на успех и добивался поддержки прессы.

Бальзак — Шарлю Гослену:

Я могу взять на себя, и не без пользы: во-первых, «Ган»; во-вторых, «Ревю де Пари»; в-третьих, «Насьональ»; в-четвертых, «Фигаро»; в-пятых, «Мессаже»; в-шестых, «Ревю де Дё Монд»; в-седьмых, «Моду»; в-восьмых, «Котидьен»; в-девятых, «Авенир»; в-десятых, «Волер».

Я берусь проследить за тем, чтобы статьи появились в скором времени и были благожелательны, что намного уменьшит ваши хлопоты как издателя сейчас, когда у вас столько семейных забот.

Чтобы гарантировать себе благожелательность критики, он иногда писал статьи сам. «В этих двух томах талант господина Бальзака достигает гениальности» («Мода»). «Мы не только питаем дружбу к господину Бальзаку, он вызывает у нас восхищение». Подписано: «Граф Алекс де Б.***». (Мнимый граф — сам Бальзак.) Автор предвидел, что первое издание книги быстро разойдется; Гослен должен быть готов к тому, чтобы незамедлительно переиздать ее. В противном случае «вы упустите возможность продать большое число экземпляров, а упущенную возможность в таком деле не вернешь». Книгу и в самом деле невозможно было достать. В читальных залах на нее записывались в очередь.

Шарль Филипон — Бальзаку, 7 августа, 1831 года

Дражайший мой повелитель, вы легко поверите, что «Шагреновую кожу» раздобыть нельзя. Гранвилю, решившему ее прочесть, пришлось отложить все дела, ибо хранитель библиотеки каждые полчаса присылал справляться, не закончил ли он чтение. Этот человек приговаривал по примеру дам: «Вы слишком медлительны! Поторопитесь!» Одибер и я безуспешно пытались достать сию чертову книгу: на нее заранее записываются.

Жан де Маргонн — Бальзаку, 10 августа 1831 года

Пишу вам из Тура, куда я приехал вчера вечером. Нынче утром я спросил «Шагреновую кожу», об успехе которой сообщали газеты; книга прибыла почти сразу же после выхода в свет, но ее так усердно читают, что я никак не мог получить ее.

Аврора Дюдеван и Жюль Сандо писали, что они начали читать «Шагреновую кожу» и оторваться от нее не могут. То было блистательное подтверждение успеха, начало которому положили «Физиология брака» и «Сцены частной жизни». Молодой уроженец Турени, еще три года тому назад никому не ведомый, выпустив три книги, сделался предметом соперничества издателей, баловнем книгопродавцев, излюбленным автором женщин. Наиболее прозорливые люди предсказывали, что он станет великим писателем. «Шагреновая кожа» была не просто занимательной легендой, она давала картину клонящейся к упадку цивилизации. В сцене, изображавшей пиршество у банкира, журналисты и художники высмеивали общепринятые представления и идеи: то был какой-то «шабаш умов». Все им казалось ложью. От дворца и парламента власть переходила к банкам, адвокатам,

редакциям газет. Для столь безнравственного и жестокого мира нужна была сильная власть. Бальзак мечтал создать большой роман, который доказывал бы необходимость политики укрощения.

Все, что он пишет в ту пору, проникнуто подобным пессимизмом. Он обещал издателю Гослену серию фантастических повестей. Они были пропитаны горечью. В «Эликсире долголетия» отец дона Хуана, умирая, просил сына натереть его после смерти таинственным эликсиром, который должен воскресить его... Дон Хуан, уже много лет жаждущий завладеть наследством отца, не выполняет последней просьбы покойного и сохраняет эликсир для себя. Прожив долгую разгульную жизнь, он на пороге кончины в свою очередь просит сына оказать ему услугу, в которой сам отказал отцу. Сын выполняет отцовскую волю, но, испугавшись оживающего трупа, роняет флакон, не успев закончить дело. Церковные власти, засвидетельствовав чудо, торжественно причисляют дона Хуана к лику святых.

В «Красной гостинице» некий немец, находящийся проездом в Париже, вспоминает за обедом у банкира историю преступления, совершенного в 1799 году в Андернахе. Он не подозревает, что убийца, Жан-Фредерик Тайфер, ставший богатым и уважаемым финансистом, сидит с ним за одним столом. Нынешнее благосостояние убийцы покоится на преступлении, которое он совершил в молодости; оно осталось для него безнаказанным, а осужден был невиновный, который также собирался совершить убийство и скомпрометировал себя приготовлениями к нему, но самого преступления не осуществил (мы сталкиваемся здесь с принципом «Шагреновой кожи»: желание, намерение — уже сами по себе действие). Рассказчик угадывает ужасную правду, заметив странное поведение Тайфера, который до такой степени потрясен повествованием Германа, что поспешно выходит из комнаты, у него начинается жестокий нервный припадок. Надо сказать, что сам рассказчик влюблен в дочь убийцы, Викторину Тайфер. Может ли он, не испытывая угрызений совести, жениться на ней и таким образом унаследовать богатство, добытое ценой кровавого преступления? Друзья, у которых он спрашивает совета в столь щекотливом деле, в один голос высказываются за брак. «Что стало бы с нашим обществом, если бы мы

вздумали доискиваться происхождения всякого богатства?»

Друг Бальзака Филарет Шаль написал к «Философским повестям и рассказам» предисловие, в котором хвалил автора не только как рассказчика, но и как мыслителя.

Он видит, как выставляет напоказ блестящие побрякушки пораженное недугом общество, как украшает себя этот умирающий, как судорожно цепляется за жизнь этот полутруп... Противопологая глубокой внутренней опустошенности социального организма эту показную лихорадочную деятельность, его погребальное великолепие, автор счел... что в самом этом контрасте есть некая магия, что весьма интересно показать, как действуют социальные пружины, скрытые под великолепной оболочкой и движимые корыстолюбием... Рассказчик, кладущий в основу произведений тайную преступность, разложение и безнадежную тоску своей эпохи, мыслитель и философ, стремящийся описать разрушения, которые способна причинить мысль,— таков господин де Бальзак.

О такой именно роли и мечтал Бальзак — о роли мыслителя-мизантропа, которому не чуждо при этом веселое остроумие. К ноябрю 1831 года его известность достигает таких размеров, что пробуждает в литературных кругах вражду к нему. Шарль Рабу, сотрудник «Ревю де Пари», предостерегал Бальзака против зависти литераторов и предупреждал его, что Жюль Жанен, влиятельный критик, намеревается остановить стремительное восхождение Бальзака, сама внезапность которого казалась оскорбительной для других: «Он сумел убедить в этом редакцию «Деба», и там ненавидят вас теперь всеми фибрами души. Поднялась целая буря... Ну ничего! Сплотим свои ряды, черт побери!» Молодой Бальзак постигал, что слава писателя отнюдь не доставляет удовольствия его «друзьям». Еще одна утраченная иллюзия.

Злоба пыталась преградить ему путь к успеху. Пресловутая частица «де» давала превосходный повод для насмешек. Он не сразу прибавил ее к своей фамилии; «Шуаны» и «Сцены частной жизни» были подписаны: «Оноре Бальзак». В апреле 1831 года писатель рискнул начертать на обложке политической брошюры «Оноре де Бальзак», но уверял, что это недоброжелатели прибавили «д'Антраг», чтобы поставить его в смешное положение. Ему было суждено всю жизнь служить мишенью для самых нелепых, самых несуразных, самых клеветнических нападок на его личность и на его творчество. Зависть умеряет свое бешенство, только вдоволь насладившись своей низостью.

Однако, несмотря на все препятствия, черты «выдающегося человека» все яснее проступали в облике Бальзака. Еще в те времена, когда писатель по необходимости брался за любую литературную работу, он различал в тумане будущего контуры своего эпического творения. Уже в 1820 году в своей мансарде Оноре строил грандиозные, хотя и расплывчатые планы. Даже тогда, когда Бальзак еще писал в манере Пиго-Лебрена, он помышлял о Данте и Шекспире. Выводя на сцену своих «двойников» — Рафаэля из «Шагреновой кожи», Виктора Морийона из вступления к «Молодцу», — он наделял их гениальностью, которой хотел обладать и которую предчувствовал в себе с самого детства.

Выдающийся человек, даже если он прежде всего писатель, не может оставаться равнодушным к политической и религиозной жизни своей страны. Беспорядки, последовавшие за «тремя славными днями», сцены вандализма, когда обезумевшая толпа громила в Париже архиепископский дворец, оскверненные шедевры религиозного искусства — все это внушило Бальзаку отвращение к Июльской монархии. «Наступит час, когда добрая половина французов станет тайно или открыто сожалеть об уходе этого старца с детской душой и скажет: „Если бы революции 1830 года только еще предстояло совершиться, она бы не совершилась вовсе“». Что послужило причиной кровопролитных мятежей в Лионе? Нищета тамошних ткачей (выделывавших шелка), бесчеловечный эгоизм торговой буржуазии, система производства товаров без заботы об их сбыте. Сторонники Сен-Симона призывали в то время к улучшению участи рабочего класса, к разделу богатств. Бальзака интересует нравственная сторона проблемы. По его мнению, буржуазная посредственность недостойна управлять страной, ибо она думает о собственной выгоде, а не о своем долге. «В государстве нет больше религии, — пишет он и тут же уточняет: — Я не собираюсь читать нравоучения, я говорю о религии с точки зрения высокой политики».

Долгое время его взгляды на религию были двойственными. Под влиянием отца и философов XVIII века Оноре считал догматы и обряды нагромождением предрассудков. Но уже в детстве, в кафедральном соборе Тура и в Вандомском коллеже, он испытывал глубокое волнение, слушая церковные песнопения и гармониче-

ский перезвон колоколов. Нередко он приходил в собор святого Гасьена и в одиночестве внимал «неизъяснимо величавой тишине, стремясь ощутить священный трепет». После 1830 года Бальзак признает политическую необходимость и тактическую полезность католицизма. Религия означает связь, а что еще, кроме общей веры, может связать воедино людей различных классов?

В 1831 году он публикует символическую новеллу «Иисус Христос во Фландрии», на которую его вдохновила старинная брабантская легенда. Время действия новеллы не обозначено, и в эту неизвестную эпоху какое-то суденышко везет пассажиров с острова Кадзан в Остенде. На корме расположились богатые и знатные пассажиры, на носу — бедный люд. В последнюю минуту появляется человек с белокурыми волосами, разделенными прямым пробором, он занимает место среди бедняков. Поднимается ужасная буря. Люди, сидящие на корме, бледнеют и в смертельном страхе отчаянно кричат: «Погибаем!» Владелец суденышка командует: «Вычерпывайте воду!» — и начинается борьба с морской стихией. Судно тонет. Светлоликий Незнакомец возглашает: «Кто верует, тот спасется. Следуйте за мной!» Он шагает по волнам, и те, кто ему поверил, не колеблясь, как и он, ступают по воде. Богачи и знатные идут ко дну. Любопытная черта, характерная для Бальзака: владелец судна, человек действия, а не веры, цепляется за доску, борется изо всех сил, как и подобает человеку, и он тоже спасен. «На этот раз пусть будет так, — говорит ему Незнакомец, — но впредь поостерегись, а не то послужишь слишком дурным примером».

Должен ли человек исполниться смиренной веры? Бальзак прибавляет к легенде еще один аллегорический образ: Церковь. Он грезит в кафедральном соборе, воздвигнутом в память чудесного спасения тонущих, как вдруг какая-то высохшая старуха берет его за руку и кричит: «Защити меня, защити меня!» Она увлекает его в какую-то комнату, обтянутую изодранной обивкой, где лежат старые покровы, позолоченная медная утварь. «Я хочу навсегда даровать тебе счастье, — говорит она, — ибо ты мой сын!» И тогда сквозь морщинистый лик ужасной старухи проступают черты юной женщины, прекрасной и прямодушной, какой она была когда-то. «Ага, теперь я тебя узнаю, — говорит он. — Несчастливая,

зачем ты стала блудницей?.. Оскорбляя человека, радуясь при виде того, до чего может дойти людская глупость, ты приказывала своим возлюбленным ползать на четвереньках, отдавать тебе свое имущество, сокровища, даже собственных жен... Ты без всякой причины погубила миллионы людей, понуждая их устремляться с Запада на Восток. Ты сошла с высот мысли, чтобы усесться рядом с королями... Ты требовала крови, будучи уверена, что получишь ее... Зачем ты живешь?.. Где твои сокровища?.. Что хорошего ты совершила?»

При этом вопросе старуха распрямляется, начинает расти на глазах, светящееся облако окутывает ее; затем она вновь появляется, белоликая и молодая, в одеянии из льняного полотна. «Взирай и веруй!» — произносит она. И тогда его взору предстают тысячи храмов, он любуется их каменной резьбою; в ушах его звучат чудесные мелодии. Миллионы людей устремляются в эти храмы, спасая творения литературы и искусства, помогая беднякам. Потом ослепительный свет меркнет, и юная красавица вновь превращается в отталкивающую старуху, рубище ее похоже на саван. «Веры больше нет!» — с горечью говорит она. И Бальзак заключает: «Я увидел, что кафедральный собор окутался тьмою, как человек, завернувшийся в плащ. Верить, — подумал я, — значит жить! Я недавно наблюдал погребальный кортеж монархии, надо защитить церковь!»

Последнюю фразу писатель прибавит только в 1845 году, при переиздании новеллы. Но под произведением стоит дата: «февраль 1831 года», и этого достаточно, чтобы понять, что представлял собою в ту пору католицизм и монархизм Бальзака. Он увидел, как на корабле, увозившем вместе с Карлом X церковь и монархию, «исчезали также в тумане и одетые в траур искусства». И все-таки, жалея об уходящем в изгнание старом короле, он отдает дань уважения республиканцам; Арман Каррель станет одним из его героев, и Бальзак придаст позднее прекрасные черты Карреля образу Мишеля Крестьяна. Истинное величие (а оно всегда живо в Бальзаке) проявляется в том, что человек признает и почитает также величие своих противников. Впрочем, разве у него были противники? Ведь его гений состоит в том, чтобы все понимать. В этом сила романиста, и в этом же слабость человека действия.

ХІІІ

СУМАСБРОДСТВА И ЗАТВОРНИЧЕСТВО

Мое будущее,— сказал он себе,—
зависит от женщины, принадлежащей
к этому обществу.

Бальзак

Тысяча восемьсот тридцать первый год, принесший Бальзаку литературный успех, казалось бы, должен был принести ему и финансовое благополучие. Писатель получил 1125 франков за «Шагреновую кожу», 3750 франков за «Сцены частной жизни», 5250 франков за «Философские повести и рассказы» и «Озорные рассказы», 4166 франков за статьи в журналах и газетах, то есть всего 14 291 франк — гораздо больше, чем нужно холостяку, чтобы жить на широкую ногу. Между тем его долги возросли еще на 6000 франков. К концу года их общая сумма составляет 15 000 франков (не считая 45 000 франков, которые он задолжал матери). Почему так произошло?

Потому что он совершенно не умеет противостоять соблазнам. Долгое воздержание рождает стремление к излишествам. Подобно Рафаэлю де Валантену, Бальзак многие годы мечтал о пышных пирах, об экипаже с мягким сиденьем, о великолепных лошадях. Теперь он хочет превратить эти грезы в действительность. Счета за шампанское и различные яства от ресторатора растут с головокружительной быстротою; под влиянием Эжена Сю и его приятелей Бальзак становится не то чтобы денди, ибо его отвращают «благоглупости, которые англичане совершают у себя с торжественным и хладнокровным видом», но «человеком, следующим моде». Портной Бюиссон сшил ему нового платья на 631 франк: Оноре заказал ему три белых халата — в этом свободном одеянии, напоминавшем монашескую сутану, писатель, опоясавшись золотым шнуром с кистями на конце, работал. Своего издателя, Юрбена Канеля, он просит прислать в уплату за новеллу двенадцать пар лайковых перчаток лимонного цвета (ох уж эти светло-желтые перчатки, он ими просто бредит!) и пару перчаток из оленьей кожи. Счета книгопродавцев и самых прославленных переплетчиков не менее разорительны.

Затем в сентябре 1831 года он совершает последнее безрассудство — покупает лошадь, кабриолет, фиолето-

вую полость с вензелем и короной, вышитыми козьей шерстью; месяц спустя он приобретает вторую лошадь. Для ухода за ними нужен слуга, грум, или, как в ту пору выражались, «тигр»; на эту должность Бальзак нанимает миниатюрного Леклерка, для которого Бюиссон сошьет голубую ливрею, зеленую американскую куртку с красными рукавами и тиковые панталоны в мелкую полосу. В таком экипаже можно поехать и в Оперу, и к Итальянцам — словом, достойно выглядеть рядом с Латур-Мезрэ или Эженом Сю.

Латур-Мезрэ играет в ту пору довольно видную роль в жизни Бальзака. Этот король парижской моды, с которым Оноре дружит, одновременно становится для писателя прототипом его персонажей. Сын нотариуса из Аржантана, Латур-Мезрэ воспитывался вместе с Эмилем де Жирарденом в коллеже этого городка; он принимал деятельное участие в изданиях школьного товарища, ставшего магнатом прессы, — в журналах «Волер», «Мода». Высокий, с обрамлявшей лицо бородкой и непокорной прядью темных волос, язвительный и надменный, провинциал Латур-Мезрэ покорила Париж. Этот светский лев смотрел на парижские бульвары как на свою империю, на кафе Тортони — как на таверну дьявола, на Оперу — как на гарем. Здесь он вместе с друзьями занимал ложу-бенуар возле самой сцены; ее позднее окрестили «инфернальной ложей». У Бальзака также одно время было там свое место, но затем он перестал вносить долю, хотя приятели потребовали от него уплатить деньги, прислав дерзкое письмо, адресованное «Господину де Бальзаку д'Антраг де ла Гренадьер». Каждый день Латур-Мезрэ украшал петлицу своего фрака белой камелией. Это стоило недешево, и благодаря цене цветка и неизменности привычки камелия в петлице стала «отличительным признаком светского льва». Маниакальные пристрастия приносят известность скорее, нежели добродетели и талант.

От Латур-Мезрэ неотделима знаменитая чета Жирарденов. Всесильный Эмиль женился в 1831 году на дочери Софи Гэ. Его жена Дельфина в девические годы была златокудрой и смеющейся музой юных романтиков. Став госпожой де Жирарден, она полновластно царилла в небольшом кружке; быть принятым там после спектакля в Итальянской опере или перед балом счита-

лось не только удовольствием, но и честью; в гостиной, обтянутой зеленоватым шерстяным штофом, собирались Ламартин, Гюго, Сю, Дюма и любимец Дельфины Бальзак. «О, до чего забавен был вчера Бальзак!» — говорила она Латур-Мезрэ, и тот слегка завидовал. Бальзак, уже завоевавший популярность у читающей публики, молодой писатель и талантливый журналист, придавал немало блеска газетам и журналам Жирандена.

Вскоре нашему новоявленному маркизу Карабасу жилище на улице Кассини показалось слишком тесным. Он снял во флигеле еще один этаж. Отсюда — очередные счета от маляра, декоратора и, естественно, опять мебель, ковры. Главным образом ковры — пушистые, мягкие, разорительные. Экая важность! Ведь ветер-то дует в корму. Жиранден писал Бальзаку: «Мы отправляемся к издателю, который своим состоянием обязан вам». И все же те, кто любит Оноре, обеспокоены его долгами — старыми и новыми — и рассеянным образом жизни, который он ведет. Преданная сестра Лора Сюрвиль посылает ему немного денег, но при этом восклицает: «Берегись!» И просит: «Будь благоразумен!» Зюльма Карро, живущая, точно в изгнании, при Ангулемском пороховом заводе, сожалеет, что человек столь выдающегося ума возвращается в свете, который, по ее мнению, недостойн его.

Зюльма Карро — Бальзаку, 8 ноября 1831 года:

Прошло уже и 20 августа, и 20 сентября, а затем и 20 октября; я все ждала вас, но тщетно: ни одного слова, ни одного свидетельства, что вы помните меня! Нехорошо это, Оноре. Я была сильно огорчена, хотя и не отнесла еще вас к числу тех друзей, которых мы уже не решаемся называть друзьями с той поры, как покинули Политехническое училище. Одно только и смягчило для меня горечь столь полного забвения: я приписываю его лишь новым успехам, которых вы, без сомнения, за это время добились... Вы по-прежнему можете рассчитывать на меня, когда почувствуете потребность излить душу. Карро говорит, что вы просто боитесь набраться провинциальной вульгарности; но, дорогой Оноре, если в Париже вы можете вести привычный для вас изысканный образ жизни, находите ли вы там настоящую привязанность, которую всегда встретите у нас, во Фрапеле?..

Посвятив себя описанию чувств вымышленных персонажей, вы поневоле пренебрегаете не менее ценным сокровищем — собственными чувствами. Вот почему я остерегусь прибавить к бремени, и без того слишком тяжкому, те требования, о которых говорю; я не хочу и никогда не хотела той нежной дружбы, какую вы предлагаете женщинам... Я притязую на чувства более возвышенные.

Да, Оноре, вы должны уважать меня в такой степени, чтобы, так сказать, держать в резерве; и если какая-либо несбывшаяся надежда омрачит вашу радость, если разочарование ранит ваше сердце, тогда вы призовете меня и увидите, что я достойным образом отвечу на ваш зов.

Славный доктор Наккар время от времени дает Оноре в долг без отдачи четыреста или пятьсот франков и при этом пишет ему: «Продолжайте свой путь к величю — во славу родины и на радость друзьям». К концу 1831 года Бальзак потратил раза в три больше, чем за предыдущий год. Зато он и пожил в свое удовольствие. Каким счастливым, должно быть, чувствовал себя тот самый молодой человек, который совсем еще недавно был никому не известен, беден и с высоты кладбища Пер-Лашез бросал вызов Парижу, а теперь сидел в кафе Тортони за одним столиком с прославленными парижанами, модными писателями и красивыми куртизанками вроде Олимпии Пелисье! Он знал, что его пылкое остроумие ценят.

Олимпия Пелисье — Бальзаку, 2 января 1832 года:

Могу ли я рассчитывать на вас в следующий понедельник, 9 января? У меня будет обедать Россини. Не правда ли, приятно начать год в таком обществе? Вот почему я особенно надеюсь на ваше любезное согласие. После отдыха вы, верно, будете в ударе.

А вот еще одно письмо, присланное ему несколько месяцев спустя.

Дельфина де Жирарден — Бальзаку, 9 мая 1832 года:

Мы вас целый век не видели. Приходите к нам завтра вечером, расскажете, что у вас новенького. Вас будет ждать страстный поклонник последней вашей книги и добрые друзья, которые не могут простить, что вы их забываете... До завтра, хорошо?

Без сомнения, за кулисами этой бесподобной жизни таилась тревога из-за неоплаченных счетов, страх перед судебными приставами, бедствующие родные, но чем больше у человека забот, тем больше он хочет забыться. В глубине души этот уже известный писатель все еще оставался неунывающим мальчишкой. Он наслаждался внешними признаками триумфа, этим пиршеством ума и чувств. Он так жаждал славы, что теперь упивался своим успехом; бедность была для него столь мучительна, что он просто смаковал роскошь, пусть даже приобретенную в долг. Бальзак играл сейчас новую роль —

роль триумфатора. А когда дела его начинали идти из рук вон плохо, он покидал сцену и вручал бразды правления матери; охая и жалуясь, она все же проявляла самоотверженность и наводила кое-какой порядок в доме сына. Для самого же Оноре наступала пора затворничества: он находил приют либо в Булоньере у госпожи де Берни, либо в Саше у Жана де Маргонна, либо в Ангулеме у Зюльмы Карро — здесь он чувствовал себя в безопасности от кредиторов и писал для вечности.

Бальзаку, этому раблезианцу, была несвойственна показная добродетель, но он считал, что писатель, насколько это возможно, должен соблюдать целомудрие. Человек, избегающий плотских наслаждений, сохраняет силы, мысли его становятся более возвышенными. Тем не менее у него по-прежнему были две любовницы. Лора де Берни все еще для него *Dilecta*: эта незаменимая помощница при чтении корректур, как всегда, была ласковой и любящей. Герцогиня д'Абрантес дорожила им потому, что он помогал ей в литературных занятиях, и потому, что он развлекал ее. Кроме того, Бальзак получал множество писем от незнакомых читательниц его романов. В октябре 1831 года пришло очередное письмо; оно было подписано вымышленным английским именем и поразило его. Письмо было адресовано: *Париж, господину Бальзаку*. Почта каким-то чудом разыскала Бальзака сперва на улице Кассини, а затем в Саше. Тайнственная корреспондентка упрекала писателя за цинизм «Физиологии брака» и за его несправедливые суждения о женщинах. В ответном письме Бальзак благодарил ее; он говорил: «Ваши укоры косвенно льстят мне, ибо они свидетельствуют о сильном впечатлении, произведенном моими книгами».

Для женщины, уже изведавшей жизненные бури, смысл моей книги в том, что вину за все прегрешения, совершенные женами, я полностью возлагаю на их мужей. Это безоговорочное отпущение грехов. Не думайте, что ваше письмо, где так много трогательных жалоб, естественных для женского сердца, оставляет меня равнодушным; симпатия, возникшая в душе читательницы, живущей так далеко от меня, — истинное сокровище, все мое богатство, она дарует мне самые чистые радости.

Тронутая столь щедрым посланием (четыре страницы большого формата, написанные таким занятым человеком, — немалая честь!), корреспондентка открыла свое настоящее имя. То была маркиза де Кастри, урожденная

Клэр-Клеманс-Анриетта де Майе; она принадлежала к самой изысканной аристократии Сен-Жерменского предместья. Жизнь этой женщины могла бы послужить сюжетом для романа. Ее брак с маркизом (впоследствии герцогом) де Кастри был несчастлив; в 1822 году она повстречала Виктора фон Меттерниха, сына австрийского канцлера, очаровательного и хрупкого юношу романтического склада. Маркиза де Кастри обожала его. Расставшись с мужем, она стала жить с Виктором, и от этой связи в 1827 году у нее родился сын Роже. По просьбе канцлера, деда мальчика, австрийский император даровал дворянство этому незаконнорожденному ребенку, ставшему впоследствии бароном фон Альденбургом.

Вскоре маркиза де Кастри упала с лошади и серьезно повредила себе позвоночник, она на всю жизнь осталась почти калекой. В 1829 году ее возлюбленный, Виктор фон Меттерних, умер от чахотки. Разбитая телом и душою, осуждаемая светом, который не желал простить ей скандальной связи, Анриетта жила то в замке Лормуа у своего отца герцога де Майе, то в замке Кевийон у своего дяди герцога Фиц-Джеймса. Фиц-Джеймс, знатный вельможа, состоявший в родстве с династией Стюартов (в Англии частица «Фиц» указывает на то, что ее обладатель — незаконнорожденный потомок члена королевского дома), встречал Бальзака у Олимпии Пелисье. Так что маркиза знала, какому человеку она адресует свое послание.

Во втором письме она пригласила Бальзака нанести ей визит. Он выразил глубокую признательность за этот знак доверия.

Бальзак — маркизе де Кастри, 28 февраля 1832 года:

В жизни редко встречаешь благородное сердце и подлинную дружбу; я же в особенности не избалован искренним отношением людей, на поддержку которых мог бы опереться, и принимаю ваше великодушное предложение, хотя боюсь, что много потеряю в ваших глазах при личном знакомстве. Не будь я по горло занят срочной работой, я поспешил бы выразить вам свое глубочайшее уважение с той сердечной откровенностью, какая вам так дорога; однако, хотя я давно уже веду упорную борьбу против невзгод, которыми порядочный человек может только гордиться, мне надо сделать еще немного усилий, и лишь тогда я завоюю право на несколько свободных часов, когда не буду чувствовать себя ни литератором, ни художником, а смогу быть самим собою; эти-то часы, если позволите, я хочу посвятить вам.

Вождеденный час наступил, и Бальзак был просто потрясен встречей. В пору своего злополучного замужества маркиза де Кастри была так свежа, так хороша собой, ее рыжие волосы так оттеняли белоснежный лоб, что, «когда эта двадцатилетняя красавица в ярко-красном платье, открывавшем плечи, достойные кисти Тициана, переступала порог гостиной, она буквально затмевала сияние многочисленных свечей», — вспоминает Филарет Шаль. В 1832 году маркизе, по ее словам, было тридцать пять лет, после злосчастного падения с лошади она с трудом передвигалась, но все еще сохраняла красоту и очарование. А потом, как приятно было въехать во двор великолепного особняка на улице Гренель-Сен-Жермен, восседая с хлыстом в руке в новом кабриолете, на запятках которого пристроился грум в яркой ливрее! Тем не менее после первого визита Бальзак как будто бы пошел на попятный: «Как ни сладостно сочувствие женщины, оно ранит еще больше, чем насмешка; когда порыв души и воображение сливаются воедино, это может далеко завести. А так мне удастся сохранить о вас воспоминание, исполненное чарующей прелести».

Было ли это тонко обдуманное кокетство писателя? Так или иначе, но он опять появился у своей новой приятельницы и преподнес ей несколько рукописей: «Мировая сделка» («Полковник Шабер»), «Поручение» и «Свидание».

Бальзак — маркизе де Кастри, между мартом и маем 1832 года:

Но довольно о моих литературных делах. Теперь, пожалуйста, позвольте выразить вам свою признательность, глубокую признательность за те часы, которые вы мне посвятили. Они навсегда запечатлелись в моей памяти, как дотоле незнакомые стихи, как мечты, что рождаются в минуты небесного блаженства или те минуты, когда слушаешь прекрасную музыку. Я бы сказал вам, что начинаю страшиться столь сладостных и пленительных мгновений, если бы вы, как мне кажется, не стали выше таких банальных комплиментов; вам нельзя льстить, а нужно говорить только правду, это и будет свидетельство самого почтительного уважения.

Он уже лелеет безрассудные надежды. Стать любовником одной из самых недоступных аристократок — какая победа! «Одержимый неистовым чувством, в котором тщеславие причудливо перемешивалось с любовью, Бальзак был в ту пору будто околдован этой женщиной», — пишет Бернар Гийон. Он никогда не понимал

любви в бедности. Утонченность и изысканность маркизы приводили его в восторг. Госпожа де Кастри, казалось, испытывала к нему нежную привязанность, она до поздней ночи позволяла ему оставаться у нее в будуаре, но держала его на почтительном расстоянии. 16 мая 1832 года она послала Бальзаку в день его ангела чудесный букет цветов. Он не переставая благодарил ее за «сладостные часы», которые она ему «дарила», и заканчивал свои письма словами: «Нежная дружба». Дела, казалось, принимали хороший оборот. Но этот успех стоил ему многих вечеров, которые он мог бы отдать работе.

Следует ли считать, что он начал публиковать статьи в новой газете легитимистов — «Реноватер» — из желания угодить маркизе де Кастри? В числе людей, стоявших во главе этой партии, был герцог Фиц-Джеймс. Разумеется, Бальзак находил удовольствие в том, чтобы ставить свой талант на службу друзьям, благосклонность которых ему льстила. Госпожа де Кастри умела удивительно тонко сочетать похвалу с нежностью. «Я могу сколько угодно сожалеть о вашем отсутствии, но никогда не позволю себе причинить ущерб вашим трудам, которыми я так восхищаюсь. Я люблю читать все, что выходит из-под вашего пера. Нынче утром, едва пробудившись, я с восторгом пробежала «Реноватер»; и все-таки, думается, я люблю еще больше слушать вас». Без сомнения, в размягчающей атмосфере особняка на улице Гренель-Сен-Жермен Бальзак начинал думать, что бесспорное превосходство столь утонченной аристократии — естественная гарантия ее политической правоты.

Но главное — он по-прежнему был сторонником сильной власти. Бальзак неизменно считал, что распоряжаться всем должен один человек, воплощающий в себе энергию нации. Будет ли он именоваться Бонапартом или Карлом X, императором, диктатором или королем — для Бальзака не имело значения. В упрек Июльской монархии он ставил прежде всего ее слабость. Он осуждал сторонников крайних взглядов в среде своих новых друзей-легитимистов, тех, кто призывал не принимать никакого участия в выборах; но герцог Фиц-Джеймс проповедовал более гибкую политику, которая позволяла использовать парламентскую трибуну. Этот умный вельможа выступал против «внутренней эмиграции». Он согласился принести присягу на верность Луи-

Филиппу, ибо того требовало благо Франции. Но он отказался от титула пэра, рассчитывая стать депутатом нижней палаты, если избиратели какого-нибудь уголка Франции пожелают, чтобы их интересы представлял «человек, который всегда, не колеблясь, говорил правду в лицо». Такая мудрая, искусная и вместе с тем высокомерная политика отвечала честолюбивым устремлениям самого Бальзака.

Переход писателя «на сторону правых» сильно огорчил его друзей-либералов. Амедей Фоше из Тура сетовал: «Итак, вы окончательно сделались легитимистом! Поверьте, напрасно вы защищаете это недостойное дело, у которого нет будущего в нашей стране. Как ни скверно обстоят дела, они никогда не будут обстоять до такой степени скверно, чтобы на сцене появился Генрих V в окружении своры церковников и спесивых дворян». Зюльма Карро, любившая Бальзака, выговаривала ему.

Зюльма Карро — Бальзаку, 3 мая 1832 года:

Неужели вы никогда не откажетесь от столь беспокойного образа жизни, милый Оноре?.. Подобно алхимику, вы лишь без толку потратите свое золото, но ничего не найдете на дне тигля.. Оноре, как писатель вы уже приобрели известность, но вам предначертан жребий более завидный. Суетная слава не для вас, ваши помыслы должны устремляться выше. Если бы я решилась, я бы сказала прямо, почему вы так бессмысленно растрачиваете свой незаурядный ум! Послушайте меня, предоставьте вести рассеянную жизнь тому, у кого нет иных достоинств, или же тем, кто хочет таким путем забыться, чтобы не терзали нравственные муки. Но вы, вы!.. Я не заканчиваю своей мысли, ибо чувствую, что, быть может, злоупотребляю данным мне вами правом, но как бы я гордилась вашей истинной славой, славой, как я ее понимаю!..

Мне сказали, что вы с головой погрузились в политику. О, берегитесь, берегитесь же! Я ваш друг, и мне страшно за вас. Вам не подобает служить отдельным лицам; видеть в этом свою славу может только тот, кто жил в близком общении с сильными мира сего. Личная привязанность может тогда оправдать слепую верность. Но ваша слава вас переживет, так отдайте же себя на служение какому-либо высокому принципу, достойному вашего глубокого ума и более отвечающему вашим привычкам. А защищать отдельных лиц предоставьте придворной челяди и не замарайте своей подлинной славы, поддерживая их... Дорогой, бесконечно дорогой Оноре, уважайте самого себя, если даже вам придется для этого пожертвовать чистокровными английскими скакунами и старинной мебелью.

Эта пламенная республиканка была права, и в глубине души он это понимал. Но есть ли человек, который может устоять перед соблазном? Бальзак был ненасы-

тен более чем кто-либо. После одной книги — еще десять других; после одной женщины — другая; после успеха — триумф! Было нечто вульгарное в этой неиссякаемой жажде наслаждений, в стремлении взять реванш, в непрерывных подсчетах тех материальных благ, которые может принести литература, в необузданной жадности к коврам, картинам, мебели. Но, вождедея ко всему этому, он был способен отказаться от всего ради творчества. Вдохновение и одержимость художника всякий раз, когда это было необходимо, превращали жуира в затворника.

Бальзак — Эюльме Карро:

Целый месяц я не отойду от письменного стола: я швыряю ему свою жизнь, как алхимик бросает свое золото в тигель.

В другой раз он писал ей:

Я живу под игом самого беспощадного деспотизма — того, на который обрекаешь себя сам. Я тружусь день и ночь... Никаких удовольствий... Я невольник пера и чернил, настоящий торговец идеями.

Бальзак ложится в шесть вечера, приказав разбудить себя в полночь, а затем пишет двенадцать или пятнадцать часов кряду; много ли остается у него времени для развлечений? Случается, он вечером идет к Жирарденам, или в Оперу, или принимает участие в холостяцком обеде, но ведь происходит это после многих недель затворничества — так гуляет на берегу матрос, попав в порт после долгого плавания. Пусть даже Бальзак без конца толкует о договорах с книгопродавцами и о своих доходах, но это вовсе не означает, что он работает прежде всего для денег. Он правит одну корректуру за другой, дописывает на полях целые куски, зачеркивает, вычеркивает и перечеркивает — так может поступать только очень требовательный к себе художник. С Бальзаком суетным отлично уживается Бальзак глубокий. Эюльма не обнаруживает этого глубокого Бальзака в его письмах? Ей следовало бы искать в его книгах.

Лора де Берни со своей стороны хочет, чтобы он жил вдали от Парижа. Ей уже исполнилось пятьдесят пять лет — возраст для возлюбленной довольно солидный. Герцогиня д'Абрантес, казалось бы, если и не полностью устранена, то, во всяком случае, нейтрализована. В апреле — мае 1832 года госпоже де Берни удалось увезти Бальзака в Сен-Фирмен, в дом, расположенный на опу-

шке леса Шантильи. Там, в великолепном порыве вдохновения, он написал «Турского священника» и закончил «Тридцатилетнюю женщину».

«Турский священник» одновременно и превосходная повесть и акт мужества. Заурядную историю о незаметном соборном викарии аббате Бирото, человеке простодушном и недалеком, которого выживают из дому злобствующая старая дева и интриган-каноник, мечтающий о сане епископа, Бальзак превратил в широкое полотно, где запечатлены все социальные слои Тура, показаны тайная власть Конгрегации и скрытое влияние черного духовенства. Ценный документ для истории Реставрации, эта повесть свидетельствовала также об удивительном знании душ и помыслов этих, казалось, скромных служителей церкви, обладавших огромной властью. Конечно же, Бальзака вдохновляла *Dilecta*.

Возвратившись в Париж, он обнаружил, что город в тревоге. Свирепствовала холера; герцогиня Беррийская высадилась в Вандее. Бальзак возмущался, что правительство не посоветовалось с «ясновидящими» — они бы тотчас же указали на причину эпидемии. Едва вернувшись в столицу, он стремится вновь ее покинуть. Господи! Как ошибаются те, кто считает его светским человеком! Чего он жаждет? Жизни в деревне с идеальной супругой. Жениться на Элеоноре де Трюмильи ему не удалось. И теперь он подумывал о молодой и очень богатой вдове, баронессе Дербрук, в девичестве Каролине Ландриер де Борд. Он надеялся встретиться с нею летом у Маргоннов, в замке Саше. Что может быть лучше вдовы? Она обладает собственным состоянием и некоторым любовным опытом. В конце мая с ним произошел несчастный случай — уже во второй раз его тильбюри опрокинулось. Первой жертвой была (в апреле) Дельфина де Жирарден.

Бальзак — госпоже Жирарден, 31 мая 1832 года:

Как видно, нам обоим, сударыня, было суждено познакомиться со всеми особенностями тильбюри, даже с самыми неприятными: неподалеку от того места, где сей экипаж так неделикатно обошелся с вами, я вошел в прямое соприкосновение с героической мостовой знаменитого Июля. И эта голова, эта великолепная голова — словом, голова, которую вы прекрасно знаете, оказалась в самом плачевном состоянии, я даже не уверен, не сломалась ли какая-нибудь шестеренка в моем мозгу.

В мозгу у него ничего не сломалось, но доктор Наккар уложил Бальзака в постель, сделал ему кровопускание, назначил строгую диету и запретил писать, даже думать. В июне писателю еще сильнее захотелось бежать из Парижа. С одной стороны, для того чтобы укрыться от кредиторов, от денежных неприятностей, от жалоб книгоиздателей, словом, от всех забот, которые он переложил на свою злосчастную мать: он поселил ее у себя и облек всеми полномочиями; с другой стороны, Бальзак стремился отдалиться от герцогини д'Абрантес, которая хотела вновь заставить его работать на нее, а у него не было для этого ни времени, ни желания; и, наконец, он мечтал уехать для того, чтобы писать, ибо в нем уже зрели сюжеты нескольких романов. Маркиза де Кастри пригласила его приехать в августе в Экс-ле-Бэн, где она собиралась жить, и позднее сопровождать ее в поездке по Швейцарии и Италии. «Ну как?» — с гордостью писал он госпоже Бальзак, своей управительнице, которой поверял сердечные тайны. Слова эти, обращенные писателем к родной матери, звучат почти трогательно, если вспомнить, как сурово она судила о сыне в недалеком прошлом.

У него не было денег для поездки в Экс; затворническая жизнь в Саше позволила бы ему скопить некоторую сумму. Решено, он поживет у гостеприимных Маргоннов. Правда, жена владельца Саше, набожная горбунья, нагоняла на писателя смертельную скуку, но зато к его услугам была удобная комната, отличный кофейник, лампа у изголовья — и относительный покой.

Впрочем, вскоре у него появился еще один повод радоваться тому, что он покинул Париж. В столице происходили волнения. Видные легитимисты — Шатобриан, Берье, Ид де Невиль и даже герцог Фиц-Джеймс — были арестованы после Вандейской авантюры герцогини Беррийской.

Через десять дней именитые узники были выпущены на свободу, но аресты привели в восторг госпожу де Берни, которая писала Бальзаку: «Раз партия этих людей потерпела поражение, тебе следует избрать для себя другую». Она ненавидела легитимизм, потому что связывала его с именем Анриетты де Кастри. Находясь вдали от молодого любовника, Лора де Берни жила в это время в департаменте Ньевр, у своего старинного друга,

генерала Аликса, славного человека, но глухого, как те-терев, и весь день попыхивавшего трубочкой. Там она работала для Бальзака, читала и правила груды коррек-тур, предлагала свои исправления для «Сцен частной жизни» и предостерегала его против козней «этих особ» из Сен-Жерменского предместья.

И все-таки ужасный страх порою сжимает мое сердце; я думаю, что, если *некая дама* пригласит тебя письмом приехать к ней, ты, чего доброго, примешь такое предложение. Разве другая дама не заставила тебя в свое время возвратиться из Тура в Версаль, что-бы утешать ее в горе, которое она из эгоизма всячески преувеличи-вала? А сейчас положение гораздо более серьезное, и твое тщесла-вие, к несчастью, не дремлет, оно кипит в тебе, оно влияет на твои поступки тем сильнее, что ты не отдаешь себе отчета в его могу-ществе. Мой милый, мой любимый, мой друг, сын мой возлюблен-ный, ты должен внять доводам разума, который для того, чтобы ты услышал его, говорит моими устами,—голос более дружеский никогда не коснется твоего слуха. Пойми же, что эти люди не да-дут тебе ни одного из тех трех или четырех тысяч экю, которые тебе совершенно необходимы; пойми же, что, если даже они ока-жутся победителями, это ничего не изменит, потому что они всегда бывали *неблагодарны из принципа* и они не изменятся ради те-бя, друг мой; им свойственны все недостатки, порожденные эгоиз-мом, все коварство, все козни, присущие нищим духом; они пи-тают пренебрежение, почти презрение к людям, в чьих жилах не течет голубая кровь. Милый! Ради всего, что тебе дорого, ради твоей славы, ради твоего будущего счастья, ради моего покоя (а ведь ты любишь меня) молю тебя, не верь им, не полагайся на них.

Отчего он не приезжает к ней? Генерал Аликс пред-лагал ему стол и кров и сулил посвятить в тайны высо-кой политики Бонапарта. Как хорошо было бы жить вместе, вдали от света, в котором нет места чувстви-тельным и возвышенным душам! Госпожа де Берни по-преж-нему верит в «его нежное сердце», но легко ли сохра-нить чистоту чувств, когда вокруг столько испорченных людей? «Сцены частной жизни» пробуждали в ней ми-лые воспоминания: «Я помню, при каких обстоятельст-вах ты читал мне тот или иной отрывок и что ты о нем говорил; я помню, друг мой, какие слова любви рожда-лись при этом; и тогда я находила сладостный приют в твоей душе и на твоей груди... Помнишь, милый?..»

Она все еще была полна страсти! «Я по-прежнему чувствую себя твоей возлюбленной и в мыслях предаюсь нашим нежным ласкам. Целую тебя бессчетно». Не-сколько дней спустя она писала: «О мой милый! Мой дорогой! Мой обожаемый властелин! Прими же вновь

дань страсти, зажженной в моей груди тобою, прими ласки возлюбленной, созданной для тебя. О, мы скоро свидимся, я уповаю на это; было бы ужасно, если бы другие собирали чудесные цветы, аромат которых доходит сюда и пьянит меня; их живая красота переполняет мою душу блаженством; о, с какой любовью я обрывала бы их лепестки, прильнув к твоей милой груди». Но любит ли он ее по-прежнему? Не отдал ли свое сердце другой? Она надеялась, что умрет прежде, чем это случится: «Мой обожаемый, мой любимый, как мучительно, как невыносимо жить, цепляясь за человека, которому твоя жизнь больше не нужна». С мужем она рассталась, дети жили недружно и терзали ее, у нее оставалось теперь только одно — возлюбленный: «Я чувствую себя совершенно разбитой».

Бальзаку приходилось выслушивать и другие сетования: мать, которую Оноре бесцеремонно нагружал различными поручениями, горько жаловалась на это. То он требовал, чтобы она отыскала среди бумаг копию какой-то рукописи для книгоиздателя Мама, то писал: «А затем, милая матушка, мне нужны летние панталоны. Бюиссон, должно быть, их уже сшил». Или сообщал: «Я пришлю тебе с дилижансом, прибывающим в среду утром, пакет, куда вложу рукопись повести для Гослена («Луи Ламбер»)». А ублаготворив Гослена, я быстро управлюсь с «Битвой»... Говори всем, кто будет приходить за деньгами, что я путешествую и возвращусь 15 августа». Между двумя поручениями он делился со своей «любезной матушкой» планами женитьбы на вдове Дербрук. К несчастью, вдовушка, о которой он грезил, не приехала в Турень, но Бальзаку (пославшему ей «Сцены частной жизни») казалось, что все обстоит хорошо: «Она прислала мне коротенькое вежливое письмецо и поблагодарила за книгу». У него чудесная способность принимать свои желания за надежный залог счастья.

Так или иначе, но брак этот не мог состояться в скором времени, а долги надо было платить немедленно. Приходилось идти на жертвы.

Бальзак — своей матери:

Если можешь, продай лошадей; если хочешь, откажи от места Леклерку; уплати ему сперва жалованье и уволь.

Надо было выиграть полгода:

„ибо никогда еще мое положение не было столь прочным. Ранно или поздно литература, политика, журналистика, женитьба либо какое-нибудь грандисзное начинание помогут мне в конце концов разбогатеть. Нам уже немного осталось страдать. О, пусть бы я страдал один! Ведь если бы не госпожа де Берни, то за минувшие четыре года я бы уже раз двадцать потерпел полный крах. Однако теперь и ты немало страдаешь и невольно становишься одной из причин моих тайных мук... Ты просишь писать обо всем подробнее, но, милая мама, разве ты еще не поняла, как я живу? Когда я в состоянии писать, то сижу над рукописями; когда же не пишу, то обдумываю будущие произведения. И всякий раз, когда какое-нибудь дело, обязательство, привязанность не дают мне написать лишнюю страницу, для меня это просто гибель.

Бальзак был прав. Извольте создавать воображаемый мир, когда мир реальный постоянно вторгается, напоминает о себе неприятностями и упреками! Но и несчастной, пожилой и больной женщине, которая делала все, что было в ее силах, и которую сын непрерывно тормозил, приходилось нелегко.

Бальзак — своей матери, 19 июля 1832 года:

Нынче утром я уже собрался было мужественно приняться за работу, как вдруг прибыло твое письмо и совершенно выбило меня из колеи, обидно до слез. Неужели ты думаешь, что художник может целиком отдаваться творческим замыслам, если вдруг ему живо напомнить о всех его невзгодах, как это сделала ты? Неужели ты думаешь, что, если бы я сам не помнил о них, я работал бы с таким неистовством?.. Прощай... Прощай!..

Госпожа Бальзак до такой степени обескуражена тем, что творится в доме ее сумасбродного сына, что Лора Сюрвиль вынуждена вмешаться, она просит Оноре побережь мать. Бальзак, добрый по натуре, растроган до слез, во всяком случае на то время, пока пишет письмо.

Бальзак — Лоре Сюрвиль, 20 июля 1832 года:

Бедная матушка! Поверь, у меня просто сердце кровью обливается, как подумаю, что она болеет и страждет. Это-то и придает мне мужество, заставляет работать с адским упорством... Беда только, что она наделена не меньшим воображением, чем я: минутами она видит только нужду и трудности, а минутами — только триумф. Ну да я ей все прощаю и люблю ее больше, чем когда бы то ни было. Передай ей это, милая Лора; вот я пишу тебе эти строки, а на глаза у меня навертываются слезы.

В оправдание Бальзаку можно сказать, что именно в Саше он написал «Биографические заметки о Луи Ламбере» — произведение, которое, как он надеялся, позволит ему сравняться с Гёте и Байроном, создателями «Фауста» и «Манфреда». «Луи Ламбер» должен был

стать грозным ответом недругам Бальзака и «дать им почувствовать неоспоримое превосходство» писателя. В книге был нарисован портрет чудо-ребенка, в котором соединялись черты Бальзака — воспитанника Вандомского коллежа и Бальзака — обитателя мансарды. Автор заставляет своего вымышленного героя, подростка Луи Ламбера, читать те книги, которые он сам читал, когда был уже гораздо старше — между пятнадцатью и двадцатью пятью годами, и мыслить так, как мыслил он в 1832 году в возрасте тридцати трех лет. Но в основе своей философские взгляды Бальзака мало изменились, и тот, кто хочет понять, как формировалось мировоззрение писателя, должен внимательно прочитать «Луи Ламбера».

«Ветхий и Новый завет попали в руки мальчика, когда ему было всего пять лет; и эти две книги, в которых заключено столько книг, определили его судьбу... С этого времени чтение для Луи стало чем-то вроде жажды, которую ничто не могло утолить». Луи испытывает непреодолимую склонность к мистическим книгам. «Наш дух — бездна, и ему нравится погружаться в бездну». У Ламбера есть тайна, это — *ясновидение*, способность необычайно ярко представлять себе то, о чем он читает, или то, о чем ему рассказывают, он великолепно знает людей и события, которых в жизни не видал и свидетелем которых не был. Читая рассказ о битве при Аустерлице, Луи Ламбер слышит грохот орудий, крики сражающихся, храп испуганных лошадей, он вдыхает запах пороха; перед ним проходят картины, подобные видениям Апокалипсиса. Целиком погружаясь в чтение, Ламбер забывает о внешнем мире. Но при желании он может также порою сосредоточивать все свои силы на избранной им цели, и тогда он становится несокрушим. Если он хотел живо представить себе, что испытывает человек, когда в тело его вонзается лезвие перочинного ножа, то ощущал жгучую боль. «Мысль, причиняющая физические страдания... Каково! Что ты об этом скажешь?»

Философские взгляды Луи Ламбера — это взгляды самого Бальзака; он разделял эзотерическую доктрину кабалистов, воскрешенную Сен-Мартеном и Сведенборгом и обосновывавшую оккультные науки. Бальзак, как и Сведенборг, полагает, что в каждом человеке живут

два существа: человек *внешний*, подчиняющийся законам природы, и человек *внутренний*, наделенный жизненной силой, она до сих пор еще недоступна науке, но природа ее та же, что у силы материальной. Существуют избранные натуры (таков, например, Луи Ламбер), у которых человек *внутренний* может как бы отделяться от человека *внешнего*. Этим объясняются видение на расстоянии, необыкновенная прозорливость «ясновидящих», героическая стойкость мучеников, которые во время пыток пребывают в *ином мире*.

Идеи, желания — все это эманации *внутреннего человека*, который как бы испускает вибрацию: колебания могут быть более и менее сильными — в зависимости от человека. Именно это Ламбер именует «материальностью мысли»: это объясняет, почему идея или желание могут разрушать тело. Здесь мы вновь встречаемся с темой «Шагреновой кожи». Луи Ламбер, ребенок, наделенный даром ясновидения, принадлежит к той разновидности людей (к ней принадлежал и сам Бальзак), которые находятся в интуитивном контакте со всей Вселенной; ему кажется, что он на пороге проникновения в тайну мироздания. Однако слишком богатая внутренняя жизнь убивает в Ламбере *внешнего человека*; жизнь в Париже, «в этой пучине эгоизма» ранит его сердце; он предпочитает мысль действию, идею — делу. Он мог бы стать человеком могущественным, но ему недостает сосредоточенности и упорства, которые необходимы всякому, кто хочет добиться успеха; и он будет раздавлен. Луи Ламбер из-за своей чрезмерной гениальности обречен на безумие, его не может спасти даже любовь красивой и самоотверженной женщины, Полины Саломон де Вильнуа, в жилах которой течет и еврейская кровь; «в двадцать пять лет он чувствует себя столетним старцем» и умирает совсем молодым в объятиях своей подруги.

Бальзак искренне считал «Луи Ламбера» своим шедевром. В этот роман он вложил все, чему научился у мистиков, магов, философов, ученых. Несколько раз он переделывал книгу, прибавлял социальные и философские рассуждения, пытаясь объяснить различные этапы сотворения мира все большим проникновением мысли в сферу материального. Нечеловеческий гений, которым писатель наделял Луи Ламбера, был сродни его собственному гению. «Однако Бог может создать все, за иск-

лючением другого бога; гений может все воссоздать, за исключением гения». Бальзаку так и не удалось вдохнуть жизнь в Луи Ламбера. Госпожа де Берни, которой он послал первый вариант этого произведения, посвященного ей («Et nunc et semper dilectae dicatum»¹), с тревогой читала рукопись: «Боюсь, что ты взялся за дело, которое невозможно осуществить». Никакие читатели, думала она, не потерпят, чтобы автор утверждал, будто он постиг тайны Вселенной. Как бы ни был велик писатель, публика усмотрит в этом одно только высокомерие. «Вот почему фразы: «Достоинная удивления битва мысли, достигшей наивысшего могущества, наиболее полного выражения... Нравственный мир, пределы которого он далеко раздвинул для себя» — совершенно неприемлемы... Мой дорогой, стремись подняться на такую вершину, чтобы толпа отовсюду видела тебя, но не требуй, чтобы она восторгалась тобою, ибо в этом случае на тебя в мгновение ока со всех сторон направят увеличительные стекла, а ведь самый очаровательный предмет, когда его рассматривают в микроскоп, превращается Бог весть во что». Даже у влюбленной женщины больше здравого смысла, чем у гения. «Луи Ламберу», самой любимой книге Бальзака, которую автор считал самой главной своей книгой, не хватало Прометеевой искры.

«Посоветуйся с госпожой Карро», — писала Dilecta, доверявшая только этой женщине, которая была искренним другом Бальзака (есть что-то возвышенное в том, что обе эти выдающиеся женщины, не знакомые между собой, вместе ревниво оберегали своего поэта). Ангулем расположен всего в шестидесяти лье от Саше. Бальзаку очень хотелось поехать туда, поскольку за отсутствием денег он не мог отправиться в Экс-ле-Бэн, «что сильно огорчает госпожу де Кастри, весьма ко мне расположенную, — писал он своей сестре Лоре. — А ведь я нашел бы там еще одну госпожу де Берни, но только молодую, у которой больше возможности мне помочь». Зюльма звала его, Бальзак по-прежнему дорожил ее дружбой, но боялся, что будет уж слишком унылым гостем: «Я невольник пера и чернил, настоящий торговец идеями». Пребывание в Саше уже начинало тяготить его, и он предпочел бы Ангулем, который понравился ему еще в первый его приезд в декабре 1831 года. Скромный дом

¹ «И ныне и присно возлюбленной моей посвящается» (лат.).

Карро при пороховом заводе скорее походил на ферму, чем на усадьбу, но Зюльма, умная и всегда серьезная, составляла очарование этого уединенного жилища.

Бальзак — Зюльме Карро, 10 июля 1832 года:

Меня очень стесняют установленные в замке порядки. Тут всегда гости; надо одеваться и выходить к столу в определенные часы; этим провинциалам показалось бы весьма странным, что человек готов отказаться от обеда, только бы не прерывать работу. Они мне уже до смерти надоели с их колоколом, сзывающим к трапезе.

Среди окружавших Бальзака людей не было ни одного, кто мог бы его понять. Представьте себе госпожу де Маргонн, читающую «Луи Ламбера»! Итак, жребий брошен — он поедет к Карро; пусть только Зюльма встретит его в Ангулеме, куда прибывает дилижанс. Ему было так же трудно проделать те несколько километров, что отделяют город от порохового завода, как совершить путешествие в Китай: он все еще оставался ребенком, нуждавшимся в материнской заботе.

В этот раз во время пребывания в доме Карро Бальзак написал одну из самых прекрасных своих новелл — «Покинутая женщина». Всегда рискованно доискиваться источников произведения, ибо таинственные законы творчества соединяют факты действительности и искусство автора; но в данном случае нетрудно различить элементы, из которых возник этот сплав. Новелла посвящена герцогине д'Абрантес, которая в своих «Мемуарах о Реставрации» рассказала похожую историю, случившуюся на самом деле; ее участники были известны. Как и в новелле Бальзака, мужчина, решив жениться, оставляет свою возлюбленную, но не может забыть ее; когда она наотрез отказывается принять его, несчастный накладывает на себя руки. Все подробности настолько совпадают, что сомневаться в источнике произведения не приходится. Бальзак был многим обязан удивительной памяти Лоры д'Абрантес. Кроме того, будучи в свое время в Байе, он много слышал о другой «покинутой женщине», госпоже д'Отфей, особе «столь же тонкого ума, как самая изысканная парижская дама». Что касается настроения, которым окрашен рассказ, то Бальзаку были очень хорошо знакомы чувства еще одной оставленной женщины — Лоры де Берни.

Оноре никогда окончательно не покидал госпожу де

Берни. Однако он все еще вынашивал два проекта, которые должны были отодвинуть на задний план его несравненную подругу: поехать в Экс к маркизе де Кастри или жениться на баронессе Дербрук. Жажда упрочить свое положение толкала его к богатой вдовушке. Но он понимал, что монотонность супружеской жизни повредит ему — писателю, черпавшему материал в житейских невзгодах и тревогах. Думая о поездке в Экс, Бальзак терзался различными сомнениями: он боялся огорчить госпожу де Берни, страшился потерять любовь, которой она так щедро одаривала его, и в то же время с волнением предвкушал радости, которые, быть может, дарует ему госпожа де Кастри. Когда Бальзак описывал начало любовной связи между Кларой де Босеан и Гастоном де Ньюэйлем, не обращался ли он в простоте душевной к своим собственным воспоминаниям о Вильпаризи? Там некогда Оноре, как и Гастон, увидел раненную в самое сердце женщину, «окруженную, словно мученическим ореолом, скандальным воспоминанием о былой страсти» (роман с корсиканцем Кампи), живущую, как затворница, в деревенском уединении. Там он писал ей страстные письма, черновики которых сохранял. Они-то и вдохновляли его. Почему бы и нет? Абрантес, Берни, Отфей — разве не имел он права воспользоваться этими печальными тенями, сплавить их воедино, чтобы создать волнующий образ своей героини? Кто бы вспомнил о них много лет спустя, если бы Бальзак не наделил их горестями Клару де Босеан и не вложил бы в ее уста их признания?

В доме Карро он плодотворно работал. Он приехал туда совсем разбитый, даровав жизнь «Луи Ламберу». Он признавался Зюльме, что, подобно своему герою, временами боится сойти с ума. «Если вы лишитесь разума, я буду за вами ухаживать», — пылко ответила она. Бальзак никогда не забудет ни этих слов, ни ее взгляда. Он лихорадочно творит и чувствует, как в нем зреют замыслы новых произведений. Нарождается нечто колоссальное. Он пишет Лоре Сюрвиль: «За эти полгода я достиг огромных успехов в своем творчестве по всем направлениям». В минуту прозрения и откровенности он признает, что разорил мать. «Но великий день великого счастья и славы вознаградит ее за все». Правда, он тут же прибавляет: «Милая мама, должен же я утешить те-

бя хоть немного, как утешаю и самого себя, своими радужными мечтами!..» Однако для него эти мечты — верный залог светлого будущего, и в минуты радостного возбуждения он не сомневается, что воплотит их в жизнь.

В доме милых его сердцу супругов Карро он обрел душевный покой; тут его окружало восхищение друзей и — что было для него таким ценным — восхищение незнакомых. Какой-то студент, живший в Ангулеме, услышав имя Бальзака, выронил от волнения бумагу и книги, которые держал в руках. У парикмахера, где Бальзак стригся, женщины вырывали одна у другой пряди его волос. Он писал матери с обычной в их семье откровенностью, что вынужденное целомудрие тяготит его и лишает сна. Не по этой ли причине он начал внезапно, но весьма настойчиво ухаживать за своей старинной приятельницей Зюльмой, добиваясь близости с нею? Какое искушение для этой превосходной женщины! Она любила Оноре, любила в полном смысле этого слова, а майор Карро, который был на пятнадцать лет старше ее, быстро старел. «Вы женщина страстная, — убеждал Оноре Зюльму, — а противитесь зову страсти!» Он сулил открыть ей «неведомое райское блаженство». То был испытанный прием всех обольстителей, но Зюльма устояла. Она хорошо понимала, что его влечет к ней лишь мимолетное желание: «Потому что вам нужна была любая женщина... потому что длительное воздержание делало для вас желанной всякую особу женского пола... Я слишком горда, чтобы уступить такого рода желанию».

Между тем путешествие в Савойю стало наконец возможным. Неповторимой госпоже Бальзак удалось получить у славной госпожи Делануа долгосрочную ссуду в размере десяти тысяч франков. Это позволяло уболаговотворить наиболее настойчивых кредиторов и уплатить за место в дилижансе.

Госпожа Делануа — Бальзаку, 27 июля 1832 года:

Я люблю ваш талант, да и вас самого, и не хочу, чтобы на пути вашего таланта возникали преграды, а вам приходилось страдать, в то время как в моих силах сделать так, чтобы этого не было. На помощь мне пришел счастливый случай: мне возвратили крупную сумму денег, которые я еще не поместила в бумаги. Пусть деньги эти пойдут на уплату ваших долгов и дадут вам возможность совершить путешествие, как вам того хотелось; мне оно представляется вполне своевременным.

Таким образом, две пожилые дамы любезно вступили в сговор, чтобы толкнуть Оноре в объятия Анриетты де Кастри. Из Ангулема он послал ей отрывок из «Луи Ламбера» — любовное письмо к Полине де Вильнуа.

Все соединилось, чтобы вызвать во мне страстные желания, чтобы побудить меня просить о первых милостях, в которых женщина всегда отказывает, несомненно, лишь для того, чтобы заставить возлюбленного похитить их у нее. Но нет, ты драгоценная душа моей жизни, ты никогда не будешь знать заранее, сколько ты можешь дать моей любви, и все же будешь давать, быть может не желая этого! Ты правдива, поэтому слушайся только своего сердца... Ты почувствовала эту небесную поэзию, ты, объединявшая столько разнообразных чувств, и так часто обращала взоры к небу, чтобы мне не отвечать! Ты, гордая и смеющаяся, скромная и деспотичная, целиком отдающаяся душой, мыслью, но ускользающая от самой робкой ласки.

Так было в прошлом, когда она нежно противилась его страстным порывам, но он был уверен, что в Эксе все будет по-другому и его ждет счастье. Перед самым отъездом обнаружилось, что ему не хватает наличных денег. Он взял в долг у майора Карро сто пятьдесят франков; в письме он просил госпожу Бальзак уплатить за него этот долг и прислать ему в Лион еще триста франков. В Ангулеме он написал новеллы «Гренадьера» (за одну ночь!) и «Покинутая женщина». Его гений по-прежнему напоминал уверенное и мощное течение реки.

Мы уже говорили, что начиная с 1830 года Бальзак в промежутке между двумя большими и серьезными произведениями как бы дает себе передышку, сочиняя «Озорные рассказы» — игривые и забавные миниатюры в манере Рабле и других писателей Турени, написанные старинным языком. Бальзак продолжает эту литературную забаву в 1831 и в 1832 годах. Выбранный им заголовок ясно говорил об авторских намерениях: «Сто озорных рассказов, собранных в аббатствах Турени и выпущенных в свет мессиром де Бальзаком для развлечения одних только пантагрюэлистов».

Почему он с таким упорством продолжает сочинять эти стилизованные рассказы, требовавшие огромного труда? Отчасти потому, что отец воспитал в нем восхищение гением Рабле и Бальзак сам ощущал себя пантагрюэлистом. Но главным образом потому, что ему хотелось выразить протест против бесчеловечной печали романтизма, «слова нелепого», и воскресить галльскую

живость и веселость, которая не помешала появлению ни «Мыслей» Паскаля, ни «Духа законов» Монтескье. «Смех необходим Франции,— писал Бальзак 20 февраля 1830 года в статье, опубликованной в «Моде»,— и публика жаждет выйти из катакомб, куда ее уводят, нагромождая один труп на другой, художники, поэты и прозаики. Я полагаю свой гражданский долг в том, чтобы воспротивиться этому „тартюфству”». Более того, речь шла о гражданском долге француза, не приемлющего британское *cant*¹ и немецкую тягу к фантастическому.

Могут возразить, что сам Бальзак отдал богатую дань кладбищенской теме и что его любовные романы в общем не оскорбляли стыдливости. Но он хочет быть человеком разносторонним и по примеру Рабле отвести место плоти, воскресить великую литературу XVI века, «блиставшую талантами, не скованную никакими условностями и отличающуюся богатым языком, ибо в те времена все слова считались пристойными». Когда Оноре было двадцать лет, госпожа Бальзак сетовала на то, что Рабле и Стерн будто бы приносят ему вред. Сам он, напротив, полагает, что, сделавшись Рабле XIX столетия, он только упрочит свою славу. Тем не менее Бальзак считал, что его пантагрюэлизм не должен оказывать влияния на создаваемые им романы. «„Сто озорных рассказов” — это дань моему преклонению перед Рабле». Приап имеет право на памятник, но Бальзак прячет этот монумент в глубине сада.

Он заимствовал сюжеты для своих рассказов из произведений старинных писателей; но пересказывает он их на свой лад, кроме того, в них то и дело встречаются описания утонченных любовных утех, что было совершенно чуждо Рабле.

Тысячи разных повадок в любовных делах, сладостная канитель, милые шуточки, прибауточки, расспросы, допросы, колдовство первых ласк — тонкие охапки хвороста, которые подбрасывают в огонь, дабы он сильнее разгорелся, охватывая благоуханные ветки, подобранные прутик за прутиком в вертограде любви,— пустячки, безделки, милый лепет, нежности и веселые забавы, лакомства, которые с такой жадностью съедают вдвоем, облизываясь по-кошачьи от удовольствия,— словом, всякие затей и ухищрения, которые распутники знают, а влюбленные изобретают и которые для дам дорожке спасения души, ибо в природе женщины так много кошачьего².

¹ Пустословие (англ.).

² Б а л ь з а к. Озорные рассказы.

Тут сквозь словесную оболочку Рабле проступает изощренный любовник Лоры де Берни. Что думала Dilecta о первом десятке «Озорных рассказов»? Мы не знаем; но Зюльма Карро (и это весьма удивительно) писала, что они «необычайно остроумны и переживут всё». Что касается герцога Фиц-Джеймса, человека просвещенного и эпикурейца, то его похвалам не было конца. Предвещая Бальзаку «яростные нападки со стороны ханжей и академиков», этот вельможа от души забавлялся «Озорными рассказами».

Жорж Санд принадлежала к числу тех женщин, которые враждебно встретили это произведение Бальзака. «Когда он захотел против моего желания прочесть мне отрывки,— вспоминает она в «Истории своей жизни»,— я чуть было не швырнула книгу ему в лицо. Помнится, я назвала его толстым бесстыдником, он ответил, что я ханжа, вышел и крикнул уже с лестницы: «Вы просто дура!» Тем не менее мы остались лучшими друзьями, ибо Бальзак действительно простодушен и добр». Зато в салоне Дельфины де Жирарден просто смаковали эти пряные лакомства.

Фонтанэ пишет в своем дневнике:

12 января 1832 года:

Бальзак с удивительным, просто невероятным апломбом рассказывал нам свои фантастические и озорные рассказы, и они немало позабавили присутствующих дам. Дельфина помогала ему, предлагая новые сюжеты. А мы, мы слушали и восхищались: что за чудесный спектакль!

Первый десяток «Озорных рассказов» был выпущен в свет книгоиздателем Госленом в апреле 1832 года. Критика, как это часто бывало, выказала враждебность к Бальзаку. «Ревю де Дё Монд»: «Забавны ли «Озорные рассказы»? Говоря по правде, нет. Они непристойны, но даже не исполнены сладострастия». «Ревю де Пари»: «Господин Шарль Гослен сравнивает автора с ребенком, который предстает перед вами голеньким, во всей своей невинности. Мы ответим господину Шарлю Гослену, что в литературе дети в возрасте господина де Бальзака давно уже ходят в панталонах. Весьма досадно, что этого не соблюдают в книгоиздательствах». Один только Барбе д'Орвильи пришел в восторг от наивности и добродушия рассказчика: «Я не сомневаюсь, что историки литературы, которые в один прекрасный день будут из-

учать творчество Бальзака с той серьезностью и уважением, каких достоин этот великий ум, признают справедливость тех соображений, которые я ныне высказал только в самой общей форме, и не опровергнут меня». Коннетабль французской словесности доказал, что он был достоин судить о Рабле XIX века. Но, говоря по правде, «Озорные рассказы», потребовавшие от автора огромного труда и мастерства, мало что прибавили к славе Бальзака. Как и у его учителя Рабле, мы ценим у Бальзака прежде всего мысль, а не игривую шутку; но, быть может, его кратковременное увлечение игривыми «Озорными рассказами» было полезным стимулом для мысли.

XIV

ЗЛАТОКУДРАЯ КРАСАВИЦА

Бьяншон: Любят потому, что любят.

Растиньяк: Ну, а вот я, я люблю по совершенно иным мотивам.

Бальзак

Бальзак отправился в Экс в самом лучезарном настроении. Наконец-то герцогиня де Кастри, его первая «знатная дама», будет ему принадлежать. Можно ли в этом сомневаться? Ведь она сама пригласила Оноре и требовала соблюдения инкогнито; все вечера они будут проводить вдвоем. Днем он станет работать, он был полон до краев различными планами: написать «Битву», внести исправления в текст «Шуанов» и «Луи Ламбера», сочинять новеллы для «Ревю де Пари», с которым он заключил договор, гарантировавший ему пятьсот франков в месяц. В Лиможе он задержался на несколько часов в ожидании следующего дилижанса. Там он повидал сестру Зюльмы, Люсиль Нивэ (урожденную Туранжен); ее муж, у которого была торговля фарфором, обещал в скором времени прислать ему на улицу Кассини столовый сервиз. Бальзаку захотелось осмотреть город. Юный Реми Нивэ, сын Люсиль, показал ему площадь Арбр, улицу Монтанманинь, он сопровождал писателя из Сен-Марсиаля в Кюзю. Бальзак записал все эти названия и внимательно осмотрел старинные кварталы.

По дороге из Лиможа в Лион с ним произошел не-

счастный случай. Чтобы беспрепятственно любоваться чудесными долинами, писатель устроился на империале дилижанса. На остановке в городе Тьер (департамент Пюи-де-Дом) он уже поднялся на свое место и выпустил из рук кожаные поручни, за которые держатся, взбираясь наверх, но в эту минуту лошади тронули, и Бальзак упал; правда, ему удалось вновь ухватиться за ремень, и он повис в воздухе. Однако при этом Оноре с размаху (а он весил восемьдесят килограммов) ударился о подножку экипажа, и железо рассекло ему ногу до самой кости.

Рана кровоточила, болела, а ехать от Лиможа до Лиона надо было четыре дня. Кондуктора дилижанса сочувствовали писателю, они устроили ему подобие ложа на империале. В дороге рана затянулась, однако нога распухла, и Бальзак передвигался с трудом. Можно было опасаться заражения крови, но он решил добраться до Экса, а уж там лечиться. Это досадное происшествие не помешало Бальзаку наслаждаться путешествием. Он всегда любил живописные места. Пейзажи Лимузена и Оверни привели его в восторг.

В Эксе госпожа де Кастри сняла для него небольшую, но очень уютную комнату, где до шести вечера он пребывал в полном одиночестве. На завтрак ему приносили из соседнего кафе яйцо и чашку молока. В шесть часов он отправлялся к маркизе, обедал там и оставался у нее до одиннадцати. Это позволяло ему, писал он матери, весь день работать над «Битвой» (одна из «Сцен военной жизни»). На самом деле он еще даже не приступал к «Битве»: он правил «Покинутую женщину» и старательно трудился над своим любимым детищем — «Луи Ламбером».

После трех ванн, принятых в Эксе, нога Бальзака зажила, остался только струп. Комната стоила ему два франка в день, завтрак — пятнадцать су; Анриетта де Кастри не разрешала ему платить за обед. «Ну, матушка, придется тебе все же признать, что хоть я поэт и мечтатель, но очень бережлив!» Он ни с кем не виделся. Его единственным развлечением были вечерние часы у маркизы, когда они оставались вдвоем. Она была необыкновенно внимательна к писателю, но ничего лишнего не позволяла: только изредка ему удавалось коснуться ее плеча или страстно пожать руку. Он выходил из себя.

Бальзак — Зюльме Карро, начало сентября 1832 года:

Я нашел здесь и очень много, и необыкновенно мало. Много потому, что пребываю в обществе любезной и очаровательной особы; мало потому, что она никогда меня не полюбит. Зачем вы послали меня в Экс?.. Она принадлежит к числу самых изысканных женщин: она даже превосходит госпожу де Босеан; но не скрывает ли ее очаровательное обращение пустоту души?

Гордая Зюльма ответила пылким письмом: «Бедный Оноре! Вы страдаете, и мне не дано облегчить ваши муки!» Она надеялась, что зрелище величественных гор, чудесных озер отвлечет Бальзака от владевших им тщеславных помыслов. «Господи, и это я, недостойная, позволяю себе говорить в таком тоне с кумиром наших дней!» Она видела, что он во власти предрассудков, но не потому, что такова его натура — ведь у него доброе и возвышенное сердце! — а потому, что он жаждет одобрения одного-единственного сословия. («Только с этими людьми вы и считаетесь: по-вашему, только тот достоин уважения, от кого исходит запах английского крема или португальской туалетной воды».) Как может человек такого глубокого ума, написавший «Луи Ламбера», видеть во всяком, кто одет в старомодное платье, ограниченный ум, во всяком работнике — механическую куклу, в чернорабочем с мозолистыми руками — кандидата на скамью подсудимых? «Оноре, я страдаю, мне хотелось бы найти в вас больше душевного величия». Зюльма Карро огорчилась, узнав, что Бальзак снова возобновил деловые отношения с Пишо из журнала «Ревю де Пари», плутом, который в свое время оскорбил писателя и теперь не упустит случая объявить с ехидной усмешкой: «За деньги его всегда можно заполучить».

Деньги! Да, а все потому, что в светском обществе, где вы вращаетесь, считается дурным тоном ходить пешком. Как мне люб Рафаэль, живущий в мансарде, как он велик, и Полина права, что обожает его; не заблуждайтесь, впоследствии она станет любить не столько его, сколько воспоминания о нем; она любит разбогатевшего Рафаэля за то добро, которое сама делала ему, когда он еще был беден; сделавшись миллионером, он стал ничтожеством! Измеряли ли вы шагреневую кожу с той поры, когда полностью переделали свое жилище, с той поры, когда начали возвращаться в два часа ночи с улицы Бак в новехоньком кабриолете? Почему я послала вас в Экс, Оноре? Да потому, что только там вы могли обрести то, к чему стремились... Я позволила вам ехать в Экс потому, что у нас нет теперь ни одной общей мысли; потому, что я презираю то, что вы боготворите; потому, что сама я из народа,

народа, облагороженного цивилизацией, но я по-прежнему сочувствую каждому, кто страдает от угнетения; потому, что я ненавижу всякую власть, ибо до сих пор я ни разу не встретила власти справедливой.. Вы находитесь в Эксе потому, что вас хочет купить некая партия, и в уплату вам предназначают не деньги, а женщину; так вот, я — хромая, невидная собой дурнушка — никогда бы не согласилась видеть у своих ног мужчину, которого надеются завлечь таким способом... Вы находитесь в Эксе потому, что изменили самому себе, потому, что отказываетесь от истинной славы ради *мелкого тщеславия*, потому, что никогда моя душа не сольется с душой человека, который радуется, обгоняя гуляющих в Булонском лесу, и первым приезжает в своем кабриолете на площадь Людовика XV... И столь суетные удовольствия вы предпочитаете всему остальному. Я высказываю вам весьма жестокие истины, дорогой Оноре, но уверена, что вы меня поймете, ибо я питаю к вам такую искреннюю и глубокую привязанность, что, когда понадобится, я на деле докажу ее и тем искуплю свою нынешнюю резкость; придет час, и герцогини вас покинут, а я, я всегда буду рядом, и моя верная дружба послужит вам утешением.

Быть может, в глубине души эта добродетельная супруга испытывала сожаление, что отвергла ласки человека, которого любила. Если бы она высказывала все эти жестокие истины ему в глаза, дрожь в голосе выдала бы ее. В конце письма великодушная женщина предсказывала Оноре, что он еще будет счастлив в Эксе:

«Не могло же это произойти в первый день. Но ведь вы вместе обедаете и живете бок о бок; тщеславие и жажда удовольствий соединят вас, и вы получите то, чего жаждете. К тому же, поверьте мне, ваша партия слишком заинтересована окончательно завоевать вас и ни за что не согласится, чтобы вы отдали свое сердце женщине низкого происхождения».

Несмотря на всю интуицию любящей женщины и друга, Зюльма Карро ошибалась, и амурные дела Бальзака не продвинулись. Маркизе де Кастри «природа даровала необходимые качества для роли кокетки... В ее смелых, выразительных взорах, в ласкающем голосе, в обаятельной беседе таились, как в зародыше, все любовные наслаждения. В герцогине угадывалась обольстительная куртизанка... Казалось, что, освободившись от корсета, она должна была стать самой очаровательной из любовниц»¹. Но, увы, корсет она не снимала.

Того, кто не может утолить свои желания, как бы отравляет изнутри яд. Чарующие вечера, которые ничем не завершались, приводили Бальзака в ярость. Когда он пытался обнять маркизу, она сердилась, изобра-

¹ Б а л ь з а к. Герцогиня де Ланже.

жала испуг и прогоняла своего платонического любовника «с кушетки, как только соседство с ним становилось опасным». У нее не было недостатка в доводах: религия, память о большой любви, которой она хотела сохранить верность, физическая слабость и недомогания, постоянно мучившие ее после падения с лошади. Во всем этом, несомненно, была частица истины. Госпожа де Кастри была женщина больная, с поврежденной поясницей, давно умершая для любви. Правда, религиозные соображения не помешали ей в свое время стать возлюбленной юного князя фон Меттерниха, но воспоминания о прелестном Викторе отдаляли ее теперь от Бальзака. Слава писателя ей льстила, его ум увлекал, а остроумие забавляло. Она восхищалась им и даже была по-своему к нему привязана, но не испытывала ни малейшего желания стать любовницей этого дурно воспитанного толстяка, подлинная, внутренняя красота которого от нее ускользала; вот почему она дарила ему только те милости, какие позволял иезуитский устав, по которому жило светское общество, «где в любви допускалось все, кроме того, что о ней свидетельствовало».

Тем не менее он не терял надежды. Со свойственной ему сентиментальностью он попросил у нее разрешения называть ее именем, какое сам для нее выбрал. Это снова было имя «Мари». Она согласилась. Ну как, это о чем-нибудь говорит? — спрашивал он у матери. Анриетта де Кастри собиралась совершить путешествие по Швейцарии и Италии; ее должен был сопровождать дядя, герцог Фиц-Джеймс, весьма благоволивший к Бальзаку; она настаивала, чтобы ее верный кавалер Оноре также принял участие в поездке. Счастливое предзнаменование. Во время путешествия, конечно же, представится немало благоприятных случаев. Денежный вопрос? Его нетрудно разрешить. Госпожа Бальзак получит ежемесячную сумму в журнале «Ревю де Пари»; «Озорные рассказы» произведут фурор; он уже рассчитывал даже на доходы от продажи «Битвы», которая существовала пока еще только в его голове. В Эксе Бальзак познакомился с Джеймсом Ротшильдом (он неизменно называл его «Ростшильд»), и тот, конечно же, снабдит его рекомендательным письмом к своему брату в Неаполе. Сколько нужно денег для поездки в Италию? Тысяча экю. Госпожа Бальзак получила распоряжение: ей надо при-

слать сыну тысячу двести франков, дорожные сапоги, помаду и флакон португальской воды — эта туалетная вода, по представлению Бальзака, была столь же неотразимым средством обольщения, как и перчатки лимонного цвета. Помимо того, он послал матери два куска фланели, которую носил на животе. Госпожа Бальзак должна была посоветоваться с «ясновидящей» о причинах докучавших ему болей, при этом фланель не следовало *вынимать из бумаги*, чтобы не нанести ущерба токам. И в конце письма стояло: «Положи в пакет полдюжины желтых перчаток».

Вместе со своими знатными друзьями он посетил монастырь Гранд-Шартрез. Там, рядом со своей «Мари», он любовался величественными альпийскими пейзажами, бурным потоком, разрушенной мельницей. Госпожа де Кастри, казалось, также испытывала живейшее волнение. Для Бальзака то был торжественный день. В «Сельском враче» он так описал это:

Я посетил монастырь Гранд-Шартрез, бродил под безмолвными древними сводами, слушал, как под аркадами, сбегая капля за каплей, звенит источник. Я вошел в келью, чтобы постичь все свое ничтожество; на меня повеяло суровым покоем, и я с умилением прочел надпись, начертанную на двери по обычаю, заведенному в обители: тремя латинскими словами были изложены в ней заповеди той жизни, к которой я так стремился: «Fuge, late, tace»¹.

Посещение монастыря произвело неизгладимое впечатление на Бальзака. Уже целый месяц он жил рядом с женщиной, которую страстно желал; он страдал, чувствуя, что его не любят. Мирная тишина обители внезапно заставила его подумать о том, какие чувства обуревают человека, который покинул мир, разочаровавшись в любви, и уединился в монастырской келье. В голову ему пришла фраза-талисман: «Сердцам разбитым — мрак и тишина». Замыслы осаждали его. Часто писатель, точно при свете молнии, провидит свою будущую книгу. Мгновенная вспышка вдруг освещает необозримые картины — это «великолепный взлет возбужденного ума, когда муки творчества исчезают, уступая место высшим радостям духа». Все еще только предстоит сделать, ибо «замысел — еще не исполнение». И все же мы понимаем, почему Бальзак написал матери: «Я работал три дня и три ночи; я сочинил целый том в восем-

¹ «Беги, скрывайся, молчи» (лат.).

надцатую долю листа, озаглавленный „Сельский врач”». Разумеется, это не совсем так. Пока что существовал только план книги, но Бальзак во внезапном озарении угадывал ее контуры. Он и в самом деле думает, что роман его уже родился.

Бальзак — издателю Маму, 30 сентября 1832 года:

Удвойте внимание, мэтр Мам. Я давно уже охвачен, одержим жаждой всенародной славы, а для этого надо добиться, чтобы мои книги, изданные небольшим форматом в восемнадцатую долю листа, расходились во многих тысячах экземпляров: так распродаются «Атала», «Поль и Виргиния», «Векфильдский священник», «Манон Леско», сказки Перро и так далее и тому подобное.

Книги эти невелики по объему, но это возмещается многочисленными изданиями; надо, чтобы книга могла попасть в руки ко всем читателям: в руки юной девушки и ребенка, в руки старика и даже набожной женщины. А когда книгу узнают — это происходит рано или поздно и зависит от таланта автора и книгопродавца, — она становится прибыльным делом. Примеры тому: «Думы» Ламартина, которые изданы в количестве сорока тысяч экземпляров, «Руины» Вольнея и так далее.

Я задумал свою книгу именно такой, это будет книга, которую смогут прочесть и привратница, и знатная дама. За образец я взял Евангелие и Катехизис, две книги, на которые огромный спрос; так я создал свое произведение. Я перенес действие в деревню, впрочем, вы прочтете книгу всю, целиком — случай для меня необыкновенный.

При первом чтении письмо шокирует. Как? Автор испытал огромное, святое волнение; он собирается воплотить это в романе и тут же говорит о своей будущей книге как о «прибыльном деле»; он характеризует Евангелие и Катехизис как «две книги, на которые огромный спрос»! Могут сказать: «Бальзак взял такой тон, чтобы внушить доверие деловому человеку, каким был Мам». Но нет, мысль эта, видимо, близка самому писателю, он пишет матери, что книга окупит его путешествие в Италию. Вдумавшись глубже, мы понимаем, что настоятельная потребность в деньгах может стать прозаической причиной, вызвавшей появление шедевра. А почему бы и нет? Различные элементы соседствуют в уме писателя. Нужен высокий накал, чтобы образовался сплав. Крайняя необходимость рождает необходимый эффект.

Но какой роман, какая интрига помогут ему изобразить те сильные чувства, которые он испытал? Мы уже знаем, что Бальзак задумал написать короткую назидательную книгу. Человек, раненный в самое сердце, удаляется от света во «мрак и тишину»; он делает полезным

свое затворничество, принося цивилизацию в затерянный в горах край. То был замысел одновременно простой и возвышенный. Он напоминал огромные фрески Гёте. Ища образцы, Бальзак прежде всего вспомнил о романе Оливера Голдсмита «Векфильдский священник» и вначале хотел сделать своего героя священником. Однако, для того чтобы создать живой образ сельского священника, ему не хватало знания внутреннего мира служителя церкви. Уж лучше он поставит в центре своей книги врача. Возможно, он пришел к такой мысли потому, что во время посещения монастыря Гранд-Шартрез он видел селение Вореп, преобразованное трудами доктора Рома. Или потому, что некогда в Лиль-Адане Бальзак познакомился у Вилле-Ла-Фэ с благодетелем того края доктором Босьоном. А может, все дело было в том, что он читал и печатал в своей типографии рассказы о пасторе Оберлене, философе и филантропе? Нам трудно остановиться на одной из этих гипотез, ибо в каждой из них скрывается доля истины. Для того чтобы вылепить образ доктора Бенаси́, Бальзак безотчетно сплавлял воедино воспоминания юности, недавние впечатления, встречи, книги. Наступит день, и Бенаси, возникший как некий сплав всех этих призраков и обогащенный идеями своего создателя, заживет собственной жизнью. Он будет тем, кем был бы сам Бальзак, если бы, вместо того чтобы творить воображаемый мир, он стал преобразовывать мир действительный. «Писатели никогда ничего не выдумывают», — охотно повторял Бальзак. Это верно, но следовало бы прибавить: «Писатели никогда ничего не копируют».

На втором плане Бальзак выведет в книге великолепные фигуры солдат Империи. Наполеон все еще остается народным героем; его имя послужит «увеличению спроса» на небольшую книгу в двести страниц. Собеседником Бенаси — человеком, который поможет нам узнать о том, что сделал доктор для этого горного края, — станет майор Женеста́, отчасти (но только отчасти) образцом для него послужил приятель супругов Карро — Периола. Старые ворчуны, участники великих походов, которые ушли в отставку и живут теперь в горных деревушках, будут говорить о своем императоре. Бальзак благодаря своим друзьям из Сен-Сира знал множество военных историй. А кто больше, чем он, восхищался

Наполеоном? Однако, когда писатель 10 октября покинул Экс, «Сельский врач» все еще оставался замыслом, а «Битва» — лишь смутным видением.

Прежде чем отправиться в путешествие, Бальзак решил оправдать себя в глазах Зюльмы Карро. Он простил ей суровое письмо.

Вы были несправедливы. Это я-то продался партии ради женщины?.. Человек, ведущий целомудренную жизнь на протяжении целого года!.. Я поделился с вами игрой своего воображения, а вы превратили меня в какое-то чудовище... Для меня красивая обстановка — удовольствие, потребность, в такой же мере насущная, как свежее белье и ванна. Я завоевал себе право жить среди шелков, ибо, если потребуется, я завтра же без сожаления, без вздоха возвращусь в мансарду художника, в мансарду с голыми стенами, но никогда не совершу постыдного поступка, никогда никому не продам. О, зачем вы клевете на человека, который любит вас и в трудные минуты с гордостью вспоминает о вашей дружбе! Великие труды — значит, и великие излишества, куда как просто!..

Он убеждал Зюльму, что ее опасения напрасны и в тот день, когда его партия придет к власти, он, Бальзак, по-прежнему будет придерживаться либеральных взглядов.

Ограничение всех привилегий знати палатой пэров; освобождение церкви от власти Рима; естественные географические границы Франции; полное уравнивание в правах среднего класса; признание действительных преимуществ; сокращение расходов; увеличение доходов казны путем улучшения налоговой системы; всеобщее образование — вот главные принципы моей политики, которым я останусь верен.

Дела мои не будут расходиться со словами.

Но он просил свою приятельницу сохранить эту программу в тайне, чтобы не навлечь на него ненависть его партии. Зачем в таком случае вступил он в союз с этими людьми? Дело в том, что без их поддержки его не выберут. Герцог Фиц-Джеймс поможет ему попасть в палату депутатов. «Сельский врач» завоеует ему новых друзей. «Это полезное произведение, оно достойно премии Монтиона».

Что еще? Пусть Зюльма не воображает, что он пленник маркизы де Кастри: «Я говорю себе, что такой человек, как я, не должен жить, цепляясь за бабью юбку; мне надлежит свободно следовать своей судьбе и не ограничивать свой горизонт лицезрением женского корсажа».

Бальзак — матери, 23 сентября 1832 года:

Я все хорошо подсчитал, этих денег мне хватит до Рима. Мы отправимся вчетвером, в экипаже госпожи де Кастри; все расходы на поездку из Женевы в Рим, включая стоимость провизии, лошадей, гостиниц, составят тысячу франков; на мою долю придется двести пятьдесят франков... Я совершу чудесное путешествие в обществе герцога, который по-отечески относится ко мне. Всюду я буду принят в высшем обществе. Второй такой случай мне больше не представится. Герцог уже бывал в Италии; он хорошо знает страну, и поэтому я буду избавлен от ненужной потери времени, кроме того, его имя откроет передо мной все двери. Герцогиня и он очень добры ко мне.

Добры к нему?.. Герцог-то возможно, но вот маркиза по-прежнему каждый вечер выпроваживает Бальзака; отлично видя, как страстно он ее желает, она весьма неохотно позволяла Оноре некоторые вольности, приводившие его в исступление, но упорно отказывала ему в высших милостях. С этой великосветской Селименой, видимо, следовало вести себя дерзко, подобно записным *сердцеедам*, которые не вымалывают у женщины благосклонности, а сами добиваются ее. Тысячи мыслей, владевших Бальзаком, сводились к одной: «Хочу вами обладать». В Женеве он оказался вместе с нею в гостинице «Корона» и был уверен, что маркиза наконец-то будет принадлежать ему. Увы! Возвратившись после осмотра виллы Диодати, где некогда жил Байрон, она, подарив поклоннику поцелуй, наполнивший его обманчивой надеждой, вслед за тем объявила, что никогда не станет его любовницей. Он направился в город, глотая слезы. Он страдал оттого, что его желаниям не суждено было сбыться, и еще больше — из-за уязвленной гордости. К чему дольше упорствовать? Не признаваясь прямо в своем поражении, он написал Зюльме Карро: «Господи! Я снова во власти самых горестных переживаний... Приходится отказаться от путешествия в Италию... У меня столько неприятностей, что я даже не могу их вам пересказать».

У нас есть доказательства, что соображения, которые Бальзак привел Зюльме, чтобы объяснить, почему он отказался от мысли о поездке в Италию («Матушка не желает больше заниматься в Париже моими делами»), были выдуманы, ибо он в то же время писал госпоже Бальзак: «Любезная матушка, будет гораздо разумнее, если я месяца на три возвращусь во Францию... Итак,

я приеду, но не в Париж; о моем возвращении никто не будет знать, а в феврале я отправлюсь в Неаполь через Марсель пароходом». Между Бальзаком и маркизой де Кастри не произошло полного разрыва; она продолжала ему писать. Но она его больно унизила. Для своей книги «Сельский врач» он написал «Исповедь доктора Бенаси», в которой тот объяснял свое затворничество желанием бежать от бессердечной женщины.

Тут вся моя история. Ужасная история! Она повествует о человеке, который на протяжении нескольких месяцев наслаждался окружающей природой, яркими лучами солнца, необыкновенно живописным краем и вдруг потерял зрение. Да, милостивый государь, несколько месяцев блаженства, а потом — ничто. Зачем было превращать мою жизнь в сплошной праздник?.. Зачем было называть меня несколько дней своим любимым, если она намеревалась отобрать у меня этот титул, единственный, к которому я стремился всей душой?.. Ведь она все скрепила своим поцелуем, этим сладостным и священным обетом... Воспоминания о поцелуе не стираются вовек... Когда же она лгала? Когда опьяняла меня своим взором, шепча имя, которое я дал ей, полюбив, и которое она приняла (Мари), или когда она односторонне порвала договор, налагавший обязательства на наши сердца, договор, в силу которого наши помыслы сливались и мы становились как бы одним существом. Так или иначе, но она солгала... Вы спросите, как же именно произошла эта страшная катастрофа?.. Да самым обычным образом. Еще накануне я был для нее всем, а наутро — ничем. Накануне голос ее был благозвучен и нежен, взор полон очарования, а наутро голос зазвучал сурово, взор стал холодным, манеры — сухими; в одну ночь умерла женщина, та, которую я любил. Отчего это случилось? Не знаю... Несколько часов я был во власти демона мщения. Я был способен сделать ее предметом всеобщей ненависти, выставить на всеобщее обозрение, привязав к позорному столбу.

Эта «Исповедь» была написана в приступе ярости. Бальзак не включит ее в окончательный текст книги, но все же пригвоздит коварную кокетку «к позорному столбу», и сделает он это в романе, который уже зарождается и шевелится в недрах его сознания. «Писатель вознаграждает себя, как может, за несправедливость судьбы». Но куда ехать тем временем? В Париже полным-полно кредиторов. Зюльма предлагает свой дом и дружеское сердце. Он ждал этого: «Какую признательность я испытывал, читая ваше доброе и нежное письмо, на которое я, впрочем, рассчитывал, как некогда рассчитывал Лафонтен на любезное приглашение госпожи Эрвар». Разумеется, он погостит в Ангулеме, но прежде, как ране-

ная птица, укроется в Булоньере, возле той, что всегда перевязывала и врачевала его раны, возле белого ангела — Лоры де Берни.

В этом поместье вблизи Немура его посетил издатель Луи Мам; он рассчитывал получить от автора рукопись «Сельского врача», Бальзак мог показать ему только то, что имел: названия глав. Но если для писателя выносить замысел книги значило уже создать ее, то у издателя были на сей счет иные соображения. Чтобы Бальзак мог целиком отдаться своему труду, друг Зюльмы Карро, молодой художник Огюст Борже, страстный его почитатель, чудесный и самоотверженный юноша, предложил взять на себя заботу о домашних делах великого писателя; для этого он готов был поселиться на улице Кассини. Борже прибыл туда, чтобы сменить госпожу Бальзак. Вскоре он также был ошеломлен ураганом, который бушевал вокруг Оноре.

Борже — Бальзаку:

Бури, говорите вы, с ужасающей быстротою одна за другой обрушиваются на вас. Меня удивляет только одно, мой друг: как это вы их не предвидели?.. Ведь вы сделали решительно все для того, чтобы тучи нависли над вашей головою, а теперь дивитесь, что сверкают молнии и гремит гром.

Было условлено, что Бальзак станет каждый месяц давать матери сто пятьдесят франков. Весьма скромный процент от суммы его долга. Она еще владела домом (на улице Монторгей) и не бедствовала, но нуждалась. В начале декабря Бальзак возвратился к себе на улицу Кассини, так и не побывав в Ангулеме. После долгого отсутствия он сильно стосковался по Парижу. Эжен Сю писал ему развязным тоном, обычным для завсегдатаев «инфернальной ложи»:

Мой славный Бальзак... Сейчас я отвечу на все ваши вопросы по порядку. Во-первых, о любви. У меня на содержании девица, и я, как уже вам говорил, забавляюсь тем, что бужу в ней ненависть и презрение к моей особе. Как видно, она сильно изголодалась, если, несмотря ни на что, терпит меня. Одновременно у меня любовная связь со светской дамой, которая меня очень мало занимает и сама также платит мне полным равнодушием... Однако мы сохраняем эти отношения по привычке — ведь в конечном счете в наши годы все видишь в истинном свете, без прикрас, и любовь уже не может быть высокой целью, источником радости или веры.

Эти цинические речи были полным контрастом воркованию госпожи де Берни, которая с нежностью вспоминала о том, как чудесно они провели время в Гренадере два года назад. Но увы! Dilecta даровала ему истинную любовь, «которая должна была угаснуть». Она уже полностью утратила женскую привлекательность. Откуда же было ему ждать утешения? Гризетки и содержанки его не манили. «Женщина из общества сама не пойдет навстречу моим желаниям, а я работаю по восемнадцать часов, мне буквально не хватает суток, и у меня нет ни времени, ни охоты насиловать свою натуру и ломаться, изображая денди, перед какой-нибудь вздорной бабенкой... Брак принес бы мне покой. Но где найти жену?»

Главным препятствием была его бедность. Славы у Бальзака хватало. Правда, с годами красивее он не стал. Он сильно располнел, внушительный живот и слишком короткие ноги делали его сбоку похожим на пикового туза. И тем не менее Ламартин, встретивший Бальзака у супругов Жирарден, отметил, что стремительный полет мысли заставлял тут же забывать о малопривлекательной внешности этого приземистого толстяка.

Он ничем не походил на человека нашего времени. При виде его вам чудилось, будто вы попали в иную эпоху и очутились в обществе двух или трех снискавших себе бессмертие людей, группировавшихся вокруг Людовика XIV... Бальзак стоял перед мраморным камином... Дородностью он походил на Мирабо, но его нельзя было назвать грузным; в нем было столько душевных сил, что казалось, будто он легко и весело несет свое тело — не как тяжелое бремя, а как почти невесомую оболочку... Необыкновенно выразительное лицо, от которого нельзя было отвести глаз, очаровывало, завораживало вас. Но больше всего в этом лице поражал даже не ум, а подкупающая доброта... На его физиономии не может даже появиться чувство ненависти или чувство зависти; ему просто невозможно не быть добрым. Но то была не равнодушная, беззаботная доброта, которая читалась на эпикурейском лице Лафонтена, то была доброта любящая, умная доброта человека, знающего цену и себе, и другим... Именно таков и был Бальзак. К тому времени, когда мы уселись за стол, я уже успел его полюбить.

Женщина также могла бы его полюбить. Госпожа де Берни и Зюльма Карро это хорошо знали. Но Бальзак требовал от своей будущей невесты богатства, красоты, молодости, положения в обществе, а сам он мог предложить ей взамен, помимо гениальности, которая в глазах нотариусов мало чего стоила, лишь сто тысяч франков долга.

ПОЯВЛЕНИЕ ЧУЖЕСТРАНКИ

Миф об Адамовом ребре гласит: была сотворена такая женщина, о какой мечтает в молодости всякий мужчина, и явилась она Адаму во сне.

Бальзак

Вот уже несколько месяцев он тешил себя необычайной, нелепой, но чудесной мечтою. Среди множества писем, которые Бальзак получал от женщин, он обратил внимание на одно: оно было отправлено из Одессы 28 февраля 1832 года и подписано: *Чужестранка*. Почерк и слог выдавали «женщину из общества», больше того, аристократку. После восторженных похвал по адресу «Сцен частной жизни» корреспондентка упрекала Бальзака в том, что, создавая «Шагреновую кожу», он позабыл как раз то, что принесло успех «Сценам», — утонченность чувств. Буйная оргия куртизанки, «женщина без сердца» — все приводило в замешательство загадочную читательницу, и она решила послать автору письмо без подписи. Бальзак на всякий случай подтвердил получение этого анонимного послания через «Газетт де Франс», но его тайнственная корреспондентка так никогда и не увидела этого номера газеты. 7 ноября Чужестранка вновь прислала письмо.

Ваша душа прожила века, милостивый государь; ваши философские взгляды кажутся плодом долгого и проверенного временем поиска; а между тем меня уверили, что вы еще молоды; мне захотелось познакомиться с вами, но я полагаю, что в этом даже нет нужды: душевный инстинкт помогает мне почувствовать вашу сущность; я по-своему представляю вас себе, и если увижу вас, то тут же воскликну: «Вот он!» Ваша внешность ничего не может сказать о вашем пламенном воображении; надо, чтобы вы воодушевились, чтобы в вас вспыхнул священный огонь гения, только тогда проявится ваша внутренняя суть, которую я так хорошо угадываю: вы несравненный знаток человеческого сердца. Когда я читала ваши произведения, сердце мое трепетало; вы показываете истинное достоинство женщины, любовь для женщины — дар небес, божественная эманация; меня восхищает в вас восхитительная тонкость души, она-то и позволила вам угадать душу женщины.

Она и на сей раз не пожелала назвать себя: «Для вас я Чужестранка и останусь такой на всю жизнь». Но она обещала Бальзаку время от времени писать, чтобы напоминать о том, что в нем живет божественная искра.

Она угадывала, что ее любимый автор обладает «ангельской душой», которая могла бы понять «пламенную душу», какой была наделена она. Живя за тысячу лье от него, она желала сделаться его совестью и открывать ему вечные истины. «Несколько ваших слов, напечатанных в „Котидьен”¹, вселят в меня уверенность, что вы получили мое письмо и что я могу и впредь безбоязненно вам писать. Подпишите: „О. Б.”».

Все это — и таинственность, и ангельские ноты, и возвышенный слог — как нельзя больше отвечало внутренней потребности Бальзака, и он, разумеется, не мог пренебречь подобным случаем. 9 декабря 1832 года в газете «Котидьен» было помещено короткое объявление: «Господин де Б. получил адресованное ему послание; он только сегодня может известить об этом при посредстве газеты и сожалеет, что не знает, куда направить ответ». После чего таинственная корреспондентка открыла свое инкогнито. То была графиня Эвелина Ганская, урожденная Ржевусская, принадлежавшая к знатному польскому роду, тесно связанному с Россией; в 1819 году она вышла замуж за Венцеслава Ганского, предводителя дворянства на Волыни, который был на двадцать два года старше ее. Ее сестра Каролина, женщина необычайной красоты и тонкого ума, оставила своего первого мужа, пятидесятилетнего Иеремию Собаньского, ради русского генерала Витта, с которым открыто жила на протяжении пятнадцати лет. Эта «официальная связь» не мешала ей кокетничать с Мицкевичем и Пушкиным, которые благодаря ей сблизились между собою. Царь считал Каролину Собаньскую женщиной опасной и одинаково коварной как в любви, так и в политике. Дамы из этого рода питали пристрастие к людям выдающимся. Но Эвелина слыла более положительной, нежели ее сестра.

Венцеслав Ганский владел на Украине поместьем Верховня, у него были 21 000 гектаров земли и 3035 душ крепостных. Для Бальзака в его новой победе было что-то от восточных сказок. Его гордость, уязвленная неудачей с маркизой де Кастри, брала теперь реванш. Новая поклонница, казалось, сочетала в себе все: молодость (госпоже Ганской было тридцать

¹ В те времена «Котидьен» была единственной французской газетой, которую русская цензура не запрещала распространять.—
Примеч. автора.

два года, но она говорила, что ей двадцать семь), красоте (в этом он не сомневался), сказочное богатство, и вдобавок у нее был старый муж. Из-за него необходимо было принимать некоторые меры предосторожности. Вскоре, однако, отыскалась и нужная сообщница — швейцарка Анриетта Борель, которую в доме называли Лиреттой, гувернантка Анны, единственной дочери госпожи Ганской, оставшейся в живых из пяти ее детей. Анриетта согласилась получать на свое имя письма, которые знаменитый писатель посылал романтической владелице поместья, вкладывая их в двойной конверт.

У романиста, можно сказать, сотня сердец на любой образец. С Чужестранкой Бальзак был совсем иным, чем, например, с Эженом Сю и Латур-Мезрэ. Что это, плутовство в чувствах? Вовсе нет. Пылкое сердце, нетронутое воображение, жажда чистой любви, экзальтация, которые он описывал, — все это составляло одну из сторон его натуры. «На земле, — писал он Чужестранке, — живут несчастные изгнанники небес; узнавая друг друга, они проникаются взаимной любовью». И она, и он — оба принадлежат к этому племени.

В разгар битвы, которую я веду, в лихорадке тяжелого труда и моих бесконечных исканий, в горниле этого всегда возбужденного Парижа, где политика и литература поглощают у меня шестнадцать, а то и восемнадцать часов в сутки, я, человек глубоко несчастный и ничуть не похожий на тот образ писателя, который все себе рисуют, переживал чудесные часы, которыми обязан вам. И вот, чтобы отблагодарить вас, я посвятил вам четвертый том «Сцен частной жизни» и поместил оттиск вашей печати вверху, над названием последней из «Сцен», над которой работал в ту пору, когда получил ваше первое письмо. Но одна особа, которая близка мне как мать, к чьим капризам и даже к ревности я обязан относиться с уважением, потребовала, чтобы это немое свидетельство моих тайных чувств было снято. Я чистосердечно рассказываю вам историю этого посвящения и того, почему оно было уничтожено, ибо полагаю, что вы обладаете возвышенной душой и сами не захотели бы, чтобы, выражая вам свою признательность, я причинил горе особе, столь же благородной и почитаемой мною, как та, что даровала мне жизнь, ибо особа эта помогла мне удержаться на поверхности горестного и бурного житейского моря, волны которого грозили меня поглотить еще совсем молодым.

Упомянутая особа была, разумеется, *Dilecta*. Трогательную картину своего почти сыновнего отношения к ней Бальзак нарисовал в общем правдиво. «Узы вечные и узы распавшиеся». Гораздо меньше соответствовала действительности нарисованная им картина одинокой

жизни и опасностей, грозивших ему в связи с политической борьбой. «Оракул побежденной партии, выразитель благородных и проникнутых верой идей, я уже стал предметом сильной ненависти. Чем больше надежд возлагают одни на мой голос, тем больше другие его страшатся». Изнемогая под гнетом непосильного труда и жестоких огорчений, он, по его словам, нуждался в сочувствии женщины, которую обожал бы и почитал. Владелица Верховни вполне подходила для этой роли. Она уже поддавалась было соблазну, но затем ею овладело сомнение, ибо она внезапно получила письмо, написанное другим почерком и совсем другим слогом; письмо было запечатано черным сургучом. Его написала Зюльма Карро, которая была в ту пору в трауре; Бальзак иногда поручал ей отвечать на письма, полученные им от незнакомых женщин.

Бальзак — госпоже Ганской, январь 1833 года:

Вы страшитесь стать предметом шутки? С чьей же стороны? Со стороны бедняги, который вчера был и завтра еще окажется жертвой своей почти женской стыдливости и застенчивости, своих верований. Вы требуете объяснить несхожесть почерка в двух полученных от меня письмах, вы полны недоверия; но у меня столько разных почерков, сколько дней в году, однако при этом я самый постоянный человек на свете. Моя переменчивость лишь следствие фантазии, я могу вообразить все что угодно и при этом останусь девственным.

Объяснение было мало правдоподобное; и Бальзак постарался поскорее переменить тему: он заговорил о «Луи Ламбере», этот роман в тогдашнем его виде казался ему «жалким недоноском», и он решил переработать его. В то время (январь 1833 года) он заканчивал «выдержанный в евангельском духе» труд, который казался ему опоэтизированным «Подражанием Иисусу Христу». Речь шла о «Сельском враче», за которым должна была последовать «Битва». Бальзак не написал еще ни одной страницы «Битвы», но в письме он весьма подробно говорил о ней.

Надо, чтобы, сидя в кресле, невозмутимый читатель видел перед своими глазами местность, гористый рельеф, скопление людей, стратегические маневры, Дунай, мосты, надо, чтобы он восхищался этим сражением в целом и отдельными его эпизодами, чтобы он слышал грохот артиллерийских орудий, чтобы его занимало передвижение войск, точно на шахматной доске, чтобы он видел все, угадывал в каждом движении этого огромного войска волю Наполеона: ведь я не выведу его на сцену, в лучшем случае покажу, как он вечером переправляется на судне через Дунай! Ни

одного женского лица, только пушки, лошади, две армии, разноцветные мундиры. На первой странице грохочет орудие, оно умолкает на последней. Вы будете читать, словно сами окутаны клубами дыма, а закрыть книгу вы должны с таким чувством, будто мысленным взором созерцали битву и вспоминаете о ней как очевидец.

Какие глыбы ему предстояло ворочать! И как нуждался этот «бедняга», этот гений в ободряющем голосе, который приобщил бы его к жизни, достойной мужчины, «позволив собирать цветы страсти на обочине дороги». С юных лет он жаждал любви молодой и красивой женщины. Он познал любовь, но женщина, увы, не была молода. «Я, еще не зная вас, уже люблю, это может показаться странным, но таков естественный результат моей доселе пустой и несчастной жизни». Госпожа Ганская сразу же увлеклась этой игрою. Она расспрашивала о Бальзаке у путешественников, возвращавшихся из Франции. Ей говорили, будто он пьет («Я не пью ничего, кроме кофе»), будто он бывает у таких порочных людей, как Эжен Сю («Эжен Сю добрый и любезный молодой человек, он только бравирует своей мнимой порочностью»), будто он ведет светскую жизнь (да, было время, когда он засиживался после полуночи у друзей, рассказывая им разные истории; он отказался от этого, чтобы не прослыть пустым забавником); к тому же, прибавлял Бальзак, «великое разочарование, о котором говорит весь Париж» (неудачный роман с маркизой де Кастри), вновь ввергло его в безмолвие, уединение и упорный труд.

В первые месяцы 1833 года Бальзак и вправду чудовищно много работал. «Луи Ламбер» был опубликован 31 января, и критика сразу же его разругала. Этого следовало ожидать. Для того чтобы абстрактные идеи захватили читателя, они должны воплотиться в легенду или в рассказ. А «Луи Ламбер» подобен сгустку мысли, кристаллу, не отшлифованному и не вставленному в оправу. Однако верная Зюльма Карро ставила эту книгу, «отбрасывая всякое дружеское пристрастие, гораздо выше «Фауста» Гёте». Все же в этом суждении дружеское пристрастие играло, пожалуй, гораздо большую роль, чем думала госпожа Карро.

Обязательства по невыполненным контрактам беспощадно напоминали о себе. Журнал «Ревю де Пари» настойчиво требовал от Бальзака новелл, на которые ре-

дакция имела право, ибо ежемесячно выплачивала ему гонорар. Писатель поспешно заканчивал первый эпизод из «Истории Тринадцати», замысел которой уже давно зрел в его уме. Сюжет этого произведения был ему по душе. «Во время Империи нашлось в Париже тринадцать человек... наделенных достаточно большой энергией, чтобы сохранять верность общему замыслу, достаточно честных, чтобы друг друга не предавать». Бешеная энергия, огромная сила воли, тайные общества — Бальзаку всегда нравились подобные темы. Его отец был франкмасоном и часто рассказывал сыну о влиянии, которым обладали тайные общества. Между франкмасонами и корпорациями подмастерьев существовали некоторые связи. Сеть таких тайных содружеств, связанных взаимной поддержкой, опутывала Францию. Из «Мемуаров» бывшего каторжника Видока, ставшего затем главою сыскной полиции, читатели узнали о нерушимой солидарности, существующей в преступном мире.

Тайные сообщества отвечают исконной потребности человеческих существ. Посвящение в тайну, магические узы восходят к самым древним цивилизациям. Бальзаку больше чем кому-либо нравилось рисовать в своем воображении человека или людей, подобных богам, царящих в Париже и во всем мире. Он с наслаждением создавал образ Феррагуса, предводителя деворантов, сверхчеловека, сурового и неукротимого, одного из Тринадцати, а читатели «Ревю де Пари» с не меньшим удовольствием знакомились с этой фантастической повестью, действие которой происходило в их время и в том обществе, где жили они сами. Сказка «Тысячи и одной ночи» словно сошла на Париж. По его ночным улицам бродили Тринадцать поборников справедливости. Всякий, кто начинал читать «Феррагуса», не мог оторваться от книги. Заключенная в крепость Блэ герцогиня Беррийская прочла повесть «Феррагус» и просила своего врача, доктора Меньера, узнать у Бальзака, с которым тот был в дружеских отношениях, конец этой демонической истории.

Доктор Меньер — Бальзаку:

Над вашими произведениями плакали, стонали... Спасибо вам, чародей, вы заменяете узникам Провидение.

Бальзак, обрадованный и польщенный, ответил:

Заменять Провидение узникам, мой дорогой Меньер,— самая прекрасная роль, какая только существует на свете, и возможность принести утешение одному из тех ангельских созданий, которых именуют женщинами, особенно если создание это почему-либо страдает, для меня дороже самой громкой славы.

Он объявил о том, что пишет новый эпизод из «Истории Тринадцати», который будет называться «Не прикасайтесь к секире». То была будущая повесть «Герцогиня де Ланже». В ней должна была найти своеобразное отражение история неудачной любви к Анриетте де Кастри. Бальзак готовился мысленно вкусить жестокое мщение: Тринадцать должны были заклеить раскаленным железом знатную и вероломную кокетку, после чего автор для спасения ее души намеревался отправить героиню повести в обитель кармелиток (такой монастырь находился неподалеку от его дома на улице Кассини, и пение монахинь умиляло писателя).

Однако он признается, что эта «фабрика идей» совершенно изматывает его. Столь неистовый труд требовал непосильного напряжения, и Бальзак уже с той поры, когда он жил в мансарде, прибегал к возбуждающим средствам, главным образом к кофе, который прогоняет сон. Кофе, какой пьют простые смертные, оказывает свое действие всего две-три недели. «По счастью, этого времени достаточно, чтобы написать оперу»,— говорил Россини. Бальзак продлевает этот срок, увеличивая крепость напитка. Он обнаружил, что, во-первых, кофе, истолченный по-турецки, гораздо вкуснее молотого; что, во-вторых, кофе действует куда сильнее, если его залить холодной водой, а не кипятком; что, в-третьих, напиток будет оказывать свое действие на неделю или даже на две дольше, если уменьшить количество воды, чтобы получилась гуща, некий кофейный экстракт. Если пить кофе натошак, он обжигает стенки желудка, заставляет его резко сжиматься, сокращаться. «И тогда все приходит в движение: мысли начинают перестраиваться, подобно батальонам Великой армии на поле битвы, и битва разгорается. Воспоминания идут походным шагом с развернутыми знаменами, легкая кавалерия сравнений мчится стремительным галопом; артиллерия логики спешит с орудийной прислугой и снарядами; остроты наступают цепью, как стрелки»¹. Сло-

¹ Balzac. Traité des excitants modernes. (Бальзак. Трактат о современных возбуждающих средствах).

вом, бумага покрывается чернилами, подобно тому как поле битвы окутывается темным пороховым дымом. Книга входит в строй, сердце писателя выходит из строя.

Литературный Париж утомлял Бальзака и вызывал в нем отвращение. «Какая все это грязь!» Он писал Чужестранке (весьма несправедливо), что Виктор Гюго, «женившийся по любви и ставший отцом прелестных детей, ныне тешится в объятиях недостойной куртизанки». Он, Бальзак, благодарение Богу, избежал этой трясины, ибо небо даровало ему нескольких друзей с возвышенными сердцами: это Dilecta, дама из Ангулема (Зюльма Карро), живописец Огюст Борже, сестра Лора, а теперь к ним прибавилась милая Чужестранка. Ах, пусть она почаще пишет ему!

Умоляю, расскажите мне подробнее, так ласково и *вкрадчиво*, как вы умеете, о том, как течет ваша жизнь, час за часом; позвольте мне как бы стать очевидцем всего. Опишите мне места, где вы живете, все, вплоть до обивки мебели... Пусть мой мысленный взор... обращаясь к вам, повсюду вас находит; пусть видит вас склонившейся над вышиванием, над начатым цветком; пусть всякий час следует за вами. Если бы вы только знали, как часто усталый мозг жаждет отдыха, но отдыха деятельного! Как благотворны сладостные мечты, когда я могу сказать себе: «В эту минуту она там-то или там-то, она смотрит на такую-то вещь!» Ведь я считаю, что мысль способна преодолевать расстояния, что у нее достаточно силы, чтобы побеждать их! В этом мои единственные радости, ибо жизнь моя наполнена непрерывным трудом.

И каким трудом! Побуждаемый стремлением создать колоссальный памятник и постоянной нуждой в деньгах, Бальзак подписывает договоры уже не на отдельные романы, а сразу на серии романов: Гослен будет издавать «Философские этюды», Мам — «Этюды о нравах». Но, несмотря на свою невероятную работоспособность, писатель не в силах выполнить взятые обязательства. Он обещал десять томов. Но хотя он работал днем и ночью, всякий раз оказывалось, что книга не готова к сроку. И тогда Бальзак прикладывал поистине нечеловеческие усилия.

Бальзак — Зюльме Карро:

Надо вам сказать, что я погружен в неимоверный труд. Я живу как заводная кукла. Ложусь в шесть или семь часов вечера, вместе с курами; в час ночи меня будят, и я работаю до восьми утра; потом сплю еще часа полтора; затем легкий завтрак, чашка крепкого кофе, и я вновь впрягаюсь в упряжку до четырех часов дня; затем у меня бывают посетители, или я сам куда-нибудь выхожу, или принимаю ванну; наконец я обедаю и ложусь спать. Таковую

жизнь мне придется вести целый месяц, в противном случае невыполненные обязательства поглотят меня. Доходы растут медленно, а долги неуклонно увеличиваются. Правда, ныне я уверен, что у меня будет большое состояние, но надо набраться терпения и работать еще года три; надо переделывать, исправлять, во всем добиваться монументальности; какой неблагодарный, ни для кого не заметный труд, к тому же без ощутимых результатов.

Ко всему еще женщины беззастенчиво отнимали у него столь драгоценное время. Нет, не госпожа де Кастри: «Неслыханная холодность постепенно пришла на смену чувству, которое я считал страстью, охватившей сердце этой женщины: ведь она в начале нашего знакомства вела себя достаточно благородно». Но зато герцогиня д'Абрантес, например, спрашивала у Бальзака, жив ли он еще, и сетовала, что так редко видит его. Благоразумная Зюльма заклинала писателя остерегаться супругов Жирарден: «Он просто спекулятор... А она бездушна... Если бы вы по-прежнему общались с людьми простыми и здравомыслящими, как мы, насколько вы были бы счастливее, пусть даже ваши произведения утратили бы от этого некоторые свои краски!» Друзья всякого писателя неизменно советуют ему не видеться ни с кем, кроме них. Доктор Наккар уже в который раз настоятельно рекомендовал Бальзаку отдохнуть. И писатель провел в Ангулеме вторую половину апреля и первую половину мая 1833 года.

А в Париже Бальзака снова ожидали крупные неприятности. Новый журнал, «Эроп литерэр», предложил к его услугам свои страницы; Бальзак согласился и отдал туда «Теорию походки», блестящую вещицу в духе Лафатера; для этого журнала он готовил и новую «Сцену провинциальной жизни» — роман «Евгения Гранде». Издатели Гослен и Мам пришли в ярость от такого вероломства и в негодовании потрясли невыполненными контрактами. Мам порвал с Бальзаком все отношения и обратился в коммерческий суд. Бальзак в отместку поступил совсем по-ребячески: он отправился к типографу Барбье (его бывшему компаньону, в чьи руки перешла затем их общая типография), чтобы рассыпать набор «Сельского врача». В этой войне писатель был обречен на поражение, ибо право было не на его стороне. Тогда он попросил Лору д'Абрантес, которой в свое время представил издателя Мама, ныне выпускавшего ее произведения, вмешаться. По уверениям

госпожи д'Абрантес, она защищала Бальзака, «как сестра защищала бы любимого брата». Она убеждала издателя, что «Сельский врач» — самая прекрасная книга на свете. В награду она хотела, чтобы Бальзак навестил ее, приехал бы как-нибудь в ее уединенное жилище «в час, когда день уже угасает, а ночь еще не наступила... Приезжайте же поскорее, а главное — рассчитывайте на меня, как на лучшего своего друга». Но он не приехал и даже не поблагодарил ее, а поступил совсем уж нелогично — отверг посредницу, к которой прежде обращался за содействием.

Бальзак — герцогине д'Абрантес:

Вы оказали мне дурную услугу, заговорив о моем произведении с отвратительным палачом, чье имя Мам; на его совести кровь и банкротства многих, теперь он хочет прибавить к слезам разоренных им людей горе еще одного труженика. Разорить меня он не может, ибо у меня ничего нет, и он попытался меня очернить, он терзал меня. Я не еду к вам потому, что не хочу встретиться с этим висельником...

Такая несдержанность не шла на пользу Бальзаку, и третейские судьи признали, что он не прав. Писатель утешился, размышляя о славе, которую принесет ему «Сельский врач», наконец-то вышедший в свет 9 сентября. «Право же, думаю, что я могу умереть спокойно, ибо я подарил своей стране великое произведение. По-моему, книга эта стоит больше многих законов и выигранных сражений. Это — Евангелие в действии». «Сельский врач» не был обычным романом. Доктор Бенаси, известный врач, который в силу таинственных причин решил искать в затерянном уголке Альп «мрак и тишину», радушно принимает своего гостя, майора Жене-ста, в горном селении, которое он, Бенаси, возродил к жизни. Он знакомит майора с обитателями селения: с кюре Жанвье, с трогательной Могильщицей (одной из героинь романа Бальзак дал священное для него имя Эвелина), со старым наполеоновским солдатом Гогла. Бенаси излагает свои политические взгляды — взгляды самого Бальзака. Он противник всеобщего избирательного права и предрекает, что успехи буржуазного либерализма вскоре приведут к долгой борьбе между буржуазией и народом, который увидит в ней новую, но только более мелочную знать. «Предположим, что во Франции сто пэров, они будут причиной сотни столкновений». Упраздните титул пэра, и тогда все богачи станут при-

вилегированными людьми; социальное неравенство умножает причины для столкновений.

В этом романе Бальзак выступает не как реакционер, а как революционер, созидатель. Он отмечает, что народу в деревнях становится все меньше, говорит об опасном росте числа людей, вырванных из привычных условий жизни и потому озлобившихся. «Человек, желавший быть одновременно правдивым бытописателем французского общества своего времени и властителем дум, не мог оставаться равнодушным к таким явлениям», — справедливо замечает Бернар Гийон. Его герою, Бенаси, удалось возродить к жизни уголок французской земли. Каким образом? Прежде всего потому, что он считался с реальной жизнью. Ведь законы надо издавать не для ангелов и не для чудовищ, а для крестьян — таких, каковы они есть. Суровость этих людей объясняется суровостью их жизни. Важно внедрить в их умы понимание того, что у них есть общие интересы. В этом отношении нынешние реформаторы согласны с Бальзаком: ассоциация, кооперация, укрупнение земельного хозяйства. Все это требует времени и терпения. Для того чтобы добиться успеха в подобном начинании, говорит Бенаси, «надо каждое утро находить в себе запас редчайшего терпения — хотя со стороны кажется, что оно тебе ничего не стоит, — терпения педагога, беспрестанно повторяющего одно и то же».

Читатель присутствует на посиделках крестьян. Зарывшись в сено, Бенаси и его гость слушают чудесные народные сказки вроде той, где говорится о «храброй горбунье». Затем старый наполеоновский солдат Гогла рассказывает об Императоре: «Видите ли, друзья, Наполеон родился на Корсике, остров-то это французский, да припекает его солнце Италии». И вот уже развертывается гигантская эпопея, которая дышит просто-душной поэзией. Этот вставной эпизод не имеет никакого отношения к сюжету книги. Возможно даже, что он был написан автором для пресловутой «Битвы»; но он пользовался таким огромным успехом, что его несколько раз издавали отдельно. Наконец Женеста выслушивает исповедь доктора Бенаси; как известно, сохранились две ее версии: первая была написана в то время, когда Бальзак гневался на госпожу де Кастри, и сельский врач, его герой, был доведен до отчаяния не-

кой кокеткой; согласно второй версии, герой книги искупает своим затворничеством грех молодости — оказывается, он причинил горе двум юным девицам. Произведение это довольно рыхлое, но тем не менее оно не лишено своеобразной прелести.

Эюльма Карро с похвалой отозвалась о «Сельском враче»: «В добрый час! Мне нравится, когда вы пишете такие вещи... В книге нет ненужного остроумия, и это делает ее в моих глазах особенно прекрасной». Но как раз это обстоятельство и отвращало от книги читателей и критику. Женщины не находили в ней того, что привыкли искать у Бальзака. Политические противники писателя обрадовались.

Бальзак — госпоже Ганской:

Все здешние газеты нападают на «Сельского врача». И каждая из них норовит вонзить кинжал.

Фельетонисты утверждали, что Бальзак разбирается в лесоводстве, в сельскохозяйственных работах, понимает, как надо управлять сельским округом, но, добавляли они, ведь публика ждала от него романа, а не мешанины из гигиены, политики и морали. Писатель не сдавался. Он был уверен, что в один прекрасный день, подобно Вольтеру, покорит образованный мир Европы; он был уверен, что придет время и читатели поймут: «Сельский врач» — это Евангелие в действии; наконец, он был уверен, что книга будет удостоена премии Монтиона. Французская академия, увы, приняла иное решение.

В предисловии к этому роману, которое автор так и не опубликовал, он утверждал, что автор не подписал книгу своим именем, ибо не хотел получать премию Монтиона: «Если бы по воле случая Академия пожелала наградить его определенной суммой денег... его самолюбие было бы уязвлено: он бы решил тогда, что сочинил какую-нибудь глупость, тогда как он стремился зажечь простые сердца, которые способны прийти в волнение, почувствовав непритязательную поэзию добра». Но, насмехаясь над добродетельной глупостью покойного Монтиона, Бальзак был глубоко задет приемом, оказанным книге, которой он отдал столько труда и сил, и ему вновь захотелось бежать из Парижа.

Чтобы утешиться, он задумал повидать наконец Чужестранку. Эвелине удалось уговорить своего мужа повезти ее в Швейцарию, в Невшатель — родной город

гувернантки Анриетты Борель. В ту эпоху всякий русский богач отправлялся в путешествие в сопровождении целой свиты. Анна Ганская, ее воспитательница, две старушки родственницы, слуги — словом, вся Верховня поселилась в Невшателе в доме Андрие, расположенном против гостиницы «Сокол». Ожидая Бальзака, Чужестранка писала, что боится его. О нем рассказывали столько самых невероятных историй. А что как он опытный повеса, холодный, расчетливый?

Бальзак — госпоже Ганской:

О моя незнакомая любовь! Не бойтесь меня, не верьте ничему дурному, что обо мне говорят! Я просто ребенок, вот и все, ребенок гораздо более легкомысленный, чем вы полагаете; но зато я чист, как дитя, и люблю, как дитя... Женщина всегда была для меня мечтой, всякий раз я протягивал к ней руки, но меня ждало разочарование.

Да, разумеется, он придет; после долгой борьбы он нуждается в отдыхе; он прибудет под чужим именем, скажем, под именем маркиза д'Антраг. «Всякий насторожится при имени господина де Бальзака, но кому известен господин д'Антраг? Никому». Он так привык жить силой своего воображения, что уже заранее описывал ей их будущую встречу: «Я вижу ваше озеро, а моя интуиция порою столь безошибочна, что я уверен: увидев вас наяву, я воскликну: «*Это она! Она — это ты, любовь моя*».

Находится великолепный предлог, чтобы оправдать поездку, ни в ком не пробуждая подозрений. Бальзак вынашивал замысел грандиозного делового начинания: речь шла о продаже книг по подписке, каждый том должен был стоить один франк — словом, он предлагал создать нечто вроде «Клуба книголюбов». Каждый месяц будет выходить по роману, тиражи намечались огромные; у него уже были даже компаньоны. Он предложил акции будущего общества Зюльме Карро, Сюрвилю. Но для этого дела требовалась особая бумага, тонкая и прочная, наподобие китайской; ее можно было изготовить в Безансоне. А от Безансона до Невшателя рукой подать. Чего проще! Но осуществить само свидание было не так просто. Ему было известно только, что Чужестранка остановилась в доме против гостиницы «Сокол». Как он узнает графиню? Десять лет спустя (29 февраля 1844 года) Бальзак напомнил Ганской ту минуту, когда он впервые увидел ее издалека.

Ах! Вы все еще не знаете, что произошло в моем сердце, когда, очутившись в глубине двора (каждый булыжник в нем, наваленные доски, каретные сараи навсегда врезались в мою память), я увидел в окне ваше лицо!.. Все поплыло у меня перед глазами, и, заговорив с вами, я будто оцепенел, точно поток, внезапно замедливший свой неудержимый бег, чтобы затем с новой силой устремиться вперед. Оцепенение это длилось два дня.

«Что она обо мне подумает?» — в страхе повторял я про себя, точно помешанный.

В тот день на госпоже Ганской было платье из темно-фиолетового бархата, а любимый цвет Бальзака был именно фиолетовый. Приехав в Невшатель, он отправил ей короткое письмо на имя Анриетты Борель.

Между часом и четырьмя я отправлюсь прогуляться по окрестностям города. Все это время я буду любоваться озером, которого совсем не знаю. Могу пробыть тут столько времени, сколько пробудете вы. Известите меня запиской, могу ли я вам писать здесь до востребования, ничего не опасаясь, ибо я страшусь причинить вам хотя бы малейшее огорчение; сообщите мне, Бога ради, как правильно пишется ваша фамилия.

Тысяча поцелуев. С тех пор как я уехал из Парижа, каждое мгновение моей жизни было заполнено вами; даже любясь долиной Травер, я думал о вас. Как очаровательна эта долина!

Сохранился рассказ, будто во время прогулки Бальзак заметил даму, читавшую какую-то книгу. Она уронила платок. Писатель приблизился; в руках у незнакомки был его роман. Волнующее мгновение для обоих: наконец-то после возвышенной переписки они представили друг перед другом во плоти. Хотя в своем первом письме Ганская и писала: «Ваша внешность ничего не может сказать о вашем пламенном воображении», она все же не ожидала, что встретит маленького кругленького человечка без передних зубов, с растрепанными волосами; однако, как это бывало всегда, светившееся умом лицо, сверкающие глаза, добрая улыбка и пылкое красноречие Бальзака заставили ее быстро забыть о первом неблагоприятном впечатлении. «Вряд ли встретишь второго столь живого и остроумного человека», — подумала она. Бальзак же увидел женщину с пышными и соблазнительными формами, выпуклым лбом, несколько полной шеей и чувственным ртом. У нее был «независимый и горделивый вид, в надменном лице угадывалось сладострастие». Ее неправильный выговор пленил его. Он стал бы боготворить Ганскую, какой бы она ни оказалась, и потому был приятно обрадован. С кем же поделиться своим счастьем, как не с милой сестрою, кото-

рой он привык с детства поверять свои горести и радости?

Бальзак — Лоре Сюрвиль, 12 октября 1833 года:

Я нашел в ней все, что может польстить безмерному тщеславию животного, именуемого человеком, а ведь поэт, разумеется, наиболее тщеславная его разновидность; но почему я вдруг заговорил о тщеславии, нет, оно тут ни при чем. Я счастлив, бесконечно счастлив, как в мечтах, без всяких задних мыслей. Увы, окающийся муж все пять дней ни на мгновение не оставлял нас. Он переходил от юбки своей жены к моему жилету. К тому же Невшатель — маленький городок, где женщина, а тем более знатная чужестранка не может и шагу ступить незаметно. Я чувствовал себя, как в горниле. Не выношу, когда на моем пути помехи.

Но главное — это то, что нам двадцать семь лет, что мы на удивление хороши собой, что у нас чудесные черные волосы, нежная шелковистая кожа, какая бывает у брюнеток, что наша маленькая ручка создана для любви, что в двадцать семь лет у нас еще совсем юное, наивное сердечко, — словом, мы настоящая госпожа де Линьоль, и мы так неосмотрительны, что можем броситься на шею милому другу при посторонних. Я уж не говорю тебе о колоссальных богатствах. Какое они имеют значение, когда их владельца — подлинный шедевр красоты! Я могу сравнить ее только с княгиней Бельджойозо, впрочем, она куда лучше княгини. Томный взор ее одновременно полон дивной неги и сладострастия. Я был просто пьян от любви...

Господи, до чего красива долина Травер, до чего восхитительно озеро Биль! Именно там, как ты можешь догадаться, мы попросили мужа позаботиться о завтраке. Но мы, увы, оставались на виду и тогда в тени громадного дуба украдкой обменялись первым поцелуем любви. Нашему мужу скоро шестьдесят, вот почему я поклялся терпеливо ждать, а она — сохранить для меня свою руку и сердце. Разве это не мило — заставить мужа, похожего на каланчу, покинуть свою Украину и вместе с ним проделать шестьсот лье, чтобы встретиться с возлюбленным, который — о, изверг! — проделал всего лишь сто пятьдесят лье?

Муж (боярин в очках и в пальто с меховым воротником) благосклонно отнесся к встрече (разумеется, случайной!) с известным писателем и, естественно, проникся к нему симпатией. Венцеслав Ганский производил впечатление человека нездорового, и мысль о скором браке с его будущей вдовой казалась Бальзаку весьма правдоподобной. И какая партия! Владетельная графиня, повелевавшая тысячами крепостных! Бальзак и Ганская обменялись клятвами в верности. Они вместе побывали на острове Сен-Пьер, расположенном на озере Биль, — то был поросший лесом клочок земли с крутыми берегами. Тотчас же было условлено, что Бальзак на Рождество приедет повидаться с Ганской в Женеву, ибо отношения следовало закрепить. На сей раз, в противо-

положность госпоже де Кастри, дама сама упрекала его в том, что он удовольствовался лишь поцелуем.

Недобрая! Разве ты не прочла в моих взглядах, чего я жаждал? О, будь спокойна: я испытал все те желания, какие женщина стремится внушить человеку, которого любит; и если я не сказал тебе, как пламенно я мечтал, чтобы ты пришла ко мне поутру, то только потому, что обстановка у меня была для этого совсем не подходящая. Этот нелепый дом таил столько опасностей. Быть может, в другом месте все было бы возможно. Но зато в Женеве, мой обожаемый ангел, в Женеве я выкажу ради нашей любви столько ума и изобретательности, что их достанет для десяти умнейших людей.

Бальзак показался Ганской несколько вульгарным, но она почувствовала, что это бьющее через край жизнелюбие вполне извинительно, он был просто великолепен, когда смотрел на прекрасную женщину или на прекрасный плод. Творения казались лучше творца, они представлялись более возвышенными, более глубокими; но это было лишь внешнее впечатление. Ведь создал-то их он, а не кто другой.

Обратный путь оказался для Бальзака очень мучительным; ему не везло с дилижансами, с ним обращались словно с тюком, и он прибыл в Париж весь в синяках; в столице его, как обычно, подстерегали денежные затруднения. «Против ожиданий все здесь обстоит из рук вон плохо. Люди, обещавшие вернуть мне долги, не сдержали слова. Зато моя матушка, которая, как я знаю, находится в стесненных обстоятельствах, выказала необыкновенную преданность». Правда, неожиданно появилась надежда: госпожа Беше, дочь издателя Беше и вдова Пьера-Адана Шарле, вставшая во главе фирмы, женщина богатая и привлекательная, предложила Бальзаку купить у него для задуманного ею издания двенадцать томов «Этюдов о нравах», куда должны были войти уже издававшиеся ранее «Сцены частной жизни» и еще не выходявшие в свет «Сцены провинциальной жизни» и «Сцены парижской жизни»; за все она предлагала громадную сумму — от двадцати семи до тридцати тысяч франков. «То-то теперь взвою все лентяи, крикуны, писаки!.. Дорогая моя возлюбленная, моя Ева, дело слажено! Все они лопнут от зависти!»

Этот блестящий контракт позволил бы ему расплатиться со всеми кредиторами (разумеется, за исключением госпожи Бальзак, которая соглашалась ждать);

можно будет также дать отступного «палачу» — издателью Маму, который требовал своего фунта мяса — «Трех кардиналов» или уплаты неустойки.

Для второго тома «Сцен провинциальной жизни» госпожа Беше просила автора срочно дописать еще семьдесят страниц. И Бальзаку пришлось в одну ночь набросать короткую повесть: «Прославленный Годиссар». Он придавал ей мало значения. То был лишь беглый портрет коммивояжера, один из тех «современных типов», которыми Бальзак с удивительной плодovitостью населял страницы «Моды» или «Карикатуры». Однако Годиссару, чье имя восходит одновременно к двум французским словам — «вольная шутка» и «насмешка», предстояла долгая жизнь. Коммивояжер вообще играет немаловажную роль в истории буржуазного общества. Он — то самое «звено, которое соединяет провинцию со столицей», человек, внедряющий парижские новшества в косную жизнь захолустья. Начиная с 1830 года он не только продает шляпы, коленкор и парижские безделушки, но и распространяет идеи. «Глобус», серьезный периодический орган сен-симонистов, который читает Гёте и куда пишет Сент-Бёв, обязан множеством своих подписчиков каламбурам, постной физиономии и чисто раблезианскому остроумию Годиссара, несравненного путешественника, образцового представителя этого типа людей.

Эта своеобразная повесть посвящена (совершенно неожиданно) маркизе де Кастри. Правда, Бальзак написал ей яростное письмо, полное суровых суждений. Возможно, нежный прием, который оказала ему Чужестранка, по закону контраста оживил в душе Бальзака давний гнев? Так или иначе, письмо его ошеломило госпожу де Кастри.

Маркиза де Кастри — Бальзаку:

Какое ужасное письмо вы мне прислали! С женщиной, заслужившей его, больше не встречаются! Как не встречаются больше и с мужчиной, написавшим такое письмо! Вы причинили мне боль, и я еще должна просить прощения? Напрасно я вам пишу, от волнения я как в лихорадке. Для чего вам разбивать и без того уже разбитое сердце?

Перед Чужестранкой он похвастался, что принес ей в жертву госпожу де Кастри. Но на самом деле ссора вскоре была забыта, между Бальзаком и его прежней приятельницей вновь возникла беспокойная дружба.

Надо сказать, что он был не в силах противостоять хотя бы малейшему соблазну, и в ту пору жизни, помимо старой связи с г-спожой де Берни, больной, но по-прежнему преданной и тревожащейся за него подругой, завел тайную интрижку с «премиленькой особой, наивнейшим созданием, дивным цветком, ниспосланным небесами; она тайком приходит ко мне, не требует ни писем, ни забот и говорит: „Люби меня хотя бы год! А я буду любить тебя всю жизнь”». У «дивного цветка» есть имя — Мари-Луиза-Франсуаза Даминуа; она супруга Ги дю Френэ, принадлежащего к почтенному судейскому семейству. В 1833 году ей было двадцать четыре года и она ждала ребенка. От Бальзака. Он посвятил ей роман, над которым в то время работал, — «Евгению Гранде».

Мари. Имя ваше, имя той, чей портрет — лучшее украшение этого труда, да будет здесь как бы зеленой веткою благословенного букса, сорванною неведомо где, но, несомненно, освященною религией и обновляемою в неизменной свежести благочестивыми руками во хранение дома.

Если в образе Евгении Гранде Бальзак изобразил Мари дю Френэ, то мы можем представить себе ее облик: «В Евгении, крупной и плотной, не было той милловидности, что нравится всем и каждому», но художник обнаружил бы в ней греческую красоту, одухотворенную пленительным христианским чувством; спокойное чело скрывало целый мир любви и врожденного благородства, еще даже не осознанного ею самой. Богатое воображение стремится все приукрасить.

Автор задумал «Евгению Гранде» как одну из «Сцен частной жизни»; все в этом произведении должно было располагаться вокруг удивительно бальзаковского образа — папаши Гранде. Книга эта, остающаяся и по причинам эстетическим (простота композиции, единство сюжета), и по причинам нравственным (возвышенная любовь Евгении, преданность Нанеты-громадины) одной из самых прославленных книг Бальзака, была, по мнению автора, всего лишь «милой повестушкой, которую быстро раскупят»; он считал, что она ничтожна по сравнению с «Луи Ламбером». В этом Бальзак ошибался. Все в его прекрасной книге привлекало читателя: всем понятные и правдоподобные деловые начинания папаши Гранде; борьба, завязавшаяся между двумя

кланами за руку богатой наследницы; картина внутренней жизни дома, противопоставление мрака и света в нем — суровость Гранде, доброта его жены, великодушные их дочери; но больше всего возбуждал интерес характер самого Гранде, одного из тех новоиспеченных богачей, возвышение которых бросает свет на историю их эпохи.

«Жизнь скупца требует от человека постоянного напряжения сил», — говорил Бальзак. Быть может, это объясняет, почему верно изображенные скупцы вызывают такое острое любопытство. Однако Гранде не просто скупец, «это человек, умеющий зарабатывать деньги», человек, для которого денежный вопрос, естественно, гораздо важнее всяких чувств. Старика мало трогает, что его племянник потерял горячо любимого отца, но он жалеет юношу, ибо тот потерял свое состояние. Занимаясь поставками для армии, Гранде дал взятку суровому республиканцу, сумел прибрать к рукам великолепные луга, принадлежавшие прежде монастырю. Подобно Бернару-Франсуа Бальзаку, он слыл «приверженцем новых идей», а на самом деле был привержен только виноградникам. Будучи мэром города Сомюра, Гранде добился выгодной для себя оценки в кадастрах принадлежавшего ему дома и земельных владений. Реставрация открыла новые возможности его алчным устремлениям — государственную ренту. Пятипроцентную ренту можно было приобрести в 1814 году за сорок пять франков, а шесть лет спустя продать за сто франков. Гранде «играл на Реставрации», как он прежде «играл на Революции». Этот роман объясняет лучше чем иные специальные труды, каким именно способом возникали громадные состояния представителей новой буржуазии. Из такого же теста, как Гранде, были сделаны во все времена те простолюдины, которые становились миллионерами. Быстрота замысла, быстрота его осуществления, экономия чувств — вот что создавало этих безжалостных гениев наживы.

Действие «Евгении Гранде» разворачивается в Сомюре; однако действие романа с таким же успехом могло бы происходить в Туре или Вуврэ. Пытались отыскивать в Сомюре прототипы героев произведения, но Бальзак всего один раз был в этом городе и оставался там лишь несколько часов. «Город послужил для автора

только правдивым фоном», — замечает Пьер-Жорж Кастекс. Ряд неточностей свидетельствует о том, что события, описанные в книге, происходят скорее в Туре и его окрестностях. Возможно, что, рисуя Гранде, Бальзак воспользовался некоторыми чертами господина де Савари, тестя Маргонна. Но надо ли повторять, что, если автор знает свое ремесло, он никогда не станет списывать своего героя с какого-нибудь одного лица?

Зюльме Карро образ Гранде казался мало правдоподобным. Во-первых, он слишком богат, утверждала она, никакая бережливость, никакая скупость не могут позволить бочару сколотить такое состояние. Бальзак отвечал ей: «Факты против вас. В Туре живет бакалейщик, у которого сейчас восемь миллионов; господин Энар, некогда торговавший вразнос, владеет двадцатью миллионами... Тем не менее в следующем издании я уменьшу состояние Гранде на шесть миллионов». Лоре, у которой были такие же возражения, он писал: «Но, глупенькая, ведь это правдивая история, зачем же ты хочешь, чтобы я шел против правды?» Зюльма находила также, что Гранде «слишком незауряден», и прибавляла: «В провинции не увидишь ничего незаурядного». Но Бальзак заботился не столько о сходстве, сколько о создании впечатляющего образа. У автора своя точка зрения, у читателя — своя. Писатель уже в который раз стремился показать разрушительную силу навязчивой идеи, приводящей к распаду семьи.

Опасная сила, заключенная в мысли, стала важнейшим положением философии Бальзака еще со времени Вандомского коллежа, это мог бы засвидетельствовать его соученик Баршу де Пеноэн, ставший известным философом. Изобретатели и скупцы привлекали романиста накалом своих страстей. Но до сих пор он разрабатывал две различные жилы: философский роман («Шагреновая кожа», «Луи Ламбер») и «Сцены частной жизни». В своих произведениях 1832—1833 годов («Феррагус», «Евгения Гранде») Бальзак добивается синтеза. Каждое произведение существует само по себе, но каждая книга составляет вместе с тем часть некой системы. Бальзак уже провидит в еще слабо освещенных глубинах своего сознания контуры будущей эпопеи: он опишет все сословия, он будет помещать своих героев в тщательно изображенную социальную среду, будет анализировать

социальную структуру городов, где происходит действие его книг, он воссоздаст единый мир, где физические и нравственные особенности окажутся двумя сторонами одной и той же действительности. Отсюда длинные авторские рассуждения о Париже, о Сомюре, о походе женщины из общества; о том, как скупец бережет свои силы. Роман с драматическим сюжетом, от которого трудно оторваться, будет включать некий трактат, в духе рассуждений Лафатера, или небольшое эссе об архитектуре. Кювье по одной кости восстанавливал облик животного; Бальзак по одному предмету или дому воссоздает облик людей, городов и целых народов.

Достоинно удивления, что самый глубокий писатель своего времени лишь с трудом вынуждал критику принимать его всерьез. «Несомненно, господин де Бальзак никогда не напишет хорошего романа»,— утверждал Пельтан. Добиваясь появления статей, где бы признавалось его мастерство, Бальзак вынужден был сам их писать или же просить об этом своих друзей. Сент-Бёв и прочие «влиятельные» критики относились к нему с обидным пренебрежением. Виктор Гюго нравился им благородством тона, выбором сюжетов, олимпийским спокойствием. Бальзак не укладывался в рамки своего времени. Он описывал повседневную жизнь, денежные аферы, драматические чувства и потому слыл тривиальным, вульгарным, а его веселое лицо, непринужденные манеры, возбуждение, в котором он постоянно пребывал, казалось, подтверждали суждения такого рода.

Примечательно, что он достигает совершенства в своем искусстве именно тогда, когда забывает о своей философской системе. Не раз он будет выводить на сцену мыслителей, художников, музыкантов, которые мучительно бьются, пытаясь постичь смысл мироздания, но терпят неудачу потому, что их высокие устремления чересчур дерзновенны. Бальзак также пришел бы к краху, если бы упорствовал в желании изложить свою философию, проявляя при этом излишнюю настойчивость. Для того чтобы избегнуть такой опасности, он должен был вновь и вновь погружаться в реальный мир. В тот день, когда он понял, что лучший способ выразить свои идеи состоит в том, чтобы наполнить их конкретным содержанием, жизнью, он был спасен. Луи Ламбер умер молодым; папаша Гранде обрел бессмертие.

ПОИСКИ АБСОЛЮТА

Тщеславие, без которого любовь недостаточно сильна, подогревало его страсть.

Бальзак

Он пылко желал свидеться с госпожой Ганской в Женеве. Там он наконец скрепит эту пока еще платоническую победу печатью обладания — того требовали и его любовь и его самолюбие. Он уже обращался к ней на «ты» — первый признак полной близости. «Ну, до скорого свидания. Работа поможет мне скоротать время нашей разлуки. Какие чудесные дни мы провели в Невшателе! Мы ведь еще совершим туда паломничество, скажи?» Однако, перед тем как предпринять длительное путешествие, он должен был уладить в Париже «денежные дела». Контракт, заключенный с вдовой Беше, не разрешал всех трудностей.

Бальзак — госпоже Ганской, 29 октября 1833 года:

Моя дорогая Ева, в четверг я должен заплатить четыре или пять тысяч франков, а у меня нет буквально ни единого су. Я уже привык к таким повседневным схваткам.

Ева робко предложила небольшую сумму (она располагала только карманными деньгами; все состояние принадлежало мужу). «Возлюбленный ангел мой, будь тысячу раз благословенна за эту каплю воды, за твоё предложение; твой порыв для меня все и вместе с тем ничего. Суди сама, что такое тысяча франков, когда ежемесячно нужно десять тысяч».

«Оставим этот унылый разговор о деньгах...» Если Ева выказывала тут великодушие, не теряя, однако, благоразумия, то одновременно она терзала Бальзака своей ревностью, зачастую беспричинной. Великий Боже! К кому она может его ревновать? К госпоже де Кастри? «Отношения у нас более чем холодные». К госпоже Рекамье? Странная идея! «Учтивость требует поддерживать отношения с женщинами определенного круга, которых ты знал раньше, но думаю, что визит к госпоже Рекамье нельзя назвать отношениями». Как может она упрекать его в том, что он откладывает свою поездку в Швейцарию, когда он убивает себя непосильным тру-

дом, стремясь ускорить их встречу? «Я запродаю несколько лет жизни, чтобы встретиться с тобой». 20 ноября ему еще оставалось дописать сто страниц «Евгении Гранде», закончить повесть «Не прикасайтесь к секире» (впоследствии ей предстояло стать «Герцогиней де Ланже»), написать «Женщину с огненными глазами» («Златоокую девушку»). «Я приеду полумертвый... Вчера кресло, мой верный товарищ по ночным трудам, подломилось. Это уже второе кресло, которое я прикончил за время той битвы, что веду». Зато он нашел чудесный сюжет для произведения и будет работать над ним в Женеве. Вот как это получилось: в воскресенье, 17 ноября, он был в гостях у Теофиля Бра, скульптора, состоящего в родстве с его приятельницей Марселиной Деборд-Вальмор.

Там я любовался самым прекрасным шедевром на свете. Это «Мария, держащая на руках младенца Христа, которому поклоняются два ангела»... И у меня родился замысел превосходной книги, небольшого томика, введением к которому послужит «Луи Ламбер»; я назову это произведение «Серафита». Серафита, как и Фраголетта, сочетает в себе две натуры, слившиеся в едином существе, но между ними есть и важнейшее отличие: у меня Серафита — это ангел, достигший последней степени преобразования и разбивающий свою телесную оболочку, дабы вознестись на небо. Его одновременно любят и мужчина и женщина. Воспаряя в небеса, он объясняет им, что оба они любили в нем соединявшую их любовь, воплощение которой видели в чистом ангеле, он открывает им живущую в их душах страсть, оставляет им их любовь, а сам навеки покидает нашу земную юдоль. Если я буду в силах, то напишу это возвышенное произведение в Женеве, возле тебя.

Марселина Деборд-Вальмор, поэтесса нежная и меланхолическая, жена посредственного актера и любовница Латуша, с 1833 года дружила с Бальзаком. «Мы из одной страны, сударыня, из страны слез и бедствий». Бальзак не написал бы подобной фразы Эжену Сю; каждому свое. Марселина представила ему Бра, который, как и она, был родом из Дуэ; этот второстепенный художник оказался весьма примечательным человеком: он был дважды женат, и оба раза на «ясновидящих»! Подобно Бальзаку, Бра живо интересовался философией Сведенборга, гермафродитами, легионами небесного воинства. В таком душевном настроении художник этот и задумал создать скульптурную группу — Богоматерь и ангелы, в которой Бальзак увидел «возвышенную гениальность».

Творение Бра подсказало Бальзаку, постоянно озабоченному тем, как бы очаровать Чужестранку, замысел самого причудливого из его романов. Одним из ангелов будет он сам, другим — Эвелина; от их союза родится двуликое существо — Серафит-Серафита, одновременно и мужчина и женщина; если на земле их связывает любовь, то «для каждого из них главное — это освободить ангельское существо, заключенное в его телесной оболочке», — замечает Филипп Берто. Миф о гермафродите всегда был излюбленным мифом Бальзака; мужчина привносит разум, женщина — красоту; мужчина — источник движения, женщина — устойчивости; они становятся буквально *единой* плотью и, как единое существо, возносятся на небо, после того как вновь обретают ангельский облик.

Таково было произведение, которое он предназначал божественной Чужестранке. Подобную книгу было не легко написать. Вознесение в конце ее должно было походить на песнь Дантовой поэмы. Чтобы оторвать читателя от привычных представлений и с самого начала погрузить его в атмосферу дикой, девственной природы, Бальзак решил перенести действие в Норвегию! Сначала будет описано, как «утром, когда яркое солнце освещало окружающий пейзаж, заставляя пламенеть и переливаться алмазами снега и льды, две фигуры скользили по замерзшему заливу и, перейдя его, понеслись вдоль подошвы Фальберга, устремились к вершине, одолевая уступ за уступом. Кто они? Живые существа? Или же две стрелы? Тот, кто увидел бы их на такой высоте, пожалуй, принял бы за птиц, которых манят далекие облака». На самом же деле эти ангелоподобные существа — два лыжника, совершающие восхождение на норвежский горный пик Ледяная Шапка.

Норвегия знакома Бальзаку только по книгам, но он не сомневается, что возлюбленная вдохновит его. Тяга к сверхъестественному с самого начала прочно связывала их. Казалось, все толкало Эвелину к миру таинственного. Многие из рода Ржевусских давали в своих поместьях приют бродячим мистикам. Бесконечные истории о привидениях и предчувствиях составляли причудливую антологию этой семьи. В Польше немало людей с мятущейся душой пытались освободиться от сковывавшей их плотской оболочки. Месмер нашел себе

в этой стране последователей, а Сведенборг — читателей. Тетушка Эвелины, графиня Розалия Ржевусская, считала свою племянницу доброй, кроткой, но слегка помешанной. Множество книг, прочитанных молодой женщиной, оставили в ее уме следы самых противоречивых влияний. «Эта беспорядочная смесь идей, окрашенных весьма живым воображением, придавала блеск ее речам, которые порою забавляли слушателей, но чаще их утомляли». Такова была Эвелина Ганская — по мнению суровой тетушки Розалии. Бальзака же, напротив, восхищала ее вера в предчувствия, поэтическое тяготение к пророчествам.

Он хотел почерпнуть для «Серафиты» побольше мыслей в произведениях шведского мистика: кажущаяся научная строгость сочеталась в них с чисто библейской поэзией. Такая пища годилась для ума Бальзака. Сведенборг придерживался идеи единства природы. Для него, как и для Бальзака, материальное и духовное были всего лишь двумя формами одной и той же реальности. Во всех проявлениях органической, а также духовной жизни Сведенборг усматривает совокупность движений, подчиненных законам материального мира, и, наоборот, во всех видах материи он обнаруживает «пришедшее в упадок духовное и божественное начало». Нельзя сказать, что Бальзак позаимствовал у Сведенборга свою «унитарную» философию. Зачатки этой философии можно обнаружить в его юношеских «Философских заметках»; затем она была обогащена и подкреплена воззрениями Бюффона, Кювье, Жоффруа Сент-Илера; но у Сведенборга Бальзак отыскал мысль о том, что мир природы — всего лишь символ духовного мира и между ними можно найти некие «соответствия». В этом туманном поэтическом слоге Бальзак видит чудесное проявление «возвышенного ума, превосходящего Данте и Мильтона». Подобно Гюго, он полагает, что материя полна тайн; отсюда и возникает «загадочный и тревожащий характер бальзаковского лабиринта». Реальные предметы в нем — всего лишь условные обозначения. Влияние Сведенборга не изменило Бальзака; оно лишь укрепило его во взглядах на самого себя и на мир.

Между тем нежные слова, уверения, всевозможные планы заполняли письма, по-прежнему приходившие на имя Анриетты Борель. Разумеется, Бальзак писал также

«безобидные письма», которые можно было показать мужу. Ведь для Ганского было бы непонятно, почему добрый друг жены, а также и его самого, никогда им не пишет. В этих случаях лирический тон уступал место церемонному или шутливому: «Сударыня, я не допускаю мысли, что дом Ганских может предать забвению дни, освещенные их милым и любезным гостеприимством, благодарное воспоминание о котором хранит дом Бальзаков». Он обещал прислать скромную брошь, сделанную из камешков, собранных мадемуазель Анной, и автограф Россини, который он получил у маэстро «для его страстного почитателя господина Ганского... Соблаговолите, сударыня, передать вашему супругу мои уверения в самых теплых чувствах и в том, что я неизменно о нем вспоминаю; поцелуйте за меня в лоб мадемуазель Анну и примите заверения в моем самом почтительном уважении». Что касается чувств самой Чужестранки, то мы узнаём о них из письма, адресованного одному из ее братьев.

*Госпожа Ганская — брату Генрику Ржевусскому,
10 декабря 1833 года:*

В Швейцарии у нас завязалось чудесное знакомство с господином де Бальзаком, автором «Шагреновой кожи» и множества других прекрасных произведений. Знакомство это превратилось в настоящую дружбу, и я надеюсь, что она продлится до конца нашей жизни... Бальзак очень похож на вас, мой дорогой Генрик; он так же весел, смешлив и любезен, как вы; даже внешне он чем-то походит на вас, и оба вы напоминаете Наполеона... Бальзак — сущее дитя. Если он вас любит, то заявит об этом с простодушной откровенностью, присущей детям... Словом, при взгляде на него трудно понять, каким образом такой ученый и выдающийся человек умудряется сохранять столько свежести, очарования и детской непосредственности во всех проявлениях ума и сердца.

То было письмо влюбленной женщины. «За всю свою жизнь я не проводила таких мирных и счастливых месяцев, как июль и август, которые прошли в Невшателе». Все ей там пришлось по душе: озеро, прогулки, местные жители. А когда человеку любо все, значит, он и сам кого-то любит.

Когда любишь, время мчится стремительно. Почти весь декабрь пролетел у Бальзака в переписке, трудах, ссорах с книгопродавцами, типографами и в лихорадочном творчестве. Для того чтобы реванш был более полным, он хотел по приезде в Женеву поселиться в го-

стинице «Корона» — той самой, где Анриетта де Кастри унизила его; однако Эвелина Ганская сняла для него комнату в гостинице «Лук», расположенной гораздо ближе к дому Мирабо на Пре-л'Эвек, где она сама поселилась вместе со всеми своими чадами и домочадцами. Гостиница, в которой остановился Бальзак, помещалась в квартале О-Вив, среди парка; на кровле был прелестный флюгер в форме лука, его стрела поворачивалась во все стороны, послушная ветру. Бальзак приехал на Рождество; он обнаружил у себя в комнате перстень, присланный Эвелиной, и записку, в которой она спрашивала, любит ли он ее.

Люблю ли я тебя? Но ведь я же рядом с тобой! Мне бы хотелось встретить во время этой поездки в тысячу раз больше трудностей, испытать еще больше страданий. Но так или иначе впереди славный месяц, а быть может, и два, они по праву завоеваны нами. Целую тебя не один, а миллион раз. Я так счастлив, что, как и ты, не могу больше писать. До скорой встречи.

Да, комната у меня хорошая, а перстень достоин тебя, моя любовь, он прелестен и изыскан!

Он провел в Женеве полтора месяца, и они были заполнены трудом и любовью. Господин Ганский был настроен благодушно, и ничто не омрачало отношений между домом Мирабо и гостиницей «Лук». Обменивались подарками: айвовое варенье из Орлеана (Бальзак, всегда красноречиво расхваливавший свои подношения, считал, что оно необыкновенно ароматное и вкусное), кофе, чай, малахитовая чернильница; писали друг другу иногда даже по нескольку раз в день. Положительно он был в восторге от Евы. Она разделяла его почти болезненную склонность к абстрактным рассуждениям; сюжет «Серафиты» привел ее в восторг. Однако в Женеве его с новой силой охватили мучительные воспоминания, и ему больше хотелось работать над «Герцогиней де Ланже» (в ту пору повесть еще называлась «Не прикасайтесь к секире»). В этой повести он возьмет реванш: герцогиня де Ланже (*alias*¹ маркиза де Кастри) воспыхает страстью к Монриво (*alias*¹ Бальзаку), а он отвергнет ее. Теперь, когда знатная Чужестранка проявляла к нему откровенное внимание, уязвленное самолюбие больше не мучило Бальзака. Он вновь становился самим собой — веселым, жизнерадостным, добрым чело-

¹ Иначе (лат.).

веком, который нравился окружающим. Все в обществе «милой сердцу графини» забавляло Бальзака, он подшучивал над ее манерой произносить некоторые слова (вместо «липы» она выговаривала «льипы»). Она писала ему: «Маркиз» (лукавый намек на его мнимое родство с маркизами д'Антраг); он писал в ответ: «Предводительша» (Ганский был предводителем дворянства на Волыни).

Ее Ржевусскому величеству госпоже Ганской в Женеву:

Обожаемая повелительница, ваше спящее величество, гордая королева Павловска и окрестностей, владычица сердец, роза Запада, звезда Севера и прочая... и прочая... фея льип!

Такими словами начиналось приглашение отправиться в экипаже на прогулку в Коппе с ее «смирненным мужиком».

Столь нежная интимность таила в себе огромное очарование, но Бальзак добился большего. Вечером, при свете луны, в сером платье, «которое так мягко шуршало по паркету», она тайком пробиралась в комнату гостиницы, где жил писатель. Еще несколько дней она отказывала ему в высшей милости. Она говорила, что ревнует к другим дамам, живущим в Женеве, к своей двоюродной сестре, графине Потоцкой, которой она сама представила великого человека, к госпоже де Берни. Она упрекала Бальзака в том, что он просто «ветренный француз». «Прости мне, любовь моя, то, что ты именуешь моим кокетством... Я больше ни к кому не пойду в гости». *Dilecta*? Разумеется, он не отрицал своей близости с нею, но ведь она была только прообразом Эвелины, которая для него *predilecta*: «Ты будешь для меня молодая *Dilecta*... Не ропщи на этот нежный союз двух сердец. Я склонен верить, что любил в ней тебя». Воистину казуистика в чувствах не имеет предела!

Он жаждет безраздельно обладать Евой. «Наш робкий поцелуй — лишь предвестник будущих радостей. Он затрагивает только твое сердце, а я бы хотел, чтобы захвачено было все твое существо. Ты сама убедишься, что полная близость лишь увеличит, усилит любовь». Она же опасалась обратного, боялась, как бы полная близость не убила любви. «Господи, как объяснить тебе, что, едва заслышав исходящее от тебя благоухание, я пьянею; и чем чаще я буду обладать тобою,

тем сильнее это будет пьянить меня, ибо тогда надежда и сладостные воспоминания станут сливаться воедино, между тем как теперь мною владеет только надежда... В свое время я плакал, возвращаясь из Диодати, ибо женщина, позволявшая мне ласкать себя так, как это позволяешь теперь ты, внезапно разом оборвала все нити любовного покрова, который она, казалось, ткала с таким удовольствием!.. Суди же, как я боготворю тебя, ведь ты так далека от этих отвратительных уловок и с чистой радостью предаешься любви, рождая ответный отклик в глубинах моего естества!» Наконец в воскресенье, 19 января 1834 года, Бальзак торжествует победу.

Мой обожаемый ангел, я без ума от тебя, это просто безумие: стоит мне только о чем-нибудь подумать, как ты встаешь перед моим мысленным взором! Я могу мечтать лишь о тебе. Независимо от моей воли воображение уносит меня к тебе. Я обнимаю тебя, прижимаю к своей груди, лобзаю, ласкаю, и волна нежности затопляет меня!.. О моя возлюбленная Ева, послушай, что я хочу тебе рассказать. Я бережно подобрал твою визитную карточку, теперь она тут, передо мной, и я беседую с тобою, словно ты все еще здесь. Ты встаешь перед моими глазами такой, какой была вчера: прекрасной, божественно прекрасной. Вчера весь вечер я говорил себе: «Она моя!» Ах, даже ангелы в раю и те не так счастливы, как я был счастлив вчера!

И все же 26 января он был еще счастливее, этот день остался для него «незабываемым днем». Почему? Ее обещание стать в будущем его женою? Ночь любви? Мы этого не знаем. Однако письмо, написанное на следующее утро после вечера, полного блаженства, свидетельствует о том, что Бальзаком владеет необыкновенный восторг. «Любовь моя, моя возлюбленная, твои ласки подарили мне новую жизнь». Эти «пламенные и сладостные ласки» приобщили его к «дотоле не изведанной любви». С юности он мечтал о безумной страсти, о любовнице, которая была бы одновременно и знатной дамой, и куртизанкой. Он чувствовал, что художники, как и люди действия, испытывают порою потребность «неистово предаваться утехам, ибо существование, которое они ведут, ни в чем не походит на жизнь обыкновенных людей». Первым желанием Рафаэля, героя «Шагреновой кожи», было стремление познать радость разгула, подобно этому и Бальзака манили любовные оргии. У него была страстная натура, и его

влекли эротические игры. Некоторые завистники утверждали, будто он импотент. Утверждение это просто смехотворно. Он был близок со многими женщинами, и все они пылко говорили о своем блаженстве. Бальзаку всегда нравились чувственные женщины, но он хотел также, чтобы его любовницы были и чувствительны, и умны, чтобы они способны были понимать его произведения, восторгаться ими и, быть может, даже вдохновлять его. Ему казалось, что Ева Ганская — именно такая женщина.

Она также, видимо, была счастлива. Она была достаточно умна и упивалась возможностью приобщиться к мыслям гениального писателя; что до плотских радостей, то этот опытный любовник не разочаровал ее, да и сама она выказала немало страсти. «Только художники могут доставить женщине истинное наслаждение, ибо в их натуре есть нечто женское». Счастливая чета строила планы на будущее. До старости им оставалось еще добрых тридцать лет. Разумеется, они не желали зла Венцеславу Ганскому, но вполне можно было рассчитывать, что лет через пять, самое большее — через десять прекрасная Эвелина обретет свободу. «Но тогда мне будет уже сорок», — говорила она. Он отвечал: «В моих глазах ты всегда будешь красива». Как может она думать, что светские салоны, слава, другие женщины могут отдалить его от нее? Кошунственным девизом их союза станет: «Adoremus in aeternum»¹. «В моей грядущей жизни будут существовать только ты да работа». Он дерзко написал в альбоме Евы: «Выдающиеся люди подобны утесам; одни только улитки способны удержаться на них». Госпожа Ганская чуть пониже приписала своей рукой: «Стало быть, я улитка». Уничтожение из любви. Несколько дней Бальзак был болен, Эвелина с разрешения мужа приходила в гостиницу ухаживать за ним. Когда в феврале ему пришлось возвратиться в Париж, было условлено, что немного позднее он присоединится к Ганским либо в Италии, либо в Вене; они приглашали его погостить несколько месяцев на Украине, у них в Верховне; было решено (втайне), что в один прекрасный день Ева и Оноре поженятся.

¹ «Будем любить друг друга вечно» (лат.).

Глупышка, через десять лет тебе будет тридцать семь, а мне сорок пять; люди в этом возрасте вполне могут любить, соединяться браком, целую вечность обожать друг друга. Так вот, мой благородный друг, милая моя Ева, гоните сомнения прочь, вы мне это обещали. Любите и верьте. Ведь «Серафита» — это мы оба. Расправим же свои крылья в едином порыве; будем любить друг друга с одинаковой силой.

Бальзак возвратился в Париж 12 февраля 1834 года. Он привез с собою рукописи: почти законченную повесть «Герцогиня де Ланже», часть «Музея древностей» и «Озорные рассказы»; привез он и перстень, подарок Евы. «Во время своей работы я надеваю его на палец, как талисман». Для «Серафиты» ему нужны были сведения о флоре Норвегии, и он получил их у видного ботаника Пирама де Кандоль, жившего в Женеве. Но главное — он увез с собою из этого города множество чудесных воспоминаний: Эвелина в гостинице «Лук»; меры предосторожности, принимавшиеся для того, чтобы не скрипнул паркет; серое платье, наконец-то сброшенное ею платье, от которого он отрезал лоскут, чтобы переплести рукопись «Серафиты»; лицо его возлюбленной в минуты блаженства. «Я вспоминаю одну из твоих счастливых улыбок, от которой так чудесно преображался твой лик, бледность, покрывавшую твои черты в минуты наслаждения, и эти пьянящие воспоминания просто убивают меня».

Время от времени он посылал супругам Ганским «безобидное письмо», в котором говорил о счастливых днях, проведенных в Женеве: «Вы даже не подозреваете, что за последние десять или пятнадцать лет время, которое я провел в Невшателе и Женеве, было единственной порой, когда я по великой милости небес не помышлял ни о прошлом, ни о будущем, а беззаботно жил, не думая ни о делах, ни об огорчениях, ни о нужде». Он с волнением вспоминал день, когда сидел вместе с Евой в саду и оба они вдыхали дурманящий запах конского каштана, гнившего под водою. Любовь находит радость в любом пустяке, если его разделяет с тобою близкий человек. «Иногда я произношу вслух слово «льипы» и смеюсь, как ребенок». Даже в «безобидных письмах» он бурно выражал ей свою признательность. Главное — чтобы Анна не хворала, чтобы господин Ганский не поддавался «черной меланхолии» и чтобы маде-

муазель Борель всегда улыбалась! Что касается его возлюбленной Евы, то он советовал ей, как лучше сохранить здоровье и не полнеть. Отчего он сам не следовал этим советам!

Во Франции у него сразу же нашлись причины для «черной меланхолии». Госпожа де Берни серьезно болела, в один месяц она состарилась на двадцать лет. «Я скрыл от нее свое беспокойство, но тревожусь я безмерно. До тех пор, пока мой врач или ясновидящая не успокоят меня, я не перестану дрожать за жизнь этой женщины, которая, как вы знаете, мне бесконечно дорога». Эюльма Карро потеряла отца, глубокого старика, которого она нежно любила. Теперь она стала владелицей поместья Фрапель, расположенного вблизи Иссудена, и горячо приглашала Бальзака приехать туда поработать. Она ждала второго ребенка, беременность у нее протекала тяжело, была даже некоторая опасность для жизни.

В «небесном семействе», как всегда, были ужасные неприятности. Госпожа Бальзак пустилась в рискованные финансовые операции и довершила свое разорение. Сюрвиль самым нелепым образом ревновал жену и портил ей жизнь. Лоре даже с братом приходилось теперь видеться тайком! Но быть может, сама Лора порою делала супружескую жизнь невыносимой? Оноре все чаще задавал себе этот вопрос. Брат все прощал сестре в память о долгих годах, когда он ей не раз повторял: «Твоя рука в моей; мы с тобою друзья»; однако романист различал в Лоре Сюрвиль черты честолюбивой и вздорной женщины; в его заметках сохранился план романа, где должны были действовать две сестры. «Первая — безупречное существо; эта тихая, безропотная женщина умирает молодой и не понятой окружающими; муж ее — хвастун и враль; вторая сестра более блистательна, но изводит мужа; муж ее — человек простой и скромный»¹. Что это? Лоранса и Лора, какими он их видел теперь, десять лет спустя? Вполне возможно. Весьма тщеславная Лора побуждала Сюрвиля братья то за одно дело, то за другое: на первом месте, разумеется, каналы, но и распределение воды, мост

¹ Balzac. Pensées, sujets, fragments. (Бальзак. Мысли, сюжеты, фрагменты.)

в Андели, мост в Сюлли. Бедняга из-за всего этого потерял сон, и ум его был охвачен лихорадкой. «Мои злополучные родственники совсем голову потеряли», — писал Бальзак Чужестранке. Одно время он опасался, как бы мать и сестра не поселились из-за безденежья в его доме на улице Кассини.

Все идет из рук вон плохо, однако есть также и хорошие новости. «Евгения Гранде» быстро расходилась, и читатели не скупилась на восторженные похвалы. Дельфина де Жирарден писала: «Евгения Гранде обворожительна, хороши и Нанета-громадина, и папаша Гранде; какой у вас талант, какой талант! О великий Бальзак!!! Моя сестра, мама и я в полном восхищении, вся наша семья преклоняется перед вами. Еще ни одно из ваших произведений не имело такого успеха. Приходите к нам поскорее, все мы хотим вас видеть и сказать, как высоко мы вас ценим». Для того чтобы обезвредить маркизу де Кастри, гнева и влияния которой он страшился, Бальзак сразу по приезде отправился к ней и прочел своей бывшей приятельнице начало «Герцогини де Ланже». Маркиза весьма одобрительно отнеслась к повести: в первых главах ее образ и впрямь мог показаться очаровательным. Продолжение должно было понравиться ей гораздо меньше.

В этом произведении Бальзак откровенно высказывал свое мнение об аристократах, обитавших в Сен-Жерменском предместье, которые во время Реставрации не только не проявили склонность быть покровителями других, как подобает истинным вельможам, но держали себя как жадные и мелочные выскочки. Писатель осуждал ту алчность, с какой дворянство добивалось богатства и должностей. Очаровательные манеры этих людей скрывали духовную и душевную пустоту. Герцогиня де Ланже вела странные и цинические речи: «Религия всегда останется политической необходимостью. Разве взялись бы вы управлять целым народом вольнодумцев? Даже Наполеон на это не осмеливался, он преследовал «идеологов»... примем же католическую религию со всеми ее выводами. Если мы требуем, чтобы вся Франция ходила к мессе, не обязаны ли мы и сами посещать ее? Религия, Арман, является, как видите, связующим звеном консервативных принципов, которые позволяют богатым жить спокойно. Религия са-

мым тесным образом связана с собственностью». Бальзак-реалист не отрекался от своих политических и религиозных взглядов; Бальзак-писатель беспощадно показывал, во что превращаются такие взгляды в устах светской дамы.

Графиня Потоцкая настоятельно советовала ему выразить дань уважения графине Аппоньи, супруге австрийского посла. Бывают дипломаты, которые сразу становятся мощными центрами притяжения в тех странах, при правительстве которых они аккредитованы. Именно такими людьми стали, начиная с 1826 года, жившие в Париже граф Антуан Аппоньи и его жена. Они принимали у себя и легитимистов, и сторонников Луи-Филиппа, и писателей, и художников. На этих блистательных приемах, на завтраках, за которыми следовали танцы, бывал весь Париж. Бальзаку страстно хотелось получить приглашение в дом австрийского посла. Графиня Мария Потоцкая, боявшаяся, как бы он не вздумал рассказывать там скабрзные анекдоты, усердно наставляла писателя: «Ведите себя благоразумно у госпожи Аппоньи. Она сущий ангел. Ничто не должно нарушить атмосферу чистоты, царящую вокруг нее».

Ну, с ангелами-то Бальзак умел обращаться. 18 февраля он отправился в посольство, но не был принят; правда, госпожа Аппоньи в качестве извинения прислала ему любезное письмо: «Я весьма смущена, узнав, что моя милая и кроткая Мария слишком уж меня вам расхвалила... Соблаговолите доставить мне удовольствие и приходите к нам послезавтра в три часа». Графиня Мария Потоцкая писала Бальзаку: «Возвратились ли вы уже в свою эlegantную келью? Покидаете ли вы ее когда-нибудь ради госпожи Аппоньи? Она жалуется на вас и совсем отчаялась заманить вас к себе, даже применяя все средства обольщения. У них началась пора завтраков с танцами; вы там увидите весь Париж, самых красивых женщин столицы». Бальзак сделался завсегдатаем салона графини Аппоньи. «Надо, чтобы дом Бальзаков жил в дружбе с австрийским царствующим домом», — шутил писатель. Госпожа Ганская получала от своих польских друзей в Париже письма, где говорилось о светских успехах ее возлюбленного; она всполошилась: неужели в нем снова заговорило «сердце француза»? Зачем он переписывается с графиней Потоцкой?

«Напрасно письмо госпожи П. вызывает у тебя ревность, нужно, чтобы эта женщина была за нас; я польстил ее самолюбию и хочу, чтобы она думала, будто между тобой и мною ничего нет». Однако это вовсе не устраивало госпожу Ганскую, которая хотела слыть неотразимой. Ей писали, что у Бальзака есть любовницы. Он успокаивал Еву: «Ваш бенгали ведет себя благоразумно». Всякий, читавший переписку Бальзака с Ганской, знает, что он имел в виду под словом «бенгали», для которого у милой кошечки Эвелины была уготована «чудесная клетка». Бальзак уверял, что слишком много работает и потому не бывает в свете. Когда человек ложится спать в шесть вечера, а в полночь уже сидит за письменным столом, ему не до галантных приключений. Он даже поссорился (на некоторое время) с Жирарденами и их окружением, это произошло из-за пустякового недоразумения, связанного с какой-то публикацией. «Госпожа де Жирарден несколько раз пыталась залучить меня к себе, но ваш упрямый мужик — а ведь он не был бы мужиком, если бы не научился говорить «нет», — ответил ей: «Нет». Правда, самым учтивым образом, ибо он уже малость пообтесался, ваш преданный мужик».

Никто не может безнаказанно работать день и ночь. В начале апреля он ощутил крайний упадок сил и все нараставшую слабость. Доктор Наккар, пригрозив писателю, что у него может начаться воспаление мозга, предписал перемену обстановки и полный покой. Это уже превращалось в некий ежегодный ритуал. Бальзак отправился в Берри, где ненадолго остановился (на восемь — десять дней) в поместье Фрапель, в просторном и уютном доме Карро. Однако пребывать в бездействии он не умел. Он работал там над «Цезарем Бирото» и «Щеголем» (впоследствии произведение это было названо «Старая дева») ¹. Повесть «Серафита» давалась ему с трудом, и работа над ней подвигалась очень медленно.

Бальзак — маркизе де Кастри, 10 марта 1835 года:

Вот произведение, которое требует изнурительного, непосильного труда. Я долго бился над ним и теперь еще бьюсь дни и ночи

¹ Бальзак предполагал также дать это название («Щеголь») своей повести, в окончательном варианте озаглавленной «Брачный контракт». — Примеч. автора.

напролет. Пишу, переписываю и опять пишу наново; однако через несколько дней все будет ясно: либо я прославлюсь, либо парижане ничего не смыслят.

Книга эта его буквально убивала. У него было впечатление (увы, правильное), что он работает в какой-то разреженной атмосфере, точно где-то над землей. Но он верил в эту книгу, он хотел превратить ее в вершину своего творчества, да и она ждала от него этой книги.

Он гулял по саду с Зюльмой, которая тяжело переносила беременность. Помогал своей приятельнице обставлять дом и попутно описывал ей свои любовные успехи. Она уже слышала о них от молодого художника Огюста Борже — тот случайно встретил Бальзака в обществе супругов Ганских. Оноре сказал Зюльме, что вскоре вновь свидится со своими боярами в Вене. Вместе с майором Карро он бродил по Иссудену, расспрашивал жителей, и они рассказывали ему всякие истории. Все это в один прекрасный день должно было найти себе место в романе «Жизнь холостяка». Этот необыкновенный человек за несколько дней узнавал о любви городке больше, чем знали старожилы.

Жизнь его как бы шла в двух планах. В реальном мире он успокаивал Зюльму, писал ласковые письма Еве, интриговал Анриетту де Кастри, рассуждал в австрийском посольстве о магнетизме, завтракал с сыщиком Видоком и с парижскими палачами — отцом и сыном Сансонами, в своем воображаемом мире он мало-помалу создал целое общество. Определенное место там предстояло занять Иссудену, как и Алансону. Из воспоминаний о квартале Марэ медленно возникали контуры «Цезаря Бирото»; горестные воспоминания, связанные с виллой Диодати, породили «Герцогиню де Ланже». Одно соседствовало с другим: литературные поделки ради заработка, этюды о нравах и великие замыслы. Истинная сущность Бальзака не в денежных хлопотах, не в любовных интрижках, а в творческом горении.

Двадцатого апреля он отправился в Консерваторию послушать Пятую симфонию Бетховена и признал в композиторе собрата по духу, равного себе художника. Он писал Ганской:

Ах, как я жалел, что вас не было рядом! Я сидел в ложе один. Один. Какая это невыразимая мука. Во мне живет потребность

в душевных излияниях, я ее обманываю упорным трудом, но при первом же волнении слезы бегут у меня из глаз... Я завидую только знаменитым людям, которых уже нет в живых: Бетховену, Микеланджело, Рафаэлю, Пуссену, Мильтону,— словом, всякий, кто был велик, благороден и одинок, не оставляет меня равнодушным. Обо мне еще не все сказано; я создал только часть великого творения.

Он походил на зодчего, который носит в себе замысел кафедрального собора, но пока не располагает необходимыми средствами для осуществления своего грандиозного проекта и вынужден ваять и высекать лишь детали. Непосвященные, видя отдельные камни, осуждают их форму, не понимая их предназначения. «Мы замечаем только красоты стиля; когда же надо спешно воздвигнуть здание, не заботясь еще о резьбе капителей и о пропорциях колонн, во Франции часто, не дожидаясь конца работы, выносят беспощадный приговор». Временами он ощущает усталость.

Боюсь, что я в значительной мере уже проел свой капитал. Курьезно будет, если автор «Шагреновой кожи» умрет молодым. Порою я с отчаянием думаю, что мне так и не удастся завершить труд всей моей жизни!

Затем им вновь овладевает законная гордость. Какой урожайный год! «Евгения Гранде», «Шуаны» (он переработал эту книгу), «Щеголь»; вскоре увидят свет «Серафита», «Взгляд на мир», «Воспоминания молодой женщины». Без сомнения, он забежал вперед; только еще задуманные произведения уже казались ему законченными; но какой другой писатель успел уже создать столько шедевров?

Однако нужно было жить, и реальный мир предъявлял свои требования. Младший брат Бальзака Анри всегда был мечтателем, совершенно лишенным жизненной энергии, которой в избытке обладал Оноре. Избалованный, боготворимый матерью, он, «вступая в жизнь, уже заранее был обречен на поражение». Читатель помнит, что, безуспешно меняя одну должность за другой, Анри в конце концов очутился на острове Маврикий. Там ему предложили место школьного учителя. Он поселился у вдовы Мари-Франсуазы Балан, которой покойный муж (Констан Дюпон) оставил сына, дом и кругленькое состояние. Перезрелая вдова Дюпон влюбилась в Анри и вышла за него замуж. Молодой человек, как истинный представитель рода Бальзаков,

потребовал лошадей, кабриолет, слуг, званых обедов и вскоре разорил свою супругу. Тем не менее Лора Сюрвиль, видевшая все в розовом свете и плоско осведомленная, писала своей приятельнице, жене генерала де Помереля: «Анри просто творит чудеса, зарабатывает много денег, хорошо себя ведет... Он только что женился на вдове, которая принесла ему в приданое сто пятьдесят тысяч франков. Мама бесконечно счастлива, узнав эти новости». Поначалу Оноре даже позавидовал брату: одному из Бальзаков все же удалось жениться на богатой! Но он довольно быстро исцелился от зависти, прибегнув к помощи своего пера: он поведал в своих романах, как люди создают себе состояние в колониях. Шарль Гранде был отправлен в Ост-Индию.

Между тем от Анри два года не было никаких известий. Его положение на острове Маврикий резко изменилось к худшему. Английское правительство отказывалось разрешить ему дальнейшее пребывание там без денежного залога; школа, в которой он преподавал, закрылась. В июне 1834 года он сообщил о том, что возвращается во Францию. Снедаемая тревогой, госпожа Бальзак поспешила нанять для своего любимца меблированную квартиру в доме номер шесть по улице Кокнар, где жили супруги Сюрвиль.

Наконец дражайший Анри прибыл в Париж в сопровождении супруги и пасынка, Анжа Дюпона. Он вывез с островов пятьдесят тысяч франков долга и жену, которая была намного старше его. «Нужно ли было проделывать пять тысяч лье для того, чтобы найти такую супругу?» — с сарказмом спрашивал Оноре. Славный Сюрвиль взялся найти место для своего злополучного шурина: он определил его в строительную контору, во главе которой стоял сам, — Сюрвиль в это время соорудил мост в городе Андели, в Нормандии. Анри там никак себя не проявил. Его жена ждала ребенка. Госпожа Бальзак, и без того склонная преувеличивать свои горести, была в отчаянии. «Она наказана за то, что предпочитала Анри другим детям», — говорил старший сын. Всегда готовая прийти людям на помощь, Лора Сюрвиль привязалась к своей незадачливой невестке, которой предстояло разрешиться от бремени в Андели, вдалеке от ее родного, залитого солнцем острова. Когда родился ребенок, Оноре, крестный отец, подарил ему

колыбельку (роскошную, разумеется) — то была «походившая на гондолу колыбель с занавесочками». Чтобы спасти своего обожаемого Анри, госпожа Бальзак продала последнюю недвижимость, которой еще владела, — дом на улице Монторгей. Отныне она должна была существовать лишь на ренту, которую ей выплачивал старший сын.

Бальзак не сомневался, что сумеет полностью обеспечить семью. Ему удалось заключить с любезной вдовою Беше «изумительный» контракт на издание «Этюдов о нравах», да вдобавок к нему явился старший приказчик фирмы Беше, Эдмон Верде, честолюбец и хвастун вроде Годиссара, и предложил свои услуги в качестве издателя его книг; чтобы удостоиться такой чести, он готов был отдать все свои сбережения в сумме 3500 франков. Бальзак вышел к нему в своем белом халате, перехваченном золотой венецианской цепью, на которой висели золотые ножницы, и в домашних туфлях из красного сафьяна, расшитых золотом; он весьма холодно встретил посетителя и осыпал его насмешками: «Как? Предложить 3500 франков автору, который только что получил 27 000 и которому журнал «Ревю де Пари» ежемесячно выплачивает 500 франков?» Первым и правильным побуждением Бальзака был отказ от предложенной сделки. Но вторым его побуждением было решение вновь пригласить Верде. Оноре никогда не умел противиться соблазну получить хоть немного «наличных денег». Как-никак, имея 3500 франков, можно будет уплатить срочные долги, а потом «смышленных книгоиздателей не часто встретишь». «Прославленный Верде» был польщен и отдал все свои сбережения ради простой перепечатки «Сельского врача». Книга так быстро разошлась, что Верде принял дерзкое решение сделаться отныне единственным издателем Бальзака. Почему бы и нет? Ведь у самого Вальтера Скотта был всего один издатель, а единый авторский замысел было бы легче осуществить единственному издателю.

Однако осуществить это оказалось довольно трудно. Надо было выкупить права на издания у Гослена, Левавасера, у госпожи Беше. Бальзаку также предстояло принять участие в этой деловой операции и вложить деньги, которыми он не располагал.

Несмотря на все препятствия, договоры были подписаны.

Ныне я наконец-то свободен от этого нелепого кошмара. «Прославленный Верде», который слегка смахивает на «прославленного Годиссара», покупает у меня первое издание «Философских этюдов» (двадцать пять томов в одну двенадцатую долю листа); там будет пять выпусков по пять томиков в каждом, и они станут выходить в свет из месяца в месяц... Как видите, чтобы в срок рассчитаться с госпожой Беше, которой я должен еще три выпуска «Этюдов о нравах», мне понадобится мозг, подобный Везувию, бронзовый торс, хорошие перья, море чернил, ровное расположение духа и упорное желание непременно побывать в январе в Страсбурге, Кельне, Вене, Бродах и так далее... не страшась тамошних вьюг. Я уже не говорю вам о таком пустяке, который именуют «здоровьем», и другом пустяке, который называют «талантом»!

Жаловаться на недостаток таланта ему не приходилось. В июне 1834 года Бальзак начал работать над романом «Поиски абсолюта», входившим в «Философские этюды». Как и в «Евгении Гранде», тут шла речь о страсти, которая все возрастает и в конце концов разрушает благополучие семьи. Первоначальный замысел произведения возник еще в 1832 году, тогда автор предполагал написать эпизод из жизни Вронского, потом — из жизни Бернара Палисси и изобразить таким образом «Страдания изобретателя» (он не раз думал об этой теме, наблюдая жизнь Эжена Сюрвиля). Бальзак собрал немало документов, относившихся к деятельности Палисси. Однако реальная жизнь Палисси, несовершенная, как жизнь любого человека, не могла удовлетворить Бальзака, этого неистового мечтателя, и он обратился к воображению. Фламандец Валтасар Клаас, получивший в наследство несметное состояние, посвящает свою жизнь химии и тщится отыскать «абсолют», чудесный элемент, из которого созданы все вещества. Пытаясь «разложить азот», он полностью разоряет свою чудесную жену (которую любит) и двоих детей; он продает знаменитое собрание старинных картин, принадлежащее семье. Время от времени Валтасар как будто сознает свое безумие, но всякий раз оно вновь овладевает им; даже глубокое отчаяние жены не может заставить его отказаться от навязчивой идеи. Разоренный и пришедший в упадок дом Клааса в конечном счете погибнет. «Поиски абсолюта спалили все, как пожар». Теории Клааса были теориями самого Бальзака.

Автор, как и его герой, верит в единство Вселенной, в возможность отыскать «абсолют», который, изменяясь в зависимости от среды, способен породить все сущее. Интереснее всего, что Клаас и Бальзак, видимо, были правы и на целый век опередили развитие науки. «Два члена Академии обучали меня химии, ибо я хотел, чтобы моя книга была верна с научной точки зрения. Они заставляли меня переправлять корректуры по десять — двенадцать раз. Мне пришлось читать Берцелиуса, овладевать азами науки и ее языком, а также помнить о том, что, создавая книгу, столь тесно связанную с химией, я не должен наскучить равнодушным французским читателям». Он старался понять идеи Берцелиуса, Араго; он буквально убивал себя работой. Жозефина Клаас говорит мужу: «У великого человека не должно быть ни жены, ни детей. Идите в одиночестве путями нищеты. Ваши добродетели — не те, что у обыкновенных людей; вы принадлежите всему миру и не можете принадлежать ни жене, ни семье. Возле вас сохнет земля, как возле больших деревьев!» Ведь это Бальзак обращается к самому себе!

Он по-прежнему сообщал госпоже Ганской о событиях парижской жизни. Ей незачем опасаться госпожи де Кастри! Не должна она бояться и Жорж Санд (Дюдэван), новые романы которой были, по его мнению, пустыми и фальшивыми. Бальзак недавно поселил у себя на улице Кассини в жилище, освобожденном Борже, оставленного ею любовника — Жюля Сандо. «Сандо будет жить там, как принц; он никак не может поверить в свое счастье». Бальзак собирался использовать «милого Жюля» в качестве «негра» — он хотел, чтобы Сандо сочинял вместе с Эмманюэлем Араго драмы, которые они будут подписывать псевдонимом «Сан-Драго», и все трое разбогатеют.

Роман «Поиски абсолюта» довел Бальзака до полного изнеможения. «Книга «Поиски абсолюта», без сомнения, послужит моей славе, но такие победы обходятся слишком дорого». В его черных как смоль волосах каждый вечер прибавлялось седины, а утром он вычесывал их пригоршнями. Он садился за работу, «как игрок за карточный стол», спал пять часов, а потом трудился по пятнадцать — восемнадцать часов подряд. «Ему была введена та экзальтация, какую знают только люди, разо-

чарованные в жизни». Чудотворный доктор Наккар (как называла его в свое время бедная Лоранса) снова прописывал писателю деревенский воздух. В таком совете не было ничего гениального, но что еще можно было прописать человеку, самым тяжким недугом которого была его собственная гениальность? 25 сентября Бальзак уехал в Саше: Маргонн предложил ему свое гостеприимство. Там он приступил к новому роману — «Отец Горио».

«Поиски абсолюта» появились в издательстве госпожи Беше. Роман расхвалился плохо. «По-моему, «Абсолют» в десять раз значительнее «Евгении Гранде», а успеха он, видимо, иметь не будет», — жаловался Бальзак. Для читателей книга эта была гораздо более трудной, чем «Евгения Гранде». Но что остается делать разочарованному автору, как не винить во всем своего издателя? Все же книга принесла писателю и некоторое удовлетворение. Он сообщал Чужестранке: «Моя матушка необыкновенно гордится «Поисками абсолюта»... Госпожа де Кастри написала мне, что она плакала, читая роман». Высокомерная кокетка воспользовалась посредничеством своего дяди, герцога Фиц-Джеймса, и пригласила Бальзака приехать к ней в замок Кевийон; он отказался. Герцогиня де Ланже больше не имела над ним никакой власти, и это заставило ее испытать чувство горечи.

Бальзака постигла неожиданная неприятность: отнюдь не «безобидные» любовные письма попали в руки господина Ганского. Писатель попытался как-то объяснить это супругу, но придуманная им версия была не слишком правдоподобна. Вопреки очевидности, по его словам, все обстояло очень просто и невинно. Госпожа Ганская, смеясь, сказала ему, что ей хотелось бы прочесть образцовое любовное письмо, вот он и написал два этих злополучных письма, полагая, что она еще помнит об их шутовском разговоре. Если он оскорбил графиню, то умоляет «господина Ганского» выступить в его защиту: «Я надеюсь, милостивый государь, что это столь естественное объяснение вас убедит». Мы не знаем, нашел ли муж это объяснение «столь естественным», но он предпочел забыть о случившемся. Что касается Бальзака, то он уже занимался вещами более серьезными — писал «Отца Горио».

XVII ВЕЛИКИЙ ЗАМЫСЕЛ

Посмотрев на свои произведения взглядом создателя и в то же время как бы со стороны, Бальзак оглянулся назад и во внезапном озарении понял, что они выиграют, если объединить их в единый цикл, где вновь и вновь будут появляться одни и те же персонажи. И тем самым он прибавил к своему творению последний, но самый великий мазок.

Марсель Пруст

Однажды — это случилось в 1833 году — Бальзак примчался с улицы Кассини в предместье Пуассоньер, где в ту пору жила чета Сюрвилей, и воскликнул: «Поздравьте меня, я на верном пути к тому, чтобы стать гением». Шагая по гостинной, он рассказал сестре и ее мужу о своем плане. Он пришел к мысли объединить в одной эпопее все свои романы. Это отнюдь не было туманным проектом. Через год он подробно описывал Чужестранке, каким грандиозным монументом станет его творение, когда он завершит его.

Я полагаю, что в 1838 году три части этого гигантского творения будут если не завершены, то по крайней мере возведены одна над другою и уже можно будет судить о нем в целом.

«Этюды о нравах» будут изображать все социальные явления, так что ни одна жизненная ситуация, ни одна физиономия, ни один мужской или женский характер, ни один уклад жизни, ни одна профессия, ни один из слоев общества, ни одна французская провинция, ничто из того, что относится к детству, старости или зрелому возрасту, к политике, правосудию, войне, не будет позабыто.

Когда все это будет осуществлено, история человеческого сердца прослежена шаг за шагом, история общества всесторонне описана, — фундамент произведения окажется готов. Тут не найдут себе места вымышленные факты, я стану описывать лишь то, что происходит повсюду.

Затем последует второй ярус — «Философские этюды», ибо после следствий надо показать причины. Я покажу в «Этюдах о нравах» игру чувств и течение жизни. В «Философских этюдах» я объясню, откуда чувства, в чем жизнь, каковы стороны, каковы условия, вне которых не могут существовать ни общество, ни человек; и после того как я окину взором общество, чтобы его описать, я займусь его обозрением, дабы вынести ему приговор. Таким образом, в «Этюдах о нравах» заключены индивидуальности, превращенные в типы, в «Философских этюдах» — типы, сохраняющие индивидуальные черты. Я всему придам жизнь: типу, сохраняя в нем индивидуальные черты; индивиду, превращая его в тип. Я вдохну мысль во фрагмент, а в мысль вдохну жизнь индивида.

Позднее, после следствий и причин, придет черед «Аналитическим этюдам» (в состав которых входит «Физиология брака»), ибо после следствий и причин должны быть определены начала вещей. *Нравы* — это спектакль, *причины* — это кулисы и механизмы сцены. *Начала вещей* — это автор; но по мере того как произведение достигает высот мысли, оно, словно спираль, сжимается и уплотняется. Если для «Этюд о нравах» потребуется двадцать четыре тома, то для «Философских этюдов» нужно будет всего пятнадцать, а для «Аналитических этюдов» — лишь девять томов. Таким образом, человек, общество, человечество будут без повторений описаны, рассмотрены и подвергнуты анализу в произведении, которое явится чем-то вроде «Тысячи и одной ночи» Запада.

Когда все будет окончено, моя церковь Мадлен оштукатурена, фронтон высечен, леса убраны, последние мазки сделаны, тогда станет ясно, был ли я прав или ошибался. После того как я завершу поэтическое воссоздание всей системы бытия, я займусь ее научным описанием в «Опыте о силах человеческих». И этот дворец я, дитя и весельчак, украшу огромной арабеской из «Ста озорных рассказов».

Архитектор уже укладывал на место громадные глыбы. Он попросил одного из друзей Берту, талантливого молодого писателя Феликса Давена, написать два пространных предисловия к «Философским этюдам» и «Этюдам о нравах». Наставляемый автором, а порою писавший под его диктовку, Давен отмечал, что Бальзак не сразу пришел к своему великому замыслу и это, пожалуй, к лучшему. Если бы столь гигантский план возник в его голове сразу же после создания первых книг, он, быть может, отступил бы перед таким грандиозным трудом. Контуры этого труда вырисовывались в его уме лишь постепенно. Единство было не искусственное, а внутреннее, живое. Книги рождаются на свет, как общественные установления, как дети, не в результате сознательных действий, а вследствие игры неуправляемых сил.

Мы вполне можем предположить, — писал Феликс Давен во «Введении к „Философским этюдам“», — что однажды, сопоставляя различные мысли, запечатленные в его произведениях, автор поступил так, как поступает ткач, который внезапно переворачивает ковер с изнанки на лицо и обзревает весь рисунок в целом. С этих пор писатель уже не переставал думать о том, какое впечатление будет производить его творение целиком, ибо в его мозгу давно уже зрела идея великого синтеза. Мысленно возводя еще не достроенные ярусы украшенного фресками здания, представляя себе здесь скульптурную группу, там — величественную статую, дальше — предметы второго плана и игру света и тени, он вдруг залюбовался делом своих рук и вновь принялся за работу с чисто французским неистовством, ибо он находился еще в том возрасте, когда люди не ведают сомнений. А посвятив себя титаническому

труду, человек этот, чью несгибаемую волю высоко ценят все знающие его (в один прекрасный день ей, конечно же, воздадут должное так же, как и его огромному таланту), все время шел вперед и вперед, не вспоминая наутро о вчерашних усилиях и усталости...

Быть может, прежде чем открыть свои планы читателям, он хотел проверить свои силы; быть может, он не освобождал обшитое досками здание от окружавших его лесов потому, что желал прежде закончить некоторые изваяния, потому, что ждал, пока станут яснее его контуры или по крайней мере поднимется широкий фронтон благородных очертаний.

Давен с полным правом осуждал тех критиков, которые, не обладая чувством пропорции, называли книги его друга «повестушками» и «рассказами». Чтобы устыдить подобных критиков, Давен прибегал к излюбленному образу Бальзака:

Но разве все эти якобы разрозненные части не следует уподобить обтесанным камням, отдельным капителям, метопам, уже наполовину покрытым изображениями цветов и драконов; валяясь на строительной площадке между пилой и долотом рабочего, они кажутся мелкими, незначительными, но, по замыслу архитектора, им предстоит украсить пышный антаблемент, занять место на изгибе свода, расположиться вдоль высоких стрельчатых окон кафедрального собора, замка, часовни или живописной усадьбы.

Настало время приступить к возведению кафедрального собора. В сентябре 1834 года Бальзак уехал в Саше, твердо решив за короткий срок написать роман, который должен был сделаться одним из краеугольных камней его творения: речь идет об «Отце Горио». Мы располагаем начальной клеточкой, давшей жизнь этой книге,— заметкой в тетради, куда Бальзак заносил свои планы: «Славный старик — семейный пансион — шестьсот франков ренты — отказывает себе во всем ради дочерей, хотя они обе располагают пятьюдесятью тысячами франков годового дохода,— умирает, как пес». Маркизе де Кастри Бальзак сообщает, что он хочет описать «чувство, само по себе столь величественное, что оно может устоять перед длинной цепью обид», а госпоже Ганской он пишет, что выбрал своим героем «человека, для которого быть отцом то же, что для святого, для мученика быть христианином». Итак, он снова покажет, какие опустошения производит страсть, ставшая манией. «Страсть не признает сделок; она готова на любые жертвы».

Композиция «Отца Горио» гораздо сложнее и смелее, чем композиция «Евгении Гранде». Здесь переплетаются несколько сюжетных линий. Во-первых, драма

самого Горио, разоренного и отвергнутого своими дочерьми Анастази де Ресто и Дельфиной де Нусинген; затем драма Вотрена (он — новое воплощение Феррагуса, бывший каторжник, живущий под чужим именем в пансионе Воке, демон-искуситель, который мастерски плетет сеть интриг, пока его не разоблачает полиция); драма Растиньяка, молодого гасконца, отпрыска провинциального дворянского рода, еще наивного и чистого юноши, который с ужасом обнаруживает разложение парижского общества; наконец, драма родственницы Растиньяка, Клары де Босеан, весьма знатной дамы, которую оставляет боготворимый ею любовник, трагедия, объясняющая «уже написанную страницу из ее будущего» — «Покинутую женщину». Семейный пансион — вот то место, где перекрещиваются судьбы этих людей; и в самом деле, разве светское общество — это не «позолоченный семейный пансион», разве дворец Тюильри — не семейный пансион, над дверьми которого красуется корона?

С этого времени в творческом воображении Бальзака живет целое общество; однако для того, чтобы вдохнуть жизнь в сотворенный им мир, он постоянно вводит туда элементы реального мира — воспоминания, наблюдения. Создавая образ Горио, бывшего вермишельщика, он подробно расспрашивал Маре — домовладельца с улицы Кассини, некогда торговавшего мукой; Бальзак хорошо знал такие заведения, как пресловутый пансион вдовы Воке: то был не какой-нибудь *определенный* семейный пансион, а своеобразный сплав из различных «семейных пансионов для лиц обоего пола и прочая»; само имя «Воке» запомнилось ему еще со времен Тура. Любопытный штрих может дать представление о том, к каким неожиданным находкам приходит писатель в процессе творчества: отвратительная госпожа Воке произносит «льипы» — совсем так, как Ева Ганская. Бальзака бесконечно забавляла эта озорная мысль. Рисуя Растиньяка, писатель наделил его некоторыми (но только некоторыми) своими чертами. Растиньяк честолюбив, как и его создатель, но это честолюбие совсем иного рода, чем у молодого писателя; у Растиньяка, как и у самого Оноре, две сестры: старшую зовут Лора, и она отдает брату все свои девичьи сбережения; Растиньяк с высоты кладбища Пер-Лашез броса-

ет вызов Парижу, восклицая: «А теперь кто победит: я или ты?» Такой же вызов бросил в свое время столице творец Растиньяка, живший тогда на улице Ледигьер. Соединение чистоты и честолюбия, характерное для героя романа, было также характерно для молодого Бальзака.

Что касается Вотрена, то он в значительной мере списан с Видока, но и в нем можно обнаружить кое-что от самого автора. В двадцать лет Бальзак мечтал о магической власти, которая подчинила бы ему весь мир. Уже первые его романы изобилуют пиратами, корсарами, людьми, стоящими вне закона. В 1834 году он думает, почти как Вотрен, «что люди пожирают друг друга, точно пауки в банке», и что никто не требует отчета от негодея, добившегося успеха. «Меня не спросят: «Кто ты такой?» Я буду господин Четыре Миллиона». Бальзак восхищается Вотреном: «Великое преступление — это порой почти поэма». Однако, как и Растиньяком, им владеют серьезные сомнения. Если свет подобен джунглям, то нужны законы, государство, религия, семья.

Тема отцовской любви затрагивает в душе Бальзака самые чувствительные и сокровенные струны. В случае с Горио речь идет об отцовстве по крови. «Моя жизнь в дочерях, — говорит он. — Если им хорошо, если они счастливы, нарядно одеты, ходят по коврам, то не все ли равно, из какого сукна мое платье и где я сплю? Им тепло, тогда и мне не холодно, им весело, тогда и мне не скучно». Он смотрит на своих дочерей, как Бог на сотворенный им мир: «Только я люблю моих дочерей больше, чем Господь Бог любит мир, ибо мир не так прекрасен, как сам Бог, а мои дочери прекраснее меня». В творчестве Бальзака мы не раз встретимся со страстным желанием его героев жить более счастливой и наполненной жизнью, как бы перевоплощаясь при этом в другого человека. Без сомнения, тема эта как-то связана с темой Прометеева созидания. К услугам писателя целый гарем, где живут все те женщины, которыми он не мог обладать; через созданных персонажей он вкушает любовь, могущество и славу, подобно тому как Горио вкушал счастье через своих дочерей. Как и Горио, Бальзаку надо было сделать выбор между созиданием и жизнью; он убивал себя ради собственных творений, как бедный старик — ради своих дочерей.

Но из всех проблем, затронутых в романе «Отец Горио», автору ближе всего «годы ученичества» Растиньяка. «Настоящий писатель, создавая своих героев, ведет их теми путями, которыми он и сам мог бы пойти в жизни». Эжен де Растиньяк приехал в Париж из провинции, веря в силу семейных привязанностей; в столице он повсюду встречает грязь и разложение, дочерей, отрекающихся от отца, жен, глумящихся над мужьями, жестоких и высокомерных любовников. «За то время, пока он находился между голубым будуаром графини де Ресто и розовой гостиной госпожи де Босеан, Эжен успел пройти трехлетний курс *парижского права*». Родственница Растиньяка, госпожа де Босеан, гордая и страстная женщина, преподает ему первый жизненный урок: «Чем хладнокровнее вы будете рассчитывать, тем дальше вы пойдете. Наносите удары беспощадно, и перед вами будут трепетать. Смотрите на мужчин и женщин, как на почтовых лошадей, гоните, не жалея, пусть мрут на каждой станции, и вы достигнете предела в осуществлении своих желаний. Запомните, что в свете вы останетесь ничем, если у вас не будет женщины, которая примет в вас участие. И вам необходимо найти такую, чтобы в ней сочетались красота, молодость, богатство. Если в вас зародится подлинное чувство, спрячьте его, как драгоценность, чтобы никто не подозревал о его существовании, иначе вы погибли».

Грозный Вотрен подтверждает слова виконтессы: «Бьюсь об заклад: стоит вам сделать два шага в Париже, и вы сейчас же натолкнетесь на дьявольские махинации... Вот жизнь как она есть. Все это не лучше кухни — вони столько же, а если хочешь что-нибудь состряпать, пачкай руки... Принципов нет, а есть события; законов нет — есть обстоятельства; человек высокого полета сам применяется к событиям и обстоятельствам, чтобы руководить ими». Тот, кто постиг две эти истины, видит, что перед ним открыт путь к успеху, неотделимый от презрения к людям. Растиньяк проливает на могиле папаши Горио последнюю чистую юношескую слезу, а затем, «бросив обществу свой вызов, он для начала отправился обедать к Дельфине Нусинген».

Необычность этой книги, оправдывавшая победную песню, которую Бальзак исполнил у Сюрвилей, и превратившая ее действительно в краеугольный камень

будущей эпопеи, заключалась в том, что в ней вновь появились уже знакомые читателю персонажи. Автору и прежде случалось заимствовать имя или характер из своих предыдущих книг. Отныне этот прием возводится в систему. У Бальзака будут свои врачи (Бьяншон, Деппен); свои сыщики (Корантен, Перад); свои адвокаты (Дервиль, Дерош); свои финансисты (Нусинген, братья Келлер); свои ростовщики (Гобсек, Пальма, Бидо, по прозвищу Жигонне). Госпожа де Ресто? Она уже знакома нам по «Гобсеку». Растиньяк? Он уже появлялся в «Шагреновой коже», правда, там он был только именем, только силуэтом; мы еще не раз встретимся с ним на протяжении его карьеры, он изменится, и это придаст нарисованной Бальзаком картине развитие во времени. Вотрен будет позднее зловещей тенью нависать над судьбою Люсьена де Рюбампре, как он прежде нависал над судьбою Растиньяка. Госпожа де Босеан? В романе «Отец Горио» мы присутствуем при ее сердечной драме, объясняющей события, описанные в «Покинутой женщине». Вся знать (Листомэры, Кергаруэты, Мофриньезы, Гранлье) толпится в гостиных виконтессы де Босеан. Отныне мир, созданный воображением Бальзака, будет казаться ему более незыблемым, чем реальный мир, в котором он живет; он будет рассказывать новости о населяющих его людях, как рассказывают о тех, кто и в самом деле живет на земле: «А теперь поговорим о вещах серьезных. За кого мы выдадим замуж Евгению Гранде?» Или позднее: «Знаете, ведь Феликс де Ванденес женится на барышне из рода Гранвилей. Это превосходная партия».

Сама мысль о постоянном *возвращении* одних и тех же героев представляется довольно естественной. Все крупные романисты могли бы прибегнуть к такому приему: ведь каждый из них вынашивает в себе определенное число персонажей, которые дороги ему, и, выводя их под различными именами, писатель как бы создает несколько вариантов одного и того же типа. Для Стендаля Фабрицио дель Донго или Люсьен Левен — идеал мужчины, на которого он сам хотел бы походить; госпожа де Реналь, госпожа де Шатле — идеал женщины, которую он хотел бы любить; Левен-отец, маркиз дель Моль — идеал умного и циничного старика. Подобно этому, и Бальзак создал образы своего рода двойни-

ков — Феррагуса и Вотрена; оба эти персонажа по воле автора воплощают стремление к могуществу. Затем писатель посчитал, что Вотрену лучше исчезнуть, а впоследствии появиться вновь, ибо в жизни такие чудовища редко встречаются. В то же время Бальзаку придется чуть не в каждом романе выводить на сцену группу честолюбивых денди, начиная с Анри де Марсе (этого железного человека, ставшего премьер-министром), Ла Пальферина, Максима де Трай и кончая незадачливым Полем де Манервилем, а также целый рой знатных кокеток: герцогиню де Ланже, княгиню де Кадиньян, маркизу д'Эспар.

Понятно, что, для того чтобы романы, написанные до возникновения «великого замысла», могли занять свое место в задуманной эпопее, их придется слегка переработать, изменить некоторые имена и даты. Но как много они при этом выиграют! Эпизоды, прежде казавшиеся незначительными, теперь будут возвещать важные события в грядущем. Порой показом будущего объясняется настоящее. Но чаще новые романы берут свое начало в прошлом. Из беседы после ужина внезапно всплывает правда о персонаже, дотоле окутанном тайной. Все происходит как в жизни, которая открывается нам не сразу, а постепенно выступает из мрака. Мы узнаем о людях по воле случая, заглянув ненароком в приотворенную дверь, услышав неожиданное признание. Самый блестящий тому пример — де Марсе; читатели никогда не бывают свидетелями его политической деятельности, а между тем де Марсе слывет, как отмечает Ален, «единственным государственным деятелем после Талейрана»; но еще более характерен, пожалуй, образ Ронкероля: «Это — превосходная зарисовка... Его повсюду встречают, но толком не знают; впрочем, его знают достаточно. Он — один из Тринадцати, и ничего больше».

Таким образом, возникает реалистическое изображение целого, гораздо более впечатляющее, чем изображение отдельных частей. Многие критики говорили: «Разве можно согласиться с тем, что труппа комедиантов со строго определенным амплуа представляет собою целый мир? Как поверить в то, что весь Париж лечится у Бьяншона или обращается к услугам одного адвоката — Дервиля? Что Серизи, Бован и Гранвиль так долго стояли во главе судейского сословия Франции?» Но ведь

это факт, что во все времена крайне немногочисленная элита руководит страной и что в каждую данную эпоху можно по пальцам перечесть героинь на шумевших любовных историй. С другой стороны, мы принимаем как неизбежную условность романа то обстоятельство, что несколько его персонажей воплощают множество людей. Одна из функций искусства — заменять хаос, присущий жизни, разумным порядком. И в этом созданном его фантазией мире художник умеет сохранить немало таинственного и случайного, что позволяет ему сообщать всему изображаемому жизненное правдоподобие и рельефность.

Никогда еще Бальзак не работал с такой уверенностью. Он писал «Отца Горио» сначала в Саше, но главным образом в Париже, на улице Кассини, причем трудился по шестнадцать — восемнадцать часов в сутки (а в ноябре 1834 года даже и по двадцать часов). «Это всем моим книгам книга!» — сообщал он Чужестранке. Ему хотелось поскорее закончить «Отца Горио» и приехать в Вену, чтобы повидаться с госпожой Ганской в годовщину «незабываемого дня» (26 января). Но, дописывая роман, он одновременно должен был держать корректуру его первой части, которая в это время печаталась на страницах «Ревю де Пари». 15 декабря Бальзак «в полном изнеможении в постели и не в силах ничего делать, ни о чем слышать». Тщетно герцогиня д'Абрантес взывает к нему, упрекает его, что он совсем ее забыл. «Вся моя жизнь, — отвечает он, — подчинена одному: непрерывному труду, без всякой передышки... Я уже не могу писать, слишком велика усталость... Так что не думайте обо мне дурно. Говорите себе: «Он работает днем и ночью» — и удивляйтесь лишь тому, что вы еще не слышали о моей смерти. Иногда я езжу в Оперу или к Итальянцам — вот мои единственные развлечения, ибо там не нужно ни думать, ни говорить, только смотреть да слушать».

Зюльма Карро снова родила мальчика, ему дали необычное имя — Йорик (из любви к Стерну, стало быть, и к Бальзаку); Оноре целует ее в лоб, но издали. У него нет времени, чтобы хоть ненадолго приехать во Фрапель. «Никогда еще уносящий меня поток не был столь стремительным; никогда еще столь чудовищно величественное произведение не овладевало человеческим

умом. Я сажусь за работу, как игрок за игорный стол; сплю не больше пяти часов, а тружусь по восемнадцать часов в сутки; я приеду к вам полумертвым; но порою мысль о вас придает мне силы. Я покупаю Гренадьеру, я расплачиваюсь с долгами». В день рождения «мамочки» (ей исполнилось пятьдесят шесть лет), которую дети поселили в Шантильи в обществе компаньонки, Лора и Оноре хотели бы повидать ее. Но как это осуществить? Столько дел удерживает их в Париже! В качестве достойного возмещения они вместе посылают ей подарок — часы на голубом шнурке. Только пусть она не проговорится Сюрвилю, «ибо мой муж,— пишет Лора,— ничего не понимает в таких сердечных знаках внимания».

Госпожа де Кастри сделала еще одну попытку залучить к себе Бальзака: она весьма любезно пригласила писателя через своего дядю, герцога Фиц-Джеймса, приехать в Кевийон. Однако незавершенный «Отец Горио» одержал верх над оконченной «Герцогиней де Ланже»; кроме того, Бальзака раздражал внезапный интерес маркизы к Сент-Бёву, которого он терпеть не мог. В июле 1834 года Сент-Бёв опубликовал роман «Сладострастие». Госпожа де Кастри, неисправимая охотница на светских львов, написала автору этого романа письмо: «Пытаться выразить, как глубоко меня взволновала ваша превосходная книга,— трудная задача для несчастной женщины, которой знакомы одни только жизненные невзгоды». Этот испытанный прием удался. Опытному птицелову в юбке ничего не стоило поймать в свои сети литератора. Известный критик и его почитательница подружились; Сент-Бёву, человеку от природы флегматичному, была чужда пылкая требовательность Бальзака, духовная дружба его вполне удовлетворяла. Впрочем, то была очень нежная дружба (маркиза подарила Сент-Бёву серебряный крест, к которому приложился на смертном одре Виктор фон Меттерних), и это выводило из себя Бальзака. Вот почему он послал маркизе весьма холодное письмо, в котором подчеркнул то именовал ее «сударыня». Сперва она возмутилась, но потом попыталась вновь подчинить его себе.

Маркиза де Кастри — Бальзаку, 29 октября 1834 года:

Я не собираюсь просить вас вернуть мне дружбу, в которой вы столько раз клялись. Но, если дружбы ко мне нет больше

в вашем сердце, лучше уж вовсе не говорите о ней... Этой ночью меня мучили жестокие кошмары, я испытываю властную потребность побеседовать с вами. Друг мой, порывают с любовницей, но не с женщиной-другом, особенно с другом, который готов радоваться вашим радостям и делить с вами горе, другом, пребывающим в печали и во власти недуга. Ведь за три года дружбы мы с вами столько передумали вдвоем! Господи Боже, мне так мало осталось жить, зачем же омрачать мои дни лишним горем и страданием? Ваше обращение «сударыня» причинило мне боль! Помните Экс, письмо Луи Ламбера, которое вы прислали мне, подумайте о тамошней речушке, о разрушенной мельнице, о монастыре Гранд-Шартрез... Неужели же я одна вспоминаю обо всем этом? В таком случае ничего не отвечайте; ваше молчание скажет мне, что все кончено. Все кончено! О нет, не правда ли? Вы меня все еще любите. Я — ваш друг, ваша «Мари». Прощайте и не заставляйте долго ждать письма, от которого сильнее забьется мое сердце.

Как унижается эта гордячка! Бальзак долго не отвечал; но все же он не в силах был полностью порвать с нею и признал свою слабость: «Вы медленно обрывали одну за другой бесчисленные узы, которыми я в свое время охотно связал себя, но вам дано с помощью одного ласкового слова вновь скрепить их».

И все же в начале 1835 года, когда Бальзак, окончательно обессилив, решил немного передохнуть, он отправился на несколько дней в Булоньер к больной и по-прежнему дорогой его сердцу госпоже де Берни. «Ей под шестьдесят. Невзгоды изменили, иссушили ее. Моя привязанность к ней возросла. Я говорю об этом без всякого тщеславия, ибо не вижу в том никакой заслуги. Таким сотворил меня Господь: зла я ни на кого не держу, но постоянно вспоминаю содеянное мне добро. Я всегда с трепетом думаю о людях, любящих меня. Возвышенные чувства так благодетельны. Зачем же искать дурные чувства?» Другому надежному другу, Огюсту Борже, Бальзак поверял свое горе: «Госпожа де Берни поражена смертельным недугом: у нее аневризма сердца; болезнь ее неизлечима. Я потрясен до глубины души. Если этот небесный светоч будет отнят у меня, все вокруг словно померкнет. Ведь вы знаете, что она — моя совесть и сила; она для меня превыше всего, как небесная твердь, как дух надежды и веры. Что со мной будет? Она не знает, чем больна, но слишком хорошо чувствует, что умирает».

Госпоже Ганской он писал: «Если небо отнимет у меня эту подругу, вы станете одной-единственной женщиной, открывшей для меня свое сердце. Только вы

одна будете владеть отныне магическим заклинанием: «Сезам, откройся!» Ибо чувство, которое питает ко мне госпожа Карро из Иссудена, в некотором роде повторяет чувство моей сестры». Оплакивая привязанность, которую смерть грозила вот-вот оборвать, Бальзак сильнее тянулся к другой женщине, более молодой; возможно, он смутно чувствовал, что для такого перегруженного сверх всякой меры человека, как он, расстояние делало его привязанность к Ганской менее обременительной. Возлюбленная, живущая вдалеке, кажется особенно неотразимой и очаровательной! «Женщина, подобная Беатриче, Лауре и даже превосходящая их, играет огромную роль в нашей жизни». Беатриче, Лаура... Право же, в чрезмерной скромности его не упрекнешь!

«Отец Горио» был окончен 26 января (таким образом, день этот стал вдвойне незабываемым); Бальзак послал Еве Ганской рукопись, переплетенную Шпахманом, и снабдил ее следующим посвящением: *«Госпоже Э. Г. Все, что сделано руками мужиков, принадлежит их господам. Де Бальзак.* Однако умоляю вас поверить, что, если бы даже я не должен был посвятить вам эту книгу в силу законов, которые распространяются на ваших бедных рабов, я положил бы ее к вашим ногам, движимый самой искренней привязанностью. 26 января 1835 года. Постоялец гостиницы «Лук» в Женеве». То было «безобидное» посвящение, которое можно было показать Венцеславу Ганскому.

Читатели «Ревю де Пари» — как и Чужестранка — восторженно встретили «Отца Горио». Бальзак и сам знал, что книга эта превосходит все написанное им прежде. «Люди в один голос утверждают, что «Евгения Гранде», «Поиски абсолюта» — все осталось позади». Первое издание романа мгновенно разошлось, едва началась продажа. Однако критики не сложили оружия. Они упрекали Бальзака в преувеличениях. «Что за мир! Что за общество! — ханжески восклицает «Курье франсэ». — Какая карикатура на отцовское чувство! Какие отвратительные нравы! Какие цинические картины! Сколько распутных женщин!» Напрасно Бальзак в своем полушутливом предисловии приводил статистическую таблицу и доказывал, что из шестидесяти его героинь тридцать восемь добродетельны; он даже соглашался пойти на уступки и в своих новых произведениях

выводить на сцену только уже знакомых читателю грешниц, чтобы не увеличивать их числа. Против него объединились политические противники, фарисеи и главное — мелкие завистники.

В декабре 1834 года журнал «Мод», некогда дружески настроенный по отношению к писателю, осмеял *вездесущность* Бальзака, «имя которого постоянно мелькает у вас перед глазами, словно фантастическое видение... Без господина Бальзака *немыслима* книжная торговля; поймите нас правильно: книжная торговля, ибо *книжная торговля и литература* — отнюдь не синонимы... Не наша вина, что такие мысли приходят нам в голову по поводу господина Бальзака... Господин Бальзак разделяет вместе с господином Полем де Коком сомнительную честь — видеть, как его имя четырехдюймовыми буквами пишут в витринах всех читальных залов Парижа, предместий и провинций... Господин Бальзак обещает нам, если верить каталогам книгопродавцев, в ближайшие десять лет удовлетворять аппетиты самых ненасытных потребителей современной литературы. Господи, спаси нас!» Журналисты высмеивали личность автора, дворянскую частицу «де» перед его фамилией, его стремление к роскоши, даже его любовные связи. Когда речь идет о человеке недюжинном, злоба уже не соблюдает правил приличия.

Он мог бы сказать: «Господи, избавь меня от друзей, а с врагами я сам справлюсь». Но он выбрал упорный труд и — молчание. «Какими бы неистовыми ни были нападки и клевета, я стою выше их. Я ничего не отвечаю... Впрочем, «Отец Горио» производит фурор; никогда еще публика так не спешила прочитать книгу; книгопродавцы заранее возвещают о ее выходе. Ей-богу, это просто грандиозно!»

XVIII

УЛИЦА БАТАЙ

Таинственный гермафродит чаще всего подобен некоему произведению в двух томах.

Бальзак

Перед тем как приступить к работе над «Отцом Горио», Бальзак опубликовал в составе «Сцен парижской жизни», издававшихся госпожой Беше, начало не-

обычной и превосходной повести «Златоокая девушка» (он закончил ее в 1835 году). Эта небольшая повесть, представляющая собой один из эпизодов «Истории Тринадцати», имеет важное значение. И вот почему. Она открывается блестящим эссе о Париже, что подобен «огромному полю, где непрестанно бушует буря корысти»; там встречаешь не человеческие лица, а личины. «Личины слабости, личины силы, личины нищеты, личины радости, личины ханжества; все истощенные, все отмеченные несмываемой печатью распаленной алчности. Чего хотят они? Золота или наслаждения?»

В этом аду, где «все дымится, все горит, все блестит, все кипит, все пылает, испаряется, гаснет», Бальзак различает пять кругов. Первый из них — *мир немущих*: это рабочий, пролетарий, мелкий лавочник; затем следует второй круг — *те, у кого уже есть кое-что за душой*: это оптовые торговцы, чиновники, клерки — словом, буржуа. Что нужно буржуа? «Тесак национальной гвардии, к обеду — неизменное мясо с овощами, законным образом сколоченный капиталец, чтобы обеспечить себя на старости лет, и приличное место на кладбище Пер-Лашез». Третий круг этого ада, «который когда-нибудь, вероятно, обретет своего Данте», составляют стряпчие, адвокаты, врачи, нотариусы — все исповедники этого общества, испытывающие к нему презрение. Четвертый круг — люди искусства; лица их поражают своим изможденным, хотя и благородным видом, здесь соперничество и клевета убивают таланты. Наконец, пятый круг — аристократия, владетельная знать, благоухающие, золоченые гостиные, мир богатый, праздничный, обеспеченный. Тут все нереально. Под личиной учтивости скрывается упорное презрение. Здесь царят тщеславие и скука. Пустое существование превращает лица в безжизненные маски, в обычную «физиономию богача, искаженную гримасой бессилия, освещенную отблеском золота, утратившую признаки мысли». На нескольких страницах Бальзак создал гигантскую фреску, выдержанную в мрачных тонах, но выписанную превосходно.

Эта напряженная жизнь Парижа, продолжал писатель, идет на пользу кучке избранных существ; тут есть женщины, живущие на восточный лад и сохраняющие благодаря этому свою красоту, здесь можно встретить

и прелестные лица юношей. «Со свежим очарованием английской красоты лица эти сочетают выразительность, французскую одухотворенность, чистоту форм. Горячий огонь очей, прелестные алые губы, шелковистый блеск черных кудрей, белая кожа, нежный овал лица превращают этих юношей в прекрасные цветы человеческие, производят блистательное впечатление среди массы тусклых, старообразных, носатых, кривляющихся физиономий».

Таков главный персонаж повести — красивый, как Адонис, и загадочный Анри де Марсе, побочный сын лорда Дэдли, один из Тринадцати. «Для женщины увидеть его значило потерять голову». Но свежий цвет лица и ясные глаза де Марсе — только обманчивая личина, он уже не верит ни мужчинам, ни женщинам, не верит ни в Бога, ни в черта. И вот, прогуливаясь по террасе Фельянов, Анри встречает девушку необычайной красоты, они страстно влюбляются друг в друга. Хотя Пакиту Вальдес, златоокою девушку, ревниво стерегут, ему удастся проникнуть в ее жилище. В белом будуаре, словно созданном для любви, в обстановке неслыханной роскоши, она становится любовницей де Марсе. Он обнаруживает, что она девственна и вместе с тем уже достаточно опытна. Паките ведомо наслаждение, ибо она любит женщину, ту, что поручила стеречь ее мулату, готовому на все, даже на убийство, женщина эта — маркиза де Сан-Реаль, она также дочь лорда Дэдли и сводная сестра Анри де Марсе. Пакита обернулась в саду Тюильри, чтобы лучше разглядеть молодого человека именно потому, что ее поразило удивительное сходство между ним и маркизой. Отныне она будет любить одно и то же существо в двух лицах — в облике мужчины и женщины. Это подготавливает свирепую и несколько экстравагантную развязку: в ту самую минуту, когда Анри де Марсе, один из Тринадцати, узнав, что златоокая девушка любит маркизу, врывается с помощью своих друзей в ее дом, чтобы отомстить, маркиза кромсает кинжалом тело изменницы. Брат и сестра оказались с глазу на глаз в залитой кровью комнате. Маркиза уйдет в монастырь; Анри станет любовником Дельфины де Нусинген.

Такова, писал Гуго фон Гофмансталь, «эта великолепная, незабываемая история, где сладострастие рож-

дается из тайны, где во время бессонной парижской ночи Восток раскрывает свои тяжелые веки, необычайные приключения переплетаются с действительностью... и настоящее освещается таким ярким светом факела, что начинает походить на ослепительные сновидения стародавних времен... Ее начало могло бы принадлежать Данте, конец словно взят из «Тысячи и одной ночи», а вся она могла выйти только из-под пера того, кем написана». Вот мнение поэта. По правде говоря, излишества в описаниях роскоши и выпренность стиля несколько шокируют. Однако следует помнить мудрую фразу Латуша: «Оставьте темное пятнышко под левой грудью вашей возлюбленной,— ведь это же родинка».

Тема произведения, несмотря на всю занимательность сюжета, привела в ужас госпожу Ганскую; Зюльма Карро также в негодовании отвернулась. А между тем Бальзак был не первым романистом, проявившим интерес к лесбийской любви. Он был знаком с эротической литературой XVIII столетия, и «Монахиня» Дидро открыла ему глаза на неистовые проявления этой страсти. В книге Латуша «Фраголетта» говорилось о двусмысленной дружбе между леди Гамильтон и неаполитанской королевой Марией-Каролиной. Сам Бальзак писал в «Физиологии брака»: «Юная девушка, быть может, сохранит в пансионе девственность, но отнюдь не целомудрие», и он описывал там «первые утехи, робкие проявления сладострастия, видимость блаженства». В тетради, куда писатель вносил свои планы, упоминается произведение «Любовь в гареме»: «Одна из наложниц любит другую, она изо всех сил старается уберечь ее от внимания властелина». Кроме того, Бальзак был наслышан о нежных отношениях между Жорж Санд и Мари Дорваль. Об этом много толковали в столице. Он поселил у себя на улице Кассини Жюля Сандо, «который обожал первую из этих женщин и взял себе в любовницы вторую» после разрыва с Жорж Санд, «ибо вновь обретал этим дивное благоухание минувших дней», как выразился Арсен Уссэ. К тому же Бальзак был близким другом доктора Эмиля Реньо, одного из прототипов Ораса Бьяншона и наперсника четы Сандо-Санд. В послесловии к «Златоокой девушке» Бальзак намекнул, что он имел в виду Мари Дорваль, сказав: «Если кого-нибудь интересуется Златоокая

девушка, он может увидеть ее после того, как упал занавес,— так актриса, желая получить свой недолговечный венок, поднимается в полном здравии, хотя на глазах у публики была заколота кинжалом».

Однако не только этот недавний пример подсказал Бальзаку выбор сюжета. Человек, желающий описать все стороны современного ему общества, не может пренебречь его, так сказать, изнанкой. Привязанность Вотрена к Эжену де Растиньяку напоминает страсть, которую маркиза де Сан-Реаль питает к Паките Вальдес. «Дело в том, что я люблю вас!» — говорит Вотрен Растиньяку; создатель образа Вотрена, Бальзак, придавал мужской дружбе почти мистическое значение. Хорошо его знавший Теофиль Готье записал: «Бальзак мечтал о героической и преданной дружбе, о том, чтобы душа, мужество, ум двух людей слились в единую волю». Дружба между Пьером и Джафьером (персонажи из пьесы «Спасенная Венеция» английского драматурга Отвея), заговорщиками, готовыми отдать жизнь один за другого, глубоко поразила его, и он несколько раз вспоминает о ней в своих произведениях; Вотрен говорит Растиньяку: «Пьер и Джафьер — вот моя страсть».

«История Тринадцати» — это история такого слияния воли нескольких людей (между которыми не существует никакого чувственного тяготения). Бальзак был просто одержим подобной идеей, и позднее он создаст тайное общество «Красный конь»: его члены должны были при любых обстоятельствах поддерживать друг друга, немедленно откликаться на всякий призыв «конюшни», захватить «ключевые позиции» в книгоиздательствах, прессе и театре. Теофиль Готье, Леон Гозлан, Гранье де Кассаньяк, Альфонс Карр, Луи Денуайе, Жан-Туссен Мерль войдут в число «коней», которых Бальзак будет собирать за столом в ресторане, чтобы изложить свой план предстоящей кампании. «Это не человек, а какой-то дьявол,— признавался Теофиль Готье,— он обладал такой силой воображения, что во всех подробностях описывал каждому из нас блестящую и полную славы жизнь, которую нам обеспечит содружество». Действительно, мысль покорить общество, чтобы «скромно закончить свою жизнь, сделавшись пэром Франции, министром и миллионером», с юных лет преследовала Бальзака.

Впрочем, писателю пришлось довольно скоро распустить общество «Красный конь» и прийти к следующему выводу: «Во Франции ассоциации мужчин невозможны». Но еще долго его будет соблазнять роль покровителя какого-нибудь юноши. Он предоставил приют у себя на улице Кассини сперва Огюсту Борже, а затем Жюлю Сандо. В той части своих «Мемуаров», которая не увидела света, Филарет Шаль намекает, что дружба Бальзака с этими молодыми людьми считалась порочной: «Он (Бальзак) не питал склонности к женщинам, и единственная дама, которой он, как утверждала молва, восхищался — госпожа Канель (супруга его издателя), — пленяла его, как рассказывали, необыкновенно красивыми и пышными волосами, которые покрывали ее всю, когда она их распускала: наш натуралист-романист наслаждался, погружая пальцы в эти пушистые волны».

Бальзак не питал склонности к женщинам! Факты и письма доказывают нелепость подобного утверждения. Никто лучше, чем он, не описал неистовое влечение к женщине, которое испытывает юноша. Никто не ожидал от женщин больше, чем он; и никто со своей стороны не давал им больше. Все возлюбленные Бальзака считали его превосходным любовником. Письма госпожи де Берни дышат удовлетворенной страстью; его письма к госпоже Ганской полны дерзкой интимности, герцогиня д'Абрантес, хорошо разбиравшаяся в мужчинах, не пренебрегала Бальзаком. Он был не только прекрасным любовником, но и другом. И понимал женщин лучше, чем кто-либо иной. Тут какой-нибудь Филарет Шаль сказал бы, что подобная интуиция как раз и свидетельствует о том, что в натуре самого Бальзака было нечто женственное. Несомненно. Великий писатель должен охватывать все стороны человеческого существования. Для того чтобы написать некоторые страницы, он должен чувствовать то, что чувствует женщина. Слов нет, когда Бальзак описывает прекрасного юношу, его тон выдает восхищение мужской красотой. Возможно, он в эти минуты испытывал к такому молодому человеку симпатию. Он проникал в чувства Вотрена; мысленно ставил себя на его место; возможно, даже немного завидовал ему, но в жизни его примеру не следовал.

Мы уже замечали в Бальзаке явный интерес к гермафродитам. В «Златоокой девушке» вновь появляется,

правда, в несколько иной форме (Анри де Марсе и его сестра), Серафит-Серафита — существо, соединяющее в себе одновременно и мужчину и женщину. Такая двойственность определяется тем, что в самом писателе жили как бы два человека: один — могучий бунтарь с непомерными желаниями, жажда могущества заставляла его не раз мечтать о некоей магической силе или об опоре на тайное общество, он с суровым героизмом вел «эту ужасную борьбу с ангелом», какой является литературное творчество; второй — «бедняга», легко ранимый, престодушный, нуждающийся в чисто материнском покровительстве (госпожа де Берни, госпожа Ганская, Зюльма Карро); в любви он пользуется тем же чувствительным языком, что и женщина. Но это не извращенность, не порочность, а всего лишь слабость, сочетавшаяся в Бальзаке с необычайной энергией; подобная двойственность, без сомнения, необходима творцу.

В случае с Сандо нет ничего неясного. В августе 1834 года, завтракая с Бальзаком, Жюль рассказал, что после разрыва с Жорж Санд он чуть было не наложил на себя руки, что он утратил веру в себя, потерял цель в жизни и не имеет средств к существованию. Бальзак пожелал стать духовным отцом злополучного юноши и предложил ему поселиться на улице Кассини — живший там Огюст Борже в то время путешествовал. Чтобы не обидеть щепетильного Сандо, Бальзак поручил ему написать драму о герцогине Монпансье, план которой уже набросан им самим. «Я решил взять Жюля Сандо к себе; надо хорошо устроить этого чувствительного юношу, потерпевшего крушение в житейском море, и направлять его плавание по литературному океану». Устройство юноши обойдется довольно дорого, направлять его работу будет нелегко. Неважно! Сандо (Бальзак называл его «милый Сандо») за все расплатится, когда пьеса принесет ему богатство.

Первого ноября «потерпевший крушение в житейском море» Сандо присутствовал на обеде, который Бальзак давал в честь пяти светских львов, или «тигров» из «инфернальной ложи». «Я разрешаю себе неоправданное роскошество. У меня будет Россини и Олимпия, его сага dona¹... Самые тонкие вина Европы, самые редкостные цветы, самые изысканные

¹ Возлюбленная (ит.).

яства». Форель, цыплята, мороженое — и за все он расплачивался векселями. Золотых дел мастер Лекуэнт прислал пять серебряных блюд, три дюжины вилок, лопатку для рыбы с резной серебряной ручкой, и это после торжественного обеда должно было отправиться прямехонько в ломбард. Что думал обо всем увиденном «милый Сандо»? Он был буквально ошеломлен таким роскошным образом жизни, а главное — испуган неистовым трудом Бальзака. «Сандо говорит, что никакая слава не может вознаградить за подобный труд, что он предпочел бы лучше умереть, чем работать с таким напряжением».

С этой поры начинается взаимное разочарование. Голова у Сандо шла кругом. Бальзак заставил молодого человека заниматься различными разысканиями для будущей пьесы, но дело подвигалось туго. «Я лихорадочно делал выписки,—говорит Сандо,—но его это не удовлетворяло. Когда же я в полном изнеможении растягивался на своей узкой железной кровати, то считал себя счастливым, если этот Титан внезапно не будил меня, желая прочесть свеженаписанные страницы своего нового романа или засадить меня за правку своих бесконечных корректур». Сандо писал Бальзаку: «Борьба придает вам величие, а меня она убивает; вы жаждете бури, а мне нужен покой». Что касается Бальзака, то теперь он думал о юном Жюле примерно то же, что думала и Жорж Санд. Ленъ Сандо удивляет и раздражает труженика Бальзака. «Вы даже вообразить себе не можете, какой это бездельник и нерадивый человек. Он совершенно лишен энергии и воли... Ныне он приводит в отчаяние друга, как прежде приводил в отчаяние возлюбленную».

Все же инициатором разрыва был Сандо, и Бальзак пострадал при этом «и в денежном, и в моральном отношении». Однажды в марте 1836 года молодой человек сбежал, написав своему гостеприимному хозяину ласковое письмо и предоставив ему рассчитывать за жилье и расплачиваться с долгами. Сандо писал: «Дорогой Мар, я уже давно считал, что веду малоодстойную жизнь. Я пользовался роскошью, которую не заслужил своим трудом, долги мои росли с каждым днем, порою мне начинало казаться, что я близок к самоубийству. Я хотел работать, но не мог... И вот я ре-

шил все это бросить... Прощайте, старина, Муш по-прежнему вас любит». И позднее: «Милый Мар, я надеялся, что в последний день смогу вас обнять». В этих прозвищах «Мар» и «Муш» пожелали усмотреть доказательство подозрительной дружбы. На самом же деле то были шутливые имена, какие придумывают друг другу приятели. Подобно тому как Вотрен прибавлял словечко «рама» ко всем словам и называл Растиньяка «маркиз де Растиньякорам», сам Бальзак превратил жаргонный суффикс «мар» в приставку и называл себя «мар-шал», «мар-абу». Из-за монашеской сутаны Оноре друзья прозвали его «дон Мар». К тому же задолго до получения этого письма Бальзак перестал появляться у себя на улице Кассини, и Сандо жил в его квартире один, в обществе кухарки; на ограде дома было прибито объявление: «Сдается квартира». Писатель тем временем приспособил для себя в Шайо, на улице Батай, «неприступное убежище».

Зачем он это сделал? Отчасти для того, чтобы укрыться от преследовавших его кредиторов. Хотя он за последние четыре года и заработал много денег, но еще не расплатился с займодавцами. Помимо суммы, которую он все еще должен матери, у него на шее сорок шесть тысяч франков долга. Много говорилось о том, что долги эти — результат банкротства его типографии, но их подлинная причина — слишком роскошный образ жизни. Расходы Бальзака поистине огромны. Для того чтобы успешно работать, он должен жить в хорошо обставленных комнатах, где на полках стоят книги в дорогих переплетах и бронзовые статуэтки, а полы застланы пушистыми коврами. Золотых дел мастер Лекуэнт присылает ему не только столовое серебро, но и две трости: одна украшена красным сердоликом, набалдашник другой — с инкрустацией из бирюзы. Вообще трости Бальзака — трости с набалдашниками из золота, из кости носорога, украшенные драгоценными камнями, — приобрели широкую известность. Дельфина де Жирарден назвала один из своих романов «Трость господина Бальзака»: писательница притворяется, будто сама верит, что трость эта волшебная, что она позволяет Оноре становиться по своему желанию невидимкой и лучше наблюдать скрытую жизнь человеческих существ.

Но все это лишь декорации, сон наяву, мир феерии. Бальзаку нравится задавать такие пиры, чтобы гостям казалось, будто хозяин владеет талисманом, делающим его обладателем несметных богатств, повелителем времени и пространства. Но когда после пышного обеда, на котором Россини громогласно объявляет, что даже у монархов он ничего подобного не видел, не пил и не ел, Бальзак вновь принимается за работу, он опять вступает в мир суровой правды, в мир пансиона Воке и банкирского дома Нусингена. И в этом мире писатель становится самим собою: с мудрой прозорливостью осуждает безумную щедрость папаши Горио; он облачается в белоснежную монашескую сутану и работает, препоясавшись шнуром; в этом мире он успешно проводит самые рискованные спекуляции и с редкостным умением накапливает колоссальные богатства Нусингена. Время от времени он делает попытку перенести в реальную жизнь блестящие замыслы своих персонажей, но без успеха, ибо, как только внешний мир начинает оказывать сопротивление, Бальзак тут же укрывается в своем внутреннем мире. Задуманное им дело перестает быть выгодным начинанием и становится темой для романа.

Стремится ли он к роскоши из тщеславия? Нет, все гораздо сложнее. Это как бы часть монументального вымысла Бальзака, героем которого был он сам, и вымысел этот существует не только в его голове, писатель пытается воссоздать его и в реальном мире. Бальзак никогда не умел провести четкую границу между воображением и действительностью. Если он дает обед, то каждая бутылка вина на столе имеет свою историю. Вот это бордо трижды объехало вокруг света, а вон тот ром налит из бочки, которая целый век плавала по морским волнам. Чай, заваренный для гостей, собирала при свете луны дочь китайского императора. Если же доверчивый собеседник спрашивает: «Все это правда, Бальзак?» — то Оноре в ответ раздражается заразительным детским смехом: «Во всем этом ни словечка правды». На улице Батай, в своем «неприступном убежище», он устроил для себя будуар, навеянный грезами, подобный будуару Златоокой девушки в особняке маркизы де Сан-Реаль, который описан им в его повести. Диван окруженностью в пятьдесят футов, обтянутый белым кашемиром, с черными и пунцовыми бантиками, образующими ромбы...

Спинка этого гигантского ложа возвышалась на несколько дюймов над грудой подушек, придававших ему еще больше роскоши прелестью своих узоров. Будуар был обтянут красной тканью, а по ней трубчатыми складками, наподобие каннелюр коринфской колонны, ниспадал индийский муслин, отделанный поверху и понизу пунцовой каймой в черных арабесках. Под складками муслина пунцовый цвет казался розовым, и этот цвет любви повторялся на оконных занавесях тоже из индийского муслина, подбитых розовой тафтой и отделанных пунцово-черной бахромой. Шесть двухсвечных канделябров из золоченого серебра, укрепленных на стене на равном друг от друга расстоянии, освещали диван. Потолок, с которого свешивалась люстра матового золоченого серебра, сверкал белизной, подчеркнутой золоченым карнизом. Ковер напоминал восточную шаль, он являл взорам тот же рисунок, что и диван, и приводил на память поэзию Персии, где он был выткан руками рабов. Мебель была обита белым кашемиром с черной и пунцовой отделкой. Часы, канделябры — все было из белого мрамора, сверкало позолотой...

Переливающаяся ткань обивки, цвет которой менялся в зависимости от направления взгляда, переходя от совершенно белых к совершенно розовым тонам, прекрасно сочеталась с игрой света, пронизывающего прозрачные складки муслина, создавая впечатление чего-то облачного, воздушного. К белизне душа испытывает какое-то особенное влечение, к красному цвету льнет любовь, а золото потворствует страстям, обладая властью удовлетворять их прихоти. Так все смутные и таинственные свойства человеческой души, ее необъяснимые, бесконечные изгибы находили здесь поощрение. Эта совершенная гармония создавала какое-то совсем особое созвучие красок, вызывала в душе сладострастные, неопределенные, неуловимые отклики.

Как отзвук детских и юношеских грез писателя, как эхо его разочарований и унижений, теперь, много лет спустя, возникала эта роскошная обстановка, достойная султана из «Тысячи и одной ночи» и его наложниц несказанной красоты.

Помимо кредиторов, еще одно веское соображение заставило Бальзака покинуть улицу Кассини: нелепое уторство, с каким национальная гвардия пыталась сделать его одним из своих солдат, точно он был заурядный буржуа из их пошлого реального мира, а за отказ повиноваться ему грозило тюремное заключение. Приходилось скрываться. В доме номер тринадцать по улице Батай Бальзак снял квартиру не на свое имя, а на имя некой несуществующей вдовы Дюран. В дом можно было проникнуть, только зная пароль, который часто менялся: «Подошло время сбора яблок», «Я принес фламандские кружева». Только после этого посвященный, миновав первый и второй этажи, где никто не

жил, пройдя две пустые и запущенные комнаты, приподнимал в конце унылого коридора тяжелую портьеру и внезапно попадал в восточный дворец. Был ли это рабочий кабинет Бальзака или будуар Пакиты Вальдес? Писатель приказал обить стены плотной и мягкой тканью, чтобы в комнатах царила тишина, а может, и для того, чтобы заглушить вопли Златоокой девушки. Он надеялся, что на этом диване любви будет уютно его новой пери, красавице англичанке, с которой он познакомился в австрийском посольстве... И как знать? Быть может, сюда к нему пожалует и Анриетта де Кастри, окончательно забыть которую он все еще не мог.

Бальзак — маркизе де Кастри, около 10 марта 1835 года:

Господи, как вы можете думать, что я — на улице Кассини? Ведь я всего в нескольких шагах от вас! Не нравится мне ваша меланхолия: будь вы тут, я бы вас разбил. Я усадил бы вас на огромный диван, и вы бы почувствовали себя феей в своем волшебном дворце, а я сказал бы вам, что в этой жизни для того, чтобы жить, надо любить.

Потом он сообщал, что работает над романом, где будет нарисован «величественный образ обетованной женщины»; название книги — «Лилия долины». Героиню он наречет в честь госпожи де Кастри Анриеттой — странная честь после стольких размолвок. Этот труд отнимает все его силы, писал Бальзак.

Вот почему я отнюдь не живу, запершись вдвоем с возлюбленной, как вам нашептывают в свете. Если бы, работая так, как я работаю, я бы еще умудрялся иметь пять-шесть любовниц, которых мне приписывают, я бы потребовал, чтобы меня публично увенчали лавровым венком. Геракл выглядел бы тогда рядом со мною жалким лилипутом... Провести часок с женщиной, возможно, было бы для меня великим благом, однако белый диван, ожидающий лилию, так и останется стоять одиноко. Впервые в жизни мне удалось претворить в действительность свои грезы, эти цветы поэтической фантазии. Жюль Сандо, придя сюда в тот день, когда я засел за работу, воскликнул, что ему почудилось, будто перед ним возник палермский кафедральный собор из оперы «Роберт-дьявол». Моя обитель напоминает будуар женщины! Но женщины изысканной, изящной. Спасибо за перья, за вереск — скромный цветок, порадовавший меня, когда я изнемогал под бременем труда. Заглянули бы вы сюда в час, когда я просыпаюсь, и посидели бы часок на диване, опустившись на него, как пташка. В целом мире об этом будем знать только мы двое. Между одиннадцатью утра и часом дня вы пережили бы минуты поэтические и таинственные; однако вы уже слишком охладели к удовольствиям, и я не надеюсь на эти радости, которые дарует нам молодость.

Через князя Альфреда Шенбурга, чрезвычайного посланника, прибывшего сообщить Луи-Филиппу о восшествии на австрийский престол императора Фердинанда I и посетившего Бальзака на улице Батай, писатель переслал рукопись «Златоокой девушки» Еве Ганской. Что касается «Серафиты», то он признавался, что ему никак не удастся закончить эту нелегкую книгу. Непомерный труд истощил его силы. Человеческая природа неумолима. «Моя жизнь сосредоточилась в мозгу, тело пребывает в бездействии, и оболочка разбухает».

Бальзак — Чужестранке:

Словом, вот уже три недели я непрерывно работаю над «Серафитой» по двенадцать часов в день. Этот гигантский труд никому не ведом; люди видят и должны видеть только его результаты. Но мне надо было проглотить множество книг по мистицизму для того, чтобы о нем писать. «Серафита» — опаляющее произведение для тех, кто верит. К несчастью, в нашем жалком Париже даже ангел может стать темой для балета.

Он не без гордости сообщал Еве, что его трость с набалдашником чеканного золота, в который вкраплены бирюза, все еще служит пищей для разговоров в Париже и даже в Неаполе и Риме: «Эта драгоценная трость того и гляди приобретет европейскую известность... Если во время своих путешествий вы услышите, что я обладаю волшебной тростью, которая убыстряет бег коней, раскрывает ворота замков, отыскивает алмазы, не удивляйтесь, а посмейтесь над этим вместе со мною. Никогда еще с таким увлечением не выставляли напоказ хвост собаки Алкивиада!» Для человека, жаждущего славы, сочинить легенду о волшебной трости было ловким ходом. Воображение людей легче поразить отрубленным собачьим хвостом или набалдашником трости, нежели философской доктриной.

Итак, прощайте, уже два часа ночи. Я украл у «Серафиты» целых полтора часа. Она ворчит, зовет меня, надо ее заканчивать, ибо журнал «Ревю де Пари» также ворчит: я взял аванс в тысячу девятьсот франков и «Серафита» с трудом покроет эту сумму. Прощайте; вам нетрудно представить себе, что, дописывая это посвященное вам произведение, я думаю о вас. Пора уже книге появиться на свет; здешние литераторы решили, что мне ее никогда не закончить, что это просто немыслимо.

Немыслимо? Только не для Бальзака. Он пообещал привезти Чужестранке рукопись «Серафиты», прежде чем ее Ржевусское величество возвратится в свои владе-

ния. Но об одном он ей не писал — о том, что с наступлением весны он часто ездит в Версаль и видится там со своей новой пассией, графиней Гидобони-Висконти.

Бальзак — Зюльме Карро, 17 апреля 1835 года:

Во мне живет несколько людей: финансист; художник, борющийся против прессы и публики; затем художник, вступающий в борьбу с собственными произведениями и замыслами. Наконец, живет во мне и человек, исполненный страсти, он способен растянуться на ковре у ног прекрасного цветка и восторгаться его красками, вдыхать его аромат. Тут вы скажете: «Негодный Оноре!» Нет, нет, я не заслуживаю такого эпитета. Ведь я способен отказаться от всех доступных мне радостей и запереться у себя в комнате, чтобы работать. Послушайте, сага¹, почему вы мне совсем не пишете? Неужели вы думаете, что утратили хотя бы крохотную долю моей привязанности? Ведь жизненные испытания только усиливают старинную дружбу. Итак, через несколько дней вы увидите меня у себя. Я давно лелею мечту об этой вылазке... Но вот уже несколько дней, как я подпал под власть неотразимой особы и не знаю, как освободиться от ее чар, ибо по примеру юных девиц я не в силах противиться приятному соблазну.

К несчастью для Бальзака, жившие в Париже поляки сообщали госпоже Ганской о его весенних шалостях. Она писала ему теперь только коротенькие письма, в которых отчитывала неверного. Он понимал, что надо самому отправиться в Вену, чтобы оправдать себя. Но ему трудно было оторваться от письменного стола. «Я словно коза, привязанная к колышку. Когда наконец капризная рука Фортуны освободит меня от пут? Не знаю». У него болела печень: «Но обождите, госпожа Смерть! Уж коли вы явились, то помогите мне опять взвалить ношу на спину. Я еще не выполнил свою задачу».

ХІХ ЛИЛИЯ ДОЛИНЫ

Постоянство — один из краеугольных камней моего характера.

Бальзак

Весной 1835 года Бальзак работает над несколькими большими произведениями сразу: одни он уже пишет, другие еще только обдумывает; это «Лилия долины» (полемический ответ на «Сладострастие» Сент-Бёва, но «только лучше»), «Щеголь», третий десяток «Озорных

¹ Дорогая (ит.).

рассказов», «Воспоминания новобрачной», «Сестра Мария от ангелов» (книга так никогда и не была написана); кроме того, он переделывает «Луи Ламбера», заканчивает «Серафиту». А вдова Беше между тем жаловалась, Верде приходил в ужас, редакции газет метали громы и молнии. Как всегда, Бальзаку казалось, что он близок к цели. Да и как было ему не верить в свои силы? Шесть лет тому назад он был безвестным журналистом со впалыми щеками, работавшим, точно поденщик, на книгоиздателей. Прошло каких-нибудь шесть лет, и теперь вся Европа читает его. В 1837 году к нему придет и богатство, ибо тогда все его произведения, взятые вместе (они вновь станут к тому времени его полной собственностью), превратятся в «Социальные этюды». Разбогатеет, он расплатится со всеми, даже с матерью; он свидится с Евой и наконец-то будет вознагражден за титанический труд.

«Я напеваю своим слабым голосом: „Диодати! Диодати!“» — писал он Ганской. Она все еще жила в Вене, но собиралась возвратиться к себе на Украину. Для Бальзака было важно повидать ее до отъезда. Он буквально засыпал рукописями и рассказывал содержание своих будущих книг: «Я готовлю к печати большое и прекрасное произведение, оно будет называться «Лилия долины»; в нем я изображу очаровательную женщину, добродетельную, с возвышенной душою; у нее угрюмый муж. Земное совершенство будет воплощено в человеческом облике, подобно тому как Серафита есть воплощение совершенства небесного». Однако пышная Эвелина все реже и реже писала ему и говорила главным образом о своей ревности. Он ждал от нее только знака, чтобы тотчас же поспешить к своей возлюбленной: «Вы ведь знаете, что одно из достоинств «бенгали» — его беспредельная верность. Эта бедная пташка живет вдали от своей розы, от своей пери; «бенгали» молчалив и грустен, но по-прежнему влюблен». Он стремился в Вену, «в ту самую Вену, — писал Бальзак, — где я забуду все свои горести. Воздух Парижа убивает меня, тут меня терзают упорный труд, различные обязательства, враги! Мне так нужен тихий оазис». В Вене он закончит «Лилию долины», посетит поля сражений при Эслинге и Ваграме (это ему необходимо для «Сцен военной жизни»). Однако перед отъездом он хотел бы

приобрести в Турени милый его сердцу загородный дом Гренадьеру (чисто бальзаковская мечта, ибо у него не было ни единого су из нужной суммы). В мае Бальзак внезапно принял решение, попросил Ганских отложить их отъезд на Украину: он приедет на четыре дня в Вену. «Я, как ребенок, радуюсь этой эскападе. Ведь я покину свою каторгу и увидаю новые места. Ну, до скорой встречи».

Деньги на поездку? Но ведь к его услугам преданный Верде, этот добрый гений! Верде сам сидел без гроша, он обратился к барону Джеймсу Ротшильду, тот дал необходимую сумму, но при этом присовокупил: «Будьте осторожны с господином де Бальзаком, он весьма легкомысленный человек». Легкомысленный человек, отличавшийся к тому же чудовищной расточительностью, прикатил в Вену в наемной коляске в сопровождении своего камердинера Огюста. В замке Вайнхейм, близ Гейдельберга, друг Бальзака князь Альфред Шенбург представил его леди Эленборо, необыкновенной красавице, которая неизменно была окружена толпой обожателей и не чуждалась галантных приключений; после встречи с Бальзаком она не сомневалась в том, что помогла французскому романисту создать образ Арабеллы, леди Дэдди, одной из героинь «Лилии долины» (читатель позднее увидит, что Бальзак списал эту англичанку с другой женщины, близко ему знакомой). «За те два часа, которые я провел в парке у леди Эленборо, пока этот глупец, князь Шенбург, волочился за нею, и во время обеда я полностью разгадал эту женщину». Остановка в Вайнхейме была весьма полезной для Бальзака, ибо — помимо знакомства с «Арабеллой» — он сочинил там «письмо-исповедь» для своего романа «Луи Ламбер»: то было весьма расплывчатое изложение философской доктрины этого героя, но Бальзаку оно казалось гениальным. Он нацарапал текст, сидя на скамейке в парке, и позднее включил его в книгу.

Проехав через Штутгарт и Мюнхен, он прибыл в Вену, где Ганские заказали для него комнату в гостинице «Золотая груша» на Ландштрассе. Встреча влюбленных была далеко не так безоблачна, как в Женеве. Еву Ганскую переполняло глухое недовольство, к тому же им никак не удавалось остаться наедине; Бальзак умудрился тайком сорвать несколько поцелуев. Пламен-

ное сердце и слишком живое воображение — зловещий дар богов, если нельзя добиться полного счастья, отвечающего безмерности желаний. Бальзак послал Ганской «письмо от человека грязного и беспардонного», по нему можно догадаться об оскорбительных упреках с ее стороны. «Я вовсе не грязный человек, но, конечно, человек глупый, ибо никак не возьму в толк того, о чем вы изволите говорить».

Венские аристократы, все без исключения читавшие Бальзака, стремились им завладеть. Он уступал их учтивым домогательствам, но старался оградить часы своей работы и не отступать даже тут от своего почти монашеского образа жизни.

Бальзак — госпоже Ганской:

Я не могу работать, зная, что мне надо куда-то идти, и никогда не сажусь за письменный стол на час или на два. Вы все так хорошо устроили, что я улечусь в постель только в час ночи... Я собирался утром полюбоваться Пратером, когда там еще никого нет. Если бы вы пожелали отправиться туда вместе со мной, было бы очень мило; поскольку я лишь завтра примусь за «Лилию долины», мне придется работать поначалу по четырнадцать часов в сутки, чтобы наверстать упущенное. Я поклялся либо написать эту книгу в Вене, либо броситься в волны Дуная.

Тем не менее Бальзак был польщен приемом, который оказал ему австрийский канцлер князь фон Меттерних: с этим человеком благодаря знакомству с некоторыми дамами (герцогиней д'Абрантес, маркизой де Кастри) Оноре связывали общие лирические воспоминания. Госпожа де Кастри возложила на него тайную миссию — она хотела, чтобы Бальзак переговорил с канцлером о ее незаконнорожденном сыне, Роже фон Альденбурге, которому канцлер доводился дедом. Княгиня Мелания фон Меттерних писала в своем дневнике:

20 мая 1835 года. Сегодня утром Клемент [ее супруг, князь фон Меттерних] виделся с Бальзаком. Канцлер обратился к нему с такими словами:

«Сударь, я не читал ни одной вашей книги, но я вас знаю, для меня ясно, что вы безумец или же человек, который потешается над другими безумцами и стремится исцелить их с помощью еще большего безумия».

Бальзак ответил, что князь совершенно прав, что именно такова его цель и он непременно ее достигнет. Клемент был очарован манерой писателя смотреть на вещи и судить о них.

В самом деле, политические воззрения Бальзака и политические воззрения австрийского канцлера неплохо уживались. Сама же княгиня фон Меттерних нашла, что Бальзак «прост и добр, но одет совершенно немислимо».

Князь Феликс фон Шварценберг сопровождал Бальзака на поле сражения при Ваграме. Семейства Шенбург и Киселевых оспаривали друг у друга честь принимать писателя у себя. Он виделся также с ученым-ориенталистом бароном Иосифом фон Хаммер-Пургшталем, который перевел по его просьбе на арабский язык знаменитую надпись из «Шагреновой кожи». Она великолепно звучала по-арабски благодаря «афористической краткости» этого языка. Правда, согласно тексту романа, надпись была сделана на санскрите, однако Хаммер-Пургшталь санскрита не знал. Какая важность! Кто заметит разницу? Барон подарил Бальзаку драгоценный талисман — перстень-печатку *Бедук* — и сказал при этом: «В один прекрасный день вы оцените значение скромного дара, который я вам вручаю». Семя упало на благодатную почву. Вскоре Бальзак уже всем рассказывал (сам этому веря), что его замечательный перстень некогда принадлежал пророку Магомету, что он был похищен англичанами у Великого Могола, который предлагал в обмен на него груды золота и алмазов. Бедук восходит прямехонько к Адаму. Бедук может сделать человека невидимкой. Бедук приносит счастье в любви. Бедук исцеляет от всевозможных недугов. Еще одна таинственная сила прибавилась к тем, которыми (как не без основания считал Бальзак) он был наделен. Барон фон Хаммер, намекая на гигантский труд своего гостя и на множество созданных им героинь, сравнил писателя с «Гераклом, который в одну ночь лишает невинности пятьдесят девственниц».

Астольф де Кюстин, находившийся в Вене одновременно с Бальзаком, отметил необычайный успех, каким там пользовался писатель; но в письме к Софи Гэ Кюстин писал:

Наш друг поставил меня в затруднительное положение: он познакомил меня с некой полькой, весьма остроумной дамой из степей Украины и самой ученой женщиной с берегов Дона, которой перед тем сказал, будто я самый красноречивый человек, которого он когда-либо встречал. Я не знал, что сказать; если бы я прислушался к голосу гордости, то поступил бы по примеру ны-

нешних светских людей и не раскрыл бы рта. Вместо этого я старался держаться как можно любезнее, но все время чувствовал себя так, словно играл роль. Мне казалось, будто я разучиваю все одни и те же гаммы. Поэтому я не мог вести себя естественно в обществе этой дамы, которая, впрочем, особа весьма благовоспитанная.

По мнению Кюстина, у Бальзака на этот раз не хватило такта: гений и такт не всегда уживаются.

Между тем Ганские готовились возвратиться в свое украинское царство, а Бальзака все призывало в Париж. Впрочем, ему даже хотелось туда вернуться. «Посылаю вам тысячу поцелуев, ибо мною владеет столь сильное желание, что все мимолетные ласки только разжигают его. Видно, нам не удастся побыть наедине ни одного часа, ни одной минуты. Эти препятствия до такой степени воспаляют меня, что, думается, мне стоит ускорить свой отъезд». Да вот беда: он израсходовал все наличные деньги, а надо было уплатить за номер в гостинице да еще предстоял обратный путь. Но это пустяки: вексель на имя Верде все разрешит. Венские Ротшильды охотно учтут его. Что касается Верде, то он удержит эту сумму из гонорара за «Лилию долины», а если у него не найдется свободных денег, пусть обратится к госпоже Сюрвиль. Верде оплатил вексель, и Бальзак превозносил его за это до небес: «Поверьте, друг мой, отныне мы с вами связаны и на жизнь и на смерть».

Пребывание в Вене принесло Бальзаку по крайней мере ту пользу, что он ощутил степень своей известности. Когда он выходил с концерта, какой-то студент поцеловал ему руку. Европа любила его, люди обставляли свои покои «на манер Бальзака». Созданный писателем мир покорила планету.

Париж. Улица Батай. Июнь 1835 года. После блестящей венской интерлюдии Бальзак снова взваливает ношу на плечи. Если верить тому, что он пишет госпоже Ганской, то родные сразу же по приезде доставили ему большие огорчения. «Ни к чему не пригодный» Анри грозил пустить себе пулю в лоб, тогда как ему просто надо было трудиться. Сестра Лора была, видимо, тяжело больна. «Дорогая, любимая матушка» совсем потеряла голову от горя. Конечно, он все несколько драматизирует, чтобы растрогать Эвелину, не подававшую

признаков жизни. Желая узнать о ней новости, Бальзак советовался с «ясновидящей».

Она сказала, что вы написали в Париж и справлялись обо мне... Она нашла, что сердце у вас несколько расширено... но никакой опасности нет. Ваше сердце, как и ваше чело, развито больше, чем у прочих смертных. Я испытывал настоящее умиление, когда она сказала мне тем торжественным тоном, какой свойствен ясно-видящим: «Особы эти сильно к вам привязаны, они вас по-настоящему любят».

В будуаре, выдержанном в бело-розовых тонах, этот человек во всеоружии своей мысли, чернил и бумаги яростно боролся, заделывая бреши в своем бюджете, тут же возникавшие вновь. Лора Сюрвиль поступила безрассудно. В отсутствие Бальзака ей пришлось помочь Верде уплатить по векселю, и она отнесла в ломбард столовое серебро, которым так дорожил ее брат!

И вот мне теперь приходится работать день и ночь, чтобы исправить последствия нелепых поступков. Таким образом, мне предстоят три или четыре месяца каторжных работ, и я прошу вас быть в это время снисходительнее. У меня не будет возможности писать вам так часто, как хотелось бы. Я должен закончить почти одновременно «Лилию долины», «Воспоминания новобрачной», подготовить том для Верде и том для госпожи Беше. Все в один голос жалуются на меня. Но не испытывайте, пожалуйста, угрызений совести; я никогда в жизни не пожалею о своей поездке, хотя она была очень короткой и главное — нам не давали почти ни минуты побыть вдвоем.

Больше чем когда бы то ни было ему нужно творить, творить, творить. И эта необходимость как бы прищипоривает гений Бальзака. За одну ночь он написал новеллу, оказавшуюся подлинным шедевром: «Обедня безбожника»; в три дня закончил «Дело об опеке». «Работать! Постоянно работать! Ночи, заполненные лихорадочным трудом, сменяют одна другую, дни, отданные обдумыванию произведений, следуют чередой!» Почтенная «вдова Дюран» уединенно живет на улице Батай. «Дражайшая и любезная вдова», — писали Бальзаку друзья. Он отвечал: «Вас будет ждать чашка кофе со сливками, такой кофе умеют варить только вдовы». Но, говоря по правде, ему ни к чему были посетители. Он был поглощен своим грандиозным трудом.

За исключением нескольких чудесных и счастливых взлетов, Бальзак работал мучительно. Еще со времени «Шуанов» он взял за правило рассматривать любой свой набросок как канву для будущего произведения, а «вы-

шивал» он уже в корректуре. У писателя был очень неразборчивый почерк, поэтому первые гранки для него набирали старинными литерами — так называемыми «гвоздями». Затем следовало столько корректур, что издатели относили их на счет автора. «Наборщик типографии,— писал Шанфлери,— беря в руки корректуру Бальзака, чувствовал себя каторжником, отработывающим «урок»; справившись с нею, он отдыхал, исполняя более легкую работу». Этот всегда нуждавшийся писатель, которого по пятам преследовала свора займодавцев, ни при каких обстоятельствах не поступался качеством своих произведений. Как «упрямый плавильщик,— по меткому образу Теофиля Готье,— он по десять — двенадцать раз подряд бросал металл в тигель, если металл этот не желал заполнять все извивы литейной формы».

Бывало, что типография подолгу ждала текст, а потом Бальзак внезапно присылал сразу две сотни листов, лихорадочно исписанных за пять ночей. Вот рассказ Эдуарда Урлика, который приводит в своей книге Шанфлери:

Его манера известна. Это — черновой набросок, хаос, нечто апокалипсическое, какая-то китайская грамота. Типограф бледнеет. Времени в обрез, почерк неслыханный. Постепенно чудище принимает пристойный вид; его мало-помалу переводят на общепонятный язык... Автор присылает первую, а затем вторую корректуру, они расклеены на громадных листах, каких-то афишах, ширмах!.. От каждого типографского значка, от каждого набранного слова берет начало оперенная стрела, она змеится и сверкает, как ракета Конгрива, а в конце рассыпается светящимся дождем из фраз, эпитетов, существительных — подчеркнутых, зачеркнутых, перечеркнутых, беспорядочно налезających друг на друга. Ни с чем не сравнимое зрелище!

Представьте себе четыреста или пятьсот таких арабесок, переплетенных, слившихся, карабкающихся одна на другую, переползающих с поля одного листа корректуры на поле другого, устремляющихся с севера на юг. Представьте себе дюжину географических карт, где смешаны в кучу города, реки и горы. Клубок, перепутанный кошкой, иероглифы династий фараонов или бенгальские огни двадцати праздников сразу!.. Приходится работать наугад, полагаясь на милость Божию.

В типографию приходила шестая, восьмая, десятая корректура, все они были исчерканы, снабжены множеством дополнений, испещрены стрелами. Для того чтобы создавать по нескольку томов в год при таком методе работы, нужна была сверхчеловеческая воля. Когда Бальзак трудился над каким-нибудь большим произведе-

дением, он исчезал на два или на три месяца — так некоторые реки внезапно уходят под землю, — а потом вдруг стремительно появлялся на свет божий с шедевром в руках, «тяжело дыша, в полном изнеможении», но при этом веселый и довольный. Он с размаху опускался на диван, разминал сардины в масле, намазывал на хлеб это месиво, напсминавшее ему свиную колбасу, которую так любят в Туре, проглатывал тартинку и засыпал на час. Титан казался совершенно обессиленным, но огонь, похищенный им у Юпитера, вдохнул жизнь в сотню созданных из глины человечков.

В 1835 году самым дорогим его сердцу произведением, которое он хотел во что бы то ни стало завершить, была «Лилия долины». В конце июля он отправился в Булоньер, к госпоже де Берни; потом жил некоторое время во Фрапеле у Зюльмы Карро. Он пропустил время сирени, уже наступило время роз. Его верный друг Зюльма, поглощенная заботами о семье, теперь менее внимательно, чем прежде, следила за творчеством своего дорогого гостя, но в доме этих славных людей он чувствовал себя спокойно, здесь ему хорошо работалось. В часы отдыха Бальзак с удовольствием слушал рассказы майора Карро о комете, которая приближается к Земле, и рассказы другого майора, Периолы, о сражениях, в которых тот участвовал, об артиллерии, об императоре Наполеоне.

Почти все свои ночи Бальзак посвящал работе над «Лилией долины». Он предвидел, что она станет одной из его лучших книг, уподобится «прекрасной беломраморной статуе», в ней будет описано «сладострастие, которое охватило двух людей с девственными и неиспорченными сердцами». Женщина безукоризненной нравственности «выдерживает натиск юноши, опьяненного ее красивыми плечами», но она не в силах до конца побороть жгучее желание, и оба эти существа (Феликс де Ванденес и Анриетта де Морсоф), страстно влюбленные друг в друга, но отказавшиеся от близости из уважения к законам божеским и человеческим, приходят к двойной катастрофе: Феликс вступает в связь с красавицей англичанкой, которая принесет ему наслаждение, но не даст счастья; Анриетта же мучительно страдает от собственной добродетели и умирает, кощунственно сожалея о том, что не нарушила святости семейного очага. Этот

роман Бальзака производит возвышенное впечатление; кроме того, как всегда в его произведениях, человеческие страсти неотделимы от социального механизма. «Это история Ста дней, увиденная из замка на Луаре», — замечает Ален; и в самом деле, герой книги оказывается в Клошгурде как эмиссар «Гентского короля». В «назидательном письме», которое Анриетта написала Феликсу, направляющемуся ко двору короля — в эту неведомую страну с незнакомым ему языком, — изложены глубокие взгляды на политику и на общество. С какой радостью покинувшая свет женщина собирает крупинцы своего горького опыта, чтобы передать его мужчине-отроку, которого она любит!

Прежде всего, говорит эта исполненная материнских чувств возлюбленная, вы должны принимать общество и его мораль такими, каковы они есть. «Я не говорю с вами ни о вере, ни о чувствах; здесь речь идет о пружинах неумолимой машины из золота и железа». Эта образцовая возлюбленная на удивление практична; сами добродетели, к которым она хочет приобщить молодого человека, должны помочь его успехам в обществе.

Прямота, честь, верность и учтивость приведут вас к успеху наиболее прямым и надежным путем... Истинная учтивость — цветок милосердия, в ней заключена идея христианства... Если вас попросят о чем-нибудь, чего вы не можете сделать, откажитесь наотрез, не внушая ложных надежд... Не будьте ни доверчивы, ни банальны, ни чересчур ревностны, избегайте этих трех подводных камней! Слишком большая доверчивость уменьшает почет, которым мы пользуемся, банальность навлекает на нас презрение, излишнее рвение дает повод помыкать нами. Кроме того, дорогое дитя, в жизни у вас будет не больше двух-трех друзей... Одно из важнейших правил поведения — поменьше говорить о себе... Нынешняя же молодежь созревает слишком скоро, а потому судит свысока о поступках, мыслях, книгах; она рубит плеча, еще не научившись владеть мечом. Избегайте этого недостатка... Итак, угождайте влиятельным женщинам. Влиянием же пользуются пожилые женщины... Они будут вам преданы всем сердцем, ибо покровительство заменяет им любовь.

Что касается молодых женщин, то ему следует избрать одну-единственную. «Служить всем женщинам, любить только одну».

Были ли в этом, таком бальзаковском письме автобиографические черты? А как же иначе? Пережитый опыт даже независимо от воли автора проступает во всем, что он пишет. В характере Феликса де Ванденеса можно было обнаружить меланхолию, робость и неисто-

вые желания Оноре де Бальзака, испытанные им, скажем, во время бала, который происходил в Туре в 1814 году, когда подростком он вдыхал благоухание, исходившее от женщин; но Феликс, отпрыск знатного рода, мог сделать карьеру в свете, Оноре, не имевший могущественных покровителей, мог рассчитывать только на свои сочинения. Практическим умом и самоотверженностью Анриетта де Морсоф походила на Лору де Берни. Одна отказалась принадлежать своему возлюбленному, другая отдалась ему, и обе умирали от любви. В одном из писем к Ганской Бальзак называет Лору де Берни «небесным созданием; госпожа де Морсоф — лишь ее бледная копия». Он хочет, чтобы Ева смотрела на Анриетту, как на двойника Серафиты, и чтобы сама Ева пожелала стать одновременно госпожой де Морсоф и леди Дэдди, соединить в себе чистоту одной и чувственность другой. Можно ли найти черты Габриэля де Берни в образе господина де Морсофа? Вероятно. Однако Бальзак хотел воплотить в нем «все черты дворянина-эмигранта и сурового мужа». Писатель льстил себя надеждой, что в образе леди Дэдди ему удалось запечатлеть любящую англичанку: «В «Лилии долины» я немногословно, но очень точно описал женщин этой страны».

Но дело не в прототипах. Гораздо важнее вся картина. Создавая это полотно, Бальзак стремился победить своего врага Сент-Бёва на ристалище, которое тот выбрал сам. И Бальзак без труда выиграл сражение. Роман «Сладострастие» не лишен некоторых достоинств, но ему не хватает жизненности и силы. Бальзак снисходительно замечал: «Это слабая, вялая, многословная книга, но в ней есть превосходные страницы».

Госпожа де Берни осуждала «Сладострастие». То место романа, где описано, как любовник, чтобы освободиться от томительного жедания, направляется в значные места, возмущало ее. «Лилия долины» приводила ее в восторг. После чтения книги она сказала Бальзаку, что это и впрямь «Лилия долины». «В ее устах слова эти звучат как большая похвала; она ведь скупа на комплименты». Автор сам признавался, что доволен своим детищем: «Но «Лилия»! Если «Лилия» не станет настольной книгой для женщин, то я ничего не стою... Сочетать добродетель и драматизм, не растерять при

этом чувства, пользоваться слогом и языком Массильона — все эти задачи я разрешил уже в первой части романа, но для этого мне пришлось затратить триста часов на чтение корректур: они стоили редакции «Ревю де Пари» четыреста франков, а у меня до сих пор ноет печень».

Критика вела себя недостойно и низко. «Господин де Бальзак,— писал в «Нувель Минерв» Пельтан,— минутно нарушает правила приличия... Тем не менее в некотором умении ему отказать нельзя; он добрый гений провинции и читальных залов... Мы признаем, что он не менее популярен, чем Поль де Кок». Ханжеская критика возмущалась тем, что Анриетта де Морсоф на смертном одре сожалела об отвергнутых ею наслаждениях.

Да, все газеты враждебны «Лилии»; все они поносят и оплевывают ее. Мне доподлинно известно, что «Газетт де Франс» хулит книгу потому, что я не хожу к мессе, «Котидьен» — потому, что редактор хочет мне отомстить; словом, у всякого свой резон. Я надеялся, что Верде продаст две тысячи экземпляров, но нет, разошлось всего тысяча триста. Так что и денежные интересы ущемлены. Некоторые невежды не понимают, как прекрасна смерть госпожи де Морсоф, они не видят, что в ней борется плотское и духовное начало,— а ведь это сущность христианства. Они усматривают тут только бунт обманутой плоти, только протест обманутого в своих надеждах тела и не желают отдать должное возвышенному спокойствию духа, когда графиня причастилась и умирает как святая.

Позднее Бальзак решится написать: «Неведомое сражение, происходящее в долине Эндра между госпожой де Морсоф и страстью, быть может, не менее величественно, чем самые великие из известных нам сражений». После чтения книги госпожа де Берни объявила: «Теперь я могу умереть; я уверена, что ваше чело уже увенчано венком, о котором я мечтала для вас. «Лилия долины» — возвышенное произведение, без единой погрешности и изъяна. Вот только напрасно госпожа де Морсоф испытывает перед смертью эти ужасные сожаления; они вредят прекрасному письму, которое она перед тем написала». Бальзак исключил из второго издания сто строк, которые покоробили госпожу де Берни. «Я не пожалел ни об одной из этих строк, и всякий раз, когда мое перо вычеркивало фразу, я испытывал глубокое волнение, которое редко охватывает душу мужчины».

Проницательная Зюльма все поняла; поняла она и кое-что другое. «Как ни хорош замысел «Лилии долины», тысячи женщин, читая книгу, скажут: «Это не совсем то». Ибо, несмотря на все интимные признания, которые были вам сделаны, существуют вещи, которых вам никогда не расскажут, потому что рассказывать о них стыдно; есть немало недостойных побуждений, о которых никогда не говорят, а если даже близкий человек их обнаружит, то станут отпираться». Бедная Зюльма! Отпираться или умалчивать — не значит ли это тем самым делать признание?

В последний раз Бальзак гостил в Булоньере у вдохновительницы «Лилии долины», госпожи де Берни, в октябре 1835 года. Он там работал в тиши над «Щеголем» — старое название автор присвоил теперь новой книге («Брачный контракт»). Произведение это входило в серию книг о «битвах судебных», начатую «Полковником Шабером» (сначала повесть эта называлась «Мировая сделка») и продолженную «Делом об опеке». Показывая, что грозные потрясения в частной жизни нередко облачаются в нотариальные акты, которые затрагивают имущественные интересы сторон, Бальзак открыл, по словам Бардеша, «совершенно нетронутую область драматических конфликтов», и помогли ему это сделать воспоминания той поры, когда он служил клерком у стряпчего.

Бальзак — Лоре Сюрвиль:

Я с честью выполнил то, что наметил. Описав одну только сцену брачного контракта, я осветил будущее двух супругов.

Во время своего пребывания в Булоньере он заметил, что госпожа де Берни как будто меньше страдает от приступов сердцебиения. Однако судьба по-прежнему упорно преследовала ее. Месяц спустя больной женщине, уже похоронившей четверых детей и ставшей свидетельницей безумия своей дочери Лоры-Александрины, пришлось просиживать ночи напролет у изголовья любимого сына Армана, заболевшего чахоткой. Сраженная этим новым несчастьем и испытывая смутные угрызения совести, она умоляла Бальзака больше не приезжать и даже не писать ей. «Вы знаете, что в минуты, когда у человека все внутри напряжено, малейшее потрясение, вызванное сильным чувством или неосторожным словом,

может сразить наповал. Какое грустное положение!» Арман скончался, и убитая горем мать теперь лишь изредка переписывалась с Оноре. Он понимал, что она обречена.

Бальзак — госпоже Бальзак:

Ах, милая матушка, я вне себя от горя. Госпожа де Берни умирает! Надеяться больше не на что! Один только я да Господь Бог знаем, как велико мое отчаяние. А ко всему еще надо работать!

Бальзака снова преследует свора займодавцев. Прекрасная вдова Беше, которая в 1833 году была так любезна, показывала в ярости свои острые зубки. Она выплатила аванс за романы и теперь тщетно их ждала; милейшая дама жаловалась на «коммерческие затруднения». С «необыкновенной злобой» она угрожала прекратить всякие выплаты, если рукописи не поступят в срок. Бальзак в свою очередь жаловался на эти «мелкие придирки», обещал прислать «Музей древностей», «Утраченные иллюзии» и в обмен на эти посулы получил еще 5000 франков. Но он забрал уже почти всю сумму, которая причиталась ему по договору за «Этюды о нравах». Подумать только: за 5000 франков ему надо написать целых два тома! «Я должен трудиться, почти ничего не получая за это». Не будь он Бальзаком, его финансовое положение к концу 1835 года было бы просто катастрофическим! Денежные дела подобны «проводе, по которой он то и дело съезжает с высот славы в грязное болото». Он берет в долг у доктора Наккара, у Борже, у отзывчивой госпожи Делануа, у дядюшки Даблена. Верде со своей стороны заранее выплатил ему гонорар за «Лилию долины». Домовладелец с улицы Кассини (живя уже на улице Батай, Бальзак сохраняет за собой прежнюю квартиру) требует причитающуюся ему за полгода плату. Госпожа Бальзак весьма нерегулярно получает обещанную ей ежемесячную ренту.

И все-таки он не сдаётся. В его распоряжении есть крайние средства: во-первых, можно выпустить новое издание юношеских романов, подписанных псевдонимом «Орас де Сент-Обен». Скажут, что автор — он. А он станет отрицать. Никто не поверит? Не велика важность. Ведь ему предлагают 10 000 франков. Во-вторых, он может на свои средства издать третий десяток

«Озорных рассказов», а потом уступить весь тираж за более высокую цену Верде. Кроме того, когда госпожа Беше полностью распродаст «Этюды о нравах», их можно будет предложить другому издателю за 45 000 франков.

Стало быть, он богат. Почему бы не приобрести наконец собственный дом? Недвижимость необходима ему для избирательного ценза; это нужно для его политической карьеры, ведь он лишается ценза из-за того, что госпожа Бальзак вздумала вдруг продать свой дом. Увы! На самом деле в декабре 1835 года пассив его баланса составляет 105 000 франков. Если исключить из них 45 000 франков, которые Бальзак должен матери, то остается все же 60 000 франков долга посторонним лицам и издателям. Верде, этот ангел-хранитель в обличье книгоиздателя, находится при последнем издыхании. Но разве у Оноре нет чудодейственного перстня Бедук? Какой-нибудь счастливый случай непременно спасет и автора, и издателя. Бюлоз, начавший публиковать в своем журнале «Серафиту», отказался печатать продолжение романа, ибо читатели ничего не могли понять в этой «несусветной галиматье». Верде «берет произведение» и выпускает его вместе с «Луи Ламбером» и «Изгнанниками» в одном томе под общим названием «Мистическая книга». Разрыв со всемогущим Бюлозом казался сущим безумием. Но Верде не скупится на объявления, а ссора с прежним издателем, о которой раструбили газеты, послужила неплохой рекламой. Первое издание «несусветной галиматьи» быстро расходуется. Вновь появляется надежда. «Таких книг, как «Горио», можно написать много; «Серафиту» создают только раз в жизни».

Но три месяца спустя наступило разочарование: «„Мистическая книга“ особого успеха тут не имеет. Второе издание распродается туго». Госпожа де Берни писала из своего уединения суровые письма.

Только она одна имела мужество говорить мне прямо, что речь ангела смахивает на речь гризетки; начало книги казалось мне хорошим, но теперь, когда появился конец, оно выглядит мелким, и я сам вижу, что нужно нарисовать обобщенный образ женщины, как я это делал, создавая другие образы произведения. К несчастью, мне понадобится полгода для этой переделки, а тем временем люди с возвышенной душой станут упрекать меня за погрешности, которые бросаются в глаза.

Правда, ревностный католик Томасси, прочитав «Серафиту», приехал в столицу, чтобы обнять Бальзака; правда, выдающийся ученый Жоффруа Сент-Илер, которым некогда так восхищался юноша Бальзак, взял эпиграфом для своего капитального труда «Синтетические, исторические и физиологические понятия натурфилософии» фразу, заимствованную из «Мистической книги»: «Наука едина, а вы расчленили ее». При этом ученый прибавил: «Я обязан этим эпиграфом одному из величайших писателей нашего века». Однако госпожа Ганская, которой была посвящена книга, получив рукопись, переплетенную в лоскут материи, отрезанный от ее серого платья, «так легко соскользнувшего на паркет» в Женеве, хранила молчание, тревожившее автора. Грозная тетушка Розалия Ржевусская, по-прежнему враждебно относившаяся к французу, любовнику Эвелины, посеяла в душе Ганской сомнения в ортодоксальности «Серафиты»! В конце концов Ева написала об этом Бальзаку. Он возмутился: «Ни один из авторов религиозных книг не доказывал с большей энергией существование Бога». Разумеется, Сведенборг не исповедовал религию апостола Петра и Боссюэ. «Ваша тетушка напоминает мне убогого христианина, который, увидя, что Микеланджело рисует в Сикстинской капелле голую женщину, с возмущением спрашивает, как это папы позволяют украшать стены собора Святого Петра столь возмутительными изображениями?.. Путь к Богу лежит через веру более возвышенную, чем вера Боссюэ; это вера святой Терезы и Фенелона, Сведенборга, Якова Бёме и Сен-Мартена».

Короче говоря, Эвелина исповедует догматы римско-католической церкви; Бальзак — последователь Сведенборга, но он рассматривает католицизм как поэзию и «могучее оружие в борьбе духа и плоти». Разве не доказывает «Лилия долины», что Бальзак признает величие римской церкви не меньше, чем та, что стремилась «обратить его в истинную веру»? Отныне он отваживается полемизировать с владелицей Верховни, соблюдая, однако, при этом должную учтивость и постоянно напоминая о своей любви.

УТРАЧЕННЫЕ ИЛЛЮЗИИ

Все, что делаешь, надо делать хорошо, даже если совершаешь безумство.

Бальзак

Всем членам «небесного семейства» была присуща общая черта — невероятная способность создавать себе иллюзии. Они предпочитали свои упования реальности и, точно дети, не умели отделять воображаемое от действительного. Таков был Бернар-Франсуа, такой была Лора, таким — в тридцать семь лет — оставался и Оноре. Он не без некоторого самолюбования признавал это сам. Подобная эксцентричность была удобна, а порою служила прекрасным извинением. Зюльма Карро, которой дружеская привязанность не мешала трезво судить о Бальзаке, говорила: «Бедный Оноре, химера, за которой он вечно гонится, неизменно ускользает от него!»

Все друзья Бальзака — Готье, Гозлан, Верде — рассказывали невероятные, часто приукрашенные истории о его сумасбродных начинаниях. Он признавал свой недостаток, но старался оправдать себя в глазах госпожи Ганской, которая упрекала Оноре в том, что в делах его постоянно надувают, между тем как в своих произведениях он выказывает необычайную проницательность.

Увы! Разве вы любили бы меня, если бы я постоянно не оказывался жертвой надувательства?.. Дни и ночи, напрягая все силы и способности, я работаю: пишу, изображаю, описываю, вспоминаю; я медленно, с трудом взмахивая ранеными крыльями, пролетаю над духовными областями литературного творчества; как же я могу стоять обеими ногами на житейской почве? Когда Наполеон находился в Эслинге, он не мог присутствовать в Испании. Если человек не хочет быть обманутым в житейских делах, в дружбе, в своих начинаниях, в отношениях всякого рода, он не должен, любезная графиня и затворница, живущая в уединении, заниматься ничем иным, он должен быть только финансистом, или светским человеком, или деловым человеком. Разумеется, я отлично вижу, что меня обманывают или собираются обмануть, что тот или иной человек предаст меня, либо вот-вот предаст, либо поспешно скроется, вырвав у меня клочок шерсти. Но в ту минуту, когда я это предчувствую, предвижу или узнаю, мне нужно сражаться в другом месте. Я обнаруживаю козни именно тогда, когда я полностью

поглощен творчеством, судьбой книги, спешной работой, которая пойдет прахом, если я не закончу ее в срок. Часто я достраиваю хижину, освещенную заревом пожара, в котором сгорает один из моих домов.

Блистательная защита и, в сущности, убедительная. У него были «золотые» идеи. Почти все деловые начинания, в которых он потерпел неудачу, принесли богатство другим людям: не только словолитня и спекуляции земельными участками, но и переиздания классиков, и реклама парфюмерных изделий. Однако дело в том, что художник творит в мире, где он подобен божеству; когда же он вынужден бороться со случайностями и препятствиями, созданными не им, он тотчас ищет спасения в творчестве, где самые тяжелые его неудачи оборачиваются великолепными сюжетами. Лора Сюрвиль описывает, как брат иногда приходил к ней — угрюмый, подавленный, с пожелтевшим лицом. И начинал рассказывать о своих новых затруднениях:

— Я погибаю, сестра!

— Пустяки! С такими произведениями не погибают,— отвечала Лора.

— Ты права, черт побери! Такие книги заставляют жить... К тому же слепая фортуна может улыбнуться Бальзаку, ведь улыбается же она даже глупцу... А ну как один из моих друзей миллионеров (у меня есть такие) или какой-нибудь банкир, не знающий, куда девать деньги, возьмет да и скажет: «Мне ведом ваш огромный талант и ваши невзгоды; вам нужна такая-то сумма, чтобы почувствовать себя независимым; примите же ее без боязни, впоследствии вы со мной рассчитаетесь, ваше перо стоит моих миллионов».

И тут же от грядущего он переходил к настоящему. Банкир уже спас его: «Ведь это немало — сказать себе: *Я спас самого Бальзака!*.. И Бальзак независим! Вы еще увидите, любезные мои друзья и любезные мои недруги, как быстро он зашагает вперед!» И грезы или роман развивались дальше. Вот Бальзак уже член Академии. Оттуда до палаты пэров всего один шаг. Став пэром, он сделается затем министром, дела в его министерстве пойдут превосходно; и он снова мысленно возвращался к банкиру, который помог ему выйти из трудного положения. «Он уготовит себе прекрасное будущее. О нем станут говорить: „Этот человек понял Бальзака, поверил в его талант, ссудил ему деньги и помог достичь славы, которой сей писатель заслуживает. Честь ему и хвала”».

В начале 1836 года Бальзак сильно нуждался в таком человеке, который снабдил бы его деньгами. 11 декабря 1835 года весь тираж третьего десятка «Озорных рассказов», принадлежавший автору и хранившийся на улице По-де-Фер, сгорел во время пожара. Тяжелая потеря для человека, который и без того находится в отчаянном положении. Бальзак вконец рассорился с Бюлозом, он возбудил процесс против этого издателя в связи с тем, что роман «Лилия долины» был без согласия автора перепечатан в Санкт-Петербурге; писатель стал мишенью для враждебных статей и лживых заметок многочисленных журналистов, находившихся на жалованье у Бюлоза; кроме того, ему не давала покоя вдова Беше. И Бальзаку захотелось иметь трибуну, откуда он мог бы отвечать на все нападки. Как раз в это время продавалась газета «Кроник де Пари», небольшой легитимистский листок, почти не имевший читателей. Газета эта принадлежала человеку сомнительной репутации, Уильяму Даккету, печатали ее типографы Бетюн и Плон. 24 декабря 1835 года Бальзак вместе с Максом Бетюном и Уильямом Даккетом образовал акционерное общество по изданию «Кроник де Пари». Даккету принадлежала восьмая часть акций, Бетюну — столько же, шесть восьмых оставил за собой Бальзак. Надо сказать, что газета была приобретена всего за сто двадцать франков, ибо, не имея ни подписчиков, ни материальных ценностей, она, по существу, ничего не стоила. Но Бальзак принял на себя обязательство предоставить оборотный капитал в размере 45 000 франков для издания газеты: нечего и говорить, что такой огромной суммой он не располагал.

Судя по всему, эта затея была делом безнадежным, но в уме Бальзака она тотчас же превратилась в блестящее начинание. Во-первых, он каждый месяц будет давать в газету свой рассказ, что привлечет подписчиков. В новом органе станет сотрудничать Виктор Гюго. Гюстав Планш, повздоривший с Бюлозом, будет вести отдел литературной критики. Жюлю Сандо поручили пригласить в газету Теофиля Готье, талант которого был замечен Бальзаком; вскоре он превратит Теофиля в одного из «коней» своей конюшни. Сердце Готье сильно колотилось, когда его принял Бальзак, облаченный в свою сутану из белого кашемира с капюшоном. Про-

славенный романист дружески заговорил с молодым писателем, а тот любовался его атлетической шеей, наминавшей колонну, носом необычной формы, высоким и благородным лбом, а главное — его глазами, «глазами, взгляда которых не выдержал бы даже орел, глазами, способными видеть сквозь стены, читать в сердцах, глазами властелина, ясновидца, укротителя».

Готье обещал дать статьи. Газетный король Бюлоз в бешенстве. «Планш, — говорил он, — обнимается с Бальзаком, которого, как вам известно, терпеть не может, и целует в зад Гюго, которого прежде поносил! Превосходный альянс!.. Неужели вам не смешно?» Однако Бальзак относился вполне серьезно к «Кроник де Пари». Опираясь на этот «влиятельный орган», каковым он будет полновластно распоряжаться, он сможет наконец сделать карьеру политического деятеля, о которой давно мечтал. Но главное — «золото потечет рекой», он будет иметь по крайней мере 20 000 франков в год, ибо Бальзак — директор издания станет по-королевски расплачиваться с Бальзаком-редактором, а Бальзак-администратор станет получать, кроме того, приличное жалованье. Таким образом, все проблемы будут разрешены. Оставалось только одно препятствие: нужны были наличные деньги, чтобы сняться с якоря. Ну, за этим дело не станет! Добрый ангел семьи, госпожа Делануа, ссудила 15 000 франков. «Дело пойдет на лад, — писал Бальзак Лоре. — Передай славному Сюрвиллю, что первый шаг к власти уже сделан». Как все чудесно устраивается! «Славный Сюрвиль» разработал проект нового канала; это предприятие должно было принести ему 200 000 франков. Сделавшись влиятельным политическим деятелем, Бальзак добьется утверждения проекта и разделит доходы со своим зятем. Они все разбогатеют. Они уже были богачами... в воображении.

Первый номер «Кроник де Пари» появился 1 января 1836 года. Виктор Гюго, Гюстав Планш, Альфонс Карр, Теофиль Готье, Шарль де Бернар вошли в состав новой блестящей редакции. Анри Монье, Гранвиль, Домье обещали карикатуры. Будущий министр Бальзак оставил за собой хронику международной политики. Он пригласил к себе в качестве секретарей для подготовки материалов двух молодых аристократов, нуждавшихся в деньгах не меньше, чем он сам: то были маркиз де

Беллуа (Бальзак называл его Кардиналом) и граф Фердинан де Граммон. На деле же Бальзаку одному приходилось заниматься газетой, и он справлялся с этим легко. Каждую субботу он приглашал своих сотрудников к себе на изысканный обед: зажаренный скорок, зук в сухарях, фрикандо из телятины, осетровое филе, спаржа, ананасы. Эти пиры происходили в доме, за который уже давно не платили. Гостеприимный хозяин, напоминая «атамана вольницы», тщетно требовал статей: они никогда не бывали готовы в срок. Собравшиеся пели, смеялись, Альфонс Карр венчал голозу Оноре бумажными розами. А когда приглашенные и метрдотель удалялись, Бальзаку приходилось «выполнять работу всей редакции газеты» — иначе говоря, чуть ли не одному готовить весь номер.

Что за важность! Зато славно посмеялись. Бальзак любил веселье и понимал толк в шутках. С особым удовольствием он сочинял «приблизительные» поговорки. Наиболее удачные он аккуратно записывал: «Случай хватов плодит», «Пей, да мимо рта не лей», «Скажи мне, кто твой друг, я скажу, кто твой враг». Если кто-либо из друзей придумывал забавный вариант, раскатистый смех сотрясал внушительное брюшко Бальзака. Игру слов — любит пустослов? Возможно, но человек, который вынашивает в мозгу целый мир, вправе хоть на один вечер сбросить с плеч свое бремя. К тому же шуточные поговорки он, подобно всему прочему, бросал в тигель «Человеческой комедии», и позднее мы услышим их из уст ученика живописца Мистигри («Первые шаги в жизни»).

В январе — феврале 1836 года Бальзак работает лихорадочно, но все, что создано им, превосходно. В эти месяцы он публикует в «Кроник де Пари» несколько новелл — одни написаны специально для газеты, другие лежали в ящиках его письменного стола; это «Обедня безбожника» (он мастерски изобразил в ней под именем Депенна знаменитого хурурга Дюпюитрена), «Дело об опеке», «Фачино Кане», рассказ старого врача из «Неведомых мучеников». «Никогда еще уносящий меня поток не был столь стремительным; никогда еще столь чудовищно величественное произведение не овладевало человеческим мозгом. Я сажусь за работу, как игрок за игорный стол».

И самое удивительное было то, что, как ни быстро работал Бальзак, подстегиваемый необходимостью, качество его произведений неизменно оставалось высоким. Даже политические статьи были написаны с блеском. Он высмеивал близких к правительству журналистов, которые разглагольствовали об «идеях» Тьера и Гизо: «И у господина Гизо, и у господина Тьера есть только одна идея — управлять нами... Господином Тьером всегда владела только одна мысль: он постоянно думал лишь о господине Тьере... Господин Гизо подобен флюгеру, который венчал одно за другим три здания; господин Тьер подобен флюгеру, который, несмотря на свою ненадежность, остается на одном и том же сооружении».

Блестящая, задиристая газета «Кроник де Пари», казалось, могла рассчитывать на успех. Поначалу число подписчиков росло «с чудесной быстротой», утверждал Бальзак, всегда тяготевший к превосходной степени. Но слово «чудесный» на поверку оказывалось только поэтическим вымыслом. В январе прибавилось сто шестьдесят подписчиков, в феврале — сорок, в марте — только девятнадцать, а в июле — всего лишь семь. Но Бальзак все еще не пробуждался от грез. 26 марта он послал госпоже Ганской следующую реляцию о победе:

Во мне всегда жило нечто, заставлявшее меня поступать не так, как другие; вот почему моя верность, быть может, диктуется гордыней. С самого начала я мог рассчитывать только на свое «я» и потому был вынужден растить, укреплять это «я». Такова вся моя жизнь, жизнь, лишенная заурядных удовольствий. Ни один из окружающих меня людей не захотел бы так жить, даже «ради славы Наполеона и Байрона, вместе взятых», говорил де Беллуа... Я игрок, бедняк в глазах окружающих, но раз в году я ставлю на карту все свое состояние и одним ударом возвращаю себе то, что другие пускают по ветру!.. Разве я вам не говорил в Женеве, что не пройдет и трех лет, как я начну возводить здание своего политического могущества? Не повторил ли я вам этого в Вене? Так вот, «Кроник» — это то же самое, чем был в свое время «Глобус» (та же идея), но только моя газета занимает место на правом фланге, а не на левом; в ней воплощена новая доктрина роялистской партии. Мы представляем собой оппозицию и проповедуем неограниченную власть, а это значит, что когда дойдет до дела, то мы не всгупим в противоречия с нынешними своими заявлениями. Я главный редактор этой газеты, которая выходит два раза в неделю форматом в одну четвертую долю листа... Я вложил в это предприятие 32 000 франков, и, если число подписчиков превысит две тысячи, вложенный мною капитал будет приносить 20 000 франков годового дохода, не считая гонорара за статьи, которые оплачиваются очень хорошо, и жалованья редактора. У нас

ватит средств на два года... Не правда ли, какое грандиозное начинание? Я стою во главе газеты три месяца, и с каждым днем мое влияние и авторитет возрастают.

Несмотря на свое «весьма прочное» финансовое положение (он не сомневался, что без труда продаст за 16 000 франков шестнадцать из принадлежавших ему акций газеты «Кроник», сохранив при этом в своих руках контрольный пакет; кроме того, он рассчитывал получить 3000 франков за новое издание «Озорных рассказов» и еще 24 000 франков в тот день, когда он наконец освободится от кабальных обязательств перед госпожой Беше, вручив ей последний том «Этюдов о нравах»; таким образом, ему предстояло получить 43 000 франков в Банке химер), Бальзак признавал, что, хотя теоретически он был настоящим богачом, практически ему никак не удавалось сводить концы с концами и он не мог выкупить из ломбарда столовое серебро.

Я должен заплатить 3000 франков, а у меня их нет. 31-го мне нужно иметь 8400 франков. До сих пор, чтобы с честью выходить из положения и расплачиваться со всеми, я пускал в ход последние свои ресурсы, но теперь они исчерпаны. Я — как Наполеон во время битвы при Маренго. Надо, чтобы подоспел Дезэ, чтобы Келерманн бросился в атаку и все разрешится. Люди, которые собираются приобрести шестнадцать акций «Кроник» за 16 000 франков, должны у меня обедать. Вы сами знаете, что дают в долг и доверяют только богатым. В моем доме все дышит роскошью, довольством, благополучием преуспевающего художника. Если на столе будет серебряная посуда, взятая напрокат, все пойдет прахом; ведь посредником выступает живописец, человек лукавый и проницательный, с острым взглядом, как у Анри Монье; он сразу обнаружит все изъяны, все уязвимые места, почувствует, что тут пахнет ломбардом, который ему известен лучше, чем всякому другому. И тогда — прощай выгодная сделка!.. В Париже я ни у кого не могу попросить денег взаймы, ибо меня считают богачом, это подорвет мой престиж, и все погибнет. Мне все так легко удалось с «Кроник де Пари» потому, что я пользуюсь широким кредитом. Я мог держаться независимо, чувствовать себя хозяином положения. А теперь пришпорьте свое воображение и представьте, что ко всему еще я нахожусь в непрестанном горении, что душу мою сжигает пламень, и скажите сами — разве это не драма? А мне надо быть великим финансистом, человеком хладнокровным, мудрым, осмотрительным, надо!.. Больше я ничего не прибавлю; но вчера один из моих друзей с полным основанием заметил: «Когда будут воздвигать вам памятник, надо статую отлить из бронзы, это лучше всего покажет, какой вы человек!»

И в самом деле, только «человек, отлитый из бронзы», мог выдержать такую напряженную работу и та-

кие волнения. К несчастью, новеллы и статьи для «Кроник де Пари» поглощали все время Бальзака, и он не успевал ничего делать ни для Верде, ни для госпожи Беше. Она была вне себя; ведь наша вдова собиралась вторично выйти замуж, «покинуть книгоиздательское дело ради семейного счастья» и стать госпожой Жакийя; вот почему она хотела поскорее покончить все дела с Бальзаком. В свое время она проявила неосторожность и уплатила ему деньги вперед. Но кто, будучи «главным редактором» газеты, которая оценивается в 90 000 франков, станет трудиться над романом, чтобы получить жалкие 500 франков? Увы! Даже его компаньоны по «Кроник» пали духом. Даккет в мае продал свои акции, на них не нашлось других покупателей, кроме Бальзака и Верде, причем уплатили они главным образом векселями. Судебная тяжба из-за «Лилии долины» требовала расходов на судебные издержки. Где взять деньги? Надо надеяться, что банкиры, ослепленные роскошным обедом, принесут 16 000 франков в обмен на шестнадцать акций. Обед и впрямь был царским, но банк почему-то заупрямился.

Бальзак — госпоже Ганской, 20 марта 1836 года:

Никогда еще я не чувствовал себя столь одиноким, никогда еще я так ясно не сознавал, что трудам моим не будет конца. Здоровье мое сильно пошатнулось, я уже не надеюсь вновь обрести тот молодежавый вид, которым я имел слабость гордиться. Словом, теперь все ясно. Раз уж человек в моем возрасте не успел вкушать полное счастье без всяких оговорок, то если даже когда-нибудь в будущем ему представится возможность омочить губы в чаше блаженства, натура этому воспротивится! Седые волосы вряд ли приблизят час радости. Как видно, жизнь сыграла со мной весьма горькую шутку. Мои честолюбивые замыслы рушатся один за другим. Политическая власть? Какая малость! Природа создала меня для любви и нежности, а по воле судьбы мне приходится только описывать свои желания, вместо того чтобы их удовлетворять.

Да, все надежды Бальзака рассеивались одна за другой. Разве мог он по-прежнему мечтать о близком триумфе, когда все вокруг него разбежалось, точно крысы с тонущего корабля? После Даккета из газеты ушли оба молодых секретаря. Бальзак теперь совсем один, он не знает, за что раньше приняться. Все блестящие планы рухнули: газета «Кроник де Пари», новое издание «Озорных рассказов», обводный канал на Луаре.

Химеры, эти капризные и свирепые чудовища, расправляли свои крылья. Один только славный доктор Наккар сохранял мужество и ссужал Бальзаку небольшие суммы, которые позволяли писателю хотя бы не голодать. Врача тревожило самочувствие его друга и пациента; постоянные заботы и недосыпание подтачивали здоровье «милого Оноре», терзали его разум, портили характер. «В отчаяние я не впал, но сильно удручен, и это сводит меня с ума».

Супруги Шенбург, австрийские друзья госпожи Ганской, на редкость некстати поселили в доме Бальзака на улице Батай одного из своих сыновей; чтобы избавиться от их общества, писатель вновь переехал на улицу Кассини, в квартиру, которую освободил Сандо. Там 23 апреля он был задержан: Бальзаку уже давно угрожало тюремное заключение, которому его решили подвергнуть «бакалейщики» из национальной гвардии и «этот подлый дантист, который соединяет свое свирепое ремесло с ужасными обязанностями старшего сержанта», за то, что писатель отказывался выполнять «свой долг солдата-гражданина». Бальзак был доставлен на набережную Бернарден в особняк Базанкур, превращенный в арестный дом парижской национальной гвардии. Сначала он был вне себя от гнева, и не без основания. Как? С ним, Бальзаком, которого отличал сам австрийский канцлер фон Меттерних, с писателем, которого читают во всем мире, во Франции обращаются как с преступником — и все это по милости генерального штаба лавочников?! Тюрьма показалась ему ужасной: скученность, грязь. Но потом он довольно быстро оценил живописность своего положения. Он добился свечей, отдельной камеры, «откуда был виден клочок голубого неба», стола, стула, кресла и принялся за правку корректуры «Лилии долины». Достаточно ему было погрузиться в свои мысли, отгородиться от окружающей действительности, приняться за работу, и он уже больше не страдал.

Верде, вызванный писателем в арестный дом, принес немного денег. Бальзак оставил его обедать вместе с редактором газеты «Котидьен». Трапеза прошла очень весело. На следующий день Верде по просьбе Бальзака привел с собою Сандо, Реньо, Гюстава Планша, Альфонса Карра. Теперь в камере Бальзака было полным-полно снеди; поклонницы присылали розы. «Ап укпown

friend»¹ передал через привратника белокурую прядь волос, продетую в золотое кольцо. Бальзак писал «таинственной» Луизе: «Ваши цветы благоухают у меня в темнице; не могу даже выразить, какую радость они мне доставляют!» Впоследствии золотых дел мастер Лекуэнт изготовил из драгоценностей, полученных необычным узником, седьмую трость Бальзака. Обеды писателю приносили от Шева и Вефура; платил за них Верде. Бальзак пробыл в заключении три дня и потратил за это время 575 франков.

Тяжба с Бюлозом из-за «Лилии долины» все еще не была окончена. «Надо ждать решения еще неделю, если только разбор дела опять не будет отложен. С новым изданием «Озорных рассказов» также пока ничего не выходит; акции «Кроник де Пари» продаются туго. Таким образом, трудности мои возрастают. Два месяца я занимаюсь делами и почти ничего не пишу; целых два месяца потеряны, иначе говоря, «курица, несущая золотые яйца», вышла из строя. Я не только совершенно обескуражен, я истощил свое воображение, и оно требует отдыха». Это было самым серьезным. Великолепный мозг Бальзака, единственный капитал, которым он владел, отказывался ему служить. Самое большее, на что был в ту пору способен писатель, — это читать корректуры «Лилии долины». Бетюн, ведавший делами «Кроник», бил тревогу. Новых подписчиков не прибавлялось, а прежние не возобновляли свою подписку. «Газета «Кроник де Пари» — дело обреченное, безнадежное».

Бальзак — госпоже Ганской, 16 мая 1836 года:

За последние три дня во мне произошла очень большая перемена. Честолюбивые устремления исчезли. Я больше не хочу добиваться влияния с помощью палаты депутатов или журналистики. Отныне все мои усилия будут направлены на то, чтобы избавиться от «Кроник де Пари». К такому решению я пришел, побывав на двух заседаниях палаты депутатов. Глупость ораторов, бессмысленность дебатов, почти полная невозможность одержать триумф среди столь жалкого сборища посредственностей вынуждают меня отказаться от мысли иметь дело с этой говорильней иначе как в качестве министра. Итак, через два года я попробую пушечными выстрелами открыть себе двери в Академию, ибо академики могут стать пэрами; я постараюсь скопить достаточно большое состояние, чтобы попасть в верхнюю палату и прийти к власти, опираясь на власть.

¹ Неведомый друг (англ.).

Все это было превосходно для Бальзака, оседлавшего новую химеру, но отнюдь не для акционеров и кредиторов «Кроник де Пари». Сотрудники газеты донимали его просьбами о деньгах. Даккет угрожал сделать его банкротом, и Бальзак вздыхал: «Жизнь слишком тягостна; она не приносит мне никакой радости». Редкое признание в устах человека, настроение у которого так быстро поднималось. Правда, в эти дни судьба позволила ему взять реванш. Процесс, связанный с романом «Лилия долины», кончился неудачно для Бюлоза. Вынесенное решение осуждало журнал «Ревю де Пари», который незаконно воспользовался корректурами, не снабженными авторской пометкой «к печати». Бальзак был очищен от преследовавшей его клеветы, он получил множество поздравительных писем. Шум, связанный с процессом, послужил превосходной рекламой для книги. Верде за два часа продал 1800 экземпляров из выпущенных им 2000 экземпляров.

Двенадцатого июня — новая неожиданность. Госпожа Беше, которой не терпелось сменить книжную лавку на счастливый семейный очаг, вручила писателю через судебного пристава предписание, обязывавшее Бальзака в двадцать четыре дня представить два тома для «Этюдов о нравах»; за каждый просроченный день ему угрожал штраф в размере пятидесяти франков. Это была катастрофа, но вместе с тем и удача, ибо свирепость вдовы Беше была великолепным предлогом для того, чтобы бежать из Парижа, от Бетюна и «Кроник де Пари», уехать в Саше и «там, в долине реки Эндр, написать за двадцать дней два тома для этой особы и таким образом избавиться от нее... Итак, я вновь вступаю в жестокую битву: надо выплачивать проценты по обязательствам и писать книги! Я должен выполнить последний из моих договоров, ублажить госпожу Беше и создать прекрасную книгу. В моем распоряжении всего двадцать дней! И все же это будет сделано! «Наследники Буаруж» и «Утраченные иллюзии» будут написаны за двадцать дней!»

«Наследники Буаруж» навсегда остались в «папке незавершенных замыслов», но «Утраченные иллюзии» (первая часть) действительно были созданы за двадцать дней, и Бальзак не написал ничего лучше этой книги. Невзгоды только обостряли его талант, и никог-

да еще тема произведения не была ему так близка. Он мог выразить в нем свою горечь и печаль. Первоначальный замысел: сравнение провинциальных нравов с нравами столицы. Автор хотел развеять иллюзии, которые питают жители провинции относительно друг друга; он хотел описать молодого человека, считающего себя большим поэтом, и женщину, которая сначала поддерживает в нем эту уверенность, а затем, в Париже, бросает его без денег и покровителей. Но когда Бальзак вплотную приступил к работе, новые эпизоды и персонажи стали возникать с такой быстротой, что первая часть «Утраченных иллюзий» одна заполнила два тома, которые он обязан был представить госпоже Беше. Вторая часть романа должна была появиться позднее. «Когда автору удастся закончить свое полотно? — писал Бальзак в предисловии. — Он этого не знает, но непременно закончит его».

Первая часть «Утраченных иллюзий» — это история Люсьена Шардона, небогатого молодого человека из Ангулема, красивого, как ангел, который принимает девичью фамилию матери (урожденной Шарлотты де Рюбампре); автор описывал необычайную преданность, которую выказывали этому очаровательному эгоисту сестра Ева и его будущий зять, типограф Давид Сешар; рассказывал о любви между Люсьеном и госпожой де Баржетон, о том, как эта дама увезла своего возлюбленного поэта в Париж, где вдали от родного города он будет добиваться успеха. Но Бальзак вскоре понял, что непременно напишет продолжение еще более значительное — «Провинциальная знаменитость в Париже», книгу, которая станет «поэмой о его собственной борьбе и разбитых мечтах», как назвал ее Антуан Адан; и все-таки «прежде всего он думал не о себе самом», а о Жорж Санд и Сандо, которых горькое разочарование друг в друге так быстро разлучило. Бальзак, разумеется, многое смещал в романе. Анаис де Баржетон походила скорее не на Жорж Санд, по-настоящему талантливую писательницу, а на Розу де Сен-Сюрен, художницу и поэтессу с красивыми глазами, у которой был литературный салон в Ангулеме, позднее она разошлась с мужем и обосновалась в Париже.

Описывая любовь между юным Люсьеном и женщиной, которая старше его на пятнадцать лет (Рюбампре

в начале произведения двадцать один год, Анаис де Баржетон — уже тридцать шесть), Бальзак, должно быть, время от времени вспоминал о госпоже де Берни. Но великий писатель всегда запутывает следы. Внешне на самого Оноре похож типограф Давид Сешар, а не Люсьен: у Давида полное смуглое лицо, толстая шея, широкий нос с ложбинкой на конце; лицо его озарено сиянием гения, готового воспарить, но «близ вулкана приметен и пепел». Люсьен — блестящий юноша, дерзновенный, несмотря на мягкие манеры и почти женские бедра. Его легко принять за переодетую девушку. «В этой уже давней дружбе один любил до идолопоклонства, и это был Давид». Впоследствии он разорится из-за Люсьена.

Роман опирался на глубокое знание социальной жизни провинции. После своего пагубного опыта Бальзак хорошо разобрался в типографском деле и связанных с ним проблемах. Тайные пружины, управляющие жизнью Ангулема, обнажила перед ним умная и проницательная Зюльма. Интуиция помогла писателю проникнуть в нравы, царившие в каждой части Ангулема, разделенного надвое — на верхний и нижний город. Старый город, построенный из стратегических соображений на вершине скалы, еще с феодальных времен стал средоточием дворянства, здесь размещаются также все присутственные места. Однако крепостные валы, окружавшие верхний город, не позволяли ему расширяться. У подножия скалы по берегам Шаранты выросло промышленное и богатое предместье Умо — целый город с писчебумажными фабриками, оружейным заводом, кожевенными заводами и прачечными. «Наверху знать и власть — внизу купечество и деньги: два постоянно и повсюду враждующих общественных слоя». Люсьен, выходец из Умо, устремляется на приступ Ангулема, в этом завязка драмы. Образы и воспоминания, собранные в кладовых памяти, возникают как раз тогда, когда художник нуждается в них, они стекаются к нему из разных периодов его жизни, из всех мест, где он побывал.

Бальзак написал два этих томика в небольшой комнате в Саше, где прошли, по словам Жана Дютака, «самые возвышенные часы его духовной жизни; тут он в свое время написал „Луи Ламбера“; грезил о „Сера-

фите", задумал „Отца Горио"». Бальзак писал: «Я вновь вижу прекрасные деревья, на которые столько раз смотрел, пытаюсь выразить свои мысли. Сейчас, в 1836 году, я недалеко ушел от 1829 года: я по-прежнему в долгах и неустанно работаю! И по-прежнему чувствую в себе юношеские силы, а мое сердце — по-прежнему сердце ребенка». Но нет! Он далеко ушел от 1829 года; теперь в его мозгу жил целый мир созданных им существ, и он провидел их будущие судьбы. Ему предстояло еще выполнить гигантский труд. Думая о громадной фреске, которую он замыслил написать, Бальзак испытал внезапное желание отказаться от столичной жизни, поселиться в коттедже где-нибудь в Турени и там, в покое, завершить свою эпопею. Лоре д'Абрантес, которая сетовала на его молчание, он писал: «Вы ведь знаете; людям на поле боя некогда предаваться беседе или сообщать своим друзьям, что они еще живы, еще не умерли». Этот бешеный труд убивал его. 26 июня, когда Бальзак прогуливался в парке Саше, кровь внезапно прихлынула к его голове и он упал у подножия дерева. Перед этим он за несколько дней написал половину первой части «Утраченных иллюзий», и это чудовищное напряжение «послужило причиной кровоизлияния». На следующий день он почувствовал себя лучше, остался только шум в ушах. Бальзак нашел в себе силы дописать нужное число страниц, чтобы утихомирить вдову Беше, ставшую госпожой Жакийя. Наутро после приступа он написал Эмилю Реньо чисто раблезианское письмо: «А теперь целую вас в глаз и желаю, чтобы у вас все шло хорошо в нижних сферах, столь любезных вашему сердцу».

Герой романа Люсьен де Рюбампре — поэт, и автору надо было привести несколько образцов его творчества.

Бальзак — Эмилю Реньо:

Передайте, пожалуйста, милейшему Шарлю де Бернару, что мне понадобится для «Утраченных иллюзий» небольшая, весьма патетическая поэма в манере лорда Байрона... Будет очень мило, если он ее для меня напишет, потому что я совершенно не располагаю для этого временем. Мне потребуется также нечто в духе «Беппо» или поэм Мюссе «Намуна» либо «Мардош», произведения в сотню стихотворных строк. Для первой поэмы нужно две песни.

Шарль де Бернар был неплохой писатель, ученик и друг Бальзака, открывшего ему доступ на страницы «Ревю де Пари». Вот почему Оноре с такой бесцеремонностью просил Шарля написать для него поэму из двух песен в духе Байрона или Мюссе. Но Шарль де Бернар мог, разумеется, писать только в своем духе, и Бальзак использовал для книги старое стихотворение, которое он сам написал еще в 1824 году для «цветка Бенгалии», Жюли Кампи, родившейся от любовной связи госпожи де Берни и «свирепого корсиканца». Художник, подобно изобретателю, пускает в ход любой кусок железа, обнаруженный им среди обломков прошлого.

Бальзак просил Зюльму Карро побыстрее прислать ему подробное описание того перекрестка, где он хотел расположить типографию Сешара, и особняка, где он намеревался поселить Наис де Баржетон. «Если бы майор начертил для меня приблизительный план, было бы еще лучше... Я по-прежнему борюсь, барахтаюсь из последних сил, как тонущий, который боится вот-вот захлебнуться». 10 июля ему пришлось возвратиться в Париж, чтобы ликвидировать дела «Кроник де Пари». Когда газета перестала выходить, у Бальзака было 18 217 франков долга, который он должен был погасить в кратчайший срок; кроме того, он остался должен 24 000 франков госпоже Делануа и 5000 франков дядюшке Даблену. Он упал на землю с позлащенных облаков своей фантазии, и падение было весьма болезненным; но зато из своего одинокого полета он возвратился с первой частью самого прекрасного из его романов.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОМЕТЕЙ, или ЖИЗНЬ БАЛЬЗАКА

Части I—II

Часть первая. Перевод Я. Лесюка	7
Часть вторая. Перевод Н. Немчиновой	167

Моруа А.

М 79 Собр. соч. в шести томах. Том 3. Прометей, или Жизнь Бальзака. Части I—II. Пер. с фр. / Сост. и общ. ред. М. Н. Ваксмахера.— М.: Пресса, 1992.— 336 с.

ISBN 5—253—00562—5

Третий том Собрания сочинений Андре Моруа включает в себя роман-биографию, посвященный великому французскому реалисту XIX века, — «Прометей, или Жизнь Бальзака» (части I—II).

М 4703010100 — 2706 2706 — 92 84. 4 Фр.
080(02) — 92

Литературно-художественное издание

МОРУА Андре

Собрание сочинений в шести томах

Том третий

ПРОМЕТЕЙ, или ЖИЗНЬ БАЛЬЗАКА

Части I—II

Составитель

Морис Николаевич Ваксмахер

Редакторы С. А. Суркова, Г. Ф. Фролова

Оформление художников А. В. Лепятского, Л. В. Брылева

Художественный редактор Л. В. Брылев

Технический редактор К. И. Заботина

ИБ 2706

Сдано в набор 05.08.91. Подписано к печати 26.02.92. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Академическая». Печать высокая. Усл. печ. л. 17,64. Усл. кр.-отт. 18,27. Уч.-изд. л. 18,89. Тираж 770 000 экз. (3-й завод: 500 001—770 000). Заказ 2983. Цена 10 руб.

Набрано и сматрицировано в типографии издательства «Пресса», 125865 ГСП. Москва, А-137, ул. Правды, 24.

Отпечатано в типографии Российского государственного информационно-издательского центра «Республика». Полиграфическая фирма «Красный пролетарий». 103473. Москва, Краснопролетарская, 16.

